

ДРЕВНИЙ
ДОСТОК

Ереван 1983

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՈՄՍՏԻՄՈՒՆԻՍՏԻԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔ

4

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ

1988

9(3)
-73
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

4

10114

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1983

ББК 63.3(0)
Д-730

Печатается по решению ученого совета Института
востоковедения АН Армянской ССР

Редакционная коллегия:
Н. В. АРУТЮНЯН, И. М. ДЬЯКОНОВ,
Г. Х. САРКИСЯН

Д-730 Древний Восток, 4. Сб. статей / Ред. коллегия Н. В. Арутюнян и др. Ер., Изд-во АН АрмССР, 1983. Вып. 4. 316 с. 2 л. ил.

В очередном выпуске сборника издаются статьи советских, а также некоторых зарубежных специалистов по Древнему Востоку в области исследования истории, филологии и языков обществ древней Передней Азии (III—I тыс. до н. э.), отражающие новейшие достижения науки.

0504000000
Д—————26—83
703(02)—83

ББК 633(0)
9(М)

© Издательство АН Армянской ССР, 1983

И. М. ДЬЯКОНОВ

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ
В РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

(с конца IV по начало I тыс. до н. э.)

Этнические передвижения ранней древности и первобытной эпохи были весьма различными по характеру и, соответственно, весьма различно отражаются в наших археологических, письменных и лингвистических источниках. Можно предположить следующие основные типы изменения этнического состава для того времени.

1) Полное истребление первоначальных жителей и полная смена этнического состава в результате массового вторжения новых этнических групп. Такое явление было в то время мыслимо только, если первоначальное население было очень малочисленно и слабо в экономическом и военном отношении (например, бродячие или оседлые охотники; жившие небольшими группами немногочисленные скотоводы; жители изолированных малонаселенных оазисов). Даже после наиболее разрушительных нашествий поздней древности и средневековой эпохи, — таких как походы Аттилы или Чингиз-хана, — какая-то часть первоначального земледельческого населения, как правило, сохранялась в прежних местах своего обитания. Когда историки предполагают полную физическую смену носителей значительных земледельческих культур новым этносом, то они чаще всего благоразумно относят такие гипотетические явления к «темным периодам» истории, т. е. к тем, которые не засвидетельствованы никакими источниками. Другими словами, достаточных свидетельств о полной внезапной смене больших земледельческих этнических масс в ранней древности нет.

2) Полное выселение первоначальных жителей с полной же сменой этнического состава. Неоседлые скотоводческие и скотоводческие с подсобным земледелием племена могут создавать группы расселяющегося избыточного населения или даже полностью сниматься с первоначального места жительства под влиянием нашествия новых этнических масс, истощения пастбищ в результате нерационального выпаса стад в условиях неблагоприятного климата и т. п.¹. Полное выселение земледельческих и земледельческо-скотоводческих этнических масс — исключительная редкость, так как крестьянин, как правило, держится за землю до последней возможности. Если свободной территории для расширения земледельческой площади поблизости нет, население стремится интенсифицировать производство на той же или в крайнем случае на примыкающей территории.

3) Значительно чаще встречается в древней истории частичное (иногда весьма сильное) разреживание первоначальной популяции при вторжении новых этнических масс (примером может служить вступление в Палестину в XIII в. до н. э. новых семитических племен² и уничтожение Хеттской державы племенами-участниками великого восточно-средиземноморского передви-

¹ Необходимо обратить внимание на то, что пять дождливых лет подряд в зоне сухих тропиков, как правило, не могут иметь серьезных исторических последствий, в то время как пять засушливых лет подряд могут почти или полностью уничтожить целые ботанические популяции; а если на них базировался нерегулируемый выпас мелкого скота, то вскоре в таком месте степи необратимо возникнет пустыня. См. *R. L. Ralkes. Formation of Deserts in the Near East and Northern Africa. — „Arid Lands in Perspective“.* Tucson, Arizona, 1969, с. 147—154. К сожалению, при нынешнем состоянии археологических знаний как существование, так и исчезновение ранних скотоводов (докочевского периода, т. е. для Передней Азии примерно до XII в. до н. э.) прослеживаются с большим трудом. Методику лингвистического исследования доистории неоседлых скотоводов нужно признать еще слабо разработанной; в основном приходится опираться на письменные источники. При этом сколько-нибудь достоверных нарративных источников для III — начала I тыс. до н. э. очень мало, а эпистолярные и документальные рисуют только частные ситуации.

² Утверждения Библии (Чис. 21, 2—3 и др.; Ис. Нав. *passim*, IX—VIII? в. до н. э.) о полном уничтожении или изгнании (Чис. 33, 50 сл.) местного ханаанейского населения не подтверждаются лингвистическими данными; даже язык Библии называется все еще «ханаанейским» (Ис. 19, 18); многие грамма-

жения народов XIII—XII вв. до н. э.)³. Военные вторжения, осуществлявшиеся древними государствами конца бронзового — начала железного века также могли приводить к значительному разрежению первоначального населения⁴, но у нас нет ясных данных о том, чтобы эти завоевания приводили бы к коренным этническим метаморфозам.

4) Частичное насильственное смещение больших групп населения также было возможно и играло важную роль в этногенезе, но лишь в условиях существования сильных го-

тические и лексические формы древнееврейского языка — явно ханаанейские (gibbōr «муж, воин», вм. ожидаемого *gabbār, ср. гаппāb «вор»). Что касается данных археологии, то они указывают на массовую резню, сожжение и разрушение многих городов, на месте которых возникали жалкие хижины новопоселенцев, но из этого не вытекает вывод о полной смене населения; и действительно, о существовании ханаанеев после вторжения говорится в Библии же в конце Книги Иисуса Навина и в Книге Судей 1, 19—30.

³ Обстоятельства гибели Хеттского царства и его столицы Хаттусы неясны; возможно, что непосредственными разрушителями его были племена касков, мушков (восточных) и урумейцев, засвидетельствованные несколько позже (XII—IX в. до н. э.) в долине Верхнего Евфрата ассирийскими источниками. Именно когда в Малой Азии появились мушки северные (мосхи, вероятно, западное грузинское племя) и западные (фригийцы), пока точно сказать трудно: источниками ранее IX в. до н. э. они не засвидетельствованы, что, однако, дает лишь *terminus ante quem*. Археологически подтверждается разрушение и полное запустение хеттских городов; однако упоминаемые греческими источниками, начиная с V в., «каппадокийцы», или «белые сирийцы» на востоке Малой Азии были, по всей вероятности, остатками хеттов. Хетто-анатолийские народы (главным образом лувийской подгруппы) продолжали занимать также юг и часть запада Малой Азии в течение всего I тыс. до н. э., см. А. А. Королев, Хетто-лувийские языки.— Языки Азии и Африки, I, М., 1976, с. 45—46.

Подробнее о всех мушках см. И. М. Дьяконов, ПАН, по указателю.

⁴ Ср. действия хеттского царя Суппилулиумаса (XIV в. до н. э.), который по взятии столицы Митанни, города Вашшукжани, посадил вокруг него на колотысячи людей (любопытно, что в науке 20—30-х годов господствовал тезис, кое-где не вполне изжитый и до сих пор, об особой гуманности хеттов в связи с их принадлежностью к индоевропейцам). Некоторые подсчеты относительно результатов ассирийских походов X—IX вв. до н. э. в Верхнюю Месопотамию, сопровождавшихся резней жителей (И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, с. 86 сл.), показывают, что эта область потеряла значительно более 30% — возможно даже значительно более половины населения.

сударств и достаточно мощных средств принуждения. Массовые переселения жителей покоренных территорий были, по-видимому, впервые начаты хеттами примерно в XIV—XIII вв. до н. э., а затем производились ассирийцами и урартами в VIII—VII вв. до н. э.⁵ Переселения продолжались также при Ахеменидах и эллинистических царях, но далеко не в прежних масштабах и затрагивали главным образом жителей городов. При преимущественно сельскохозяйственном характере общественного производства в древности такие более поздние переселения не оказывали существенного влияния на этнический характер целых стран, хотя и оставляли известный слой чужеродных заимствований в языке (в области торговой, ремесленной, книжной лексики и т. п.) и могут быть выявлены также и археологическими средствами; впрочем, в большинстве случаев они освещены письменными источниками.

5) Выше, говоря о добровольном или вынужденном смещении этнических масс, мы говорили о возможности полной передвижки преимущественно неоседлых скотоводов, — как чистых кочевников, так и скотоводов с подсобным земледелием, и отмечали, что полное смещение собственно земледельцев почти никогда не наблюдается. Однако, если говорить о частичных добровольных перемещениях, то они возможны как для скотоводов, так и для земледельцев.

⁵ Существовавшая в царстве Урарту практика переселения этнических масс, в том числе переселений на весьма отдаленные расстояния, например из верхнеевфратской долины (района, в котором еще в XII в. до н. э. осели восточные мушки, т. е., предположительно, протоармяне) в Араратскую низменность, сыграла, вероятно, определенную роль в распространении армянского языка как языка взаимопонимания, а затем и единственного языка, по всему нагорью, подобно тому, как в результате таких же переселений в пределах Ассирийской державы языком взаимопонимания, а затем и единственным языком стал арамейский. Но для того, чтобы в условиях переселений именно армянский язык (а не какой-либо другой) мог играть роль языка взаимопонимания, необходимо было, чтобы он уже раньше стал таковым на стыке этносов. Таким стыком во II—начале I тыс. до н. э. была верхнеевфратская долина. Об этом будет подробнее сказано ниже. Но характерно, что роли государственного языка (по крайней мере письменного) армянский не играл вплоть до V в. н. э., т. е. до периода, когда он давно уже был не только общим, но и почти единственным языком нагорья.

а) Здесь нужно выделить как особый подпункт нашествия-набеги скотоводческих племен, совершавшиеся без женщин и с целью грабежа. Таковы были скифо-киммерийские нашествия на Переднюю Азию в VIII—начале VII в. до н. э. О том, что это были нашествия одних воинов, без женщин и без обоза, прямо говорил еще Геродот; это вытекает также из трудности преодоления перевалов Большого Кавказа с обозами при транспортной технике того времени. Поэтому в «скифских» могильниках разных частей Закавказья нередко «мужская» утварь (стрелы и другое оружие) — одинакова, а «женская» (например, керамика) — разная (т. е. изготовлялась в каждом месте по своим локальным традициям)⁶. Подобные нашествия-набеги, хотя и оказывали известное влияние на состав местного населения, не могли коренным образом менять его этнического характера. Поэтому неправ, например, Э. Кавеньяк, считавший киммерийцев (якобы — фракийцев по происхождению) тем элементом, который лег в основу прото-армянского этноса. Впрочем, и сама мысль о фракийском происхождении киммерийцев ошибочна, как уже указывалось В. И. Абаевым и мной⁷.

б) Другое характерное явление, особенно в ранней древности — это захват мелких государств («номовых», «го-

⁶ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959, с. 245; Е. И. Крупнов, О походах скифов через Кавказ, «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1968, с. 193; И. М. Дьяконов, ПАН, с. 26, прим. 35.

⁷ Ср. E. Cavagnac, L'origine des Arméniens, „Revue hittite et asiatique“ XXI, 1963, с. 47—54. Вопреки Кавеньяку, нет никаких серьезных оснований считать киммерийцев фракийским народом, помимо того, что (а) Геродот противопоставляет их «скифам», в смысле одного определенного иранского кочевого народа (группы племен); но точно так же противопоставляет он этих «скифов» и сакам, и массагетам, которые, как мы теперь знаем, в языковом, антропологическом и культурном отношении все относились к «скифским» (= восточноиранским) народам в широком смысле слова; (б) Страбон один раз (XIV, I, 40) называет треров «киммерийским» народом, между тем треров принято считать фракийцами, поскольку они вторглись в Малую Азию с запада. Но тот же Страбон называет Мадия, известного как скифа по надежному свидетельству Геродота (I, 103), то «скифом», то «киммерийцем». В археологическом отношении как «киммерийцы», так и «скифы», вторгавшиеся в Переднюю Азию в VIII—VII вв. до н. э., были народами «доскифской» (поздне-«срубной»?) культуры.

родов-государств») небольшими группами воинов-скотоводов. Возможность для такого захвата обычно создавалась привлечением скотоводов в качестве наемного войска местными династами. Использование наемного войска имело большие преимущества перед ранее существовавшими формами организации армии — содержанием профессиональных воинов путем выдачи им служебных наделов из царского земельного фонда с системой подмены воина «подсобником» во время действительной службы, или формированием разношерстного ополчения из всех способных носить оружие общинников; сбор такого ополчения нередко был сопряжен со значительными трудностями (как видно, например, из переписки ЗимриЛима, царя Мари в начале XVIII в. до н. э.). Привлечение наемников-скотоводов, однако, нередко кончалось захватом власти в государстве самими этими наемниками и созданием ими собственной династии, этнически чуждой местному населению (так повсюду в городах-государствах Нижней и Верхней Месопотамии конца XX—XIX вв. до н. э. возникли западно-семитские, так называемые аморейские династии. Вероятно так же возникли и первые хурритские династии в Верхней Месопотамии и Сирии и касситские — у устья р. Хабур и затем в Нижней Месопотамии, а позднее — индо-иранская династия в хурритском государстве Митанни и в некоторых связанных с Митанни городах государств Сирии и Палестины)⁸. Это явление, как правило, может быть прослежено лишь по письменным источникам; в археологических оно не оставляет практически никаких следов, в языковых — минимальные.

в) Добровольное смещение земледельческой популяции в результате ухода на смежные неосвоенные (или на заморские)⁹ территории может происходить при возникновении избытка населения, но по возможности без пропуска хотя бы

⁸ В других многочисленных хурритских государствах (например, в Киццувадне, Алалахе, Аррапхе) индо-иранцев, как показала А. Камменхубер (см. *A. Kammenhuber, Die Arter in Vorderen Orient, Heidelberg, 1969*), не было.

⁹ Сюда относится античная (финикийская и греческая) колонизация в 1-й половине I тыс. до н. э.; однако в смысле этнических перемен она затронула только побережья Средиземного и Черного морей.

одного целого сельскохозяйственного цикла. Естественно, что центр первоначального расселения остается занятым прежним этносом. Это явление, почти беспрецедентное в условиях существования достаточно крупных и стабильных древних государств, по-видимому, часто имело место в позднепервобытную эпоху и эпоху городов-государств, а именно, в тех случаях, когда на экологически особо благоприятной, но более или менее ограниченной территории удавалось создать сравнительно высокоразвитое хозяйство, в особенности с достаточной долей не только хлебного, но и мясного и молочного рациона в питании. При таком хозяйстве уже в эпоху позднего неолита, как видно по разнообразным археологическим материалам¹⁰, возможно было дойти до значительного, а затем и избыточного прироста населения, что способно вызывать стремление представителей данного этноса к выходу за пределы их исконной территории. Поскольку же окружающее население стоит на более низком хозяйственном уровне, а следовательно является более редким, то расселение земледельцев-скотоводов не стеснено и к тому же может происходить в сравнительно мирных формах, приводя не к истреблению или вытеснению, а к ассимиляции с местным населением новых осваиваемых земель. Возможен также случай, когда популяция на смежной территории и не является редкой, но заселены лишь отдельные земледельческие оазисы («городами-государствами»), и между ними остается достаточно пространства, не освоенного под скотоводство. Тогда наблюдаются те же самые результаты при условии, что переселяющиеся группы перейдут с земледельческо-скотоводческого на скотоводческое хозяйство. Такое расселение может оказаться трудно распознаваемым архео-

¹⁰ Расселение вширь из первоначальных центров земледельческих культур хорошо прослеживается в течение неолита Передней Азии. В дальнейшем чаще наблюдается повышение интенсивности сельского хозяйства, строительство новых каналов, освоение новой земли в пределах прежнего (скажем, государственного) ареала. Динамику этого процесса можно хорошо проследить, например, по картам, основанным на археологическом обследовании р. Диялы в Ираке, см. *R. McC. Adams, The Land Behind Baghdad, Chicago, 1965*. Аналогичное явление наблюдается в районах расселения поздне-неолитических культур восточной Европы — ленточной, трипольской, возможно, ямной и др.

логически, потому что пришельцы, естественно, приспособляются к уже существующим, обусловленным местной обстановкой традициям материальной и духовной культуры; перемены в археологическом инвентаре в этом случае хотя нередко и наблюдаются, но они не однозначны и при интерпретации вызывают неуверенность и споры. В лингвистическом материале такое передвижение проявляется в виде смены языка на больших пространствах с выявлением более или менее явственного древнего местного субстрата.

Аналогичный эффект может наблюдаться в случае резких изменений (прежде всего климатических) в первоначальном месте обитания этноса (период засух, истребление пастбищ в результате нерационального выпаса скота, что характерно для докочевого периода скотоводства)¹¹; однако в этом случае в центре расселения первоначальных жителей в сколько-нибудь значительном числе, а то и вовсе не остается.

6) Даже если на новой территории нет «городов-государств» и густонаселенных земледельческих районов, постепенное растекание населения в стороны от центра, где создался его избыток, может потребовать перестройки хозяйства переселяющихся племен: земледелие становится подсобной отраслью хозяйства, а скотоводство — ведущим, что содействует бóльшей подвижности этнической массы. Именно при этом условии распространение эт-

¹¹ Кочевое скотоводство, позволяющее регулярно сменять пастбища, давая отдых травяному покрову, предполагает широкое использование лошади или верблюда (или обоих). Археологически и по письменным источникам подтверждается, что лошадь на Ближнем Востоке была известна издревле в диком состоянии, но имевшиеся тогда породы лошадей не размножались в жарком сухом климате и разводились только в горах или попадали в Переднюю Азию из более северных степных районов. Здесь они впоследствии использовались для колесниц, а с I тыс. до н. э. — конных отрядов, но только оседлыми народами (ср. Быт. 47, 17; Исх. 9, 3; 14, 9; Втор. 17, 16, Суд. 5, 22). Первое кочевое верховое войско возникло в восточной Европе (киммерийцы-скифы, конец II — начало I тыс. до н. э.) и было связано с введением новых «скифских» наконечников стрел. Последние были баллистически эффективнее прежних, легче их и могли отливаться с помощью переносных форм в походных условиях; с ними была связана тактика дальнего обстрела противника конными отрядами «на скаку» (проскакав мимо, стреляли назад через плечо, за пределами

носов на новые территории может принять действительно обширный размах, способствуя созданию широко распространенных лингвистических семей.

Часто, когда говорят об этническом перемещении, в действительности имеют в виду перемещение языковых ареалов. Но причины их могут быть двойными — не только действительное переселение физических носителей данного языка, но и перенос одного языка на новых носителей, ранее пользовавшихся другим языком или языками. На этот последний случай недостаточно обращалось внимание лингвистов и историков, между тем ясно, что когда, например, на языках одной и той же индоевропейской семьи, восходящей к общему праязыку, говорят светлорусый литовец, смуглейший бенгалец и совершенно черный сингалец; или на языках одной и той же афразийской (по прежней терминологии — семитохамитской) семьи, также

досыгаемости вражеского оружия), причем отряд скакал табуном, как одно целое, и поэтому каждый отдельный конь не нуждался в управлении поводьями. У кочевников Передней Азии лошади вошли в широкое употребление гораздо позже.

Верблюд, как и лошадь, был известен в Передней Азии издавна, но массовое использование верблюда кочевниками Передней Азии относится к концу II тыс. до н. э.: согласно Библии, евреи в бытность их скотоводами пустыни (XIII в. до н. э.) передвигались пешком, но племена следующей волны семитских вторжений в Палестину и Заиорданье (XII—XI вв. до н. э., ср. Суд. 6—8) уже пользуются верблюдами. В связи с легендарными общими предками арабов, арамейцев и евреев ездовой верблюд упоминается один раз и, возможно, это анахронизм (Быт. 31, 34); в этой же связи упоминаются также дойные верблюдицы (Быт. 32, 15); ср. Быт. 12, 16, где «рабыни, ослицы и верблюды» [т. е. верблюдицы?] противопоставлены «рабам и ослам». Речь идет о легендарном Аврааме и его ближайших потомках, которые, согласно как библейской, так и коранической традиции, были общими предками арамейцев, евреев и арабов, но как правило, верблюды как ездовые животные упоминаются лишь в связи с арабскими племенами — исмаильтянами, мидианитами и амалекитами (Быт. 37, 25; Суд. 6, 5; 7, 12; 8, 21—26). Этим трем племенам Библия приписывает различные родословные, в конечном счете — от Авраама, но их общее название — «исмаильтяне» (Суд. 8, 24. Что речь именно идет об арабах, видно из сопоставления Быт. 25, 13—16, I Парал. 1, 29, 31 и Ис. 21, 11, 17).

Характерно, что даже при дворе царя Давида (ок. 1000 г. до н. э.) верблюдами ведал «исмаильтянин», т. е. араб (I Парал. 27, 30).

восходящей к одному праязыку, говорят негроид экваториальной расы хаусанец, коричневый эфиоп и светлокожий араб и еще более светлокожий (а иногда даже блондин) бербер или израильтянин, то странно было бы предполагать переселение одного и того же этноса индоевропейцев в Литву, в Бангладеш и в Шри Ланку, одного и того же этноса афразийцев в Нигерию, Сомали, Сахару и на Ближний Восток¹². Конечно, для переноса языка от одних жителей к другим необходимо физическое существование как первых, так и вторых, но количество первичных носителей языка могло быть и малым, даже совсем несоизмеримым с числом людей, в дальнейшем этот язык воспринявших. Кроме того, конечно, народ-носитель, скажем, того индоевропейского языка, который был занесен в современный Бангладеш из северной части современной Индии или Пакистана, мог сам получить его через десятые руки, через множество последовательных процессов переноса языка от одного народа-носителя к другому¹³.

Из возможных причин перемены языка без физической смены населения нужно для периода древности совершенно отбросить насильственное насаждение государственного языка среди покоренного населения: достоверно известно, что ни одно древнее государство этим не занималось.

Отбросить следует и насильственное насаждение официального языка церковью. До середины I тыс. до н. э. религиозные куль-

¹² О том, что физического передвижения носителей данного языка могло практически почти не происходить, или что переселенцы могли быть в значительном меньшинстве, свидетельствуют памятники изобразительного искусства и антропологические находки, например, в Месопотамии, Малой Азии или на Армянском нагорье, дающие практически один и тот же антропологический тип в течение последних пяти тысяч лет или около того,— между тем как по письменным памятникам известно, что за это время Месопотамия и Малая Азия полностью сменили язык, часто на совершенно не родственный прежнему, не менее пяти раз.

¹³ Историки нередко придают непомерно преувеличенное значение этническим обозначениям и самоназваниям, причины возникновения которых очень разнообразны, часто случайны и обычно малопоказательны для истории, этноса. Подробнее см. *И. М. Дьяконов*, ПАН, раздел «Принципы подхода к этнонимическим терминам», с. 195 сл.

ты были исключительно общинными, т. е. замкнутыми в пределах данной территориальной общины; соответственно, и язык культа (а также дававшихся детям благопожелательных имен собственных) был языком данной общины (в виде исключения есть случаи сохранения в культе и ономастике бывшего языка той же общины¹⁴). Попадающиеся среди однородной по языку ономастической массы отдельные имена иного происхождения являются для этого времени действительно именами сравнительно недавних чужеземцев. Даже «мировые» державы типа Ассирийской или Нововавилонской не навязывали ни своих культов, ни своего языка покоренным. Урарты, правда, вводили обязательный культ Халди во всех покоренных центрах, но, по-видимому, не прекращались и местные культы¹⁵. Хотя цари-Ахемениды, по всей вероятности, примкнули к религиозному учению Заратуштры, из которого лишь впоследствии выросла догматическая религия зороастризма, они свободно допускали и нередко даже поддерживали любые местные культы, и не только за пределами Ирана¹⁶; и само учение Заратуштры могло в Иране и за его пределами выступать в самых причудливых сочетаниях с местными традиционными культами. Примерно такова же была религиозная политика и держав — преемников Ахеменидов. Римская империя настаивала лишь на повсеместном введении культа императора, преследуя лишь те религии, которые не могли совместить с этим свое учение; остальные же все отправляли свои обряды совершенно свободно. Лишь с эпохой средневековья приходят обязательная религиозная догматика, преследование ересей, обязательный язык культа с соответствующей ономастикой, независимой от родного языка носителя имен собственных и т. п.

Единственно действенной для изучаемого периода ранней древности причиной переноса языка от одних носителей на других является необходимость в создании языка обще-

¹⁴ Шумерские имена среди населения аккадских «номовых» государств («городов-государств»), хаттские имена среди хетто-язычного населения г. Хаттусы и т. п.

¹⁵ Этому мы предполагаем посвятить другую работу.

¹⁶ М. А. Дандамаев, Новые данные о религии Персии на рубеже VI—V вв. до н. э., ВДИ, 1974, № 2, с. 18—31.

го взаимопонимания там, где его не существовало. Такая необходимость могла возникать в двух случаях:

а) Хотя даже очень ранние общины нуждаются в обмене (например, материала для орудий), однако в целом от неолита до ранней ступени бронзы земледельческие общины развивались весьма изолированно, и в них в течение столетий и тысячелетий вырабатывались диалекты и даже отдельные языки, взаимно плохо понятные или даже вообще находящиеся за пределами взаимопонимания. Надо заметить, что эти языки нередко были архаичными, очень сложными по структуре. Нужда во взаимопонимании в ранней древности наиболее сильно ощущалась на стыке именно языковых (а не только диалектных) ареалов, то есть там, где оно вообще отсутствовало, причем особенно ощутимой становилась эта нужда в периоды усиления торговых, политических и культурных сношений, ломки социальных условий,— раньше всего там, где в такой области языковых стыков создавалось классовое общество и государство. В противоположность языкам земледельческих (и охотничьих) изолированных общин, язык скотоводов, в силу их значительно большей подвижности, обладает, как правило, значительно меньшей диалектной раздробленностью, и взаимопонимание нередко возможно на огромных пространствах. Примером могут являться семиты IV—III тыс. до н. э.¹⁷, иранцы середины I тыс. до н. э.¹⁸ и тюрки в течение последнего тысячелетия¹⁹. Поэтому именно язык скотоводов, независимо

¹⁷ О дате распада прасемитской языковой общности и начала потери взаимопонимания см. *И. М. Дьяконов*, Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков,— «Africa» (Африканский этнографический сборник), X, 1975, с. 118.

¹⁸ Скифские «значащие» (благопожелательные) имена собственные, сохранившиеся главным образом в греческих надписях Северного Причерноморья середины—конца I тыс. до н. э. (см. *В. И. Абаев*, Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, с. 150 и сл.) в большинстве своем без труда понятны для знающих древнеперсидский (Юго-Западный Иран, VI—IV вв. до н. э.) или авестский языки (долина р. Герируда в Афганистане и р. Теджена в Туркмении [?], не позже VII в. до н. э.).

¹⁹ Если взять такие центрально расположенные тюркские языки, как скажем, азербайджанский и узбекский, то взаимопонимаемость окажется полностью утерянной между ними и лишь наиболее окраинными из языков тюркской

от их абсолютной численности в данной местности и их численно-го соотношения с местными земледельцами²⁰, чаще всего и становится lingua franca, т. е. языком взаимопонимания на случай торговых и других контактов между скотоводами и земледельцами²¹, а затем и между самими разноязычными земледельцами в зоне соприкосновения. Lingua franca в конечном счете становится koine, т. е. общим разговорным языком, которым за пределами домашнего круга пользуется (в порядке двуязычия или многоязычия) все население на обширном пространстве.

Скотоводами со значительным подсобным земледелием были, видимо, этнические группы, двигавшиеся с середины III по конец II тыс. до н. э. веерообразно с окраин индоевропейской прародины на юг, юго-восток и северо-восток (см. В. Порциг, Членение индо-

семьи (якугским, чувашским и т. п.). Следует, однако, заметить, что тюркские языки, возможно, следует рассматривать не как отдельную семью, а как ветвь более обширной тюрко-монгольской семьи.

²⁰ В книге ГАН, с. 230, мы пытались показать, что численное соотношение между мушкани («прото-армянами») и субстратным лувийско-хурритско-урартским населением в зоне соприкосновения составляло около 1:3 или 1:4 (если не 1:10). Другой пример: учитывая, что носители пратюркского языка с несомненностью принадлежали к южно-сибирской расе 2-го порядка монголоидной расы, следующие цифры, характеризующие наличие одного из наиболее типичных признаков этой расы (эпикантуса, или «монгольской складки») среди народов, говорящих на различных современных языках тюркской семьи, можно считать показателем биологической доли первоначальных носителей диалектов этого языка в этногенезе по отношению к доле субстратного населения (заметим, что помимо южно-сибирской в данных популяциях обнаруживаются признаки лишь различных европеоидных рас 2-го порядка): киргизы—м. 51%, ж. 83%; казахи—м. 22%, ж. 53%; узбеки м. 11%, ж. 18%; туркмены м. 6%, ж. 10%, азербайджанцы (только мужчины) 2%; материалы взяты из кн.: Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, I, Ереван, 1957, с. 61 и 116.

²¹ Когда в данном контексте мы говорим о скотоводах, то могут иметься в виду не только скотоводы-кочевники, каковыми были поздние семиты (арамей, арабы) или упоминаемые выше в прим. 19 и 20 тюрки, но и скотоводы-земледельцы, каковыми было большинство древнейших индоевропейцев. Переход к ведущей роли скотоводства нужно предполагать как предпосылку передвижения, например, и хуррито-урартского языкового ареала в III—II тыс. до н. э. с нагорий Кавказа и Армении в Месопотамию и Северную Сирию, о чем мы предполагаем написать особо.

европейской языковой области, М., 1964, с. 314 и др.). Диалекты, на которые членилась праиндоевропейская языковая общность, четко делятся на западные и восточные. Восточные диалекты, расселявшиеся из своего первоначального ареала в Восточной Европе на юг, юго-восток, восток, северо-восток и север, делятся на два эшелона и первоначально, судя по инновационным изоглоссам, располагались и двигались в следующем порядке:

I

А) греческий Б) фригийский В) армянский Г) индо-иранский Д) тохарский

(на юг) XVIII—XII вв. до н. э.	(на юго-восток) XI (?) в. до н. э.	(на юго-восток) XIII в. до н. э.	(на восток) около 2000 г. до н. э. ?	(на сев.-восток) дата неизвестна
--------------------------------------	--	--	--	-------------------------------------

II

Е) фракийский

Ж) балто-славянский

(только расширение первоначального ареала)
XIII—VII вв. до н. э.

(на север)
I тысячелетие до н. э. —
I тысячелетие н. э.

III

Западные группы индоевропейцев

З) кельтские

И) италийские

К) германские

В соответствии с этим наблюдаются лексические и другие изоглоссы, соединяющие, например, (А) — с (Е), (Б), (В) и отчасти (Г); (Б) — с (Е), (Ж), (А) и (В); (В) — с (Е), (А) и (Б), и т. д.²²

Исходной точкой для распространения восточно-индоевропейских языков должна была быть область, благоприятствующая земледелию и скотоводству, в том числе крупному, и способная соз-

²² Характерными изоглоссами являются так называемая сатемизация (переход $*k^w, *k' > *k, *k$), охватывающая языки (Б) частично, (В), (Г), (Е), (Ж) полностью; глагольный аугмент — языки (А), (Б), (В), (Г) и, возможно, (Е); сигматический аорист — (А), (Б), (В), (Г), вероятно (Е), несомненно (Ж); система глагола в целом наиболее близка в (А), (Б), (В), (Г) и, вероятно, (Е). Тохарский (Д) и балто-славянский (Ж) дают изоглоссы также с северо-западным диалектом — германским (К). Из приведенных диалектов гре-

дать избыток населения на стадии позднего неолита, когда, по лингвистическим данным, и началось растекание носителей индоевропейских языков в разные стороны. В то же время эта область не могла находиться в пределах Передней Азии, так как процесс, о котором идет речь, не оставил следов ни в субстратах языков этого региона, ни, тем менее, письменных и даже археологических источниках. Нет, например, сомнения в том, что древневосточные языки хаттский и хурритский повлияли на индоевропейский хеттский, а не наоборот, что говорит о первичности хаттского и хурритского на Ближнем Востоке и вторичности хеттского. Точно так же, в древнеармянском есть следы лувийского, хурритского и урартского субстрата, но нет следов протоармянского субстрата в урартском, хурритском или, скажем, в хеттском. Случаи предполагаемого заимствования индоевропейских слов в прасемитский или прасемитских в праиндоевропейский единичны и сомнительны.

В течение последних семидесяти-восемидесяти лет считалось, что наиболее вероятной прародиной индоевропейских языков являлась область Восточной Европы, предположительно между Вислой и Эльбой; здесь существовали экологические условия, соответствующие отраженным в общеиндоевропейском словаре (бук, береза, рыба, лосось считались наиболее характерными признаками именно этой зоны). Культура древнейших носителей индоевропейских языков довольно убедительно сопоставлялась с ареалом

ческий был занесен на побережье Малой Азии античной колонизацией с конца II тыс. до н. э., протоармянский проник на Армянское нагорье, видимо, через всю Малую Азию в связи с падением Хеттской державы в XII в. до н. э., фригийский и окраинные говоры фракийского попали в Малую Азию между X (?) и VIII вв. до н. э.

Хетто-анатолийские языки имеют мало изоглосс с любым отдельно взятым индоевропейским языком, кроме как, отчасти (в области лексики), с индоиранским и, по-видимому,— в противоположность мнению, например А. Камменхубер (*A. Kammenhuber, Die Sprachen des vorhellenistischen Vorderasien in ihrer Bedeutung für die heutige Indogermanistik, „Münchener Sprachstudien“, 24, 1968, с. 82—86*),— отделились от основной массы носителей индоевропейского языка значительно раньше, чем диалекты «каймы» (1), до окончательного диалектного членения праиндоевропейского хотя бы только на западную и восточную группы.

культуры линейно-ленточной керамики (V — начало IV тысячелетия до н. э.), наследие которой прослеживается затем на широком ареале в Восточной, Центральной и даже Западной Европе. Другой вероятный центр расселения носителей индоевропейских языков — Подунавье (обладавшее более высоким уровнем развития материальной культуры, не уступавшей, например, малоазиатской и тесно с нею связанной) обычно отвергался, — едва ли не главным образом потому, что в Дунае нет лососей, — что, впрочем, неверно: один из видов лососей водился в Дунае вплоть до сравнительно недавнего времени. Нам представляется, что именно Подунавье, также причастное линейно-ленточной археологической культуре, является наиболее вероятным первоначальным центром обитания носителей общеиндоевропейского языка.

В последнее время было обращено внимание на исключительно большую типологическую близость строя протогрузинского языка к строю протоиндоевропейского, что заставляет думать о былой принадлежности обоих языков к единому лингвистическому ареалу (возможно, и о генетическом родстве). На этом основании предполагается перенести прародину носителей индоевропейских языков в Переднюю Азию. Однако до настоящего времени (1980 г.) не было достаточных доказательств «материального» родства между протогрузинским и протоиндоевропейским, т. е. родства в собственном смысле слова. Новая теория исходит из предположения, что грузинский язык никогда не менял своего ареала, а индоевропейские передвигались свободно вокруг него. Однако вполне законно и другое предположение: что общий протоиндоевропейско-протогрузинский ареал надо искать где-либо на юго-востоке Европы, и что не только индоевропейские, но и грузинский язык передвигался. По данным Г. А. Климова (Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, введение), имеются факты о движении носителей картвельских языков с гор Большого Кавказа на юг в течение периода от приблизительно 3000 г. до н. э. и до начала I тысячелетия до н. э.; вполне допустимо предположение о предшествующем движении из юго-восточной Европы до Кавказа. Эта группа вопросов подлежит дальнейшему обсуждению после опубликования полных материалов авторами новой гипотезы.

Двуязычие, если не наступят какие-то серьезные новые исторические перипетии, может служить ступенью к окончательному перенятию одного языка другим без смены населения. Новые носители языка могут затем при благоприятных условиях сами оказаться его передатчиками еще дальнейшим новым носителям. Само собой разумеется, что функции *lingua franca* и *koine* оказывают влияние на передаваемый язык, который перенимает из автохтонного субстрата множество черт фонетики и фонологии, а также лексики, в особенности связанной с характерными явлениями местной экологии, экономики и социального быта. Чем дольше период двуязычия, тем сильнее влияние субстрата. Он является довольно безошибочным показателем длительности этнических контактов²³, например, между протоармянами и хуррито-урартами.

б) Вторым возможным основанием для переноса языка от одних его носителей к другим без смены населения явился пере-

²³ На стыке языковых ареалов — лувийского, хурритского, урартского, а возможно также каскско-абешлайского (диалекта абхазского?) и крайних юго-западных грузинских говоров появился с XII в. до н. э. индоевропейский язык восточных мушков (<**muš-k'* — вероятно, множественное число от самоназвания целой группы фрако-фригийских племен). Восточные мушки, с нашей точки зрения, и были носителями праармянского языка. Численность их, как мы упоминали выше, была, вероятно, в несколько раз меньше численности автохтонного населения долин Верхнего Евфрата и р. Арацани; при этом они были скотоводческо-земледельческими племенами, что видно из их подвижности (в XIII в. до н. э. их еще не было нигде в Малой Азии, в 1165 г. они уже появились на Армянском нагорье из-за Евфрата) и сохранением в армянском общиндоевропейской скотоводческой лексики. Продолжительность существования двуязычия доказывается здесь заимствованием из хуррито-урартского в древнеармянский таких слов, характеризующих местные социальные условия, как *aḫ* — «большесемейное (земледельческое) хозяйство» < хурр. **alleḫ*, *buḡn* «башня» < ур. *buḡana*, *aḫin* «рабыня, служанка» < хурр. *allaehin* «находящаяся при хозяйстве», *saḡau* «раб» < хурр. -ур. **ṣaḡgae* (хурр. *saḡgae*, чит. /*саḡгае*/) «живая добыча». Длительным контактом объясняется, по-видимому, также и значительное число заимствований в древнеармянский из хетто-анатолийских языков разнообразной культурной лексики и даже словообразовательных типов, как можно полагать на основе материала *Н. А. Мкртчяна* (Редупликация глаголов в хеттском и армянском, «Древний Восток II», Ереван, 1976, с. 76—85) и *Дж. Греппина*; речь идет, вероятно, о заимствованиях именно из лувийского, а не из хеттского, близко родственного лувийскому, но не контактировавшему длительно с «протоармянами».

ход древних обществ к этапу товарного хозяйства и потому, естественно, быстрый и сильный рост торговых и культурных взаимоотношений сразу на больших пространствах. Если мы при этом учтем несравненно более высокий уровень грамотности в древности по сравнению со средневековьем²⁴, то будет понятно, что в данной ситуации источником распространения однообразного языка, понятного на обширной территории (сначала как *lingua franca*, а потом и как *koipē*), вместо скотоводческих и скотоводческо-земледельческих племен будут в первую очередь торгово-ремесленные и культурные центры — города²⁵. Язык городов (и царского двора) становится престижным языком. Однако это явление лежит за пределами эпохи, интересующей нас в данной работе.

Нам кажется, что более строгий учет типологии этнических передвижений в древности поможет разрешить спорные вопросы этногенеза древних народов Малой и Передней Азии — в первую

²⁴ Если в средние века грамотным было почти исключительно духовенство, то иначе обстояло дело в древней Месопотамии (*И. М. Дьяконов*, ДВ (Города и торговля), Ереван, 1973, с. 62—63 и прим. 110, 111) и даже на такой относительной окраине, как Урарту. Широкая распространенность здесь грамотности видна из тривиальных поводов, по которым писались официальные письма (например, письмо за печатью царевича о похищении рабыни пастухом, *И. М. Дьяконов*, УПД, № 4); в Греции институт остракизма исходил из уверенности в хотя бы элементарной грамотности всего свободного мужского населения; в иудаизме — реликтовом «общинном» вероучении древней эпохи, дошедшем через средневековье до Нового времени, — обряд инициации мальчика в религиозную общину также предполагает обязательную поголовную грамотность. И на Руси знание чтения и письма, судя по берестяным грамотам, имело едва ли не всеобщее распространение в дотатаромонгольскую эпоху; но нам уже неоднократно приходилось отмечать, что домонгольская Русь — типологически именно древнее, а не средневековое общество.

²⁵ Этим (но отнюдь не какими-либо административными мероприятиями Римской империи) объясняется латинизация (по языку) ее западной части и эллинизация — восточной в течение I в. до н. э. — IV в. н. э. На более раннем эллинистическом и послеэллинистическом этапе престижным был язык императорского двора (отсюда огромный пласт парфянской лексики в армянском, до вытеснения ядра которого, однако, дело не дошло); ср. судьбу английского языка с его 85% заимствованных слов, преимущественно из французского, — языка двора и суда в течение около 400 лет. Влияние городской культуры (в отличие от языка) было более ограниченным, не выходя за пределы каж-

очередь хаттов, хуррито-урартов, хетто-лувийцев, фригийцев, — и бросить существенный свет также на проблемы этногенетических корней современных народов Кавказа и Закавказья — грузин, армян, азербайджанцев, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских народов. Но это уже тема для других работ.

дого отдельного самоуправляющегося древнего города с его специфическими культурными и религиозными нормами. Так, например, переселение в Армению Тиграном II и Артаваздом I больших масс городского населения из юго-восточной Малой Азии, Сирии, а также Палестины привело лишь к появлению в древнеармянском языке незначительного слоя староарамейской (западно-арамейской) торгово-ремесленной терминологии; этот слой, как показала А. Г. Периханян, следует отличать от позднейшего обширного сирийского (восточно-арамейского) слоя, принесенного в армянский вместе с христианизацией Армении из Эдессы. Более древний арамейский слой дает формы имен существительных без артикля \bar{a} (> др.-арм. $-ak$), в сирийском превратившегося в часть самой именной основы.

Н. А. МКРТЧЯН

СУБСТРАТНЫЕ НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Адонц указывал, что «В армянском языке, как и в других индоевропейских языках, существует субстрат с неизвестным происхождением. Этот субстрат, без сомнения, неоднородный и состоит из различных элементов. Неудивительно, что некоторые такие самые обыкновенные слова берут начало из более древних времен... Вероятно, такого порядка слова проникли в армянский язык при переходе армян в Армению или были унаследованы у местного древнего населения после прихода их на родину»¹.

В лексике армянского языка замечается большое количество названий растений, не имеющих достоверных параллелей в других индоевропейских языках, но обнаруживающих соответствия с соседними неиндоевропейскими языками. Эти названия растений относятся к местной флоре, преимущественно к горному или предгорному ландшафту Армянского нагорья, Малой Азии и Северной Месопотамии: следовательно, и названия их должны принадлежать местным языкам.

Не исключено, что часть этих слов, как в армянском языке, так и в семитских языках, носит характер древнего заимствования, унаследованного из *третьего* источника, а именно у аборигенов Армянского нагорья.

Доказательством последнего может служить тот факт, что многие из этих названий растений, медикаментов и теперь в мировой научной литературе по традиции носят эпитет *армянский*

¹ Ы. Ադոնց, 2⁷, с. 382—383.

или известны как растения, имеющие армянское происхождение (Plantum armenicum). В аккадских текстах абрикос называется (GIŠ) HAŠHUR KUR.RA „горное яблоко“ или просто — агтаппи „армянский“² (ср. рус. „персики“), у сирийцев — ḥazzūgā агтепājā, у арабов — tuffah al-armani „армянское яблоко“, в Древнем Риме — armenicum (Prunus armeniaca), тмин — Cuminum armenicum, алтей — Althaea armeniaca. Этимология данных слов пока неизвестна.

Исследование терминологии этих растений представляет собой большой интерес не только для арменистики и общей лингвистики, но и для истории ботаники, для выявления генезиса и распространения некоторых видов растений, а также для выявления существования неизвестных еще для нас древних контактов между народами Армянского нагорья и соседних стран.

Пока трудно говорить, что мы должны понимать под термином *третий источник*, какой именно язык или языки имеются в виду, потому что исчезли их носители, не оставив письменных документов, и, следовательно, этимология многих слов этого порядка нам неизвестна, но в некоторых случаях о их происхождении можно высказать более или менее достоверные предположения (см. ниже).

1. Ափշփի ապուխ (Mentha) «мята».

Армянское слово *ափշփի ապուխ* «мята» имеет ненадежную этимологию: Р. Ачарян констатирует в своем «Этимологическо-корневом словаре армянского языка» следующую, предложенную предшественниками, этимологию: «Арм. *ափշփի ապուխ* состоит из заимствованных слов иранского *pāp-* «хлеб» и *x^vāh-* «вкусный», кажется персидское *pāp^hāh-* или *pāpū^hēh-* — „пажитник, какие-то черные семена, которые, посыпая на хлеб, едят“³. Как видим, такое объяснение не убеждает ни функционально, ни по звуковым переходам. Нами указана аккадская параллель *apapīḫi* (заимствованное) — слово, практически совпадающее с армянским словом

² Отметим, что акк. Агтаппи, по-видимому, горная область, расположенная к северо-западу от Месопотамии. Этот термин, возможно, идентичен позднейшему «Армения». Для нас здесь важно лишь то, что данное растение самими месопотамцами относилось к *горной* области, каковой могло быть Армянское нагорье. См. еще *U lapat agtappi* «род репы».

³ 2. Ափշփի, ՀԱՐ, 1, с. 180; он же, ՀԳ, с. 241.

ափափափա апапих⁴. Очевидно, они оба восходят к третьему источнику, а иранское слово не имеет ничего общего с армянским. Возможно, что третий источник — хурритский, как заметил нам И. М. Дьяконов, ссылаясь на окончание *-iḫ-* аккадской формы *апапiḫи*. Армянская форма *апапих* легко расчленима по законам хурритского словообразования на корень **ап-*, суффикс *-*ап-* и прилагательное окончание **-uḫḫ-* или *-iḫ (ḫ)-*.

2. *Բոփփփ-նի, բոփփփ-նը, բոփփփնչ* *bōš-ni, bōš-nə, bōš-nč* (*Juniperus giganteus*) „Можжевельник гигантский“.

В армянском языке этимологию пока не имеет также название одного дерева из семейства кипарисовых, сохранившееся в новых диалектах: в диалекте Агулис *բոփփփ-նը* *bōš-nə*, Лори *բոփփփ-նի* *bōš-ni*, Кзлар *փոփփփ* *p'ōš*, в диалектах Карабахской группы *պոփփփ-նը, պոփփփ-նչ, փոփփփ-նչ, փոփփփ-ննչ* *pōš-nə, pōš-nē, p'ōš-nē, p'ōš-nē*⁵.

Р. Ачарян замечает, что к армянскому слову близкое звучание имеет аккадское *bugāšū*, но разница значений делает невозможным их отождествление⁶, но теперь, когда уточнено значение акк. *bugāšū* «Можжевельник гигантский» (АНW, стр. 139), то такое сомнение исчезает. Аккадское слово имеет семитическое происхождение, но прототипом для армянского, конечно, не может стать ни араб. *bəgōj*, ни евр. *bəgōš*. Суффикс *-ni* может указывать на урартское посредничество из акк. *bugāš-* или какого-либо аналогичного западносемитского диалекта. Имеющее то же значение слово *bōš-nč*, вероятно, имеет другое происхождение. Однако, учитывая поздний и диалектный характер форм *bōš-nə, bōš-ni*, необходимо все же обсудить и их происхождение из *bōš-nč*.

3. *Բոփփփ t'ut'* (*Morus L.*) «шелковица», «тута».

В армянском языке *Բոփփփ t'ut'* название тутового дерева и его плодов. Это одно из ареальных слов, распространенных во многих соседних и дальних языках. Например: араб. сир. *tūtā* араб. *tūt, tūd*, пехлев. *tūt*, перс. *tut/d, ڤ*, груз., осет., лезг. *t'ut'a* и т. д.

⁴ Ե. Մկրտչյան, *Մի քանի հին սեմական բառեր հայերենում*, ИФЖ, 1970, № 2, с. 243.

⁵ Հ. Աճառյան, *ՀԱԲ, I*, с. 490—491.

⁶ *ՀԱԲ, I*, с. 491.

Р. Ачарян в *ՀԱԲ* не решается указать источник заимствования армянского *թութ* t'ut', а лишь констатирует следующее: «Армянское слово могло быть заимствовано как прямо из арамейского, так и через персидский; более вероятно — последнее»⁷.

Нам кажется, что оно могло быть заимствовано и раньше, по крайней мере, оно было известно также и аккадцам, как видно из наличия слова *tuttu* «шелковица» в аккадских текстах⁸. Для армянского t'ut' источник заимствования либо раннеарамейский, либо для обоих языков — третий, так как при позднем заимствовании из сирийского или арамейского имели бы форму *t'ut'au.

4. *Խաղաղ Խաղաղ* (Vitis vinifera) „виноград“, „виноградная лоза“.

Возможно, что из хурритского мира унаследовано армянское слово *խաղաղ Խաղաղ* «виноград», («виноградная») лоза», происхождение которого, пока не очень ясно⁹. В хурритских текстах из Нузи имеется созвучное слово ^(GIŠ) *ḫalūlu* значение которого пока не установлено и переводится общим словом «какой-то плод» (eine Frucht)¹⁰.

5. *Խնձոր* *Խնձոր* (Malus domestica) „яблоко“, яблоня“.

Сходство акк. *ḫašḫūru* (GIŠ MA.GUNU) „яблоко“ с арам. *ḫuzra*, сир. *ḫazzūgā* замечено Ф. Хоммелем. Он обратил внимание и на сходство между сир. *ḫazzūgā* и арм. *խնձոր* *Խնձոր* „яблоко“¹¹. Г. Гюбшман хотя помещает арм. слово *խնձոր* в списке сирийских заимствований¹², но, видимо, с сомнением, замечая: „Das syrische Wort ist nicht echt syrischen, also aus dem armenischen entlehnt“¹³.

В свое время Поль де Лагард предполагал, что, наоборот, из армянского *խնձոր* заимствована сирийская форма *ḫazzūgā*¹⁴.

7 Հ. Աճառյան, *ՀԱԲ*, II, с. 202.

8 W. von Soden, *AHW*, с. 1374.

9 Հ. Աճառյան, *ՀԱԲ*, II, с. 321—322.

10 W. von Soden, *A w*, 314.

11 См. F. Hommel, *Aufsätze und Abhandlungen*, 1892, с. 167.

12 Н. Hübschmann, *AG*, II, с. 305; см. также Հ. Աճառյան, *ՀԱԲ*, II, с. 380.

13 Н. Hübschmann, *AG*, II, с. 305. *ՀԱԲ*, II, с. 380.

14 Paul de Lagarde, *Armenischen Studien*, Göttingen, 1877, с. 67, § 993. *Zur Urgeschichte der Armenier*, с. 821, 30; см. также *ՀԱԲ*, II, с. 380.

Поиски для обнаружения подлинного источника этих слов вели также Н. Адонц, Г. Капанцян и другие. Н. Адонц указывает параллели акк. ḥašḥūgi в лазском и мингрельском usk'igi, сванском vusgv, vusk, грузинском vašli предполагая для всех языков третий источник заимствования¹⁵. Как только было установлено существование хурритской формы ḥinzūgi¹⁶ Г. Капанцяну стал ясен семитский или хурритский путь заимствования, скорее последний, как указывали и сохранившиеся в хурритском диалекте из Нузи женские собственные имена Hinzūgi, Hinzugājā¹⁷, ср. в армянском *Խնձոր*, *Խնձորիկ*, *Միջոց*, *Միջոցիկ*.

Об этимологии хурр. ḥinzūgi И. М. Дьяконов пишет, что оно имеется в ряде кавказских языков и потому восходит к общему праязыку хуррито-урартских и нахско-дагестанских¹⁸. По мнению И. М. Дьяконова, в форме *мիջոց* (хурр. ḥinzūgi) наблюдается суффикс *-цг/-ог-*; он устанавливает праформу **inč-*¹⁹. Возможно, в слове акк. ṣallugi — арм. *salog* *-цг/-ог* тот же суффикс, что и в *ḥinzūgi/мիջոց* (см. ниже)²⁰.

6. *Խնձ*, *խնձ*, *խն*, *խն* *ხოცი*, *ხიცი* *ხოცი*, *ხიცი* (Thimus L.) „чебрец, тимьян“.

В армянском языке слово *խն*, *խն* *ხოცი*, *хици* или *խն-ից*, *խն-ից* *ხოცი-ն*, *хици-ն* употребляется для обозначения одного растения из семейства яснотковых (губоцветных): под этим названием некоторые диалекты понимают „чебрец“, „тимьян“, или „чабер“, а некоторые просто „мята“. Например: один из лечебников средних веков объясняет *խն/խն* — „дикая мята“, словарь Еремии Мегреци — *խն* „чебрец, тимьян“, карабахские диалекты, диалекты Гандзака, Мужамбара, Шамшулде, Лори *խն-ից*, *խնձ*, *խնձից* — „чабер“²¹. Употребляется оно и в производных

¹⁵ Կ. Ադոնց, ՀԳ, с. 383—384. Г. А. Климов, Этимологический словарь грузинского языка. М., 1964.

¹⁶ A. Goetze, JCS. 10, 34. W. von Soden, ANW, с. 333—334, 347.

¹⁷ Г. Капанцян, ИЛР, 1, с. 204—205.

¹⁸ И. М. Дьяконов, Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки, ДВ, 3, с. 32.

¹⁹ Там же, с. 32.

²⁰ См. под словом *միջոց*

²¹ Կ. Աբախյան, ՀԱԲ, II, с. 399, он же, ԳԲ, с. 483. Կ. Մարտիրոսյան, ԲՀ, с. 146, 332.

իշախոնն, կղնախոն, խոնիճ. Этимология этого слова пока не установлена. Нам кажется, что это еще одно из субстратных слов, так как по значению отождествляется с (\dot{U}) uḡnū/ḡuḡnū аккадских текстов, которые, несомненно, также заимствованы из третьего источника и выступают как синонимы (\dot{U}) anapīḥu²².

7. *Կանափ, կանեփ* капар', капер' (*Cannabis sativa* L.) „конопля“.

В *ՀԱԲ* происхождение армянского слова *կանափ, կանեփ*, капар', капер' «конопля» оставлено нерешенным, однако наряду с аналогиями других языков здесь приводится также *qunpabu, qaparu/bu* аккадского языка²³. Для уточнения источника заимствования армянского слова *կանափ, կանեփ*, капар', капер' мы хотели бы обратить внимание на следующий существенный факт: хотя в армянской литературе «нормальной» формой считается *կանեփ*, капер', а вариант *կանափ* капар' «позднейшей» формой (констатирована с X в.)²⁴, большинство южных диалектов армянского языка знают только последнюю форму или близкую к ней, например, диалекты Мокса, Вана, Салмаста, Возми имеют форму *կանափ* капар', диалекты Алашкерта, Баллу, Муш, Харберд *կանաճփ, կանանփ, գանանփ* капаптр', капаптр', гапаптр', а отдаленные от юга Армении диалекты Еревана (Арааратский), Тбилиси, Агүлиса, Кюрасона, Хамшена — *կանեփ, կանրփ, գոնրփ* капер', капир', гопир'²⁵.

Нам кажется, *կանափ* капар' — исконная передача этого слова и, несомненно, из арам. *qanpār*²⁶ (раннее заимствование, без -ау < -а!), ибо аккадские формы *qaparu/bu, qunparu/bu* дали бы в арм. *кпар' или *кпаб.

8. *Կտակ* ktaw (*Linum*) „лён“.

Армянское слово *Կտակ* ktaw „лён“ имеет свои параллели в арам. сир. *qeṭṭau*²⁷. По звучанию близко и аккад. *ki'û* (*kitā'um).

²² *W. von Soden*, АНw, с. 1432.

²³ Հ. Անտոյան, *ՀԱԲ*, II, с. 513; ср. *W. von Soden*, АНw. с. 928.

²⁴ Հ. Անտոյան, *ՀԱԲ*, II, с. 513.

²⁵ Там же, с. 513.

²⁶ *W. von Soden*, АНw, с. 928.

²⁷ *W. von Soden*, АНw, с. 491, 495. *F. Delitzsch*, АН, с. 361. *R. Labat* МЕА, с. 81. № 90.

Поскольку сем. $k, t >$ арм. k', t' , а сем. $q, t >$ арм. k, t , то очевидно, что армянская форма *կտաւ* ktaw заимствована из сирийского *qeṭṭaw-*, но она может, как и акк. *kitû*, восходить к более древнему источнику — шумерскому GADA, GAD (старошумерское произношение *kata*)²⁸.

Армянское слово *կտաւ* ktaw в „Этимологическо-корневом словаре армянского языка“ зафиксировано как слово „неизвестного происхождения“²⁹. Г. Гюбшман и Шефтеловиц считали, напротив, источником сирийской формы *qeṭṭau* армянское *կտաւ* ktaw³⁰.

9. *Կտւտ* kut (Grānum) „крупинка, зерно, косточка“.

В армянском языке *Կտւտ* kut употребляется в значении „крупинка, зерно, семя, косточка“, а также как общее понятие „корма, и уража, зерновых, крупы“ для птиц и животных, например: *Հաճիրի կտւտ տալ* „Давать крупу курицам“. *Կտւտ* kut не имеет надежной этимологии, хотя Хюнкярпейентян *Կտւտ* kut пытался неудачно вывести из лат. *gutta* „капля“³¹.

Нам кажется, это слово принадлежит к числу субстратных явлений, из хурритского *kad*-«Gerste» «ячмень», ср. протохеттское *kaít* „Getreide“, „злаки“, ср. также акк. *kātu*, *qātu*, *ka'ātu*, *gajjātu* „крупя“, переводится на шумерский как *ŠE KUD.ՈԱ*³².

10. *Կտւ(ւ) քիտ(ն)* (Punica/granatium L.) „гранат“.

В семитских языках название *граната* в арабском — *gimṣān*, эфиоп *gōmān*, сирийск. *gūmānā*, еврейск. *gimṣōn* все они восходят к одной праформе. В одном лишь аккадском — *puṣmū*. Встречаются также варианты в шумерском (*GIŠ*)*NU-UR-MA* (из аккадского), *puṣmū* (из Нузи *lugmu*, *luginu*)³³.

²⁸ См. И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 46—47.

²⁹ Հ. Անշնյան, ՀԱԲ, II, с. 675—676.

³⁰ Հ. Անշնյան, ՀԱԲ, II, с. 676; там же Н. Hübschmann, Arm. Gramm, с. 308, Scheftelowitz, ВВ, 28, 313.

³¹ Հ. Անշնյան, ՀԱԲ, II, с. 676.

³² W. von Soden, АНw, с. 466. J. Friedrich, Нw, с. 317, E. Larosche, JCS с. 215.

³³ W. von Soden, АНw, с. 804—805. R. Labat, MEA, с. 71, 75, 89, 109.

Р. Ачарян пишет, что семитские формы, несомненно, происходят из слова агтаппи, с утратой начального а³⁴. Но в аккадском, как видно, такой формы нет.

По фонетическим правилам *իտն(ի)* *piṭ(n)* надо производить из **piṭt-* или **piṭp-* (в древнеармянском языке родительный падеж *իտնի* *pīan*), что может восходить к *piṭt-* или к хурритскому *piṭandi-ṭi*: это прилагательное „гранатовое“ (*piṭandi-ṭi* *ḫinzūri*)³⁵, *piṭandi* из аккадского диалектного *piṭamtu* ж. р. от *piṭtu* (с кратким конечным -u). В древнеармянском, как известно, в любом случае отпали конечные гласные, и в протоармянском, после *piṭ-* или, вернее, *piṭp-* обязательно, и без сомнения, был какой-то гласный. конечное -*ū* в акк. *piṭū*, которое никак не могло сохраниться уже в древнеармянском. Нужно заметить, что кроме диалектов Карабахской группы, где имеются формы с *ի—իտնի*, в остальных диалектах имеются формы без *ի—իտն*³⁶.

11. *Ոլոց(ի)*, *խլոց*, *քլոց* *oloṭ(n)* в диалектах также *xilog*, *k'ilog* (*Pisum*) „горох“.

Как уже отмечалось, армянские диалекты иной раз более сохраняют подлинный облик заимствованных слов, чем литературный язык. Этому есть довольно много примеров. Армянское литературное *ոլոց(ի)* *oloṭ(n)* «горох» или «вид гороха», которое встречается в диалектах в следующих вариантах: Баллу, Дерсим, Ерзика, Харберд, Кели (Кхи) *խլոց* *xəlog*, в Кехи оно имеет также звучание *քլոց* *kəlog*, по данным журнала «Нор Гехи», в Баллу встречаем также «арменизированные» варианты *խլոցիկ*, *խլոցուկ* *xlogik*, *xloguk*, а в Карабахе *հիւլեռն* *hūleṭnə*, Горисе *հիւլեռն* *hūleṭn*, Хоторджуре *օղեղ* *oṭel*, Муше *օլոց* *oloṭ*, Нор Нахичеване *ուլեղ* *uleṭ*, в районах *ուլեղ* *uleṭ*, в иных диалектах *քլոց*, *քլոց*, *k'ilūṭ*, *k'ilōṭ*³⁷. Такой разноречивой форм может указать

³⁴ Հ. Անտոյան, ՀԱԲ, IV, с. 145, под словом *առատի*.

³⁵ I. M. Diakonoff, НУ, с. 80.

³⁶ Հ. Անտոյան, ՀԱԲ, III, с. 472—473.

³⁷ Հ. Անտոյան, ՀԱԲ, III, с. 551. Ռ. Բաղդամյան, Դերսիմի բարբառային բարտեղը, Երևան, 1960, с. 140. Յ. Սարգսյան, Բալու, Գահիրե, 1932, с. 426. «Նոր Գեղի», Բ տարի, Բելրուս, 1965, с. 120.

лишь на то, что в начале слова был индоевропейский ларингал *h*, который в армянском отражается как *h* или нуль, либо, что слово заимствовано из субстратного языка, в котором начальная фонема неточно соответствовала той же армянской фонеме.

Это мог бы быть один из хуррито-урартских диалектов (или несколько таких) или лувийский язык, в котором сохранился индоевропейский *h*.

Некоторые специалисты (авторы «Нового армянского словаря» Петерман, Лагард, Патканян) армянское литературное *սլոց(ն)* *olot(n)* считали и.-е. словом, отмечая как его параллели гр. *'όλωρα* „полба“, лат. *olus, oleris* „зелень, овощи“, или выводили из арм. *օլոր*, *բլոր* „изгиб, круг“³⁸. Эти этимологии нас не полностью убеждают.

Н. Адонц, даже не учитывая наличия диалектных форм, сравнивая литературную форму *սլոց* с аккадским, сохранившимся также в нескольких вариантах словом *ḥallūgu, ḥillūgu, ḥul!ūgu, ḥallāgu* „горох“, ср. араб. *ḥullag-, ḥagul-*, арам. *ḥurlā*. евр. *ḥagūl*, также перс. *ḥeler*³⁹.

Все семитские формы имеют начальное *ḥ* (арам. *ḥ*) и поэтому соответствуют диалектным армянским формам с *х*; однако для всех, без исключения, армянских форм характерно среднее *-l-* *-l-*. Следовательно, в их прототипе не было удвоения, которое дало бы арм. *-ղ-* *-l-* как напр. **xlog, *xilog, *xlogik, *xlogik* и лит. *olot(n)*. Но слово не семитское, а заимствованное также и в аккадском, при этом с тем же суффиксом, что и в *xlog, salot*⁴⁰. Можно предполагать общий источник заимствования, однако в аккадском — с удвоением (*ḥallūgu*), а в армянском — без удвоения (*xilog*) тот же случай, что и в (*ḥallūgu-salog*). Это, может быть, означает, что аккадское слово — из хурритского, а армянское — из урартского; однако неясность с начальным согласным требует длительных исследований.

³⁸ Զ. Անանյան, ՀԱԲ, III, с. 551.

³⁹ Ն. Ադոնց, ՀԳ, с. 388. W. von Soden, ANW, с. 313. Պարսկերն բառարան, Ի Գէորգեայ Դպրէ Տէր Յովհաննիսեան Պալատոցոյ, Կ. Պոլիս, 1926, с. 185.

⁴⁰ I. M. Diakonoff, HU, с. 85, 141—142, IX, § 3, с. 70.

12. *Սալոր* salor (*Prunus L., Prunus spinosa*) „слива“ — одно из увезенных Шаррукеном из Малой Азии растений, значение которого пока спорно, вернее, мнения специалистов расходятся по этому поводу. Некоторые из них думали, что *šallūgu* — это „мушмула“⁴¹, другие — „фруктовое дерево“, „груша“⁴², или „слива“⁴³. Уточнить значение *šallūgu* было бы трудно, если бы не существовала параллель этого слова в армянском языке: *սալոր* salor (или *զոր* šlor в диалектах) со значением „слива“⁴⁴.

Отождествление арм. *սալոր* salor с акк. *šallūgu* принадлежит Н. Адонцу⁴⁵.

Правильность мнения Н. Адонца подтверждается следующими доказательствами: в аккадских текстах слово *šallūgu* выступает как синоним слова *ḫaḫḫu*. А значение акк. *ḫaḫḫu* — арам. *ḫoḥ* «слива»⁴⁶. Это слово также заимствовано некоторыми армянскими южными диалектами, гораздо позднее, и имеет более локальный характер. Например: *խոխ-եփի* хох-епі, в Мушском диалекте обозначает «сливовое дерево», в Ванском — просто *խոխ-ի* хох-і⁴⁷. Формант -епі здесь, видимо, окончание прилагательного; так что хох-епі значит «(дерево), относящееся к хох» (т. е. к сливе).

При отсутствии слова *šallūgu* в других семитских языках исключается его семитское происхождение. Несмотря на попытки вывести арм. salor из индоевропейского⁴⁸, связь этого слова с аккадским более вероятна.

⁴¹ R. Labat, MEA, с. 125, 228.

⁴² J. Friedrich, HW, 294.

⁴³ W. von Soden, ANW, с. 1149.

⁴⁴ Հ. Աճառյան, ՀԱԲ, IV, с. 167.

⁴⁵ Ն. Ադոնց, ՀՊ, с. 386—387.

⁴⁶ W. von Soden, ANW, с. 308.

⁴⁷ Հ. Աճառյան, ՀԱԲ, II, с. 385.

⁴⁸ Как отмечает Р. Ачарян (ՀԱԲ, IV, с. 157), Pictet впервые как параллели арм. *սալոր* считает слав. *sliva*, пол. *śliva*, венгер. *szilva*, литов. *slyva*, англ. *sloe*, верх. др. герм. *slēna* и нов. верх. нем. *Schlehe*. Ему следуют Г. Алишан, Патрубани, с сомнением также Г. Гюбшман; Солмсен, Валде, Тройтманн связывают с латин. *liveo* „посинеть“, *livig* „синеватый“, *lividus* „синева“ от и.-е. **sleivā*. Но так как из **sleivā* не получается *սալոր*, то Патрубани предлагает и.-е. основу *kalē, kelē* „греться“ (латин. *calere*) **kaloris*. Г. Джаукян выводит из и.-е. **(s)li-*цо „синеватый“ (см. его Очерки, 249).

Пишется *šallugi* идеограммой *ŠENNUR*, а в текстах из Нузи — *šappugi*⁴⁹. Сама древнейшая шумерская форма *ŠENNUR* уже заимствованная⁵⁰, потому что исконные шумерские слова не могут иметь двух разных гласных в одной основе⁵¹. К тому же ни мушмула, ни слива в Шумере не росли. На происхождение термина указывает нузийская форма *šappūgi*, так как нузийцы, хотя и писали на плохом аккадском, но были хурритами. На хурритский же язык указывает и чередование -пп-/-ll- между гласными⁵² — явление чуждое аккадскому языку, а также характерное хурритское окончание -ugi (читай /-oŋi-/) ⁵³. Окончание -u здесь — аккадский именительный падеж, вытеснивший хурритское окончание -i уже в аккадском, т. е. прототип восстанавливается как хурр. *šapp-ugi (засвидетельствованный нузийской формой) > шум. *šappug*; другой хурр. диалектный вариант *šall-ugi > акк. *šallūgu*.

Однако *šallugi*, *šallugi* дало бы арм. շաղուր *šalog или *ušallur* *šalog, значит, слово из урартского субстрата, так как хурр. *-ll- соответствует -l- именно в урартском⁵⁴ (хурр. *š-* обычно дает урарт. графическое *š-* с произношением |s|).

13. *uḫrḫ/qḫ·ḫl serk/gewil* (Cydonia) „айва“.

Армянское слово *uḫrḫ/qḫ·ḫl serk/gewil* „айва“ явно неиндоевропейского характера. Оно засвидетельствовано в классической армянской литературе с V в. и наличествует почти во всех диалектах армянского языка⁵⁵. Параллель этого слова *safarǰal* мы находим в арабском, но источником заимствования для армянской формы *uḫrḫ/qḫ·ḫl* араб. *safarǰal* не могло служить, так как из *safarǰal* в армянском языке ожидалась **ušarǰarǰal* *safarǰal или **ušarǰarǰal* *sar'arǰal в арабских заимствованиях армян-

⁴⁹ W. von Soden. ANW, с. 1149, R. Labat, MEA, с. 125, № 228.

⁵⁰ См. I. M. Diakonoff, HU, с. 53, 55.

⁵¹ См. И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 50.

⁵² I. M. Diakonoff, HU, с. 85, 141—142, IX, § 3, 70.

⁵³ Там же, с. 49, 55.

⁵⁴ Там же, с. 79—80.

⁵⁵ Հ. Ափսյան, ՀԱԲ, IV, с. 205—206.

ский язык обычно сохраняет *f* и *g*. Например: араб. *fulān* „некий, такой-то“ = арм. *flan*, араб. *maftūl* „скрученный“ = арм. *m/paft'ul* „провода“, араб. *paraṅg* = арм. *parin* „апельсин“, араб. *gāhīl* „безрассудный, неопытный“ = арм. *jahe* „молодой“ и т. д. Следовательно, источник заимствования другой и более древний, чем арабское слово *safargal*. В аккадском языке имеется форма *sup/burgillu* со значением „айва“⁵⁶, которое, несомненно, более подходящая форма для армянского *serk/gewil* с метатезой **surg/ku-rullu*. Так как аккадское слово очевидное заимствование, то оба слова происходят из одного, неизвестного для нас, источника. Отметим, что как *-ur-*, так и *-ur-* зарегистрированы как хурритские именные суффиксы⁵⁷.

14. *Տոլի, տոլի toll, touli* (*Vitis L.*) „виноградная лоза“.

В армянском языке слово *տոլի, տոլի touli, toll* один из синонимов слов для понятия „виноградная лоза“. Самое древнее упоминание этого слова мы находим в арм. переводе Геопоник в XIII в. (§ 49, 142, 213): в удинском языке имеется слово *tul* „виноград“⁵⁸, которое, несомненно, имеет отношение с арм. *տոլի toll*, а также *uduli* „виноград“ урартского языка, которое Г. Капанцян считает источником арм. *տոլի toll*⁵⁹. Так как происхождение этого слова пока не установлено, то мы обращаем внимание специалистов и на факт наличия сходного слова ^(GIŠ)*tilla-tu* — „виноградная лоза“ в аккадском языке⁶⁰.

15. *Տուդ/տ tud/t* (*Althaea armeniaca Ten.*) „алтей“.

Слово *տուդ/տ tud/t* „алтей“ — часто рекомендуемое целебное средство армянских лечебников средних веков — и ныне используется в народной медицине. У Р. Ачаряна отмечено как слово неизвестного происхождения⁶¹. По праву Г. Капанцян арм.

⁵⁶ W. von Soden, ANW, с. 1061 — здесь приведены также формы *supargillu*, *supargil*.

⁵⁷ I. M. Diakonoff, HU.

⁵⁸ Հ. Անառյան, ՀԱԲ, IV, с. 416.

⁵⁹ Գ. Ղափանցյան, Հայոց լեզվի պատմություն, Երևան, 1961, с. 330.

⁶⁰ W. von Soden. ANW, с. 1358.

⁶¹ Հ. Անառյան, ՀԱԲ, IV, с. 426—427.

տուդդ/տ tuldu/t отождествляет с хурритским словом (U)tuldu⁶², которое известно как *аптекарьское растение* (eine Drogenpflanze) из Шубари, ina Šubari⁶³, т. е. из страны хурритов на юге Армении. Это утверждает его неиндоевропейское происхождение и отношение к числу субстратных слов.

16. *Փարփար, փերփեր, փրփրեմ, փերփերան* p'agr'ag, p'egr'eg, p'gr'gem, p'egr'egan (Portulac) „портулак“.

«Портулак» в армянском языке дошло до нас в нескольких транскрипциях, вариантах как в литературном языке, так и в диалектах: если восточные диалекты для обозначения портулака не знают слова *փարփար* p'agr'ag, а лишь *դանդու* dandui, то западные и южные диалекты употребляют формы *փարփար* p'agr'ag (Сасун, Хнус), *փարպար* p'agraf (Муш), *փառփառ* p'afr'af (Мокс), *փերփեր* p'egr'eg (Харберд), *փրփրի* p'igr'iri (Кюрасон) и т. д. Врач Мхитар Гераци (XII в.), а также лечебники других авторов употребляют следующие формы: *փերփեր, փրփրեան, փերփերան, փարփար*, из которых *փրփրեմ, փերփերան*, видимо, заимствованные формы из персидского раграгам, раграбан⁶⁴. Но остальные формы, без окончания -ам, -ап, заимствованы, по-видимому, из других источников. Этим неизвестным нам общим источником может служить хурритский, как показывают аккад. раграгѳу, араб. рагрәѳіпә⁶⁵ с хурритским суффиксом -ѳі, -ѳи мн. числа -ѳі-па⁶⁶.

17. *Գիմոն, քեմոն, քամուն(ի)* k'imon, k'emon, k'amun(i) (Cumipum armenicum) „тмин“.

Неиндоевропейские происхождения имеют оба названия *тмина*, в армянском *չաման* čaman⁶⁷ и диалектное слово *քե/իմոն* k'e/imon, а также заимствованное слово из арабского *քամուն(ի)* k'amun(i) в лечебниках⁶⁸. Более древнее употребление этого же

⁶² Г. Капанцян, ИЛР, I, с. 232; ИЛР, II, с. 281—282.

⁶³ W. von Soden, ANW, с. 1369.

⁶⁴ Հ. Աճառյան, ՀԱԲ, IV, с. 500, 535—536.

⁶⁵ W. von Soden, ANW, с. 834.

⁶⁶ I. M. Diakonoff, HU.

⁶⁷ Հ. Աճառյան, ՀԱԲ, III, с. 622.

⁶⁸ Պ. Ղանդիլյան, Ա. Հովսեփյան, Լ. Պետրոսյան, *Բուսաբանական բառարան, Երեւան, 1975*, с. 55. Հ. Աճառյան, ՀԱԲ, IV, с. 549. см. также, Ղ. Ալիշան, *Հայրուսակ*, § 3133.

слова мы находим в аккадском языке, где оно имеет звучание *kašīpu*⁶⁹. Несомненно, что все упомянутые слова происходят от одной праформы, возможно, одного из языков Армянского нагорья: ведь это растение у арабов известно как „армянское“, а в научной литературе с XVII в. известно как „тмин армянский“ — *Сimīlum armenicum*, но исконный источник этого ареального слова для нас пока остается неизвестным.

18. *թաթաշն*, *թթաշն*, *թթիթ*, *թթկթ*, *թթէթ* *k't'an*, *k'at'an*, *k't'et'*, *k't'it'* (*Linum*) „лён“.

С семитскими формами связываются также два армянских слова — производные от *kitû*: это *թաթաշն*, *թթաշն* *k'at'an*, *k't'an*, которое зафиксировано в *ՀԱԲ* как заимствование из персидского *katān* или из арабского *kattān*⁷⁰ (хотя, возможно, и из аккадского *kutānu* — „льняная одежда, рубяха, туника“)⁷¹, а также пока не имеющего этимологию армянского слова *թթիթ*, *թթկթ* *k't'it'*, *k't'et'*, *k't'et'* — „льняная одежда, платье, ткань“⁷²,

Армянское слово *թթկթ* *k't'et'* распространено во многих диалектах (Сведия, Сиври-хисар, Ереван, Горис, Гандзак, Аштарак, Киликия и т. д.) и зафиксировано у авторов средних веков Армении в переводе „Геопоники“, „Лечебнике лошадей“ (XIII в.) Несомненно, оно восходит к аккад. *kitītu* — „льняная одежда, холщовое платье“⁷³, жен. рода от *kitû*. Возможно арамейское раннее посредство, так как более позднее арамейское заимствование дало бы *-āu* < арам. *-ā*).

⁶⁹ *W. von Soden*, *AHw*, с. 434. *F. Delltsch*, *AH*, с. 336, 183.

⁷⁰ Հ. Ահարյան, *ՀԱԲ*, IV, с. 577.

⁷¹ *W. von Soden*, *AHw*, с. 493.

⁷² Հ. Ահարյան, *ՀԱԲ*, IV, с. 577.

⁷³ *W. von Soden*, *AHw*, с. 493.

А. А. ПАПАЗЯН

БОРЬБА БРАТЬЕВ И РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ЛЕГЕНДАХ

Настоящая статья представляет опыт исследования некоторых фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов, формирующих или составляющих сюжетную канву ветхозаветного повествования.

Рассматривая ветхозаветные сюжеты (сообщения о патриархах: в каждом поколении новое, но во многом повторяющее предыдущие) как трансформированные или историзованные структуры одного мифологического сюжета, мы сочли возможным использовать отдельные мотивы, выраженные в одном рассказе, но отсутствующие в других, для восполнения целостности сюжета. Речь пойдет в основном о мотиве божественного зачатия и о рождении близнецов. Многие же другие, связанные с исследуемыми, намеренно оставлены в стороне для большей простоты и понятности изложения и без того сложного и запутанного фольклорного материала. Предметом исследования является в основном кн. Бытия, хотя, по необходимости, вовлекаются и другие отрывки из Ветхого Завета.

В повествовании кн. Бытия мы часто сталкиваемся с отголосками близнечного мифа; во всяком случае, с сообщениями о борющихся близнецах — родоначальниках племен. Таковы сыновья Исаака — Иаков и Исав, сыновья Иуды — Фарес и Зарра, младший из которых добивается права первородства. О сыновьях Иосифа — Ефреме и Манассии — не говорится особо, что они близнецы, но мотив передачи первородства от старшего брата младшему, связанный часто с кругом поверий, относящихся к близнецам, выступает и здесь. Эта тема противопоставляемых

братьев, пронизывающая всю книгу Бытия, накладываясь на сообщения о каждом поколении патриархов, притягивала к себе различные другие мифологические мотивы.

История Каина и Авеля, с одной стороны, является первой ступенью этой многопластовой структуры мифологической линии, идущей в сплетении с историческим повествованием книги Бытия; с другой же — она стоит отдельно от всего остального текста, представляя собой значительно более архаичный вариант сюжета о близнецах, не обросший еще историческими или претендующими на историчность подробностями.

Сообщение о сыновьях Ламеха (Gen 4, 19—22) можно рассматривать как вариант предания о Каине и Авеле. Оно выглядит выросшим (и подогнанным под другой распространенный мотив трех братьев — первопредков) из предания о двух братьях. О том, что мы имеем здесь дело с вариантом традиции о Каине и Авеле, говорят не только сообщения о роде занятий каждого из братьев (Иавал — предок всех скотоводов, Иувал — предок всех музыкантов¹, Тувал-Каин — предок всех кузнецов), но и, в первую очередь, имена их: двусогласная ячейка корня wbl/jbl, к которому восходят имена Jābāl и Jūbāl, совпадает с двусогласной ячейкой корня hbl в имени Nābāl. Имя же Тувал-Каина говорит само за себя².

¹ Не следует забывать, что имя Каин происходит от корня qjp/qwp: арабск. qāpa „ковать“. qa|p^{un} „кузнец“ (к этой форме типа qatī восходит еврейск. Qaj|p), арамейск. qēpī, qēpa|, qēpā'ā и глагол qūp, сир. qēp|ā, эфиопск. kepele „artifex“.

² Все три имени подогнаны под один корень wbl/jbl. Имя Jābāl связывают с 'ōb|l из IChr 27,30, которое сопоставляется с арабск. 'ābbāl^{un} „погонщик верблюдов“ (Koehler-Baumgartner, Lexicon in VT Libros, Leiden, с. 359). Таким образом, имя Иавала оказывается соответствующим его скотоводческому быту. Достойно упоминая также и финикийск. jbl „баран“. Имя Иувала подогнано к „Иавал“ и однокоренное с ним. Здесь в составлении этого имени, вероятно, сыграло роль и сходство с jōbēl „рог“ в связи с музыкальными инструментами, изобретенными Иувалом. Иавал и Иувал, таким образом, составляют ассоциирующую группу имен: явление, хорошо известное в фольклоре вообще и, в частности, в иудейской традиции (см. Эллад и Медад в Библии, Хиллак и Биллак в Талмуде и пр. Можно привести много примеров из арабского и мандейского материала).

Предание о Каине и Авеле, правда, также оказывается позже, с появлением Сифа, подогнано под мотив трех братьев-первопредков, известный в Библии еще в истории о Ное и его сыновьях.

Известно, что рождение близнецов часто связывается с божественным зачатием (либо зачатием от злого духа) одного или обоих младенцев. Отголоском этого представления в предании о Каине и Авеле³, можно считать, пожалуй, текст Gen 4,1c qānīī 'īš 'āṭ-Jhwh (много раз и по-разному комментированный разными учеными и комментаторами), если перевести 'āṭ-Jhwh — «вместе с богом», или «с помощью бога»⁴. Предание о зачатии Евой Каина от Сатаны известно у отцов церкви⁵ и в аггаде. В PRE, 32a рассказывается, что Ева зачала Каина от Змея, а выражение «и познал Адам жену свою» (Gen 4, 1a) толкуется: «он узнал, что она беременна и увидел, что облик его (младенца) не от земных, но от небесных». К этой традиции божественного зачатия Каина от-

В связи с традицией о Иавале и Иувале интересна следующая легенда, записанная в Армении: «Наслушавшись проповедей Соломона Мудрого, люди ушли высоко в горы, отшельничать. Увидев, что от этого нет никакой пользы, Бог приказал Nabeth-у и Sabeth-у заняться музыкой. Те поднялись в горы с музыкальными инструментами и своей игрой вернули людей к мирской жизни и труду». Имя Nabeth — армянская передача библейского Jārāf «Яфет», второе же имя Sabeth — искусственное, подогнанное под первое по звуковому сходству, подобно тому, как составлена пара имен Иавал и Иувал. Очевидно, что армянская легенда является отголоском библейского предания о сыновьях Ламеха. Только здесь этот сюжет приурочен к Ноевым сыновьям — внукам Ламеха по Быт. V, 28—32. Эта связь с ветхозаветным преданием становится очевидней, если вспомнить, что в апокрифах, у Ефрема Сирина, Синкелла, Абульфараджа известен сюжет о том, как дочери Каина соблазнили игрой на музыкальных инструментах, пением и красотой праведных сыновей Сифа, которые спустившись с горы, стали жить с ними. У Синкелла *διὰ μουσικῶν ᾠδῶν καὶ χιθάρων* ближе к тексту оригинала Gen IV, 21 о Иувале (названы те же музыкальные инструменты) и расходится с LXX, где *ψαλτήριον καὶ κιθάραν*.

³ На то, что Каин и Авель — близнецы, указывает текст Gen 4,2: *wattōsār lāladāṭ 'āṭ-'āḥiw 'āṭ-hābāl* „и продолжая рожать (родила) брата его, Авеля..“

⁴ См. палестинский Таргум (Ps.-Jonathan): *qnjtj lgr' jt ml 'k' djhwh*, где исправление *jt jhwh* на *jt ml 'k' djuwh* указывает, может быть, на то, что переводчик понимал грамматическую конструкцию *jt jhwh* именно как „вместе с богом“, но считал такое значение невозможным.

⁵ Eriph. adv. haer. 45,5; Irenaeus, haer, 1, 30, 7: Tertullian, de patient. c. 5.

носится также, вероятно, Vita Adae X об искушении Евы Сатаной и, там же, XXI, 3 «и она родила сына, и он был светящимся (lucidus, ср. выше PRE о «небесном» облике новорожденного Каина). Может быть к этой традиции относится также и I Послание Иоанна III, 10—12: «... Не так, как Каин, что от Лукавого и убил брата своего...». В гностическом «Евангелии Евы»⁵ описано искушение Евы Сатаной и рождение Каина и Авеля, сыновей Сатаны.

В предании о Ламехе и его сыновьях также, возможно, существовал этот мотив божественного зачатия. В Genesis Арокгурһон II сохранился рассказ о подозрении Ламеха, что жена его носит плод не от него, но от ангелов или святых ('jгjn, qdјšjn) и, принадлежащий, следовательно, к великанам (lprj1[jn]). Хотя дальнейший, утерянный текст Gen. Арокгурһон несомненно содержал рассказ о рождении Ноя (а не Каина), сходный с тем, который представлен в кн. Еноха (CVI), все же описание в книге Еноха облика новорожденного Ноя, светлого и светящегося, перекликается с Vita Adae и PRE, где подобным образом описан новорожденный Каин.

Примечательны в сходных и восходящих, по-видимому, к общему источнику преданиях — о сыновьях Адама и о сыновьях Ламеха — имена родителей: если в первом случае отец 'ādām «человек» hā'ādām (с определенным артиклем), а мать һawwā — по народной этимологии «живая», или «дающая жизнь» (ср. Gen 3, 20), имя, могущее быть божественным, то во втором случае мать носит имя bt'pš «дочь человека»⁶. В первом случае — мотив рождения близнецов у божественной (либо демонической, или хтонической) матери (ср. аггадическую народную этимологию имени Евы — «Змея»); во втором случае — божественное зачатие смертной женщиной⁷.

⁵ Eriph. adv. haer. 26.

⁶ Можно предположить, что существовала традиция, согласно которой Ламех был женат на дочери Эноша. В таком случае это была бы еще одна генеалогическая традиция, т. к. по официальной сифлянской генеалогии Энош старше Ламеха на семь поколений. В любом случае очевиден мотив божественного зачатия смертной женщиной.

⁷ Этот мотив появляется в гротескном виде в Gen 6,2, причем во времена Ноя, сына Ламеха (см. употребление одного и того же термина pәrīn в сходных контекстах в Gen. Аросг. II, 1 и Gen 6,4).

В дальнейшем, строго «патрилинейном», рассказе о патриархах мы обнаруживаем эту конструкцию (два отца: положительный и отрицательный, либо человек и божество) в перевернутом виде: так как генеалогическую линию, патриархов в каждом поколении продолжает один сын (свой, противопоставляемый предкам чужих племен), то разными (положительными и отрицательными) оказываются не отцы противопоставляемых братьев, а матери их: одна — положительная, «главная», любимая, вторая (или остальные) — служанка, наложница или нелюбимая. Хотя сами патриархи, в свою очередь, раздваиваются (или умножаются) в виде братьев-близнецов (Иаков и Исав, Фарес и Зарра, Ефрем и Манассия), или двух братьев от разных жен (Исаак и Исмаил), или множества братьев (три сына Ноя, двенадцать сыновей Иакова). Один из них, «лучший», всякий раз противопоставляется остальным. В следующем поколении именно он продолжает генеалогическую линию.

Все сказанное отнюдь не противоречит известной степени историчности ветхозаветного повествования. Конечно, существовавший уклад жизни древнееврейских племен-кочевников, наличие жен и наложниц, особенности права наследства и пр. и составляли ту объективную почву, на которой могла возникнуть именно такая трансформация мифологических сюжетов⁸.

В истории об Аврааме и его сыновьях выступают жена — Сарра и ее служанка — Агарь. Сын Сарры, Исаак — наследник и продолжатель рода, хотя сын Агари, Исмаил — старший. В конце истории об Аврааме появляется еще одна жена, Хеттура, от сыновей которой так же, как от сыновей Сарры и Агари, происходят народы.

Сюжет рождения Исаака — известный, очень распространенный в мировом фольклоре сюжет рождения сына (будущего героя или лидера) у пожилых, бездетных родителей. Рассказ о явлении

⁸ См. об этом подробно М. Ellade, *Le mythe de l'éternel retour*, Paris, 1969, особенно главу "Les mythes et l'histoire", а также R. de Vaux, *Bible et Orient*, Paris, 1967, стр. 175—185, главы "Les patriarches hébreux et l'histoire", обобщающая различные мнения ведущих специалистов относительно историчности ветхозаветных рассказов о патриархах.

Бога Аврааму у дерева Мамре (Gen 18) и сообщении ему, что Сарра родит сына, может быть истолкован как отредактированный сюжет божественного зачатия. Согласно Gen 18, 11, Сарра уже не могла родить; она зачала чудесным образом. Смех Сарры по поводу известия, что она родит (Gen 18, 12), может быть интерпретирован как ритуальный смех, символизирующий зачатие⁹. Само выражение *wattiṣṣāq šārā bəqirbāh* (см. употребление *qāgāb* в значении „утроба“ в Gen 25,22) довольно двусмысленно. В Gen 26,8 (*jiṣṣāq məṣāḥḥēq 'āṭ-riḇqā*) употреблен глагол *ṣḥq* (может быть в значении *future*) в породе *pi'el*, т. е. может быть первоначально „смешить“, „заставлять смеяться“. Собственно в обычном употреблении этот глагол в породе *pi'el* и значит „шутить“ = „смешить“. Далее Gen 21, 1, 2: („*wajja'aš jhwh ləšārā ka'āšār dibbēr wattahar wattēlād*) — „И сделал бог Сарре, как говорил, и зачала и родила“ — также может быть намекает на божественное зачатие.

В I Chr I, 28—33, где перечисляются потомки Авраама, ни Сарра, ни Агарь не упоминаются. I Chr I, 28: «сыновья Авраама — Исаак и Исмаил». О том, что это сыновья от разных матерей, ничего не говорится. Можно было бы объяснить это тем, что сын служанки жены по праву считался сыном жены. Но в I Chr I, 32—33 отдельно перечисляются сыновья Хеттуры, которая здесь, в отличие от Gen 25, 1 (где она — жена Авраама), названа наложницей Авраама. Во всяком случае создается впечатление, что здесь мы имеем дело с разными традициями, наиболее древняя из которых, возможно, предполагала божественное зачатие Саррой Исмаила и Исаака (может быть, близнецов, причем Исмаил — старший, но право первородства передано Исааку). Затем, с целью выделения Исаака и удаления Исмаила, а также с целью приписать Аврааму еще большую группу народов, происходящих от него, появились два других варианта: Авраам, его жена Сарра, двое сыновей от нее и наложница — Хеттура (или Агарь) и второй: Авраам, его жена Сарра и служанка ее Агарь — таким образом, двое сыновей

⁹ О ритуальном смехе см. В. Я. Пропп, Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне), в сб. «Фольклор и действительность», М., 1976.

от разных женщин. Сообщение о Хеттуре в кн. Бытия не входит в отрывок Gen 12,1—24,9, содержащий самую историю Авраама, но появляется в начале 25-й главы в очевидной генеалогической вставке, содержащей, правда, сообщение о смерти Авраама, но неуместно прерывающей уже начавшуюся историю Исаака. Во всяком случае, может быть не случайно мидрашисты (Genesis Rabba LXI, 25) и вслед за ними Раши прямо отождествляли Хеттуру с Агарью.

Хочется обратить внимание, в связи с предположением, что рассказы о рождении Исаака и Исмаила восходят к сюжету о рождении близнецов, на необычное жертвоприношение Авраама (Gen 15, 9—10). Рассечение жертвенного животного на две равные половины и раскладывание их симметрично, друг против друга может быть интерпретировано в связи с символическим представлением единства пары, с идеей равенства двух половин одному ($2=1$), известной в связи с близнецным культом у многих, например, африканских народов¹⁰.

И еще одно обстоятельство не должно быть оставлено без внимания. Это — пребывание Сарры в доме фараона (Gen 12, 10—20), затем (очевидно — вариант того же сюжета) у царя Герарского, Авимелеха (Gen 20). Не имеем ли мы здесь дело с мотивом добывания (или возвращения) жены из чужого (= враждебного, демонического; ср. хорошо известное в еврейской традиции представление о Египте, как о демонической, хтонической стране) мира? Рассказы о наказании Богом фараона (или Авимелеха) и сохранении таким образом супружеской верности Саррой можно считать более поздними по сравнению с основным сюжетным остовом истории о взятии Сарры в дом к фараону (или к Авимелеху, а первоначально, возможно, к некоему хтоническому существу). В таком случае можно было бы рассматривать эти сюже-

¹⁰ В. В. Иванов, Близнецный культ и двоичная символическая классификация в Африке (Африканский этнографический сборник, XI, 1978, стр. 214—246), стр. 223—225. Рассечение животного на две половины (правда, с прохождением людей между ними, чего нет в истории об Аврааме) встречается в Ветхом Завете еще в Iег 34, 18—19. Причем здесь это — языческий обычай, вызвавший гнев Божий и наказание, что косвенно подтверждает древность (во всяком случае домонотеистическое происхождение) этого обычая.

ты как реликты древнего представления о двойном отцовстве в случаях рождения близнецов¹¹. В кн. Бытия рассказ о рождении Исаака следует непосредственно после истории о взятии Сарры Авимелехом. А после рассказа о возвращении Сарры из дома фараона и выхода Авраама из Египта вместе с женой и всем имуществом (мотив вывоза богатства из чужой, хтонической страны, весьма характерный для подобных сюжетов, выступает и в истории с Авимелехом), прерванного рассказами о Лоте, идущими параллельно повествованию об Аврааме, следуют рассказы о жертвоприношении из рассеченных животных (Gen 15) и о рождении Исмаила (Gen 16) от Агари, египтянки (ср. жена, вывезенная из хтонического царства¹²; инверсия представления о двойном отцовстве в мотив о двух матерях, который проявляется с большей очевидностью в рассказе об Иакове и его женах; см. ниже).

Интересно, что в позднем (X в.) сочинении *Sēfār hajjāšār*, содержащем житие Авраама, также выступает мотив рождения чудесного ребенка (Авраама), вызвавшего опасения у царя (Нимрода), которого предупредили мудрецы и маги, увидевшие в ночь рождения ребенка появление большой и яркой звезды, проглотившей сорок других¹³. Нимрод, обеспокоенный сообщением магов, вызывает Тераха, отца Авраама, и требует, чтобы тот убил младенца в его присутствии. Терах, однако, приносит к Нимроду другого ребенка, рожденного ему в ту же ночь наложницей, и убивает его перед Нимродом. Мы сталкиваемся здесь с сюжетом, сходным с жертвоприношением Авраама: отец вынужден заколоть сына перед царем (Богом), но находится замена (чудесным образом). Причем заменой здесь оказывается брат, рожденный наложницей (мотив двух братьев, положительного, избранного для особой миссии — от жены и отрицательного — от наложницы).

¹¹ В качестве типологической параллели можно сослаться на похищение Раваной Ситы, сохранившей, согласно известным версиям Рамаяны, верность мужу, и рождении у нее близнецов, Куши и Лавы после возвращения с Ланки.

¹² Может быть, не лишне упоминание о том, что, согласно *Genesis Rabba* (45), Агарь (как и в арабской традиции) — дочь фараона, отданная им Сарре в служанки.

¹³ Мы не затрагиваем здесь параллельные новозаветные сюжеты, которые будут предметом особого исследования.

И еще раз, в этой же книге, мы встречаем мотив двух братьев, один из которых, избранный, спасен, в то время как второй, сводный,— убит. После того, как становится известно, что Авраам жив и втайне от всех воспитывается родителями (мотив временного удаления героя и воспитание вдали от дома; вариантом этого мотива представляется удаление Иакова в Месопотамию, так же как и пребывание Иосифа в Египте), Нимрод приказывает сжечь его. В огне оказываются Авраам и его брат Харан. Харан сгорает, а Авраам остается жив. (Этот рассказ связан с Gen 11, 28: «И умер Харан при Терахе, отце своем»). Следует заметить, что Харан погибает, не будучи ни в чем виновен.

Нимрод, в гневе на Тераха за обман, обещает все же избавить его от наказания, если он назовет того, кто посоветовал ему заменить младенца Авраама его сводным братом. Терах указывает на своего ни в чем не виновного сына, который и оказывается в огне вместе с Авраамом по приказу Нимрода. Таким образом опять, благодаря этой неестественной истории, Авраам оказывается действующим лицом в сюжете, где отмеченный Богом сын оказывается спасен, а как бы вместо него погибает его брат¹⁴.

Все эти рассказы о спасении героя от смерти принесением вместо него в жертву его как бы двойника представляются очевидными вариантами хорошо известного в эпических традициях народов мира мотива едва-не-смерти и спасения героя, когда вместо него погибает его спутник, друг или брат. Считается, что в мифо-

¹⁴ Несмотря на очевидную связь этих рассказов из *Sēpār haJJāšār* с Gen 15.7 («Я—бог, который вывел тебя из Ура Халдейского»), где 'ur = Ур, название города, но и «огонь», аггада об Аврааме, вышедшем живым из огня происходит не из каламбура (ср. *I. Heinemann, Dareke Haggada, Jerusalem, 1949, стр. 18*), но, как показал *G. Vermes (Scripture and Tradition in Judaism, Leiden, 1973, стр. 85—90)* «from reinterpretation of one scripture tradition by another» (*G. Vermes, op. cit. стр. 89*). Для нас, однако, интересно здесь то, что и игра слов, и «переинтерпретация одного отрывка Писания с помощью другого» вписываются в известный заранее сюжет, становятся конструирующими его элементами. Обратившись к сюжету об Аврааме в пламени, хочется заметить еще, что кроме связи его с *Ies 29,22* и *Dan 3*, на которую указывает *G. Vermes*, ссылаясь на *R. Bloch (Ecriture et tradition dans le Judaïsme, в CS. VIII, 1954, стр. 29, п. 62)*, в них можно усмотреть также и реминисцентную связь с обычаем проведения через огонь (см. *II Reg 16,3; 17,31; 21,6*).

логическом плане идея субститута восходит к близнецному мифу¹⁵. Параллельными этим мотивам замены жертвы можно считать рассказы о жертвоприношении Авраама, где Исаак оказывается заменен овном и, таким образом, спасен. Этот же мотив в трансформированном виде можно опознать в истории об Иосифе, где вместо Иосифа оказывается заколот козел¹⁶, кровью которого была вымарана его одежда, принесенная Иакову (Gen 37, 31).

В повествовании о сыновьях Исаака нет очевидных следов мотива божественного зачатия. Хотя мотив долгой бесплодности жены выступает и здесь: только после обращения к Богу рождаются близнецы. Обращает на себя внимание также рассказ о том, как Ревекка едва не оказалась взята в жены в Гераре (Gen 26, 7—11) при том же самом царе Авимелехе, к которому была, согласно Gen 20, взята в дом Сарра (очевидное применение одного и того же сюжета к двум разным персонажам; см. выше предлагаемую нами интерпретацию этого сюжета). Зато тема враждующих близнецов выражена в этом поколении особенно ярко.

Исав наделен очевидными демоническими чертами. Он красный (от рождения, и затем прозван «красным» в связи с красной чечевичной похлебкой: очевидно две разные традиции толкования имени 'Ēdōm¹⁷), волосатый¹⁸, 'īš śādā, «человек степи» (ср. śādā первоначально «бесплодная степь», место обитания демонов). Его жадность до красной похлебки в рассказе о продаже первородства (Gen 25, 30) — «Отлей мне красного, красного этого, ибо усталый я...» — напоминает жадность демонов до крови. Ср. Gen 25, 32: «Вот я умираю, так зачем мне первородство?» — чтобы не уме-

¹⁵ См. П. А. Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, М., 1974, с. 230—232.

¹⁶ Ср. волосатость Исава и козлиная шкура, которой покрывает руки и шею Иаков, чтобы уподобиться Исаву.

¹⁷ О цветовой символике, связанной с близнецным культом см. В. В. Иванов, Близнецный культ и двоичная символическая классификация в Африке, «Африканский этнографический сборник», XI, 1978, с. 146—214. Там же (с. 223) упоминание о привязывании красной нити на руку одного из близнецов (Gen 38, 28—30) и литература вопроса.

¹⁸ Ср. возможную этимологию имени 'ēśāw от арабск. 'a'īā «волосатый» (L. Koehler-W. Baumgartner, Lexicon in Veteris Testamenti Libros, sub v.).

реть, ему нужно выпить красную похлебку (первоначально — кровь?).

Рассказ о благословении Исааком Иакова обнаруживает некоторое сходство с историей жертвоприношения Каина и Авеля. Чтобы получить благословение отца, Исав должен принести ему из плодов своего труда приготовленную (т. е. жареную) дичь. Вероятно, если бы Исаак собирался благословить Иакова, последнему следовало бы принести продукты своего труда. Таким же образом Каин и Авель принесли в дар Богу продукты каждый своего труда.

После того, как Иаков получает благословение, приходит Исав и узнает о происшедшем (Gen 27, 34: «И поднял высокий и очень горький вопль»). Так же после того, как жертва Авеля принята, а жертва Каина отвергнута (Gen 4, 5), «Разгневался Каин очень и поникло лицо его».

Восклицание Бога (Gen 4, 10) «Что ты сделал!» выражает очевидную его растерянность: он не мог контролировать происшедшее, и не может изменить будущего. Он только доводит до сведения Каина, каковы будут последствия его поступка. В Gen 27, 33 — похожая ситуация: «И вострепетал Исаак очень сильным трепетом и сказал: Кто тот, кто поймал дичи и принес мне? И я поел от всего, прежде чем ты пришел, и благословил его. Он и будет благословен». Далее (Gen 27, 40) Исаак сообщает Исаву, что его ожидает в будущем (так же, как Бог — Каину: Gen 4, 10; и сам Каин — о своей участи — Богу: Gen 4, 14). Причем Gen 27, 40 «И мечом твоим ты будешь жить, но будет, что ты воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей» напоминает загадочный Gen 4, 7: «Он будет стремиться к тебе, но ты властвуй над ним».

Просьбы Исавы, благословить и его (Gen 27, 34: «благослови и меня, отец»; 27, 36: «неужели ты не оставил мне благословения?»; 27,38: «неужели благословение у тебя одно, отец мой, благослови и меня, отец мой!») напоминают возражение Каина (Gen 4, 12): «больше наказание мое, нежели снести (можно)», явно требующее облегчения его участи, что и происходит. Бог объявляет, что всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро и делает на Каине знак, чтобы он не был никем убит. Так же и Исав в результате неоднократных просьб, получает частичное бла-

гословение (Gen 27, 33) и обещание, что когда-нибудь он свергнет его брата своего с выи своей. Gen 27, 41: «И сказал Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отце моем, и убью я Иакова, брата моего». Ср. 4, 8: «...и восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его».

История Иакова и его сыновей наиболее насыщена различными фольклорными сюжетами, переплетающимися с историческим повествованием. Но, хотя у Иакова не два, а двенадцать сыновей, все же и тут мотив борьбы между братьями выступает вполне отчетливо. Правда, картина здесь значительно более усложнена, так как перед рассказчиком, в силу большей близости по времени и большей степени историчности материала, стоит множество реальных обстоятельств, с которыми он должен считаться. Во всяком случае очевидно, что Иосиф противопоставляется Рувиму (первенцу Иакова) и Иуде (вопрос здесь, может быть, еще в том, что отдельно существует борьба между первыми четырьмя сыновьями Лии, из которых Рувим — старший, Иуда — младший).

В IChr, 1—2 мы сталкиваемся уже с очевидным, грубым приспособлением фольклорного мотива (или, быть может, какого-то известного обычая)¹⁹ к исторической и политической необходимости выставить колено Иуды на особое положение: «Отдано первородство его (Рувима) сыновьям Иосифа, сына Израиля, с тем, чтобы не числиться ему первородным, ибо Иуда стал сильным среди братьев своих и вождем из них, а первородство (принадлежит) Иосифу».

Если в истории Иакова и двенадцати его сыновей мотив борьбы между братьями очень усложнен и, таким образом, не так четко выражен, то здесь мотив двух противостоящих лиц перенесен на жен Иакова, Лию и Рахиль, каждая из которых в свою очередь раздваивается (мотив жены и наложницы). Причем Рахиль — младшая сестра, вторая жена, но любимая. И именно ей (матери

¹⁹ Нечто подобное этой передаче старшинства младшим, быть может, следует усмотреть в тексте легенды о Керете (KRT, B, III. 16: šg'rtñ 'abkrñ), если считать правильным принятый перевод: «Младший из них будет сделан первородным».

младшего сына, получившего право первородства и, таким образом, особо выделенного) приписано долгое бесплодие. Эта усложненная картина (две жены и две наложницы) дает рассказчику возможность разместить все двенадцать колен по группам (исторически сложившимся группировкам колен). Противоборство между Лией и Рахилью отчетливо выражено противоопоставлением Иуды и Рувима (старших сыновей Иакова), сыновей Лии (старшей сестры) — Иосифу и Вениамину (младшим сыновьям Иакова), сыновьям Рахили (младшей сестры и любимой жены).

Примечательна история о том, как Лия купила Иакова у Рахили на одну ночь за мандрагоры, найденные Рувимом в поле во время жатвы — Gen 30, 14, 15: «И пошел Рувим в дни жатвы и нашел мандрагоры в поле и принес их Лии, матери своей. И сказала Рахиль Лии: Дай мне из мандрагоров сына твоего. И сказала ей: Мало тебе было завладеть мужем моим, ты завладеешь еще и мандрагорами сына моего? И сказала Рахиль: Так пусть ляжет он с тобой эту ночь за мандрагоры сына твоего».

Известно, что мандрагоры имеют эротическое значение. В Библии они еще раз появляются в Sap 7, 14 наряду с виноградом, который также относится к эротической символике. Выражение Лии: «Мало тебе владеть мужем моим, ты завладеешь и мандрагорами сына моего» означает, может быть, что Рахиль домогалась связи с Рувимом. Возможно эту историю имеет в виду Gen 49, 4: «... ибо взошел на ложе отца своего, ведь ты осквернил ложе взойдя». В таком случае Gen 35, 22 (рассказ о том, что Рувим вошел к Валле, служанке Рахили) была бы более поздней версией, спасающей репутацию Рахили. Во всяком случае, мотив осквернения постели отца старшим сыном очевиден. Этот акт, по-видимому, имеет символическое значение вступления сына в права отца²⁰. С этим представлением мы встречаемся в Библии еще в II Sam 16, 21, 22, где Ахитофел советует Авессалому войти к наложницам:

²⁰ Об этом подробно см. С. С. Аверинцев, К истолкованию символики мифа об Эдипе. В сб. «Античность и современность» (к 80-летию Ф. А. Петровского), М., 1972, с. 90—102.

Давида во всевидение народа²¹. Так же и II Sam 3, 7, возможно, в упреке Иевосфея Авениру в том, что тот вошел к наложнице Саула — Рицпе — содержится подозрение в стремлении к власти. Именно это недоверие, вероятно, и вызвало обиду и уход Авенира. Итак, поступок Рувима связан с его претензией на первенство, наследство и продолжение рода и, таким образом, тяготеет к теме борьбы братьев за первенство.

Этот мотив связи матери с сыном, возможно, выступает и в Gen 4, 1с: «... обрела я мужа с помощью Бога» (или «вместе с Богом»). Такое понимание Gen 4, 1с, во-первых, исходит из наиболее простого и прямого перевода текста, во-вторых, вполне согласуется с известным из преданий многих народов сюжетом о чудесном зачатии первой женщиной сына-первопредка (или сыновей-первопредков) и происхождении человечества от связи между матерью и сыном²².

История о дочерях Лотовых, может быть, представляет собой перевернутый вариант этого же мотива²³. Причем, так как рассказчик не может допустить, чтобы инициатором кровосмешения был праведный Лот, то инициатива здесь исходит от дочерей его. Отсюда и опьянение Лота — еще одно смягчающее обстоятельство²⁴.

²¹ См. также предвещание этого события Натаном (II Sam 12, 11). Хотя во времена Давида владение женами правителя символизировало владение троном (и имуществом) его, независимо от мотива связи сына с матерью. См. например, II Sam 12, 8: «... я дал тебе дом господина твоего и жен господина твоего...».

²² См., во всяком случае, Genesis Rabba XXII, 4, где говорится, что Каин и Авель поссорились из-за Первой Евы.

²³ Правда, с другой стороны, история о дочерях Лота может быть соотнесена с угаритским текстом (SS) «Рождение благих и милостивых богов», где Эл сочетается с двумя девами, которые называют его то отцом, то мужем.

²⁴ Опьянение в качестве оправдания кровосмесительной связи выступает также и в Testamentum Reubenі (Валла, опьянев, лежала обнаженной и Рувим вошел к ней) и в Testamentum Judae (Иуда был пьян и не узнал Фамарь). Хотя эта связь совокупления и зачатия с вином, виноградом, виноградной лозой восходит к более глубоким сферам мифологических представлений (см. многократные упоминания вина, виноградника в Песни Песней, тексте, содержащем явные отголоски священного брака и т. п.).

Еще раз с близнецами мы встречаемся в истории об Иуде и Фамари (Gen 38). Сюжет божественного зачатия здесь трансформирован в зачатие от недозволенной связи (хотя первоначально Фамарь в облике проститутки могла быть представительницей богини, идентичной Иштар); не следует забывать также, что Иуда — не простой человек, но предок колена Иуды, эпоним. Этот сюжет здесь переплетен с мотивом левирата. Рассказ о рождении близнецов сходен с рассказом о рождении Иакова и Исава: при рождении младший, Фарес, опережает Зарру, который должен был родиться первым (в случае с Иаковом и Исавом — при рождении только попытка младшего опередить старшего; вероятно существовал вариант, идентичный истории рождения Фареса и Зарры. В тексте книги Бытия, содержащем историю Иакова и Исава, вообще очень четко выступают, во всяком случае, два различных источника.

Эти же мотивы (божественного зачатия, двух жен, одна из которых, «лучшая» — бесплодна, соперничества сыновей) встречаются в рассказе о рождении и возвышении пророка Самуила (I Sam 1—3). У ефратянина Элканы две жены. Любимая, Ханна, бездетна (ситуация, сходная с положением жены Авраама и двух жен Иакова). После жертвоприношения в Силоме и молитвы Ханны (в присутствии первосвященника Илиа, представителя Бога в храме) и обещания отдать сына (если он родится) в храм, у Ханны рождается сын, которого она называет Самуилом, букв. «имя (т. е. по переднеазиатским представлениям, потомок) Бога».

Отголоском мотива божественного зачатия здесь представляется диалог между Ханной и Илием, где обращение Илиа к Ханне (I Sam 1, 14, 15 «и сказал ей Илий: доколе ты будешь пьяной? Отрезвись от вина твоего») напоминает Jud 13, 4, где в сходном сюжете, повторяющем мотив зачатия (вероятно, божественного) женщиной после долгой бесплодности, ангел, явившийся с сообщением о предстоящем рождении сына (Самсона, также посвященного Богу по рождении), говорит: «И теперь остерегись вина и пива и не ешь нечистого». Кроме того, выражение *kī rāqad jhwh 'āt-ḥanna wattahar wattēlād* (I Sam 2,21) перекликается с Gen 21,1: *wajhwh rāqad 'āt-šārā ka'āšār 'amar wajja 'aš jhwh lə*

šarā ka'āšār dibbēr wattahar wattelād, где речь идет о зачатии Сарры. Наконец, следует отметить, во всяком случае, что имя Илиа ('Ēlī) совпадает с 'Ij — одним из имен угаритского Ваала. Можно было бы предположить параллельный ханнаанский сюжет: бесплодная женщина, пришедшая в храм просить сына у Ваала и получившая его от него самого.

Самуил в очень раннем возрасте отдан в храм к Илию, как было обещано Ханной. Здесь он оказывается противопоставлен нечестивым сыновьям Илиа. Сыновья Илиа, неугодные Богу, убиты, а Самуил избран Богом в пророки после Илиа.

Давно замечено, что в тексте книги Самуила переплелись два предания, одно из которых первоначально было, вероятно, о Сауле. В I Sam 1, 20 и 1, 27 и 1, 28, где Ханна объясняет имя своего сына, речь идет на самом деле оба раза об имени не Самуила, а Саула. 1, 20: "...kī mējhwh šə 'iltīw"; 1,27: "...'āšār šā'altī mē'immo"; 1,28: "wəgam 'anōkī hiš'iltīhū lajhwh kol-hajjāmīm 'āšār haja hū šā'ul lajhwh".

Вероятно, можно было бы восстановить первоначальные два предания: одно — о Сауле, родившемся у бесплодной матери после жертвоприношения и прощения в храме; второе — о Самуиле (может быть первоначально, сыне Илиа, избранном Богом и противопоставляемом в предании его нечестивым братьям, старшим сыновьям Илиа).

Мотив противопоставляемых братьев восходил, вероятно, к мифологическому сюжету о борющихся близнецах, связанному с представлением о божественном зачатии одного из братьев, контаминированный уже на раннем этапе становления древнееврейской устной традиции с другим широко распространенным мотивом божественного зачатия будущего героя или лидера после долгого бесплодия матери. В такой форме он притянул к себе историю о рождении Саула, и, после вытеснения из легенды непопулярного Саула, был составлен рассказ о рождении и возвышении Самуила в том виде, в каком он представлен в ветхозаветном тексте.

И. Т. КАНЕВА

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОБЛАДАНИЯ В ШУМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В шумерском языке засвидетельствован самостоятельный глагол со значением «иметь» (*tuku*). Сочетания с ним, передающие отношения обладания, имеют широкое распространение и строятся по типу конструкций с переходным глаголом, а именно: субъект-обладатель (чаще всего это имя, не оформленное падежным показателем, реже с показателем эргативного падежа *-e*) — прямой объект — объект обладания (имя без падежного показателя, в абсолютном падеже) — финитная глагольная (переходная) форма, например, *ušumgal ... gaba-ri pu-tu-ni-in-tuku* „дракон ... не имел соперников“ (ELA 352)¹; *amaš àm-tuku-tuku-e* „он имеет загон (SSA 103 A rev. VI 6)²; *1 gín kù-babbar Ur-ma-ma-ke₄ Ha-la^dLama-da ba-da-an-tuku* „Урмама имел один сикль серебра за Халаламой“, букв. „имел у Халаламы“ (NSG 211, 77'—78').

Наряду с этим значение обладания могло выражаться посредством конструкций с глаголом *gál* «быть». Такие сочетания строились по типу конструкций с непереходным глаголом: субъект-объект обладания (имя в абсолютном падеже) — косвенный объект-обладатель (имя в совместном падеже, показатель *-da*) — финитная глагольная (непереходная) форма с пространственным

¹ В скобках даются общепринятые в шумерологической литературе сокращенные названия текстов.

² Субъект, выраженный местоимением, как правило, отсутствует в предложении, его заменяет соответствующий субъектный показатель в составе глагольной формы.

префиксом совместного падежа³, например, kuš ... Igi-zid udul-da e-da-gál „у Игзида, пастуха, находятся кожи...“ (DP 253); di-kud ka-aš-bar-re-da [z]a-a-da ša-mu-e-da-gál „у тебя находится суд вместе с решением дел“ (SRT 12, 18—20); é-dú-dú ú kir_x(SAL_xSILA₄) za-da pu-mu-da-gál „ты не умеешь строить дом (и) защищать? ягненка“, букв. „у тебя нет строить дом и защищать? ягненка“ (KU C 36).

В конструкциях с глаголом gál показатель совместного падежа мог графически не выражаться, но в глагольной форме присутствовал пространственный префикс совместного падежа, например, 4 $\frac{4}{5}$ ša gur-lugal dub-Lugal-TÚG-maḥ Ûr-re-ba-ab-du₇ in-da-gál-àm „документ Лугальтугмаха относительно 4 $\frac{4}{5}$ царских гуров зерна находится у Уребабду“ (NSG 208, 11—14). Ûr-re-ba-ab-du₇ < *Ur-re-ba-ab-du₇-da.

Следует отметить, что в шумерском показателе грамматических отношений глагола и косвенного объекта, стоящего в каком-либо пространственном падеже и выраженного местоимением, чаще всего выступал только соответствующий пространственный префикс (само местоимение, как правило, в предложении отсутствует). Подобное употребление пространственного префикса мы назвали абсолютным. В следующих примерах с глаголом gál обладатель представлен пространственным префиксом совместного падежа. gaba-ri pu-mu-un-da-gál „он не знал, что сказать“, букв. „у него (-n-da) нет ответа“ (ELA 238); ur-sag-da gub-bu-dè zi-zu ḥé-en-da-gál ^dUtu-da gub-bu-dè zi-zu ḥ[é-e]n-da-gál „если будешь стоять рядом с героем, ты будешь жив (букв. „твоя жизнь имеется у тебя“, -nda- написано ошибочно вместо -eda-), если будешь стоять рядом с Уту, ты будешь жив“ (IS 76—77); ugi daḥpa-aš-àm àm-da-gál-la-ba „когда город находился от них в одном часе (ходьбы)“, букв. „город имеется у них в одном часе

³ Пространственные падежные отношения в шумерском могли находить отражение в финитной глагольной форме с помощью пространственных префиксов, которые состояли из местоименного элемента, указывающего на лицо или класс косвенного объекта, и соответствующего падежного показателя.

(ходьбы)“ (LE 253); *mu-e-da-gál-la-àm*, акк. *pa-šá-ku-[ma]* „(это) имеется у меня“ (Angin III 24. 25—26); *gidri um-ta-?-kíd hu-mi-up-da-gál* „после того, как он разгадает (загадку) про скипетр, пусть он возьмет его“, букв. „пусты он имеется у него“ (ELA 410).

Посредством слов, обозначающих части тела, может уточняться, где именно у обладателя находится предмет — объект обладания. *šū-ni* (вар. -па) *pa-kug-КА-па ba-da-gál* у него в руке (букв. „в его руке“) был сверкающий посох“ (GLL 15); *á-zid-da-mi šár-úr-mi mu-e-da-gál-la-àm á-gub-bu šár-gaz-mi mu-e-da-gal-la-àm* „в моей правой руке у меня имеется оружие „шарур“, в левой руке у меня имеется мое оружие „шаргаз“ (AG 129—130); *inim-bi ka-ka-па pam-ta-da-gál-la* „как только она произнесла эти слова“, букв. „эти слова появились у нее в ее устах“ (IE II 1 27, 61).

Очевидно, под влиянием конструкций с глаголом *gál* стали возникать аналогичные конструкции с глаголом *tuki* «иметь». Следует отметить, что подобные контаминированные сочетания с *tuki*, по нашим наблюдениям, мало употребительны (нами обнаружено до сих пор только два примера, оба из поздних памятников). *mí-zid Igi-íl-la ba-e-dè-tuku-dam* „достойную женщину, выбранную (тобой), ты взял (в жены)“, букв. „выбранная достойная женщина имеется у тебя -e-da-“ (SGL I 19, 155); *níg àm-da-tuku-tuku* „он приобрел вещи“, букв. „вещи имеются у него“ (SP I 16).

Вместо совместного падежа, оформляющего имя в функции обладателя, мог употребляться дательный падеж (показатель -га) или сочетание, состоящее из слова *ki* «земля, место», стоящего перед именем, и показателя местного падежа -а. Сочетание *ki-...-а* в шумерском указывает на место совершения действия или место нахождения предмета или лица. В обоих случаях в глагольной форме мог присутствовать пространственный префикс совместного падежа. *kišib-Ка₁₀-ми ki-Ur-mèš-ka i-gál* „документ Каму находится у Урмеша“ (NSG 205, 47—48); *gu-gu-^dUttu me-lám-pam-lugal-la mà-a-га mi-da-gál* „у меня есть нити Утту и царственный блеск“ (LA 96); *mú-sar mi-up-pe-gál* „у них (-пе-) были

рядки, (случай абсолютного употребления префикса дательного падежа) FA 172.

Обращают на себя внимание конструкции, построенные на той же модели, что и сочетания с глаголом *gál* (случай абсолютного употребления пространственного префикса совместного падежа), но с глаголами *gá-gá*, *gi*, *íl*. Наиболее подходящими для контекста рассматриваемых нами примеров представляются следующие значения перечисленных глаголов: *gá-gá* (представляет собой редуцированную форму глагола *gag*) «находиться», *gi* «находиться», *íl* «подниматься, оказаться». Можно предположить, что указанные глаголы в определенных контекстах являются синонимами глагола *gál* и сочетания с ними подобно конструкциям с *gal* передают посессивные отношения. Это предположение подтверждается двумя примерами, где в одном употреблен глагол *gál*, а в другом в аналогичном контексте глагол *gá-gá*: *inim-bi ka-ka-pa um-ta-da-gál-la* «едва она произнесла эти слова», букв. «едва эти слова появились у нее в ее устах» (An-gim-dim-ta 98); *inim-bi ka-ka-pa um-ta-da-gá-gá* «едва она произнесла эти слова», букв. «едва эти слова появились в ее устах» (Dd 70). Сравни также другие примеры с конструкциями обладания, в которых выступают глаголы *gi*, *íl*. *nam-dumu-ni/ibilla-ni-šè ba-da-an-gi/ba-an-da-gi* «он взял его как своего сына/как своего наследника», букв. «он появился у него (-nda-) в качестве его сына/его наследника» (ŠL 86, 23); *lu ba-an-da-gi-bi* «его приемный отец», букв. «тот, у которого (-nda-) он находится», MSL 1, 45; *ug mu-da-gi pirlig? mu-da-gi giš taškarin mu-da-gi giš ħa-lu-úb mu-da-gi* «я привел собаку (букв. «собака находится у меня -da-»), я привел льва, я принес самшит, я принес дерево «халуб» (PAPS 107, 6, 503); *nam-kaḡ-kid-da-ni tillá-ta ba-an-da-íl-la* «он взял девку с улицы», букв. она (в) качестве девки появилась у него (-nda-) с улицы» (MSL 1, 96, 7 II 23—23 a; *eger-bi-ta-ám nu-gig-ám sila-ta ba-an-da-íl-la* «затем он взял с улицы иеродулу, букв. «иеродула с улицы появилась у него (-nda-)» (MSL I 99, 7, III 7—8).

К числу глагольных конструкций обладания, возможно, следует отнести также следующую (обнаружена пока только в единичном примере): имя объекта обладания с притяжательным

суффиксальным местоимением, указывающим на лицо, число и класс обладателя, и спрягаемая форма глагола «быть» (me). Поскольку объекты обладания выражены здесь именами, обозначающими части тела, возможно, речь идет о конструкции со значением так называемой неотчуждаемой принадлежности: sag-ki-GĪR-a-pi ħé-me-a iġi-GĪR-ma-ka-a-pi ħé-me-a su₆-^{na}za-ġip-na-ka-a-pi ħé-me-a šu-si-šag₅-ga-pi ħé-me-a „воистину у него есть гневное лицо (букв. „его гневное лицо воистину есть“), воистину у него есть гневные глаза, воистину у него есть лазуритовая борода. воистину у него есть милостивые пальцы“ (GA 72—75).

Л. С. БОБРОВА

«ПИР» В ДРЕВНЕМ ШУМЕРЕ

Сцены пира — довольно часто встречающийся мотив в искусстве Шумера. Несмотря на то, что эти сцены довольно однотипны, а иногда их изображения просто неразборчивы, тем не менее из них можно вынести представление о шумерских реалиях, например, первой половины III тысячелетия до н. э., если за основу исследований взять знаменитый «Урский штандарт»¹. Изображение на «штандарте» выполнено из белых ракушек на фоне синего лазурита. Как доказала В. К. Афанасьева, «Урский штандарт» надо читать слева направо и снизу вверх².

Действие начинается с атаки колесниц. Постепенно бег коней убыстряется, колесницы уже несутся, кони топчут копытами врагов. Затем в бой вступает тяжелая пехота, захватывают пленных, подводят их, по-видимому, к военачальнику. Действие переходит на обратную сторону. Опять читаем снизу: захватывают добычу, очевидно, подсчитывают ее. И вот уже идет приготовление к пиршеству: гонят быков, баранов, коз, скорее всего, на убой, к пиршественному столу. И заканчивается повествование самим пиром. На табуретке сидит царь, держа в правой руке кубок. По шумерской традиции, которой следовали и в более поздние времена, его фигура крупнее всех остальных пирующих. Напротив царя друг за другом сидят еще шесть пирующих, очевидно, наиболее высокопоставленные царские приближенные или военачальники.

¹ A. Parrot, *Sumer*, Paris, 1960, с. 147.

² В. К. Афанасьева, «К проблеме толкования шумерских рельефов», в кн.: «Культура Востока. Древность и раннее средневековье», Л., 1978, с. 22.

Все сидят на таких же, как и царь, табуретках, правые руки подняты с кубками. Их обслуживают два человека. Неподалеку стоят музыкант и певец.

Одеты пирующие и слуги в довольно однотипные юбки. И, казалось бы, юбка царя немногим отличается от одежды его приближенных. На самом деле это небольшое отличие было очень важным. Пышная, стоящая колоколом юбка царя полностью украшена чем-то вроде флажков или бахромы. Трудно сказать, нашивались ли ряды этих флажков на полотнище юбки. Скорее всего бралось длинное прямоугольное полотнище шириной по длине юбки и длиной не менее трех метров, по одному краю которого были нашиты эти флажки, или же они вырезались из этой же ткани. Затем это полотнище спирально обматывалось вокруг бедер так, чтобы с каждым оборотом ткани ряды флажков следовали один над другим. Избыток ткани, который при этом образовывался у талии, скручивался в виде пояса, конец ткани закреплялся сзади и свободно спускался от пояса. Это предположение более приемлемо, как кажется, чем то, что ряды флажков просто нашивались один над другим на полотнище юбки, так как тогда можно объяснить, почему юбки такого типа очень пышные, топорщащиеся.

При этом надо заметить, что у приближенных царя и слуг наряды менее богаты. Они представляют собой однослойные юбки с бахромой или флажками по нижнему краю. Поэтому можно заключить, что многослойные, пышные юбки являлись признаком знатности. И это вполне понятно. Как известно из хозяйственных текстов, одежду шумеры изготавливали из овечьей шерсти. Для одной такой царской юбки (полотнище, примерно в $0,7 \times 3$ м) требовалось столько шерсти, сколько дают три настрига овцы. Поэтому, чем пышнее и многослойнее была юбка, тем богаче должен был быть ее владелец.

Кроме этого, по-видимому, немаловажное значение имела длина юбки. Так, например, юбка у сидящих царя и его приближенных доходит до щиколотки. Значит, когда они вставали, юбки у них были до полу. В то же время юбки у слуг и музыкантов доходят примерно до середины икры.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что чем пышнее и длиннее была юбка, тем знатнее и богаче был ее владелец, тем более высокое общественное положение он занимал.

Если теперь обратиться к мебели, можно заметить, что она представлена лишь однотипными табуретками кубической формы, по-видимому, с четырьмя ножками и двумя вертикальными подпорками³. При этом передние ножки табуретки сделаны в виде копыт быка. Они назывались *uṣṣīp-gud* — «бычьи ножки».

В основном для табуреток применяли дерево, металл и камень. Самым важным из этих материалов, несомненно, являлось дерево. В общей сложности известно 33 сорта дерева, из которого изготавливали мебель.

С особой тщательностью изготавливались ножки табуретки в форме копыт животного. Они должны были производить психологическое воздействие на зрителя: мощь животного, казалось, передается сидящему на стуле. Таким животным, отождествлявшимся с силой, в Египте, например, был лев, в Месопотамии чаще — дикий бык. Поэтому в Египте ножки мебели в большинстве случаев оканчивались львиными лапами, причем так, что задние ножки полностью воспроизводили задние лапы льва, а передние точно соответствовали передним лапам этого животного. Напротив, в Месопотамии ножки оканчивались копытами быка.

О кубках, которые держат пирующие, трудно сказать что-либо определенное. Можно только предположить, что они делались из глины, без применения гончарного круга. Никаким узором они не покрыты.

Кроме пирующих, интересны фигуры музыканта и певца, изображенные в правом верхнем углу штандарта. Они обращены, как и все пирующие, в сторону царя. Музыкант несет на лямках инструмент, скорее всего лиру с головой быка. Руками он перебирает струны своего инструмента. За ним стоит певец со сложенными на груди руками. Это безбородый мужчина, несмотря

³ *Armas Salonen*, Die Möbel des alten Mesopotamien nach Sumerisch-akkadischen Quellen, *Annales academiae scientiarum fennicae*, ser. B, t. 127, Helsinki, 1963, с. 9—16, 19—24.

на то, что у него единственного имеются волосы, спускающиеся по плечам. По мнению И. М. Дьяконова, исходящего из литературных и изобразительных аналогий, это скорее всего евнух. Женщину, обнаженную по пояс, у шумеров изображать было не принято.

Все участники сцены обнажены по пояс, на них одеты только юбки, они гладко выбриты, если не считать певца, сидят босиком. Изображение строго упорядочено, т. е. все участники пира обращены лицами влево, кроме фигуры царя и одного из слуг, которые обращены вправо.

Если сравнить эту сцену пира с аналогичными сценами по материалам шумерской глиптики, приведенными у Амье⁴, то можно высказать предположение, что это не пир как таковой, а какой-то культовый акт, который предшествовал пиру, возможно, возлияние в честь богов в благодарность за одержанную победу.

Амье классифицирует данные глиптики, касающиеся сцен пира, следующим образом: «Пир и скотоводство»⁵, «Пир как таковой»⁶, «Пир и повозки»⁷, «Пир и культ»⁸, «Пир с человеческими и божественными гостями»⁹. Но наибольший интерес в связи с «Урским штандартом» представляет группа изображений, помещенных под заглавием «Пир». Урское царское погребение»¹⁰. Именно эти данные глиптики позволяют предположить, что на штандарте изображен не просто пир, а культовый акт. В пользу этого говорят следующие детали:

1. Изображение на штандарте довольно детально описывает все стадии битвы: атаку, бой, захват пленных, добычу. После захвата пленных и добычи, может быть, было бы естественнее предположить, что последует сцена жертвоприношений, возлияний в честь богов, а потом уже сам пир. Вряд ли могло получиться так, что при столь скрупулезном описании эту сцену могли выпустить.

⁴ P. Amiet, *La Glyptique Mesopotamienne Archaique*, Paris, 1961.

⁵ Там же, с. 405.

⁶ Там же, с. 407, 411.

⁷ Там же, с. 413.

⁸ Там же, с. 413.

⁹ Там же, с. 413.

¹⁰ Там же, с. 409.

2. На мысль о том, что это не просто пир, наталкивает само обличье пирующих, их строгая одежда, то, что они сидят босиком, обнажены по пояс, бритоголовы. Царь отличается от других только более нарядной юбкой. Именно в таком виде шумеры обычно представляли перед богами.

3. Кроме того, если взять изображения пира из Урского погребения, то можно заметить следующие отличия от рассматриваемой нами сцены. На «штандарте» не изображен пиршественный стол, хотя здесь ведут на убой скот, несут рыбу. В то же время на всех оттисках печатей, приведенных Амье, изображены столы. Они очень большие, высотой с сидящего человека, хорошо видно, что они чем-то заставлены. Все пирующие сидят в беспорядке, очень много слуг, все суетятся. На штандарте пирующие сидят в строгом порядке и их обслуживают всего два человека.

4. По изображениям печатей трудно судить, были ли пирующие бритоголовы или в париках. Но если взять другой памятник, трехъярусную плакетку из Хафадже¹¹, датируемую первой половиной III тыс., то можно заметить, что все пирующие имеют парик и бороду, двое из изображенных лиц (один из пирующих и слуга) полностью задрапированы в одежды.

Конечно, можно возразить, что шумеры скорее всего не могли совершать возлияния богам, сидя на табуретках. Однако примеры этого, как кажется, имеются, например, на плакетке Ур-Нанше¹² (ок. 2500 до н. э.). При чтении рельефа снизу вверх действие происходит в следующей последовательности: сначала сцена пира или возлияний, изображенная в нижнем ярусе, затем сцена закладки самим Ур-Нанше первого камня, описываемая во втором ярусе. Хотя в данном случае в силу уникальности плакетки, это лишь один из вариантов чтения, он вполне приемлем. Исходя из этого чтения, сцена в нижнем регистре вряд ли может толковаться как пир. Скорее это какое-то обращение к богам, возлияние в их честь, чтобы строительство царя было успешным. Кроме того, это изображение напоминает сцену на «штандарте» тем, что

¹¹ В. К. Афанасьева, К проблеме толкования шумерских рельефов, с. 24.

¹² Там же, с. 25.

и сам Ур-Нанше, и стоящий напротив него певчий (?)¹³, и трое сыновей царя бритоголовы. Их одежда очень похожа на одеяние пирующих на штандарте. При этом царь восседает на табуретке. Возможно, что при обращении к богам это допускалось ритуалом. Следовательно, сцена, изображенная на Урском штандарте, возможно, не является собственно пиром.

Имеются данные, позволяющие предположить, что интересующая нас сцена является собранием наиболее высокопоставленных лиц при царе. Как указывает И. М. Дьяконов¹⁴, шумерское слово *ипкеп*, означающее «собрание», передается иероглифом сосуда, т. е. пир, возможно, был неременной частью этого собрания, хотя и, по-видимому, не являлся таковым в полном смысле слова. Здесь мы просто видим «мужей, едящих хлеб в месте собрания»¹⁵.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья*. Шумер, М., 1959, с. 138.

¹⁵ А. Deimel, *Wirtschaftstexte aus Fara*, № 101.

КРИСТИНА ЛЫЧКОВСКА

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН
ДОМА ПУШУКЕНА

(Ашшур, начало II тыс. до н. э.)¹

В настоящей работе говорится о женщинах города Ашшура, связанных с архивом Пушукена, сына Суэи, одного из виднейших деятелей торговли г. Ашшура на Тигре с Малой Азией, опиравшейся на торговую колонию Канеш. Было обработано более 220 писем, отправленных Пушукеном или адресованных ему. Обмен письмами происходил как в пределах Каппадокии, так и между Канешем и Ашшуром. Помимо писем, Пушукен упоминается во многих документах самого различного содержания, в которых он выступает как действующее лицо или как объект действий, а также как свидетель. Из 80 известных нам женских писем, найденных в Канеше, 40 относились к его архиву. Следует, однако, учитывать, что тексты, связанные с Пушукеном, происходят из «диких» раскопок, и местонахождение архива не установлено. Не исключено, что часть писем, адресованных Пушукену вместе с другими лицами, попала в архивы его партнеров. В то же время письма, отправленные самим Пушукеном (особенно в Ашшур), известны нам только по их копиям, хранившимся в Канеше.

Пушукен, по-видимому, прибыл в Анатолию или, во всяком случае, начал там активную деятельность еще в ранней молодости.

¹ Резюме книги, вышедшей на польском языке: *K. Łyczkowska, Rozycja społeczna kobiety w okresie staroasyryjskim na podstawie dokumentów z Kanesz w Azji Mniejszej, Warszawa, 1979.*

сти², а позже был главой важной торговой фирмы. Его контакты с представителями города Ашшура, с ремесленниками, производившими товары на экспорт, с представителями банковских контор, с родичами, там проживавшими, были оживленными и постоянными. Женой его была Ламасси, проживавшая в Ашшуре. во всяком случае в период своей переписки с мужем. Такая жизнь в разлуке — муж в Каппадокии, жена в Ашшуре, — была обычным явлением для первого поколения ашшурских купцов в Канеше (слой II). В последующих поколениях случалось также, что жены жили вместе с мужьями в Анатолии; но довольно часто мужчины брали в жены местных девушек из рядовых домов.

Детьми Пушукена были: дочь Ахаха по прозвищу Ва(к)куртум («Драгоценная»), жрица *угбабтум*, проживавшая в Ашшуре, и сыновья Ашшурмуттаббиль, Бузазу, Икунпаша и Суэйа³, сотрудничавшие с отцом по делам фирмы (особенно Бузазу).

Исходным пунктом для изучения круга женщин, связанных с Пушукеном, является анонимный документ, так называемый «контракт о перевозке» ССТ VI : 7b, где упоминаются все женщины, состоявшие с Пушукеном в переписке по торговым и производственным делам, кроме одной — некоей Шат-Ашшур:

- 5 «1 связка (товара), 14 сиклей серебра,
- 6 для Ламасси и Ахахи, 1½ сикля серебра,
- 7 для Шубультум, 1½ сикля серебра,
- 8 для Таришматум и Белатум,
- 9 1½ сикля для Ламассатум».

а) *Ламасси*. Документов, позволивших бы судить о ее родичах, нет, как нет⁴ и прямого свидетельства о том, что она была женой Пушукена (*aššatum*)⁵, однако в пользу такого заключения говорит вся совокупность источников. В документах, касающихся

² P. Garelli, LAC, с. 233.

³ J. Lewy, HUCA 27 (1956), с. 8; P. Garelli, LAC, с. 233 sqq; K. F. Veenhof, Aspects, 110 sqq.; M. T. Larsen, City-State, с. 81.

⁴ Согласно ИСК I, 32, хаттийка Валабала, жена Пилах-Иштара, имела дочь, имя которой, по-видимому, было Ламасси. Не исключено, хотя и не доказано, что это — не тезка, а та самая Ламасси.

⁵ Ср. замечание в кн.: Larsen, OACP, сс. 55, 66.

раздела наследства по смерти Пушукена, Ламасси не упоминается; по-видимому, она умерла раньше своего мужа. В письме к Ашшурбани и Шалим-Ашшуру⁶ Пушукен пишет: «К сожалению, жена моя умерла» (*lā libbi šī-ma aššitī mētat*). Речь не может идти о банкротстве, хотя при этом тоже могло употребляться аналогичное выражение, поскольку Ламасси не вела самостоятельной торговой деятельности.

О Ламасси свидетельствуют следующие документы: А) Письма Ламасси к Пушукену: BIN, IV, 9, *ibid.*, 10; BIN VI, 3; *ibid.*, 7; *ibid.*, 11; *ibid.*, 102; ССТ III, 19; *ibid.*, 20a; Gagelli RA 59 [1950], № 25; письмо Ламасси Пушукену и Ашшурмалику: СТ IV, 21b; письмо Ламасси и Ахахи Пушукену: ТС III, 35; письма Пушукена к Ламасси: ССТ II, 36a; фрагмент ССТ VI, 11a; письмо Бузулии, Шули, Ашшуриштикала к Ламасси KTS, 60 с.

Упоминания Ламасси: BIN IV, 135 : 9; *ibid.*, 140 : 5 (упоминается также Ахаха); *ibid.* 155 : 6, ср. EL I, 133; BIN VI, 175 : 14; *ibid.*, 222 : 8, 23; ССТ I, 15b : 14, ср. EL I, 127 (также Шат-Ашшур); *ibid.*, 37q. : 15, ср. EL I, 230; ССТ III, 23b : 10 (письмо Тарам-Куби к Инайе) ССТ V, 1a : 37 (письмо Инайи Эннам-Ашшуру и др.); *ibid.*, 41a : 15, ср. Larsen OACP, с. 57 (также Ахаха), *ibid.*, 50a : 3; ССТ VI, 27b : 27, 28 (также упоминаются Ахахи, Шубультум, Таришматум и Белатум, Ламассатум; ISK 1, 120 : 7 (также упоминается Ахахи); KTS 29b : 27, 28 (письмо Ашшурбани, Шалим-Ашшура, Кулумайи к Пушукену); Gagelli RA 58 [1964], 14 : 3, ср. также Larsen, OACP, с. 88; *id.*, RA 59 [1965], 6 : 3 (упоминается Шубультум); ТС I, 70 : 19; ТС II, 36 : 43; *ibid.*, 54 : x + 5 (также Ахаха); ТС III 207 : 25; *ibid.*, 220 : 11; ATHE 31 (упоминается «жена Пушукена»); ТС I, 30 написано Пушукеном после смерти его *aššatum*. Письма Jena 292 : 4 = EL I, 95 и ТС II, 73 : 1 упоминают имя Ламасси, но отождествление ее с женой Пушукена ненадежно, поскольку она пребывает в Анатолии.

б) Ахаха была дочерью Пушукена, о чем свидетельствует много документов, напр., ТС I, 79, ср. EL I, 11; ССТ VI, 21a : 7 и др. Хотя нигде прямо не говорится, что матерью ее была Ламасси, это, однако, представляется бесспорным. Ахаха выступает как

⁶ ТС I, 30.

сестра вышеупомянутых сыновей Пушукена (ATHE 44; CCT V, 8a) и часто обозначается как жрица *ugbabtum* //gubabtum// NIN.DINGIR (ATHE 24) или *ugbabtum DUMU.MÍ Pušukēn* «жрица *угбабтум*, дочь Пушукена» (ATHE 24:34). С большой долей вероятности можно считать, что женщина, носящая прозвище *Waqrutum* или *Waqartum*⁷, обозначенная также как «дочь Пушукена» (напр., TC III, 210:24), была та же самая Ахаха. Возможно, что Ахаха получила это прозвище, лишь став самостоятельной в качестве жрицы, но нельзя исключить и то, что ее первоначальное имя было Вакуртум. Письма Ламасси к Пушукену неоднократно упоминают «девочку» (*ṣuḥurutum*, в единственном числе), не названную по имени. Следует заметить, что в Вавилонии, по-видимому, существовала категория жриц под названием *waqrutum*⁸, однако в нашем случае представляется, что это не титул, а женское имя⁹, поскольку здесь Вакуртум выступает как адресатка и как отправительница писем, в том числе к сыновьям Пушукена, между тем не было обыкновения адресовать письма по званию и без имени.

Дочь Пушукена была посвящена богу Ашшуру¹⁰. В Нижней Месопотамии жрицы-*угбабтум* были обязаны сохранять безбрачие и бездетность; пребывание в обители требовалось не во всех случаях, и Ахаха также, по крайней мере некоторое время, по-видимому, жила в отцовском доме. К ней относятся: письма Veenhof, Aspects, с. 109 (№ 15) — Ададу, Бузазу, Ашшурмуттаббиллю; BIN IV, 96 (Бузазу); BIN VI, 59 (от Ахахи и ее братьев к Пузур-Ашшуру); CCT II 32a (от Бузазу к Ахахе, Илишаду, Анине и

⁷ Об идентичности обоих имен см. *Hecker*, GKT § 9a.

⁸ *J. Renger*, ZA 58 [1967], с. 134; *H. Hirsch*, UAR, с. 56.

⁹ EL I, с.13a; CAD s. v. aqaru.

¹⁰ См. письмо Ламасси к Пушукену (CCT III, 20, 15—22); «Что до тканей, о которых ты писал мне, а я тебе не выслала, пусть сердце твое не болит. Так как отроковица подросла, пришлось приготовить одну или две тяжелые (ткани) для приданого. Также для «людей дома» (*niši bitim*, т. е. зависимых членов фамилии) и для отроков я изготовила (ткани), больше не смогла соткать... Отроковица уже подросла; сделай милость, приезжай скорее и положи ее на лоно (богу) Ашшуру, обними ноги твоего бога!»; BIN IV, 9:20—23 содержит такую же просьбу.

Асануму); ССТ III, 41b (от Вакуртум к Ашшурмуттаббилю); ССТ IV, 31b (от Ахахи к двум неизвестным и Икунпаше); ССТ V, 8a (от Ахахи к братьям); ССТ VI, 44f (от Ахахи к Пузур-Ашшур-ру и Бузазу); КТН, 7 (от Ахахи к Ашшурмуттаббилю); ТС I, 21 (от Пузур-Ашшура к Ашшуримитти, Илишуду, Бузазу и Вакуртум); ТС II, 46 (от Ахахи к братьям); ТС III, 17 (от Пузур-Ашшура к Вакуртум; *ibid.*, 35 (от Ламасси и Ахахи к Пушукену).

Упоминания об Ахахе или Вакуртум: АТНЕ 24 А, 24 В (судебный протокол разбирательства в связи со смертью Пушукена); *ibid.*, 25 : 2 (печать Вакуртум); BIN VI, 66 : 3, 5; *ibid.*, 118, 8, ССТ, I, 17b : 11, ср. EL I, 130; ССТ V, 2b : 5, 22 (письмо Ашшурмуттаббиля и др.); *ibid.*, V, 21a (во всех документах упоминается Ахаха); *ibid.*, 41a, ср. Larsen, OACP, с. 57 (Ахаха и Ламасси); ССТ VI, 27b : (Ахаха и другие женщины дома Пушукена), KTS, 49b : 18, ср. EL I, 125 (Вакуртум); KTS, 50a : 8, ср. EL I, 117 (Ахаха); ТС I, 79 : 9—28, ср. EL I, 11 (Ахаха, стк. 28; Вакуртум, стк. 204 : 9 (Ахаха); *ibid.*, 210 : 24 (Вакуртум), 28, 36 (Ахаха); *ibid.*, 16, 22); ТС II, 54 (Ахаха и Ламасси); ТС III, 204 (Ахаха); *ibid.*, 274 : 7, 18 (Ахаха).

в) *Ламассатум*, судя по документу ССТ VI, 27b, принадлежала к родне Пушукена, но характер родства установить не удается; жила в Ашшуре и, возможно, была жрицей бога Ашшура. Письма: ССТ IV, 40b (от Ламассатум к Пушукену, Пузур-Ашшур-ру и др.); KUG, 39 (к Пушукену). Упоминания о ней: КТН 23 : 11; ССТ VI, 27, 9; ТС III, 207.

г) *Шубультум* также принадлежала к кругу Пушукена, с которым переписывалась. Письма: BIN IV, 85; ТС III, 27 (оба — от нее к Пушукену); упоминания: ССТ VI, 11a (письмо Пушукена к Ламасси); ССТ VI, 27b; Gagelli RA 59 [1965], 6 : 4; ТС III, 76 : 24.

д) *Таришматум* была, возможно, дочерью Суэйи (старшего) и сестрой Пушукена. Замужем была за Ашшурмаликом, сыном Лузины. Часть жизни прожила в Канеше, затем переехала в Ашшур, где сотрудничала с остававшимся там сыном Энлильбани, возглавлявшим известную фирму в Канеше. Вероятно, во время своего пребывания в Анатолии родила дочь, которой было дано имя Хаттитум («хаттийка»)¹¹. Вместе с Таришматум часто высту-

¹¹ В. Landsberger, ArOr 18 1/2, с. 373, прим., 43.

пает женщина по имени *Белатум*. Значительная часть сохранившейся переписки Таришматум и Белатум была адресована Пушукену и найдена в его архиве. Письма Таришматум и Белатум к Пушукену: BIN VI, 117; CCT IV, 15c; CCT VI, 30d; KTS, 23 (вместе с Ашшуримитти); *ibid.*, 24; *ibid.*, 25a; Garelli, RA 59 [1965], 28 (к Пушукену и группе других лиц); TC I, 46; TC II, 21 (к Пушукену и группе других лиц). Письма от Энлильбани, Таришматум и других лиц: BIN VI, 31, ср. Lارسen OACR, с. 71; TC III, 69, ср. Lارسen OACR, с. 74; письмо от Пузур-Ашшура к Белатум, Таришматум и Анине KUG 31. Упоминания о Таришматум и Белатум: (KTBL 17); KTS 53a (упоминается Хаттитум, сестра Энлильбани); KUG, 25; TC III, 178; *ibid.*, 202¹³.

е) *Хаттитум*, дочь Ашшурмалика и Таришматум (?)¹³, сестра Энлильбани, жена Ашшурраби, активная участница торговли между Ашшуром и Канешем, партнерша брата. Состояла в тесной связи (в родстве?) с женщинами-анатолийками (?) — Шуппиахшущар, Шашама[ш] и Шикриилькой (Шакрилька); (CCT III, 31; BIN IV, 55; BIN VI, 93; *ibid.*, 182; CCT III, 14). Ей адресованы также письма KTKT, 67; BIN VI, 126 с дополнением Lارسen OACR, с. 15 и TC III, 116; ср. также упоминание в KTS 53a.

ж) *Кунания*. Была связана деловыми отношениями с Шат-Ашшур, Ламассатум и с сыном Пушукена, Ашшурмуттаббилем. Письма к Кунании: BIN VI, 1 (от Ашшурмуттаббиля); *ibid.*, 17 (от Ашшуртаклаку); *ibid.*, 84 (от Ашшурмуттаббиля к Гарунуве и К.), KTBL 5 (от Ашшурмуттаббиля к К. и другим лицам); KTH, 6 (от Ашшурмутты). Письма от Кунании: CCT VI, 7b (к Кубинахшу), KTH 5 (к Асуэльке), TTS 26 (от Шат-Ашшур и К. к Асуэльке и Адуэ).

д) *Шат-Ашшур*, дочь известного купца Шалимахума и жена Ашшурмалика. Проживая в Ашшуре, имела много деловых связей как с торговыми домами, так и с отдельными женщинами, получала из Канеша денежные посылки вместе с женщинами дома Пушукена; сохранилось одно ее письмо к Пушукену (BIN IV, 22).

¹² Возможно, что Тариша, упоминаемая в KTKT, 18 — та же Таришматум — *Ред.*

¹³ *J. Lewy, AgOr 18, 3, с. 372.*

Другие письма от Шат-Ашшур — ТС III, 76, TTC 26; Шат-Ашшур от мужа — BIN IV, 75; CCT IV, 15b. Упоминания: BIN IV, 8; *ibid.*, 212; BIN VI, 59; CCT I, 15b; CCT V, 34a; KTH, 6; ТС III, 21, *ср.* Larsen OACP, с. 78; *ibid.*, 26; *ibid.*, 210; TTC 2.

Из женщин, не связанных с домом Пушукена, следует назвать *Ахатум*, дочь Илибани, жрицу-*угбабтум*; *Асуэльку*; *Ху(а)талу*; *Иштарбашти*, дочь Имдиилумы, жену сначала Альтаба, а затем Ануве; *Иштарламасси*, дочь Ашшурнады, жрицу-*угбабтум*; *Нухшатум*; *Тарам-Куби*, жену Иннайи, состоявшего в близких связях с Пушукеном, *Ши-Ламасси*. Встречаются единичные упоминания и других женщин.

Каппадокийские документы не дают общей картины общественного положения ашшурских женщин данного периода. Поскольку до нас дошли архивы приезжих торговцев, посвященные прежде всего хозяйственным делам, то в них, естественно, упоминаются из свободных женщин матери, жены и дочери купцов. Из рабынь упоминаются, главным образом, происходившие из местной анатолийской среды. Они занимались домашним хозяйством купцов, но также служили для услаждения их жизни. Чаще всего эти женщины в текстах не называются по имени, а обозначаются как *amtum*. Этот термин в данном случае трудно переводить как «рабыня», поскольку, беря ее в жены, ашшурский гражданин рассматривал ее в некотором смысле как настоящую жену и нес по отношению к ней известные обязанности, более серьезные, чем в отношении простой рабыни. Что касается рабынь, проживавших в Ашшуре, то можно предположить, что они были месопотамского происхождения.

Ашшурцы представляли собой довольно текучую, часто сменявшуюся группу жителей Анатолии. По опубликованным текстам нам известно около 1200 имен собственных из круга ашшурских купцов, в том числе некоторое количество женских, и около 800 местных имен собственных, не составлявших, однако, определенного этнического единства¹⁴. Из документов видно, что ашшур-

¹⁴ Большинство текстов не обработано. Некоторые из них опубликованы в работе *K. Balkan, Observations*, 28, 43, 65, 73. *Ср.* замечания в кн.: *Larsen, City-State*, с. 50 сл.

цы часто брали в жены местных женщин. Такие браки имели скорее характер легализованного конкубината, ибо жены из автохтонного населения не обозначались термином *aššatum* «жена».

Имена их детям давали обычно типичные либо для круга отца, либо для круга матери.

Находясь долгое время в Канеше или в других *kāgū* Каппадокии, ашшурские купцы, особенно первого поколения, старались приобрести жен в Ашшуре. Лишь если такой брак не удавался, купец выбирал себе местную женщину. Это хорошо видно по письму BIN VI, 104 к некоей Нухшатум:

¹um-ma Puzur-A-šur [a-na] ²Nu-ùḫ-ša-tim [qí-bi-ma] ³a-bu-ki
a-šu-mi-ki [a-na] ⁴še-ri-a a-na a-ḫ[a-zi-]ki ⁵iš-pu-ra-am ù ⁶šú-ḫa-
ri-a ù na-áš-pè-er-tí ⁷a-še-er a-bi-ka a-šu-mi-ki ⁸a-na še-šú-l-ki
⁹áš-ta-ár-ra-am a-pu-tum ¹⁰i-na ^dŠamsi ^ši tup-pí ¹¹ta-ša-ma-l-ni a-ma-
k[am] ¹²a-na a-bi-ki pu-nu[-i-ma] ¹³iš-tí šú-[ḫa-]ri-a ¹⁴tí-lb-e-ma
a-tal-ki-im ¹⁵we-da-ku ma-ma-an ša i-na ¹⁶re-še-e-a i-za-zu-ma ¹⁷pá-
šu-ram i-ša-kà-na-ni ¹⁸lá-šu šu-ma iš-ti ¹⁹šú-ḫa-ri-a la ta-li-[ki-im]
²⁰i-na Wa-aḫ-šu-ša-na ²¹DU[MU.MÍ] Wa-aḫ-šu-ša-[na] ²²a-ḫa-az
ḫ-[di-ma a-ti] ²³ù šú-ḫa-ru-a lá ta-[ša-ba-r]a ²⁵a-tal-kà-[ni]m.

(1) Так говорит Пузур-Ашшур: Нухшатум скажи — «Твой отец написал мне о тебе, чтобы я тебя взял (в жены), (5) а я выслал отроков моих (т. е. слуг) и свое письмо к твоему отцу о тебе, чтобы он устроил твой выезд. Я прошу, (10) в день, когда ты услышишь там мою табличку, обратись к твоему отцу и с моими отроками пускайся в путь, прибуди сюда! (15) Я один, нет никого, кто при мне состоял бы и заботился о моем столе. Если с моими отроками ты не придешь, я возьму (в жены) (20) в Вахшушане до[чь] (т. е. гражданку) Вахшуша[ны]. Будь л[юбезна, ты сама] вместе со слугами моими не [откладывай]те, придите сю[да]».

Из письма видно, что брак, как и в Вавилонии, был результатом соглашения жениха (или его отца) с отцом (или опекуном) невесты.

Два следующих документа (EL I, 1; ISK I, 3) могут служить примерами того, как заключался брак с ашшурской гражданкой и как — с местной:

А) ... (5) Аладдамик взял (в жены) отроковицу (*ṣuḫartum*), дочь Иштарнады. Другой жены (*aššatum*) он не возьмет. (10) Если другую жену он возьмет, заплатит 1 мину серебра. Если до второго месяца он не прибудет и о *dātum*¹⁵ своей жены не спросит (15), ту отроковицу отдадут другому мужу; моих братьев он не может (в этом) связывать. (Невеста находится далеко от места заключения сделки,—вероятно, в Ашшуре,—поэтому жениху дается месяц сроку, чтобы забрать ее)¹⁶.

Б) (1) Лакипум взял (в жены) Хаталу, дочь Энишру. Лакипум другой служанки (*amtum*) в (этой) стране (5) не возьмет (в жены), (но) в Городе (= Ашшуре) может взять в жены иеродулу (*qadištum*). Если в течение двух лет не даст ему потомства, эту служанку он может продать...¹⁷

Большинство опубликованных документов, касающихся семейного права и, в частности, разводов, а также заклада и продажи членов фамилии за долги, относятся к бракам между анатолийцами или смешанным; правовые нормы в них иногда значительно отличаются от привычных в Месопотамии, но на них мы остановимся в другом месте отдельно. Для настоящей темы более важны документы о разделе наследства. Здесь достаточно отметить, что дочери, являвшиеся жрицами-*ugbabtum*, наследовали отцу-купцу наравне с братьями, а иногда (как в случае Ахахи, дочери Пушукена) принимали самое активное участие в делах по разделу наследства (ср. КТКТ, 103 = EL I, 9; ИСК I, 12; BIN VI, 222: в связи со смертью Пушукена — EL I, 11; АТНЕ, 24; ССТ V, 8a; *ibid.*, 21a, BIN VI, 59 и др.). Дочери ашшурцев, которые не были жрицами, не наследовали отцу, но пока находились в его патриархальной власти (или были связаны в деловом отношении с его торговым домом), должны были нести ответственность по

¹⁵ *Dātum* — обязательный подарок, иногда нечто вроде взятки, но более или менее узаконенной. Здесь — в неясном значении.

¹⁶ ¹³...*ṣu-ma* ¹⁴*itu* ²*KAM* ¹⁴*lā* ¹⁴*i-tal-kam* ¹⁴*ù* ¹⁴*da-tam* ¹⁴*ša* ¹⁴*a-šī-ti-šu* ¹⁵*lā* ¹⁵*iš-ta-al* ¹⁶*ṣū-ḫa-ar-lám* ¹⁷*a-na* ¹⁷*mu-tim* ¹⁷*ša-ni-in* ¹⁸*i-du-nu* ¹⁸*a-ḫi-a* ¹⁸*lā* ¹⁸*ú-kà-sà*.

¹⁷ См. также Landsberger *ArOr* 18, 1/2, с. 338; BIN VI, 222; *W. von Soden*, *Wdo.* VIII, 2, с. 216: ⁸*ša* ⁸*La-ma-si* ⁸*a-ši-[ti-šu]* ⁹*qa-di-iš-tim* „о Ламасси, же[не его], иеродуле“.

долгам и другим финансовым обязательствам отца наряду с матерью и братьями.

Месопотамская семья, довольно часто состоявшая из трех поколений (дед и бабушка, дети с их женами, внуки), жила под одной крышей и вела домашнее хозяйство. Роль каждого из членов семьи определялась не только предназначенными для них занятиями в пределах самой семьи, но также личными привязанностями¹⁸ и связями с окружающими семью социальными элементами, — государством, местными общественными организациями, храмом.

Семейная община ашшурских купцов староассирийского периода имела свои специфические черты. Часть членов семьи, как правило, находилась в отсутствии. Отец и нередко также взрослые сыновья оставались в Каппадокии, между тем как жена и дочери пребывали в Ашшуре, так же как несовершеннолетние сыновья и другие родичи и зависимые лица. Так, мы читаем в письме Ламасси к Пушукену, ССТ III, 20 : 15—22, что она наткала одежду для «людей дома» (*nišī bītim*) и «отроков» (*šuhāgū*).

Упомянутые здесь «люди дома» и «отроки» входили в состав семьи, о которой должна была заботиться хозяйка дома.

Разлука между супругами могла быть краткой, часто на определенный срок, например, на 3 года, но в некоторых случаях длилась и дольше. Пушукен, который, по-видимому, отправился в Каппадокию в ранней молодости, пробыл там большую часть своей жизни. Там же жили и сотрудничали с ним его сыновья. Положение могло быть и иным: в Канеше найдены документы, указывающие на пребывание семейств целиком в Каппадокии, например, семья Ашшурмалика, сына Лузины, вместе с женой Таришматум и детьми Энлильбани и Хаттитум (в Каппадокии жил также сын Энлильбани, Наб-Суэн); семья Имдилума с детьми Иш-

¹⁸ См., например, письма RA 59, -25 : 3—11 (жалоба Ламасси на козни злых людей и просьба к мужу приехать); BIN VI, 7 : 2—7; TC III, 35 : 15—20 (просьба не забыть жертвы по обету богине Ташметум); подарки Пушукена Ламасси и Ахахе : BIN IV, 140; ССТ III, 20 : 5—14; личным отношениям посвящено, например, письмо Ашшурмалика к Шат-Ашшур, BIN IV, 75, ССТ IV, 15; об уважении к памяти отца говорит письмо Ахахи, Суэи, Бузазу и Икунпаши к Пузур-Ашшуру, BIN VI, 59.

тарбашти и Пузур-Иштаром. Второе поколение ашшурских купцов нередко продолжало дела фирмы своих отцов после их отъезда или смерти.

Часто лицом, имевшим в действительности решающий голос в семье, при отъезде мужа, оказывалась женщина — жена или мать. У нас нет точных сведений в текстах, которые позволили бы реконструировать состав остававшейся в Ашшуре семьи. Но нет упоминаний об отце мужа, его брате и т. п., которые в отсутствие *paterfamilias* должны были бы решать вопросы, связанные с домом и семьей в соответствии с патриархальным укладом. Поэтому нам приходится заключить, что бремя опеки над семьей лежало на женщине. Так, вероятно, обстояло дело в случае семьи Пушукена, поскольку известно, что и отец этого купца, Суэйа, находился некоторое время в Каппадокии. Можно предположить, что как заместительница отсутствующего мужа женщина частично принимала на себя функции, принадлежавшие *paterfamilias*. Жена Пушукена была в доме особа властная, имевшая большое влияние в воспитании лиц младшего поколения, оставшихся под ее опекой. Ей выпала не только роль домашней хозяйки, но и воспитательницы детей; она работала также и профессионально — как ткачиха и глава ткацкой мастерской.

Переписка между родичами обычно не выходила за рамки деловых вопросов. Значительное число документов говорит о сотрудничестве братьев и сестер-жриц. Родичи относились друг к другу с подчеркнутым уважением и охотно доверяли друг другу деловое представительство. Забота братьев об интересах сестры, с одной стороны, и поддержка и помощь с ее стороны ясно видны, в числе прочих документов, и из текстов, относящихся к Ахаве-Вакуртум и ее братьям. Братья заботились о ее наследственных интересах и доходах, она же заботилась об их разнообразных делах в Ашшуре. Уважение братьев к ней выражается, между прочим, в том, что ее имя часто ставится впереди их имен. Аналогичные отношения связывали семью Пушукена с Таришматум, — вероятно, его сестрой.

Свободная ашшурская женщина, оставаясь одна на родине, была вынуждена заниматься делами, в сущности лежавшими в ведении отца семейства. Кроме того, она была связана крепкими

нитями деловых отношений с предприятием мужа, выполняла его поручения, относившиеся к производству или закупке товаров, обеспечивала себя сырьем и рабочей силой. Вместе со слугами и рабами, а также пребывающими в доме членами семейства, особенно с дочерьми, она интенсивно заботилась о семейном благосостоянии. Здесь мы остановимся преимущественно на деятельности женщин из семейства Пушукена; к сожалению, нет возможности осветить деятельность женщин из других социальных групп.

Важнейшим вкладом Ламасси в накопление имущества мужа было изготовление тканей для отправки в Анатолию. Многие ее письма упоминают количество или качество тканей (BIN IV, 9, 10, VI, 7, 11, ССТ III, 20, IV, 21b, VI, 11a). Из писем не явствует, в какой мере участвовала сама Ламасси в изготовлении тканей, и сколько из них были купленными. Обычно называется число тканей (TÚG); К. Феенхоф склонен думать, что ткани были стандартного размера (около 2,5 м), необходимого для одного одеяния. Пушукен давал жене определенные задания в отношении числа и качества различных тканей и проверял их соответствие весу посланной на них шерсти. Из письма BIN IV, 10 мы, между прочим, узнаем, что юная дочь Пушукена, Ахаха, тоже участвовала в изготовлении тканей вместе с матерью. Ткани пересылались через различных доверенных лиц Пушукена и его партнеров в Канеш. Упомянуты Ахувакар, Ашшурмалик, Элайя, Иди-Суэн, Иашар, Кулуммайай, Урани; последний привозил на обратном пути серебро из Канеша. В сохранившихся письмах упомянуто более 70 тканей, отправленных Ламасси в Анатолию, не считая тех, которые делались для домашних нужд, а также взамен признанных недостаточно хорошими. Преимущественно посылались ткани обычного качества, хотя иногда и роскошные.

В письмах Ламасси к Пушукену часто встречаются подтверждения получения посылок серебра и золота, поступивших из Канеша¹⁹. Это было вознаграждением за присланные ткани и выпла-

¹⁹ Денежные посылки (серебро, золото), поступающие на имя Ламасси, см.: BIN IV, 9; 135 : 8; 140 : 5 (вместе с Ахахой); 155 : 5; ССТ I, 15b : 13; 37a : 15; ССТ V, 41 : 14 (вместе с Ахахой); ССТ VI, 27b : 5; ИСК I, 120 : 5; *Garelli*, RA 59, 6 : 1; 7 : 16.

той на содержание дома в Ашшуре (ССТ VI, 27b; BIN IV, 10, 112). Ср. письмо Пушукена к Ламасси ССТ II, 36a: 1 MA-NA 15 GÍN KÙ.BABBAR ni-[is-ḥa-su] 4ŠI.A ša-du-a-sú ša-bu 5ku-nu-ki-a Dan-A-šūr na-áš-a-ki-im 6lu ši-im 1 TÚG ù 2 TÚG ša [še]-bu-ul-tim 7ša a-na 8í-ri-a tū-še-bi 9li-ni 10KÙ.BABBAR^{ap}-ki gám-ra-ki-im. „1 мину 15 сиклей серебра — его сбор nishātum приложен, его сбор šaddu'ātum уплачен²⁰ — с моей печатью Дан-Ашшур несет тебе. Пусть это будет плата за 1 или 2 ткани (из) посылки, которую ты мне выслала. Серебро твое они полностью выплачивают тебе“.

По-видимому, это скорее задаток за всю посылку, так как превосходит цену одной и даже двух тканей²¹.

В письме Пушукена к Ламасси ССТ VI, 11a отправитель, скрупулезно вычисляя, подтверждает получение 28 различного рода тканей. Отмечается, что «1 ткань — nishātum», т. е. цена 1 ткани равна сбору nishātum и идет на его покрытие.

Помимо тканей, Ламасси занималась накоплением и высылкой также и других товаров и предметов — как для повседневного обихода, так и предметов роскоши (гематит, АТНЕ 31:11); сверх того, она спорадически занималась закупкой сырья для Анатолии, например, олова (РА 58, 17:5 — через раба Пушукена). Нередко Ламасси жалуется на задержку посылок, иногда просит мужа о присылке сырья для производства, — например, шерсти (BIN VI, 7; BIN IV, 9:18). Похоже, что Ламасси хотела, чтобы шерсть спрятали от чиновников, проверяющих товар (Garelli, RA 59, 25): 11...i-па A-lim^{ki} 12SÍG.ḪI.A wa-aq-ra-at 13i-pi-mi KÙ.BABBAR 1 MA-NA 14ta-ša-ka-pa-ni 15i-па qí-ra-áb SÍG.ḪI.A šu-uk-pam „... в Городе (=Ашшуре) шерсть дорога, когда будешь класть (в кошель) 1 мину серебра, положи внутрь шерсти“. Пушукен тоже посылал жене разный товар. В письме ССТ III, 20 Ламасси подтверждает получение от родных посланных 9 + 3

²⁰ Nishātum — сбор, уплачиваемый дворцу местного государства в Анатолии, ср. *Veenhof*, *Aspects*, с. 85 прим.; šaddu'ātum — сбор или экспортная пошлина при вывозе серебра или золота из Анатолии в Ашшур, ср. *Veenhof*, *Aspects*, с. 268, 280 прим.; *Larsen*, *OACP*, с. 159.

²¹ Ср. цены тканей у *Garelli*, *LAC*, с. 286, 289 прим.

тканей, 2 + 1 предметов *surraṇū* бронзовых, 1 + 2 + 1 ложек бронзовых, 1 + 1 серебряных предметов *surraṇū* и т. п.

Систематической работоторговли ашшурских купцов из документов не выявляется, однако есть указания на спорадические случаи купли и продажи рабов и рабынь и отправки их, вместе с товарами, из Канеша в Ашшур (письмо Пушукена к Ламасси ССТ II, 36а : наряду с различными бронзовыми предметами и 21 миной меди на жертву-*iklībū* Белу — здесь, вероятно, Ададу или Ашшуру, — жене посылается «отрок» — *ṣuḥāgum* и рабыня — *amṭum*, с приказом держать в доме и не выпускать). Кажется, однако, что работоторговческие операции происходили скорее в Ашшуре, чем в Канеше (ср. письмо Ламасси, Gagelli, RA 59, 25). Надо полагать, что покупка рабов и рабынь была обычным делом для Ламасси, державшей ткацкую мастерскую с довольно большим размахом производства.

На Ламасси лежали также обязанности управления семейным имуществом в Ашшуре. Пушукен, накапливая денежное богатство (серебро, золото) в Канеше, старался вкладывать его в Ашшуре, в том числе в строительство и оборудование домов, которые затем продавал (Gagelli, RA, 58, 22; Cont³⁰ (ТТС) 6; ТС II, 2) или сдавал внаймы. У нас нет, однако, данных о том, чтобы этим занималась Ламасси; зато она наблюдала за работами и доносила об их ходе (BIN IV, 10): ₂₁... a-ṣu-mi gu₅-ṣu-gi ₂₂ú-kà-i-pu gám-ga-am ₂₃ma-dí-iš iš-ta-kà-am ₂₄ú-lá ag-ga-am e-gu-ur „Что касается балок, которые укладывают, (за) все он (Урани, человек Пушукена) много назначил, (и) я не смогла нанять наемника“. В письме ССТ III, 20 речь идет о протесте Ламасси против постройки людьми соседа какой-то стены в ненадлежащем месте. Сосед тоже находится в Канеше (и тоже строит дом в Ашшуре), а Ламасси просит мужа потребовать от него соблюдения порядка.

Ламасси приходилось решать финансовые вопросы от имени мужа и иметь дело с должностными лицами Города. Но Пушукен не вовсе оставил свои дела в Ашшуре на жену; нередко он наезжал туда и сам (BIN IV, 10).

Иногда при отъезде, по неизвестной причине, Пушукен не успевал закончить расчеты с чиновниками по уплате выездной

пошлины (*wašitum*), и этим делом приходилось заниматься Ламасси (BIN VI, 3). В данном случае она сочла возможным уплатить эпониму (*līšum*) Шудайе то, что предназначалось для эпонима Бузазу. В письме ССТ III, 19b Ламасси просит не вмешивать ее имя в какие-то незавершенные деловые расчеты. Ср. еще RA 59, 25: ${}_{17}$ KÙ.BABBAR 1 MA.NA ${}_{18}$ ša wa-ší-tí-ka ${}_{19}$ ša tù-šé-bl₄-lá-pi ${}_{20}$ tu-ší-um ${}_{21}$ e-ri-šū-ni-ma ${}_{22}$ a-šū-mi-ka ra-al-ḥa-ku-ma ${}_{23}$ ù-la a- < di > - ${}_{24}$ in ${}_{25}$ um-ma a-la-ku-ma ${}_{26}$ li-mi-um li-gu-ba-ma ${}_{27}$ É^{bi-tam} li-bu-uk „серебра 1 мину, твой выездной сбор, что ты послал мне, от меня потребовал *mūšī'um* („входящий“ — род таможенного чиновника). Я за тебя боялась и не отдала. Я сказала: „пусть войдет (сам) эпоним (*līšum*), дома пусть заберет!“.

Наряду со всем этим, Ламасси выполняла обычные обязанности жены и домохозяйки: вела дом, заботилась о домашних, воспитывала потомство.

Можно было бы задать вопрос, могла ли Ламасси держать все эти дела в памяти. Ее письма свидетельствуют о тщательном регистрировании всех поступавших и отсылавшихся товаров. Представляется, что она должна была иметь при себе служащего, связанного с домом Пушукена, который вел бы соответствующую документацию. Это кажется нам более правдоподобным, чем предположение, что Ламасси сама вела письменную отчетность дома. Несмотря на отсутствие документальных доказательств, мы склонны даже обобщить это предположение и высказать мнение, что женщины из купеческих семей скорее всего читать и писать не умели.

На деятельности других женщин этого круга мы остановимся лишь бегло. Ахаха, или Вакуртум, дочь Пушукена и Ламасси, выступает в письмах как особа, занимающаяся разнообразной хозяйственной деятельностью. Она интенсивно занималась финансовыми, торговыми, ремесленными делами, выполняла функции жрицы и исполняла разные административные обязанности, связанные с семейным имуществом. Она принимала активное участие в сложных делах, возникавших в связи со спорами о наследстве и разделе имущества с компаньонами отца после его смерти, в частности, ведала едва ли не всеми финансовыми вопросами на ашшурском конце. Будучи жрицей, она была равноправным деловым

партнером своих братьев (ССТ IV, 31b; ССТ V, 8a; ТС I, 21; ССТ V, 2b; 21a; ТС I, 79 и т. д.). См., например, ТС II, 46:
₄a-na-kam ₅É Šu-^dEn-líl ₅a-na KÙ.BABBAR is-ni-qú-ni-a-ti-ma ₆a-na ₇ší-ib-tim ni-il₅-qi-ma ₇nu-ša-bi-šu-nu li-mu-um ₈ú-ša-aḥ-da-ra-ni ₉GÉME.ḪI < .A > -ti-a ₁₀ik-ta-na-ta ₁₁KÙ.BABBAR 1 MA-NA ₁₂šé-bi-lá-nim-ma ₁₃ša-zu-za-tù-ku-nu ₁₄lu-kà-i-lá-šu-ma ₁₅a-ša i-ta-ší-a-ni ₁₆li-iš-qú-lu a-ma-kam ₁₇a-tù-nu té-ka-ki-ma ₁₈a-na-kam ru-ru ₁₉É a-bi-ni ša-ki-in ₂₀a-ḥu-ú-a a-tu-nu ₂₁a-na a-wa-tim ₂₂a-ni-a-tim aḥ-da ₂₃a-na-ku ša-zu-za-tí-ku-nu „Здесь дом Шу-Энлиля нажал на нас из-за серебра. Мы взяли под процент и успокоили их. Эпоним (lītim) старается испугать меня и (даже) моих рабынь хочет забрать в залог. Пошлите мне 1 мину серебра, а ваши представители пусть его придержат и пусть отвесят (серебро) тому, кто от меня приходит. Вы же там знаете, что здесь находится надел дома нашего отца! Будьте братьями! Справьтесь с этими делами, а я буду вашей представительницей“.

Из дальнейших писем Ахахи видно, что средства ее все время уменьшаются и она беднеет (ATHE 44; BIN IV, 96; ССТ III, 41b).

Ср. также письма КТН 7; BIN VI, 59; ТС III, 17; ССТ II, 32 b; КТН 49b: 18; ТС III, 210 : 24; 274 : 12, 18, рисующие деловую активность Ахахи-Вакуртум. О деятельности ее в доме известий нет,— очевидно, потому, что она была жрицей. Возможно, что свои письма она писала сама.

Более интересна деятельность Шат-Ашшур, жены Ашшурмалика, которая была участницей в деле Пушукена и получала от него денежные и другие посылки наряду с его ближайшими родственницами (см. о ней выше).

Переписка Шат-Ашшур с мужем (нам известно два письма от него) отличается от обычной переписки, ведшейся между Ашшуром и Канешем, взаимными запросами и сообщениями о здоровье супругов и семьи. В остальном это такие же деловые письма, и деятельность Шат-Ашшур в этом отношении мало отличается от занятий Ламасси. Отметим, однако, несколько своеобразных черт. В письме ТС III, 76 Шат-Ашшур обращается к нескольким ашшурским торговцам в Канеше, сообщая, что некий Дан-Ашшур

(видимо, ее родственник) «в воротах смерти» передал при свидетелях (тут же перечисленных) некоему Эннам-Ашшуру 30 мин серебра со словами: «об этом серебре мои иштеапū (кредиторы-скупщики?) знать не должны, пусть оно останется у тебя; отдай его моим детям». Шат-Ашшур хлопочет, чтобы деньги были переданы наследникам Дан-Ашшура; вероятно, они появились у него в результате какой-либо незаконной сделки.

Представляет интерес письмо Шат-Ашшур к Пушукену с просьбой о материальной помощи в связи с какими-то обрушившимися на ее семью бедами (BIN IV, 22): «из-за беды весь дом в смятении (masuḥ)... кроме тебя, никого нет, другого не имею... 20 сила (в месяц) вместе с твоими рабынями назначили мне, рабыни едят 20 сила, и я тоже должна есть 20 сила!» Между тем, Шат-Ашшур была довольно состоятельной, и ей приходилось покупать рабов, например, согласно BIN IV, 212, она по чьему-то поручению купила дорогую рабыню, ценой в 1 мину (60 сиклей) серебра.

О Шат-Ашшур известно, что она имела различные деловые отношения с местными каппадокийскими женщинами и, видимо, по крайней мере одно время, жила в Канеше (КТН, 6; ТТС, 26, ср. ССТ III, 254).

Мы не будем здесь затрагивать деятельности Шубультум, Таришматум, Белатум, Хаттитум и других упоминавшихся выше женщин; сведения о них хотя и пополняют наши знания об ашшурских и канешских женщинах, однако лишь в частности. Останемся лишь еще на жрицах.

У нас нет достаточных данных для суждения о функциях и категориях жриц, характерных для Ашшура исследуемого периода; приходится довольствоваться случайными упоминаниями в письмах и документах. Так, в частноправовых документах встречаются печати жриц-ugbabtum (с именем или безымянные); эти жрицы выступают в качестве свидетельниц или сторон в деле. Из брачных контактов видно, что жрица низшей категории — qadīštum могла стать женой ашшурского купца — однако только на родине; в таком случае купец мог одновременно иметь фактическую жену из местного населения. При разделе наследства жри-

цы находились в более привилегированном положении, чем остальные женщины.

Чаще других упоминаются жрицы-*ugbabtum* = NIN. DINGIR. Кажется, они занимали высшую ступень в иерархии; некоторые *ugbabtum*, например Ахаха-Вакуртум, были посвящены главному богу города, Ашшуру. По своему правовому положению, ашшурская *ugbabtum* напоминает вавилонскую *paditum*, однако нет данных, чтобы ей полагалось жить в особой обители (как, например, в Сиппаре). Из переписки Ламасси с Пушукеном следует, что девушку отдавали в *ugbabtum* по достижении ею физической зрелости и обеспечении ее приданым. Отметим попутно, что канешские купцы приносили клятвы мечом (*raṭum*) и эмблемой-*šugarium* бога Ашшура, которые находились не в городе Ашшуре, а, вероятно, в храме того же бога в Уршу по дороге в Анатолию. Помимо Ашшура, известны жрицы и других божеств²².

Нам известны имена четырех *ugbabtum*: Абшалим, дочь Амур-Иштара, Ахаха-Вакуртум, дочь Пушукена, Ахатум, дочь Илибани, и Иштар-Ламасси. Возможно, жрицами были также Ламассатум, Итарбашти и некоторые другие.

Абшалим и Ахаха выполняли свои функции, по-видимому, одновременно. Печать *ugbabtum*, часто без имени, на документах, составленных в Анатолии, указывает на то, что они не обязательно пребывали в Ашшуре, а отсутствие имени может означать, что одновременно действовала только одна *ugbabtum*, так что всегда было ясно, о ком идет речь. О других категориях жриц, кроме главной жрицы — *ugbabtum* и иеродулы — *qadištum*, нам мало известно, хотя в документах упоминаются еще *šālitum* (KTS, 25a) и *bāgītum* (TC I, 515), которые в Нижней Месопотамии были связаны с гаданиями и заклинаниями. Нам не кажется, что *waqqitum*, прозвище дочери Пушукена, — это жреческое звание; как уже упоминалось, мы считаем, что это другое имя Ахахи.

²² Ср. *H. Hirsch, UAR. c. 72 p.*

Ю. П. ВАРТАНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМИТСКИХ НАЗВАНИЙ МЕТАЛЛОВ

Первое, с чем мы сталкиваемся при рассмотрении названий металлов, это отсутствие единого, общесемитского термина для обозначения металла как такового, металла вообще. В отличие от и.-е. языков, где имеются праформы *aḷ-os «металл, медь (?)» и *ghel-(ǝ)gh-, *ghl-ko- „металл“, из которых дифференцировались соответственно санскр. аyaḥ, лат. aes „медь“, греч. χαλκός „медь“?, ряд балт. и слав. форм (прус. gelso, лиг. gelžis, латыш. dzēlzs, рус. желѣзо)¹, — в семитских языках есть лишь названия отдельных металлов: меди, железа, золота, серебра и др.. Такие

¹ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern and München, 1959, S. 15, 435.

Здесь и далее приняты следующие сокращения названий языков: абаз.— абазинский, абх.— абхазский, ав.— аварский, адыг.— адыгейский, акк.— аккадский, ар.— арабский, арам.— арамейский, арм.— армянский, асс.— ассирийский, балт.— балтийский, бежт.— бежитинский, вост.-сем.— восточно-семитский, гинух.— гинухский, годоб.— годоберинский, греч.— греческий, груз.— грузинский, гунз.— гунзибский, др.-арам.— древнеарамейский, евр.— древнееврейский, ег.— египетский, зап.-сем.— западно-семитский, и.-е.— индоевропейский, кавк.— кавказские, карат.— каратальский, кубач.— кубачинский, лак.— лакский, лат.— латинский, латыш.— латышский, лит.— литовский, мегр.— мегрельский, н.-вав.— нововавилонский, прус.— прусский, рус.— русский, саб.— сабейский, санскр.— санскрит, сван.— сванский, сем.— семитский, сир.— сирийский, слав.— славянский, ст.-акк.— староаккадский, ст.-вав.— старовавилонский, таб.— табасаранский, тинд.— тиндинский, уг.— угаритский, финик.— финикийский, хат.— хаттский, хет.— хеттский, хварш.— хваршинский, хинал.— хиналугский, хур.— хурритский, хюрк.— хюркилинокий, цах.— цахурский, цез.— цезский, чамал.— чамалальский, черк.— черкесский, шум.— шумерский.

термины, как ар. *ma-'din-* „рудник, металл“ и евр. *ma-ttāk-āī* „металл“, уже по своей форме (а именно — наличие в обоих случаях префикса *ma-*) являются поздними и не представляют для нас интереса.

Отсутствие общесемитского термина, означающего металл вообще, объясняется тем, что металлические руды на самой ранней стадии развития металлургии рассматривались как камни, поддающиеся ковке. Данные археологии и истории металлургии подтверждают факт холодной обработки, например, метеоритного железа на Древнем Востоке².

Лингвистически это положение подтверждается на материале ряда языков: акк. и хет., где названия металлов употребляются с тем же детерминативом, что и названия камней; ег.: *bj'*, «руда, металл, медь» первично значило «яма, колодец», восходя к общеафразийскому **bi'g-* «яма»; евр.: Иов 28, 2: «Железо берется из земли, и камень выплавляет медь», а также греч., где *μέταλλου* значит «копи, рудник».

В силу вышесказанного (и как будет явствовать из дальнейшего), можно говорить лишь условно о названиях именно металлов, так как руда или даже самородные куски металлов в принципе мало отличались от камня. Понятие же «металл» могло появиться только после получения его в чистом виде, то есть после освоения технологии плавки. Но поскольку вновь полученный материал являлся лишь видоизмененным старым, имевшим уже определенное название, то это название автоматически перешло на металл. Именно благодаря такой преемственности понятий в ряде случаев (хотя и не всегда) становится возможным проследить ход мысли и вообще способ мировосприятия древнего человека.

Однако, в свою очередь, плавка вышла не непосредственно из холодной обработки — ей предшествовала технология отжига

² См. *T. A. Wertime. The Beginnings of Metallurgy, a New Look, "Science", vol. 182, 4115, 1973; J. Muhly, Copper and Tin, the Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metals Trade in the Bronze Age, "Transactions of the Connecticut Academy of Art and Science", vol. 43, N. H. 1973, p. 176.*

Об этом же, по-видимому, свидетельствует ег. название железа: *bj'*, *p-p.t.*, буквально „руда неба“.

металла от породы, а затем случайные повышения температуры обжига до температуры плавления, как предполагается, натолкнули человека на мысль о возможности плавки металлических руд³.

1. Первым из металлов, оказавшимся доступным человеку в его технической деятельности, была медь. Собственно, медь была известна еще в VIII тысячелетии до н. э., но как и железо, главным образом, в качестве красителя в гончарном деле и других ремеслах⁴. Понадобилось несколько тысячелетий, чтобы человек научился преобразовывать медную руду в металл. Древнейшие образцы его относятся к концу V тысячелетия⁴.

Поскольку целенаправленное производство меди заключалось первоначально в отжиге ее от породы, то можно предположить, что и первое семитское название меди было связано с понятием горения. Это предположение тем более закономерно, что, например, в индоевропейских языках дело обстоит именно так: реконструируемая основа *a₁-os «металл, медь» связана семантически с праосновой *ai- «гореть», а в балто-славянской группе значение основы *va₁gi- варьируется в разных языках от рус. варить до лит. vāglas «медь», с которым также соотносится хет. wa₁g- «гореть»⁵. В семитских языках оно выражается несколькими глагольными основами, в том числе глагольной основой *w₁g₁, которая, однако, сохранилась в таком значении только в арабском: wa₁gā (√*w₁g₁) «образовывать искры, огонь». Тем не менее, это дает возможность объяснить происхождение староаккадского слова wē₁gi(ḷ)-um «медь»⁶, которое не этимологизируется на основе одного лишь аккадского языка. Таким образом, ст.-акк. wē₁gi(ḷ)-um

³ См. Т. А. Wertime, там же; В. В. Иванов, Проблемы истории металлов на Древнем Востоке, ИФЖ, 1976, № 4, с. 69.

⁴ J. Muhly, там же, с. 168; В. В. Иванов, там же, с. 68, 74.

⁵ J. Pokorny, там же, с. 11; В. В. Иванов, ук. соч., с. 75, 76.

⁶ Ю. Леви (Julius Lewy, Studies in Old Assyrian Grammar and Lexicography. Orientalia, vol. 19, 1950, p. 4, n. 4) на основании приведенного им фрагмента аккадского текста: l-na ku-ut-la-ti si-pa-ar-ri ši-ga-ri wa-ri-lm^{nār} Idiqlat is-ki-lg делает вывод, что древнейшей формой акк. термина для меди, по-видимому, была форма wa₁gi'um. Он также ссылается на Гельба, который в одном из акк. коммерческих текстов форму wa-ri склонен считать древним вариантом ē₁g₁(< wē₁gi'h).

буквально значит «огнистый», или «горящий», или «дающий искры, огонь», или нечто в этом роде. Физические свойства одного из видов медных руд, сульфидов, соответствуют такой характеристике: при обжиге сульфиды (как и вообще всякие сернистые соединения) дают характерные мелкие язычки пламени, что могло послужить естественной основой для названия материала. Кроме того, по внешнему виду эти руды, за счет содержащейся в них серы, имеют характерную искристозолотистую окраску. Остается выяснить, какие медные руды использовались в Месопотамии для получения меди. Не вдаваясь глубоко в обширный материал по истории древних источников меди⁷, все же назовем основные центры медных разработок раннебронзового века. На основании археологических и историко-филологических данных установлено, что медь добывалась раньше других районов на территории современного Ирана, вблизи современного города Керман (причем раскопки показали, что этот район уже в конце V тысячелетия до н. э. имел контакты с Месопотамией), а также в некоторых других районах в верховьях Евфрата. Иранское месторождение меди в районе Кермана предположительно ассоциируется со страной Маган в клинописной традиции, однако это название скорее относилось к какому-то порту на побережье Персидского залива, куда доставлялась добытая медь для дальнейшей транспортировки морем. Другим центром, состоявшим в торговых связях с Месопотамией, была юго-восточная часть Анатолии, местечко Эргани Маден (где разработки велись еще в XIX в. н. э.). Предполагается также, что западная часть Пакистана (в клинописных документах предположительно соответствует стране Мелухха, или Меллахха) могла быть местом вывоза меди морским путем. Крупное месторождение меди — в Палестине, в районе между Мертвым и Красным морями; косвенно оно упоминается и в книге Чисел (21:4—9), в эпизоде с медным змеем, которого сделал Моисей на пути к Красному морю. Но Палестина, несмотря на значительные запасы меди (которые используются и по сей день), не экспортировала ее в Месопотамию: Что касается Кипра, то он вплоть до II тыся-

⁷ Подробно об этом см. указанную выше работу J. Muhly, где также дается наиболее полная библиография по данному вопросу.

челетия до н. э. не играл роли поставщика меди на Древний Восток. Кипрский источник получил широкую известность лишь в эллинистическую и римскую эпоху. Таким образом, установленными или потенциальными центрами снабжения Месопотамии медью являлись: северо-западный Иран, юго-восточная Анатолия и, возможно, долина Инда. Но для нас более важно то, что во всех этих районах добывалась сульфидная руда, в отличие от Палестины⁸, где преобладают карбонатные руды (малахит и азурит), и именно сульфиды (вообще более распространенные среди медных руд) послужили для аккадцев тем материалом, который получил название «огнистый».

С лингвистической точки зрения форма *wēri(ḷ)um* является причастием действия от корня *wḷ* (то есть основы с первым и третьим корневыми слабыми). Если верно предположение Леви-Гельба о том, что первичной формой слова была форма *wāri'u*, то она практически идеальна, но даже если принять только *wēri(ḷ)um*, то гласный *-ē-* объясняется влиянием среднего корневого *-r-*. Со временем ст.-акк. *wēri(ḷ)um* преобразовалось в *wēgû(m) > ēgû*, что фонетически предсказуемо.

2 Однако термин *wēri(ḷ)-um/ēgû* не стал общесемитским. Во всех прочих группах семитских языков названия для меди произведены от основы **paḥš-*, уменьш. **piḥāš-* (арам. *pāḥāšā*, евр. *pāḥōšāt*, ар. *piḥās-*, ге'ез *paḥs*). Примечательно, что и эта основа, по-видимому, связана с понятием горения, так как ар. *piḥās-* значит не только «медь», но и «густой дым»⁹. Действительно, на одной из стадий плавки меди выделяются обильные густые пары с розовым и зеленым оттенком, что обусловлено процессом соединения железа с кремнеземом, содержащихся в руде; затем пары приобретают синюю окраску. Вообще эта основа имеет также значения: «исцеление» (акк.), «закливание» (евр.), «злополучие, дурная примета» (ар.), «гадание по приметам» (сир.) и «змей» (евр., араб.), которые относятся к одной семантической группе и отражают существовавшую практику магических заклинаний, со-

⁸ А также синайского месторождения, использовавшегося Египтом.

⁹ Коран, 55:35.

провождавшихся, по-видимому, определенными огненными и дымовыми эффектами. Так в Кн. II Царств 21 : 6, 17 : 17 и в Кн. Втор. 18 : 10 *māpāḥēš* „шептатель заклинаний“ (причастие от основы *pḥš*) упоминается вместе с *mā'ābīr bā'eš* „проводящий через огонь“ и другими колдунами.

Причина существования двух различных терминов для меди (восточно-семитского, то есть акк. *wēgi(ḏ)-uḥ* и западно-семитского **puḥāš-*), как нам кажется, состоит в следующем: 1) Передовые отряды древнейших семитских переселенцев, достигших Двуречья и называвшихся впоследствии аккадцами, придя в Месопотамию предположительно в V тысячелетии до н. э., застали производство меди на стадии получения ее из породы путем отжига, для которого было характерно искро- или пламевыделение, и продукт обжига, вполне естественно, получил название *wēgi(ḏ)-uḥ* «огнистый, дающий искры». Остальные племена, пришедшие в район Ближнего Востока позже, столкнулись уже с более совершенной технологией производства меди, плавкой, которая характерна выделением густых окрашенных паров, похожих на дым, что, в свою очередь, отразилось в новом термине **puḥāš-*. 2) Кроме хронологической разницы передвижения отдельных групп семитов, была еще и разница в самих физических свойствах использовавшихся медных руд: как указывалось выше, в Месопотамии это были сульфиды, а в Палестине — карбонаты и, возможно, оксиды, процесс плавки которых отличается по своим внешним проявлениям. 3) Северо-западные семиты располагали своими собственными запасами медных руд в Палестине, где производство меди началось еще в конце IV тысячелетия до н. э., то есть в Палестине существовал самостоятельный центр производства меди, предполагающий и возможность создания собственного термина, не связанного с аккадским¹⁰.

¹⁰ Существует мнение, что производство меди было привнесено в Палестину народами так называемой куро-аракской культуры. Это предположение основывается на многочисленных находках керамических изделий одного и того же типа на территории Восточной Анатолии, Кавказа, Северо-западного Ирана, а также Сирии и Палестины. Однако конкретных данных, подтверждающих это мнение, нет. См. *J. Muhly*, с. 204—206 и примечания к ним; *J. Perrot. Agiel*, № 11, 1965, с. 69; *Э. В. Ханзаян*, СА, I, 1963, с. 160—161.

Следует отметить, что и в аккадском языке нововавилонского периода имеется слово для меди (или более широко — металла), соответствующее, как предполагается, западно-семитскому *pu-ḥāš- — la'šū (ср. ге'ез paḥs). Этот факт можно объяснить, исходя из того, что староаккадский термин wēg(i)um к тому времени перестал быть актуальным, так как, во-первых, технология обжига руды в костре уже давно сменилась более совершенной плавкой, а во-вторых, давно был утерян глагол, на основе которого образовался этот термин, а тем самым — его этимология. Но допустимо и заимствование из какого-либо западно-семитского языка (фонетические изменения $p > l$ и $h > '$ в семитских языках закономерны), так как в староаккадском существовала и «правильная» форма этой основы — peš (< pa'šū < *paḥšū), но имела значение «исцелять» и не претерпела тех семантических метаморфоз, которые произошли в других семитских языках.

3. В семитских языках нет специального общего термина для бронзы, несмотря на то огромное хозяйственное значение, которое имел этот металл в течение целого исторического периода. Аккадский термин širaḡgi «бронза» заимствован из шумерского языка, где точное значение исходного слова ZA. BAR не совсем ясно. Во всех семитских языках, кроме аккадского, бронза имела то же название, что и медь — *puḥāš-. Это объясняется, скорее всего, тем, что на ранней стадии развития производства бронзы мышьяковые и оловянные примеси не считались определяющими в сплавах меди (соотношение меди и олова в древней бронзе в среднем 6 : 1), и любой медный сплав мог называться медью.

Из всех семитских языков только древнееврейский имел собственно семитский термин для олова — bədīl. Однако буквальное значение слова — «отделяемый, приплав, примесь» (например, Кн. Ис. 1, 25: wə'āsīgā kol bədīlalk «и удалю все приплавы¹¹ твои»). Это говорит о том, что олово bədīl имело обобщающее значение по отношению к любому приплаву вообще и к мышьяковым и оловянным составляющим бронзы в частности.

¹¹ Иначе говоря, примеси неблагородных металлов в сплаве; возможно, здесь имеется в виду даже не олово, а свинец, так как серебро, которое подразумевается в приведенной цитате, получалось из свинцовых руд, а именно, свинцовых белил, богатых им.

Общим же для всех групп семитской языковой семьи был заимствованный из шумерского термин *'апак-¹² (шумерское слово ап-па «олово» по законам, которым подчиняются заимствования шумерских словосложений в аккадском, должно было дать форму *аппак-), которая и была заимствована аккадским.

К сожалению, термины — как семитский, так и шумерский — не способствуют разрешению проблемы локализации древних источников олова. Самые ранние западноевропейские разработки олова в Галисии на Пиренейском полуострове, в Британии, Богемии и торговля им относятся к середине II тысячелетия до н. э. и связаны были с обменом между Севером и Эгейским миром. Иберийское олово вывозилось римлянами лишь в первые века нашей эры. Палестина не имела своего олова, так же как Сирия и Малая Азия, хотя последняя производила оловянную бронзу еще в начале III тыс. до н. э.. Наиболее вероятным источником древнего олова надо считать территорию современного Афганистана, где по последним геологическим данным обнаружены древние разработки олова¹³; кроме того, известно, что в начале II тыс. до н. э. торговля оловом наряду с тканями была направлена из Ашшура в Канеш, торговую колонию в Анатолии, существовавшую в 1950—

¹² Акк. апāки, араб. 'āpākā, евр. 'āpāk, ар. 'āpuk, ге'ез пā'эк. Евр. 'āpāk не непосредственно значит «олово», а «(оловянный) отвес» как строительный инструмент, груз для определения вертикали. В связи с этим *J. Muhly* (с. 243), приводя цитату из кн. Амоса 7,7: kō hir'ani wəhinnē 'ādōnāy niššāb 'al ḥōmat 'āpāk ubəyādō 'āpāk, говорит, что если 'āpāk соответствует аккадскому апāки и значит «олово», то, следовательно, ḥōmat 'āpāk значит «стена из олова», что не имеет смысла. Однако, как нам кажется, сочетание ḥōmat 'āpāk совершенно верно переводится как «отвесная стена», где 'āpāk представляет собой яркий пример метонимического употребления слова, первично означавшего олово. Такое употребление точно соответствует приведенному русскому выражению «отвесная стена», т. е. стена, построенная вертикально, в соответствии с отвесом. В данном случае отвес был оловянным грузиком.

¹³ Устное сообщение И. М. Дьяконова. Подробно о проблеме древних источников олова см. *J. Muhly*, с. 241—338; *T. A. Wertime*, там же. Частое указание на северо-западный Иран как источник олова ошибочно, см. *М. А. Кашкай, И. Р. Селимханов*, Из истории древней металлургии Кавказа, Баку, 1973, с. 158—159.

1850 гг. до н. э., хотя в Месопотамии олова нет. В обратном направлении шло главным образом малоазийское серебро и контрабандой — железо¹⁴. Гипотетически возможен был и другой путь — из Суз (Элам) через Тигр и далее по Евфрату к Мари и затем через Сирию в Египет и на Крит. Но все это в значительной мере гипотетично.

Неизвестно пока, было ли древнее олово сульфидным или окисловым. В арабском языке (через сирийский) есть еще один, заимствованный из греческого, термин для олова — *qīṣdīr* (греч. *κασσίτερος*), то есть касситерит, оловянный окисел, но так как он поздний, а этимология самого греческого термина не ясна, то он не показателен в отношении качества древнего олова.

4. Наиболее неясным в этимологическом плане остается общесемитский термин для железа — **b/parzil-* (акк. *parzillu*, араб. *parzāla*, евр. *barzāl*, уг. *br̄dl*¹⁵, ар. *firzil-*, саб. *prznm*). Это заимствованный термин, о чем свидетельствует как сама структура слова, так и исторические условия появления железа у семитов: в Ассирии оно появилось в начале, а в других районах — лишь во второй половине II тыс. до н. э.¹⁶. В то же время в Малой Азии железо разрабатывалось уже в начале III тыс. до н. э.¹⁷. Но железо из Канеша называлось по-аккадски *ašl'u* (неясной этимологии) или *amūtu* (вероятно, «крица»), а в более поздний период был заимствован хат. термин *ḥaralkiy-an* через хурритское посредство в форме **ḥabalg-inne* > *ḥabalkinpi*. Однако, возвращаясь к загадочному **b/parzil-*, следует отметить ряд фактов, стоящих, как будто, в связи с обеими последними формами.

1) Основой хат. *ḥa-ralkiy-an* «железный», если отбросить инструментально-локативный аффикс, представленный и в других хат. словах¹⁸ будет *-(ra-) lki-*.

¹⁴ Н. Б. Янковская, КТКТ, М., 1968.

¹⁵ Графемой *d* передавался также хур. фрикативный \bar{z} . Другой вариант транслитерации — *br̄sl*, обе формы из прототипа **baržil-*.

¹⁶ См., например, Кн. I Сам. 13 : 19—20.

¹⁷ Т. А. Wertime, там же; В. В. Иванов, ук. соч., с. 77.

¹⁸ См. В. В. Иванов, Разыскания в области хетт.-анат. языкознания, 3, — «Этимология», 1976, М., 1978, с. 153 сл.

2) Вероятное родство хат. и кавк. (в частности, абхазоадыгских) языков¹⁹.

3) Среди кавказских названий железа имеются: адыг. *gičə* (< **gičə*), черк. *giš'*, груз. (r)qina, мегр. (r)qina, сван. *begež*, бежт. *kil*, гунз. *kil*, хварш. *kel*, цез. *geg*, гинух. *keg*, ав. та-*h̄h*, таб. *ḡk*, *gogel*, хинал. *uga* (< **vga*), дарг. *mi-ḡ*, лак. *maḡ*, кубач. *meḡ*²⁰.

4) Древность малоазийского и кавказского железа²¹.

5) Заимствование семитами термина для железа из некоего языка, существовавшего на территории восточной Малой Азии или юго-восточного Кавказа.

6) Хурритское посредство между семитами, малоазийцами и кавказскими народами и их языками (что подтверждается наличием в акк. хурритизированной формы *ḥab-ikīppu*, а в арм. и груз. соответственно *апаг «олово»*; *aguḡ* и *agugī «кирпич»*, заимствованных из акк. через хур.).

Рассмотрим подробнее эти данные. Хат. основа **-raiki-* не является, очевидно, первичной, а состоит из корня *-lki-* и префикса *ра-*, характер которого проясняется при сравнении с другими случаями его употребления в самом хат. и с соответствующим формантом в кавказских языках. Так, в приводимом И. М. Дунаевской в книге И. М. Дьяконова фрагменте текста хаттского ритуала²² имеются формы *ра-(k)kat-enna*, *lē-wa-t-kat-i*, *si-wa-kat(t)-aḡ*, *пи-ра-li*, *пū-рā-si*, которые позволяют определить *-ра-* и *-wa-* как форманты, не принадлежащие к корню, так как в первом случае это слово *kat-i* „царь“ и *kat(t)-aḡ* „царица“, а во втором — союз (?)*пи + ра +* показатель мн. ч. *li*, *si*.

¹⁹ И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 172.

²⁰ Форма *gogel* — по Ф. Борку и потому ненадежна (*F. Bork. Beiträge zur Kaukasischen Sprachwissenschaft, Teil I, Königsberg, 1907, с. 19*). Кроме приведенных форм, имеются также тинд., годоб., карат. *kuba*, чамал. *koba*, цахур. *uiva* и некоторые другие, которые, как нам кажется, не являются вариантами той же основы, что в первой группе. Ср. С. М. Хайдаков, Сравнительно-сопоставительный словарь дагест. языков, М., 1973, с. 76.

²¹ Согласно указанию О. Лордкипанидзе (Колхида златообильная, в сб.: «Древний Восток и мировая культура»), остатки железодельных мастерских, обнаруженных в Колхиде, относятся к XII в. до н. э.

²² И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 171—172, прим. 15.

В кавказских же языках формант *b-* (и его рефлексy *p, v, w, m*) имеет совершенно определенное значение классного показателя, преимущественно, неодушевленных предметов. Кроме того, в абх. и абаз. (и как реликт — в нахских языках) *-b (a)* — выступает в качестве такового в числительных, а также в указательных местоимениях²³. На примере кавказских названий железа видно, что в большинстве из них классный показатель не сохранился или выступает в превращенной форме *m-, *v-*, однако сванская форма *begež*, которая отличается от других картвельских форм с основой **iḳi-* и поэтому является, очевидно, заимствованием из другого языка, — указывает на существовавший некогда префикс — классный показатель *b-*. Надо заметить, что следы классных показателей, по-видимому, обнаруживаются и в грузинском языке²⁴.

В свете вероятного родства хуррито-урартского и восточно-кавказских языков²⁵ интересно отметить, что в хурритском в непереходном глаголе (в форме 3 л.) субъект состояния выражается посредством архаического форманта *-b-*, являющегося энклитическим личным местоименным показателем. Этот же показатель служит в качестве объекта действия при переходном глаголе²⁵.

Учитывая также то, что заимствованный семитский термин содержит *b/p-*, можно утверждать, что и исходная для хаттского, кавказских и семитских языков форма содержала начальный согласный *b-*, который следует рассматривать как классный показатель. Причем его глухой вариант *p-* в восточно-семитском *ragzi-* есть результат заимствования через хурритский, где начальный *b-* оглушался²⁷.

Далее, при сравнении хат. **-pa-lki-*, кавк. *iḳi-na, be-gež, giḳ, giḳə, *v-ḡa, ma-ḥḥ (< *maḡḥ), kil, keḡ* и сем. *ba-gzi-l-* доста-

²³ «Языки народов СССР», т. IV, Иберийско-кавказские языки, с. 110, 112, 134, 187.

²⁴ *Arn. Čikobava. Les types principaux de conjugaison des verbes et leur correlations historiques dans les langues ibero-caucasiennes, Труды XXV МКВ, т. III, М., 1963. с. 527.*

²⁵ См. *И. М. Дьяконов. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки, ДВ, 3, 1978, с. 25 и сл.*

²⁶ *И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 150.*

²⁷ Там же, с. 125.

точно ясно выступает общий для всех этих форм корень с фонетическими вариантами *lq, *gč, *gz. Для возведения их к одной корневой основе *r/lq необходимо доказать, что соответствия l:r, r:g, q:č, č:z закономерны.

Чередование l/r легко объяснимо на кавказской основе. Так, например, в одной и той же цезской группе дагестанских языков имеются варианты: цез. geg, гинух. keg, бежт., хварш. kil, kel. О закономерности перехода r > l говорит и Е. А. Бокарев²⁸. Кроме того, это явление характерно и для хурритского языка, служившего, как выше отмечалось, посредником между малоазийскими, кавказскими и семитскими языками.

Соответствие r:g подтверждается на примере абхазо-абазинской каузативной частицы r-, которой в адыг, и убых., относящимся к той же группе языков, соответствует каузативная частица g-, но так как абх. и абаз. имеют более архаическую фонетическую систему, то g следует рассматривать как рефлекс *r²⁹.

Палатализация и аффрикатизация заднеязычных смычных g, k, q вообще характерна для адыгских языков³⁰, что мы и наблюдаем в случае с названием железа gičə.

Несколько сложнее с передачей аффрикат, во-первых, в семитских языках, так как все еще не ясен истинный фонетический характер акк. š и евр. z³¹, а также уг. d (или š₂), который использовался для передачи хурритского ффрикатива z, и во-вторых — в

²⁸ Е. А. Бокарев, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 42.

²⁹ «Языки народов СССР», IV, с. 99, 117, 139, 148, 155.

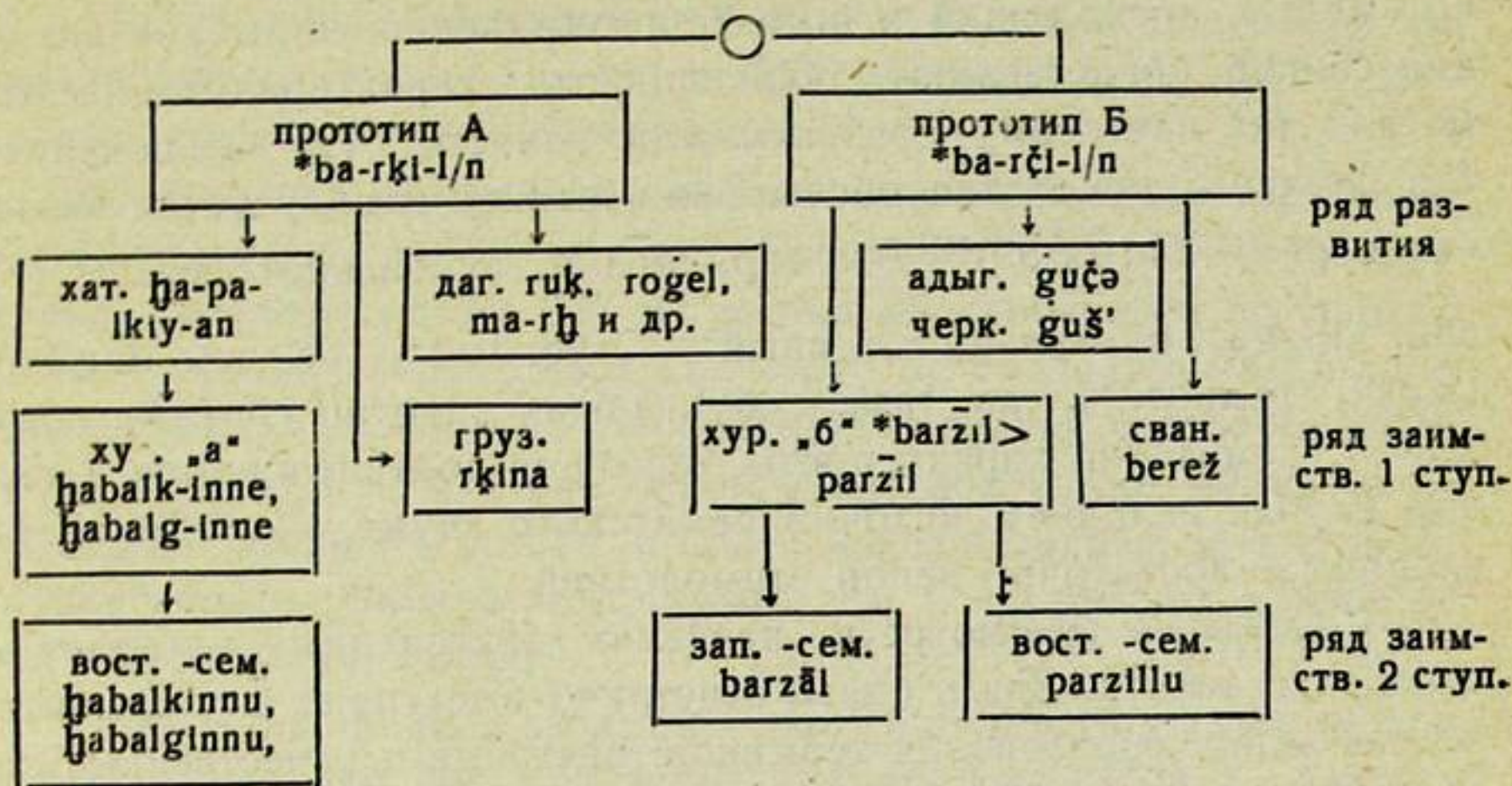
³⁰ Там же, с. 96.

³¹ Ф. Борк, например, в упоминавшейся выше статье высказывает предположение, что ассирийский и древнееврейский z произносились, как аффриката. В подтверждение он приводит почти идентичные 10-й и 18-й стихи 59-го псалма, где один и тот же рефрен в первом случае имеет слово 'āšmōgā (графически šmgh), а во втором — 'āzāšmōgā (графически 'zmgħ), и считает, что написание 'šmgh является вариантом 'zmgħ, из чего следует, что š/z=ž и оба варианта написания надо читать как 'āzāšmōgā «воспою». Безусловно, этот единичный случай недостаточно убедителен. Более убедителен факт передачи семитских s и z в ег. аффрикатами и использование угаритского знака и акк. клинописных

самом хурритском, где соответствия кавказским аффрикатам точно не установлены³². Однако это проблемы «внутреннего» порядка, не отрицающие самого факта заимствования семитского термина для железа из неизвестного кавказского или пракавказского языка-источника, — возможно, каскейского или «этиойского»?³³

Что касается п и л в хат., груз. и сем., то их следует рассматривать как модулирующие суффиксы, причем в сем. они заимствованы, скорее, из хурритского.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно составить условную схему распространения термина для железа.

Как видно из схемы, и ḫabalkinnu, и parzillu/barzāl, заимствованные в сем. языки восходят к одному прототипу, но к

знаков, включавших z, s и š для передачи соответственно хурритских аффрикат dz, s̄ и фрикатива z̄ (см. И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 127—129). Однако отметим, что в данном псалме, в первом случае, употребление глагола šāmaḡ «охранять» весьма необычно: 'ēlākā 'āšmōḡā, что традиционно переводится «к тебе прибегаю, на тебя уповаю». Но этот глагол в евр.—переходный и с предлогом 'āl не употребляется.

³² См. И. М. Дьяконов, Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки, с. 37.

³³ О каскейцах см. E. von Schuler. Die Kaškāer, Berlin, 1965. Об этиойцах — И. М. Дьяконов, ПАН, с. 12.

разным его диалектальным формам и разными путями, причем *paṣzillu/baṣzāl* было заимствовано раньше и непосредственно через хурритский, в то время как *ḥabalkīppu* — через хатто-хурритское посредство.

В арабском языке есть свой собственный термин для железа — *ḥadīd-*, но он имеет описательный характер, так как буквально значит «заточенный, острый», то есть относится скорее к изделиям из железа, чем к самому железу.

5. К заимствованиям принадлежит и один из семитских терминов для свинца — **'abāg-* (акк. *abāgu*, арам. *'abāgā*, евр. *'ābāg-*, ар. *'abāg-*), восходящий к шум.³⁴, а собственно семитские названия свинца представляют собой эпитеты, характеризующие этот мегалл по цветовому признаку или качеству (за исключением тех случаев, когда для обозначения свинца используется название олова — см. с. 89)³⁵. Это евр. *'ōrāgāt*, буквально «серый» (?), сир. *duggā*, буквально «темный», «тусклый» (ср. ар. *dugg-at-* «мрак, темнота»), ар. *gaṣāṣ-*, буквально «плотно сбитый, плотный»³⁶. Семитский характер этих терминов подтверждается в первом случае наличием исконно семитского звука ' , а в двух последних — достаточно ясной этимологией.

6. Остается рассмотреть названия драгоценных металлов — серебра и золота. Здесь опять отчетливо выступают две семантические линии образования терминов: цветовые и качественные характеристики материала. Общесемитское слово **kasp-* (от глагольной основы *ksp* «отделять, отламывать») первично означало «отломленный кусок, часть» и сохранилось в таком значении в ар. (*kisf-at-* «кусок») и акк. (*kusār-* «ломтик»), а в большинстве других семитских языков (акк., арам., евр., финик., уг.) **kasp-* приобрело значение «серебро» — вероятно, как определение, наиболее соответствовавшее физическим свойствам этого металла. Приме-

³⁴ Шум. А. *BAR, CAD, I*, p. 36.

³⁵ Ср. и.-е. названия металлов, содержащие цветовые характеристики, в статье В. В. Иванова, с. 72—75 и противоположное арабскому греч. *σύλοζ* «расплавленная масса металла» для свинца, с. 84.

³⁶ Ср. ар. *'a'fag-* «серый, цвета пыли».

чительно, что в ар. новый термин, *fiḏḏ-at-* «серебро», образован от глагола *faḏḏa*, который также значит «ломать».

Если **kasp-* и *fiḏḏ-at-* отражают свойства твердого материала, то другой термин для серебра, **ṣagr-* (акк. *ṣagri* „серебро“, сир. *ṣəgārā* „литье, чистый металл“, ар. *ṣiḡf-* „чистый“, *ṣagiḡf-* „чистое серебро“) является технологическим термином, так как образован от глагольной основы *ṣgr* „плавить, очищать плавлением“, что вполне согласуется с технологией выплавления серебра из свинцовых руд. В связи с этим нам кажется неоправданным сближение ар. *ṣagiḡf-* с и.-е. линией **serp1*³⁷.

В сир. серебро ассоциируется также с луной, благодаря ее серебристому свечению, так сир. *saḡgā* и *sīnā* (< акк. *Sīn*) „луна“ вторично значат еще и «серебро».

Для «золота» имеется несколько терминов, как собственно семитских, так и заимствованных. Основные — **dahab-* и **ḥuḡāṣ-*. Первый, несмотря на то, что он весьма употребителен во многих семитских языках (арам., евр., ар., саб.), не поддается какой-либо этимологизации. Возможно, это свидетельствует о древности основы. Характерно и то, что ни в одном семитском языке, кроме арабского, нет глагольной основы с таким же консонантным составом. Арабский глагол *dahaba* «идти, уходить», по-видимому, также не связан с названием золота.

**ḥuḡāṣ-* (акк. *ḥuḡāṣu* „золото“, сир. *ḥəgā'ā/ḥaḡū'ā* „золотисто-желтый“, др. -арам. *ḥgṣ*, евр. *ḥāḡūṣ*, финик. *ḥgṣ*, уг. *ḥgṣ* „золото“, ар. *ḥuḡṣ-/ḥiḡṣ-* (?) „золотое или серебряное кольцо“)³⁸ тоже, очевидно, относится к эпитетам, определяющим металл по цвету. На это указывает сир. вариант, сохранивший не субстантивированное определительное значение. В ар. есть еще глагол *ḥaḡiḏa* „быть золотисто-желтым“, который, если он не является отыменным, а может считаться исходным для **ḥuḡāṣ-*, также подтверждает первоначальное значение термина: „желтый“.

37 В. В. Иванов, ук. соч., с. 73.

38 Евр. форма *ḥāḡūṣ*, отличающаяся от общей формы **ḥuḡāṣ-* огласовкой, объясняется влиянием ханаанейского субстрата, одной из характерных особенностей которого является развитие *a > o > u*.

Известны также другие, локальные термины для обозначения золота: ар. *tibr-* „золото в виде песка“ (<*tabbağa* „ломать, крошить“), евр. *bāṣāg* „блеск (?), блестящий металл (?)“ (ср. ар. *baṣağa* „видеть“, *'abṣağa* „быть явным, издавать свет“), евр. *rāz* „чистое золото“ (вариантом которого, очевидно, является *'ūrāz*) и *kāṭām*. Первый из этих двух — топоним, так как употребляется в выражениях *zāhāb mē'ūrāz* „золото из Уфаза“ (Кн. Иер. 10:5), *kāṭām 'ūrāz* „уфазское золото“ (Кн. Дан. 10:5); второй восходит к ег. *ktm* „нубийское золото“.

Таким образом, с лингвистической точки зрения рассмотрены все основные семитские термины, обозначающие металлы. Однако сам лингвистический материал (используемые в качестве терминов эпитеты, прилагательные в уменьшительной или ласкательной форме, такие первичные значения терминов, как «дымок», «кусочек», «песок», «блеск» и др.) дает основание предполагать сознательное избегание терминологических обозначений и их замену на описательные слова-субституты, — замену, происшедшую в очень ранний период, когда все сферы жизни человека были подчинены многочисленным табу. Металлы всегда были связаны с представлениями о сверхъестественных силах — достаточно вспомнить о приписываемых металлам магических свойствах и культе кузнеца — например, в эпизоде с медным змеем в Кн. Чисел 21:4-9; в сообщении о потомках Каина и в частности Тувалкаина, родоначальника всех кузнецов, убивать которых строжайше запрещено (Кн. Быт. 4:15, 19-24) и т. д. Но это требует специального исследования с привлечением обширного этнографического материала, что выходит за рамки настоящей статьи.

В. А. ЯКОБСОН

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ СТАРОВАВИЛОНСКОГО
ПЕРИОДА

(Письмо ТІМ 1, 8)

Это письмо было издано А. Аль-Зеебари в копии (Texts in the Iraq Museum, Old Babylonian Letters, Part I, by Akram Al-Zeebari, Baghdad, 1964) и в транслитерации с переводом и комментарием (Altbabylonische Briefe des Iraq-Museums, Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster (Westf.), vorgelegt von Akram Al-Zeebari aus Mosul (Iraq), Köln, 1964). См. также рецензию Н. В. Козыревой (ВіОг XXVII, No 3—4, 1970).

Как мы надеемся показать, письмо № 8 имеет важное значение для социально-экономической истории Двуречья старовавилонского периода (царство Ларсы) и потому заслуживает большего внимания, чем то, которое уделил ему издатель. Желательность переиздания этого письма определяется также наличием ряда неясностей и лакун в транслитерации и переводе Аль-Зеебари, заставляющих предпринять попытку дать полное и связное чтение, основываясь на изданной копии. Разумеется, только сверка с оригиналом может подтвердить или опровергнуть предлагаемые нами конъектуры, и одной из целей нашей публикации является побудить кого-либо, имеющего такую возможность, эту сверку осуществить.

В целях экономии места, мы даем здесь только перевод текста, особо оговаривая все разночтения по сравнению с первоизданием. ТІМ 1, 8. (1) Саррикуму скажи так: (2) вот что говорит Гимиль-

Эйя. (3) Бог Шамаш да сохранит тебя! (4) Что касается спорного сада, (то) (5) с тех пор, как десять лет назад¹ царский указ (6) был издан, а дом и сад — (7) полная цена их вернулась, (8) тот, кто сад у тебя оспаривает, (9) до сих пор где бродил? (10) И почему того, кто сад у тебя оспаривает, (11) имя ты не написал мне? (12) Мы двое искренне (13) друг другу разве не отвечаем?² (14) О том, что после Шу-Ниншубура (15) по поводу Син-Мушалима (16) к начальнику тамкаров за помощью (17) ты обратился, и Иштар-илат (18) и Ирибам-Син (19) тебя удовлетворили³, почему ты не написал мне? (20) Дело сада закончи, (21) за серебро (его) продай. Дом (22) на два года я хочу сдать (в аренду), (23) сдай же его⁴. Серебро (за) сад (24) и арендную плату (за) дом (25) возьми, на случай нужды⁵ (26) пусть оно будет наготове. (27) Пусть они нас не беспокоят, (28) почему (хоть) один день с нами (29) они не были дружны? Дом и сад (30) пусть уходят⁶: (31) о том, что в день, когда серебро (от нас) будет потребовано, (32) нам придется отдать (их) за бесценок, (33) разве ты не знаешь? (34) серебро сохрани⁷, пусть оно будет у тебя наготове. (35) В прошлом году для твоего орошения⁸ (36) в Ларсе, как

¹ Или «в десятый год» (по эре Иссына)?

² В переводе издателя эта фраза имеет утвердительную форму.

³ У Аль-Зеебари: *dir geantwortet haben*. Такой перевод, разумеется, тоже возможен. Но, судя по контексту, речь идет о каком-то споре, вследствие чего наш перевод представляется предпочтительным.

⁴ У Аль-Зеебари: *Das Haus verkaufe ich innerhalb von 2 Jahren, gib (es hin)* Глагол *padānu* означает и „отдавать“, и „продавать“. Из строки 24 ясно, что речь идет именно об аренде.

⁵ *a-na bé-gu(!)-tim(!)* Издатель читает *a-na bé-el(?) -x-x* и переводит *Zum Hergehen des...* (оставляя лакуну). Наше чтение основывается на копии, где хорошо виден знак *RU* и остатки знака *TIM*, и на контексте.

⁶ Издатель переводит *Obwohl sie nicht einen Tag mit(?) uns freundlich umgingen, mögen das Haus und der Garten dahingehen*. Ср. также его примечание к строке 30. Наш перевод следует за *CAD X, 2, p. 208*.

⁷ *amig* мы понимаем как императив, издатель же — как форму первого лица единственного числа претеритума.

⁸ *a-na ša(!) ma(!)-ak(!)-gu(!)-ka*. Издатель читает *a-na [ša?] ba-aq-gu?-ka* и переводит соответственно: *...für des, was von dir vindiziert ist*.

обычно, (37) ничего он не сделал⁹, (38) а зерно твое ему отвезли, (39) за зерном твоим ты ко мне не пришел. (40) Апиль-Амурру, когда он обратился ко мне (с претензией), (41) большому наказанию меня подверг, (42) с помощью Син-патера (43) для рабианума клятву во имя царя (44) в уста мои он вложил (т. е. заставил поклясться?). (45) Слуги твои к царю обратились, (46) ты же к нему не ходи, но (47) так напиши (им?): (48) если возможно, о наделах (49) пусть они не пишут. (50) Здесь (51) цена (52) назначена, она высока, (53) тебе надлежит усиление продавать¹⁰, и (54) границы (наделов?) (55) ты должен определить.

Как это обычно и бывает с письмами, многое в этом тексте неясно, ибо нам неизвестны обстоятельства, известные автору письма и его адресату. В частности, можно строить самые различные предположения насчет взаимоотношений отправителя и адресата: были ли они родственниками, либо начальником и подчиненным; либо, что всего вероятнее, компаньонами. Неясен также смысл строк 45—49 и 54—55. Рассмотрим остальные части текста.

1. Строки 4—9. Некто оспаривает у адресата сад. Упоминание о «царском указе» заставляет прийти к выводу, что речь идет о так называемом «указе о справедливости», издававшемся, по-видимому, периодически и, в числе прочего, предписывавшего возвращение определенных видов отчужденной собственности ее

⁹ i-na UD. UNUG^{<ki>} ki-ma [a]-na ma-ti-i-ma iš-ti-a-at ú-la i-pu-ša-am. У издателя: i-na Larsa^{ki}(UD.UNUG.KI)-ma [a?-n]a ma-ti-i-ma etc. Его перевод: in Larsa... für immer eine(?) hat er mir nicht gemacht. TI вместо TI — видимо, результат описки издателя. Напротив, пропуск одного знака KI — вполне понятная ошибка писца. Предлагаемые нами поправки придают фразе ясный смысл.

¹⁰ Издатель читает: šl-ma-tum iš-šl-im-ma ta?-ta-na?-di-ma и переводит Hierbei werden Preise (oder Geschicke) bestimmt und du wirst immer wiedergeben. При этом чтении выбор между „ценами“ и „судьбами“ действительно труден, хотя упоминание о „продаже“ (см. также прим. 4) склоняет чашу весов в пользу цен. Но окончательно решает вопрос внимательное изучение автографии, где имеется знак, хотя и поврежденный, который был пропущен издателем при транскрибировании. Следует читать šl-ma-tum iš-šl-im ma-ld(l) etc.

прежним владельцам¹¹. «Царские указы» нередко упоминаются в документах из Ларсы, и из этих документов видно, что в ряде случаев такие реституции реально имели место¹². Видимо, адресату письма и была предъявлена претензия на основании подобного «указа». Однако автор письма считает, что претендент уже утратил право на реституцию своей бывшей собственности — из-за того, что он пропустил срок для предъявления претензий. Автор письма настолько в этом уверен, что тут же дает распоряжения (или советы?) относительно дальнейшей судьбы спорного имущества. Приходится сделать вывод, что действие «указов о справедливости» было ограничено определенным сроком. С этим обстоятельством, видимо, был связан ряд документов из Ларсы, фиксирующих уплату покупателями, спустя несколько лет, небольшой суммы денег (около четверти первоначальной цены) бывшим собственникам имущества, подпадающего под такой указ, «взамен» этого имущества. См., например, TCL X, 67, 32 иногда «вместо» купленной собственности отдавалось другое, тоже неравноценное, имущество, см. TCL X, 76, YOS VIII, 94. Иначе говоря, цель таких выплат и выдач состояла, видимо, в том, чтобы оттянуть предъявление претензии до тех пор, пока оно не сделается невозможным. Каков в точности был этот срок, можно выдвинуть некоторые предположения. Так, судя по нашему тексту, он был менее 10 лет. Поскольку считается, что «указы о справедливости» издавались с периодичностью один раз в 7—8 лет, можно предположить, что таким сроком было время от одного указа до другого. Загадочной представляется фраза о «возвращении полной цены сада и дома». К кому, собственно, вернулась эта цена? Возможно, что речь идет об уже упоминавшейся приплате продавцу с целью удержать его от предъявления претензий на основании «царского указа». Ведь представление о «полной цене было в то время весьма

¹¹ См. *F. R. Kraus*, Ein Edikt des Königs Ammi-saduqa von Babylon, 1958. Id., Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon, AS 16, 1965, pp 225 sqq. *J. J. Finkelstein*, Some New Misharum Material and its Implications, *Ibid.*, pp. 233 sqq.

¹² Этим текстам посвящена специальная глава в нашей монографии, готовящейся к печати.

расплывчатым и, возможно, в этом контексте не имеет никакого отношения к первоначальной цене.

2. Строки 30—34. Отправитель приказывает (или советует) адресату немедленно продать сад и сдать в аренду дом, ибо, когда срочно понадобятся деньги, придется отдать имущество «за бесценок». Эта угроза была весьма реальна и вызывалась двумя причинами. Во-первых, наличных денег в обороте было мало, и в них постоянно ощущалась нужда¹³. Из нашего письма следует, что было практически невозможно быстро получить сколько-нибудь значительный денежный заем даже под солидное обеспечение. Во-вторых, как мы уже отмечали, не существовало представления о «правильной» цене на недвижимость. Цена в каждом отдельном случае определялась конкретными обстоятельствами момента, особенно взаимоотношениями покупателя (кредитора) и должника-продавца. По этой причине цены на примерно одинаковое имущество могли различаться в десятки раз. Эта точка зрения была высказана нами уже давно¹⁴, однако теперь мы находим ее подтверждение в конкретной жизненной ситуации, отраженной в рассматриваемом письме.

3. Строки 40—44. Отправитель сообщает адресату, что некто «подверг его (отправителя) большому наказанию», а именно, заставил его поклясться во имя царя. Сама по себе клятва во имя бога или царя (или того и другого вместе) не являлась наказанием, но служила решающим доказательством в судебном процессе. Именно такой процесс, судя по упоминанию о рабиануме (т. е. градоправителе), имел место. Почему же отправитель связывает принесенную им клятву с наказанием или, возможно, с «неприятностью» (слово *širtu* имеет оба значения)? Не означает ли все это косвенное признание в принесении ложной клятвы? Такое предположение представляется весьма возможным. Вавилоня-

¹³ Ср. А. Л. Оппенгейм (Чикаго), Торговля на Ближнем востоке в древности. Доклад на V Международном конгрессе по экономической истории в Ленинграде, М., 1970. К сходным выводам на материале Ларсы пришла Н. В. Козырева (устное сообщение).

¹⁴ V. A. Jakobson, *Some Problems Connected with the Rise of Landed Property (Old Babylonian Period)*, BSSAV, Berlin, 1971, pp 33 sqq.

не, конечно, были людьми религиозными, но, видимо, не всегда клялись с чистой совестью. Ложные клятвы упоминаются, например, в списке возможных прегрешений в заклинаниях серии *Lipšur*. Но наше письмо позволяет отчасти заглянуть (возможно впервые) в психологию такого «грешника».

Строки 50—53. Отправитель предлагает адресату немедленно воспользоваться благоприятной торговой конъюнктурой. Как понимать сообщение о назначенных и притом высоких ценах? Известно, что в Вавилонии существовали сезонные колебания цен, хотя и не очень большие. В общем и целом цены колебались около цифр, указанных в § 1 Законов Эшнунны. Но были ли эти колебания цен чисто стихийными? Указания нашего письма заставляют думать о некоем вмешательстве властей в этот процесс, возможно, с целью предотвратить спекуляцию. К сходному выводу на основании собственных данных приходит и Н. В. Козырева (см. прим. 13). Все это весьма неожиданно и, разумеется, возбуждает множество вопросов. Первым из них является вопрос о том, каким образом происходило назначение цен и как обеспечивалось исполнение соответствующих распоряжений. Ответить на такие вопросы пока нельзя, но нам представляется важным привлечь к ним внимание исследователей.

Как известно, письма принадлежат к наиболее трудному для интерпретации жанру клинописных памятников. Однако встречающиеся в них сведения подчас уникальны и из других памятников извлечены быть не могут. Примером этого и является наше письмо.

Н. В. КОЗЫРЕВА

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА

Политическая история Месопотамии старовавилонского периода сравнительно хорошо восстановлена на основании изучения различного рода царских надписей, относящихся к этому времени, и датировочных формул, отмечавших важнейшие, с точки зрения составителей этих формул, события года¹. Задачей данной работы является проследить на доступном нам материале, происходящем главным образом из Ларсы и соседних с ней городов Ура и Куталлы, оставили ли важнейшие политические события этой эпохи следы в документах, зафиксировавших различного рода частные сделки, заключающиеся в то же время, а также в отчетности государственного и храмового хозяйства. Сведения такого рода дали бы нам возможность установить, как политические перемены отражались на хозяйственной жизни государства и на деятельности частных лиц. Обнаружить эти сведения мы попытаемся в документах, современных трем важнейшим событиям из истории Южной Месопотамии старовавилонского периода. Это следующие события: 1. свержение царя Ларсы Цилли-Адада и приход к власти династии Кудурмабуга (1835 г. до н. э.), 2. падение Рим-Сина, сына Кудурмабуга, и включение Ларсы в состав государства Хаммурапи (1763 г. до н. э.), 3. восстание Рим-Сина II (1741—1739 гг. до н. э.). Цилли-Адад, вступивший на престол в 1835 г. до н. э. был, вероятно, внуком царя Нур-Адада (1865—1850 гг. до н. э.) и наследовал сыну последнего Син-ики-

¹ D. O. Edzard, Die „Zweite Zwischenzeit“ Babyloniens, Wiesbaden, 1957.

шаму (1840—1836 гг. до н. э.). Датировочная формула года вступления Цилли-Адада на престол была обычной для первого года правления любого царя: «год, когда Цилли-Адад стал царем». Так датирована частно-правовая сделка от IX месяца этого года (YOS V 117, залог рабыни за серебро). Однако где-то между IX и XII месяцами произошел переворот, и Цилли-Адад был свергнут с престола. Это отразилось и в датировке частно-правовых документов; поскольку новой датировочной формулы еще не было, писец обозначил дату следующим образом: «год, когда Цилли-Адад не стал царем» (СВД 45, запись отказа от претензий на поле, XII месяц). В хозяйственных записях от XII месяца этого же года датировочная формула несколько другая: «год, когда Цилли-Адад с царствования был свергнут» (YOS V 9—11, 54—57). Сохранилось довольно много хозяйственных записей от XII месяца этого года, происходящих, главным образом, из храма бога Нанны в Уре, которые свидетельствуют, что отчетность в хозяйстве велась как обычно. Это сводки о наличии скота в отдельных стадах, о поступлении шерсти на склады и т. п. Документы, относящиеся к следующему году, датированы уже правлением Варад-Сина, сына Кудурмабуга². Их совсем немного, а содержание свидетельствует о том, как кажется, что военная обстановка вызвала некоторые перебои в работе хозяйства храма бога Нанны. Так, у некоторых пастухов образовались недоимки по поставкам скота в храм, которые были возмещены уже к четвертому месяцу 1 года правления Варад-Сина. Возможно, с недостаточным поступлением продуктов за предыдущий год, вызванным обстоятельствами военного времени, связано и то, что в VII—IX месяцы первого года Варад-Сина в качестве зерновых выдач работникам храма вместо

² Свержение Цилли-Адада, как известно из исторических источников, было связано с нападением на Ларсу войск города Казаллу, который за несколько лет до этого был покорен предшественником Цилли-Адада Син-икишамом. Одно из аморейских скотоводческих племен, занимавших пастбища на юге Двуречья, во главе которого стоял Кудурмабуг, согласно составленной им позднее надписи, «пришло на помощь Ларсе», разгромив войска Казаллу и его сторонников. В результате этой победы Кудурмабуг смог возвести на престол в Ларсе своего сына Варад-Сина (1834—1823 гг. до н. э.).

зерна дают финики (YOS V 12, 1—2, «70 гур фиников — это зерновое кормление носильщиков», 70 (gur) zú.lum še.ba egní pu.il^{meš}). Ко второму году правления Варад-Сина (см. RLA 11, p. 160) положение, видимо, стало уже стабильным. Этим годом помечено значительное количество хозяйственных записей (YOS V 14, 16, 30—32, 46, 49—53, 65, 68, 72, 78, 81, 88) и частно-правовых документов (YOS V 124, продажа раба, 135, жреческой должности, 134, строения). Среди хозяйственных записей следующего года мы находим одну, которая проливает некоторый свет на судьбу бывшего царя Цилли-Адада.

YOS V 167, 29 II 3-го года Варад-Сина ₁1 gur kaš 2.ta ₂па-ар-та-пу-ум ₃3 (pi) 2 (ban) é.SAL.šè ₄1 (pi) Ši-lí-^dAdad ₅2 (ban) Ku-du-ur-та-бу-уг ₆1 (ban) U-bar-ri-ja ₇1 (ban) Ka-ab-ḫu-та ₈1 gur kaš 2.ta ₉ki Ši-lí-lštar ba.zl.

Перевод: ₁1 гур пива двойной крепости ₂(для) жертвенных возлияний, ₃3 пи 2 бан (для) «дома женщин», ₄1 пи (для) Цилли-Адада, ₅2 бан (для) Кудурмабуга, ₆1 бан (для) Убаррия, ₇1 бан (для) Кабхума. ₈(Всего) 2 гур пива двойной крепости ₉у Цилли-Иштар израсходовано.

Следовательно, в третий год правления Варад-Сина Цилли-Адад был еще жив, жил при царском дворе и, судя по тому, что его имя упомянуто прежде имени Кудурмабуга, занимал там достаточно высокое положение. Воцарение новой династии не вызвало особо заметных изменений в потоке хозяйственных документов, а, следовательно, и в функционировании хозяйств, если не считать некоторой заминки с поставками продуктов в «смутный» год.

Варад-Син правил 11 лет. Ему наследовал второй сын Кудурмабуга, Рим-Син, чье правление было исключительным не только по длительности (1822—1763), но и по тому экономическому подъему, которого при нем достиг юг Месопотамии. На шестидесятом году правления Рим-Сина (соответственно 30-й год правления Хаммурапи) его войска были разгромлены силами вавилонского царя Хаммурапи, захватившего Ларсу и включившего ее территорию в состав своего государства. Свержение Рим-Сина по своим последствиям в корне отличалось от свержения Цилли-Ада-

да. Тогда произошло нечто вроде государственного переворота: одного царя сменил на престоле другой. Теперь ситуация была другая: царь был свергнут, государство, которым он управлял, потеряло свою независимость и перестало существовать, превратившись в одну из подвластных Вавилонскому царству провинций. Столичные города юга Ур и Ларса превратились в провинциальные, управляемые царскими наместниками, назначавшимися из Вавилона. Как же отразился в документах последний год правления Рим-Сина и первые годы существования Ларсы в составе Вавилонского царства?

В начале последнего года правления Рим-Сина в Ларсе еще заключались некоторые частно-правовые сделки. В III месяце 60 года Рим-Сина был заключен заем на сравнительно крупную сумму в 1 с лишним мины серебра (СВД 6), в V месяце этого же года был нанят некий Аттайа у своего отца и брата за обычную наемную плату — 5 гур ячменя и 6 мин шерсти (YOS VIII 168). Составлялись и административно-хозяйственные записи. В I месяце некая Тарибатум получила $1\frac{2}{3}$ сила масла (YOS VIII 169), в III месяце Ибби-Син получил $2\frac{2}{3}$ сикля серебра (YOS V 206), в IV месяце была составлена отчетная запись о расходе 10 гур зерна (LER 40). Последний датированный хозяйственный документ из Ларсы — это отчет о расходе зерна в государственном хозяйстве, составленный 30/VI 60 года Рим-Сина (СВД 121). Необычен уже сам факт составления итогового документа именно за полтора года. Всего за это время было израсходовано 271 гур 14 сила зерна. Из этого числа 115 гур 30 сила были взяты из окрестностей Города (т. е. Ларсы) — *ina liwīt ali illeqū*, CAD 9, L, p. 193). Запасы государственного хозяйства были, вероятно, на исходе³, новых поступлений не было, и расходовалось зерно, собранное на полях, располагавшихся непосредственно рядом с городом, так как остальная территория была, вероятно, уже занята войсками противника. Сохранилась и еще одна запись из Ларсы, в которой

³ Ежегодно в III—IV месяце в Ларсу на склады государственного хозяйства поступало зерно с полей государственного хозяйства, располагавшихся в ряде сельских поселений. Количество зерна, поступавшего из каждого поселения, достигало 600 гур. См. Н. В. Козырева, Сельская округа в государстве Ларса, ВДИ, 1975, № 2, с. 3—17.

также упоминаются расходы зерна за последние полтора года правления Рим-Сина. Этот документ был составлен, видимо, позже, чем СВД 121, так как он носит более общий характер и упоминает, кроме расходов зерна, и другие статьи расхода (сезам, медь). Запись носит неоконченный характер и была, вероятно составлена в последние дни царствования Рим-Сина. Интересно, что среди «поступившего» сезама учтены 9 гур сезама, которые «находятся в поле» (*ša ina eqlim*), т. е. фактически не доставленные на склад.

Среди хозяйственных документов первых лет правления Хаммурапи в Ларсе преобладают описи полей отдельных сельских поселений, нечто вроде кадастровых записей (TCL XI 155, 156, 36 год Хаммурапи, 185, время Хаммурапи), а также описи полей, выданных отдельным лицам (TCL XI 145, 146, 33-й год Хаммурапи; 191, 229, 235, 239, время Хаммурапи). Это было связано как со стремлением новой администрации получить точное представление о своем хозяйстве, так и с распределением части государственных земель среди нового персонала⁴.

Если мы обратимся к частно-правовым документам, то увидим, что частная деятельность продолжается тем же порядком, что и раньше. Уже I месяцем 31-го года Хаммурапи (т. е. 1-го года его правления в Ларсе) датирован акт продажи жилого строения из Куталлы (TS 33), другой акт продажи недвижимости из Куталлы датирован XI месяцем этого же года (TS 34). Дети и внуки лиц, занимавших высокое положение в государственном персонале при Рим-Сине, как будто сохраняют достаточно высокое положение и при Хаммурапи и его сыне Самсуилуне. Так, Иддин-Эйа, сын Бальмунамхе, богача и видного чиновника, активно действовавшего в первую половину правления Рим-Сина, получает письма с указаниями непосредственно от самого Хаммурапи (TCL XVII, 63). Ибни-Амурру, один из потомков Санума, чей отец при Рим-Сине входил в круг высших должностных лиц, исполнявших должности «судий Ларсы» (К1. 1, 7), очень активно действует при Хаммурапи и Самсуилуне, занимаясь реализацией натураль-

⁴ Эти записи в ряде случаев составлялись со слов местных жителей. Так, в TCL XI 155 указано, что опись полей поселения Абисарихи составлена со слов совета старейшин этого поселения и еще двух лиц.

ных продуктов, поступавших в качестве поборов в государственное хозяйство (TCL XI 197, 205). Однако это положение не шло, вероятно, ни в какое сравнение с тем, которое их отцы и деды занимали при сыновьях Кудурмабуга. Потеря Ларсой независимости привела к тому, что из столичного города, центра всей Южной Месопотамии, крупнейшего по тем временам центра международного товарообмена, она превратилась в простой перевалочный пункт по сбору налогов с южных окраин Вавилонского государства. Если для непосредственных производителей, прикрепленных к земле, и для большинства мелких служащих государства и храмов, сохранивших свои должности, а следовательно и свои земельные наделы, такие перемены не имели особо важного значения, то высшие чиновники и торговые круги, несомненно, от них пострадали и были заинтересованы в восстановлении независимого государства. Когда после смерти Хаммурапи на престол вступил его сын Самсуилуна, на десятом году его правления города юга, входившие ранее в состав ларского царства, восстали. Восстание возглавил некий Рим-Син, о личности и происхождении которого нам ничего неизвестно. Трудно предположить, что это был сын Кудурмабуга, ему в это время должно было быть никак не менее 90 лет. Против этого говорит и следующий факт. Рим-Син, сын Кудурмабуга, на 23-м году своего правления был обожествлен и с тех пор перед его именем стали ставить детерминатив бога (^dRīm-^dSīn). Когда под этим же именем стал править новый царь, писцы, видимо, были в затруднении, не зная, надо ли ставить перед его именем детерминатив бога. Так, из восьми квитанций на зерно, выданных неким Мухегалем, и относящихся, очевидно, к разным месяцам одного и того же года — первого года Рим-Сина II — четыре вообще не датированы, проставлен только месяц и день (СВД 78, 80, 81, 83), а в четырех других, где датировочные формулы имеются, в двух случаях перед именем Рим-Сина стоит детерминатив бога (СВД 74, 77), а в двух других он отсутствует (СВД 75, 77). Отсутствует он и в датировке документа YOS VIII 55 от 1-го года Рим-Сина II, тогда как в YOS VIII 70 этот детерминатив есть, что позволяет отнести его не к первому году Рим-Сина, сына Кудурмабуга, как счел издатель, а к 1-му году Рим-

Сина II⁵. Всего от времени Рим-Сина II известны три датировочные формулы, соответствующие трем годам его правления (RLA II, p. 164), и если при употреблении первой происходит некоторая путаница с детерминативами, то в последующие два года такой путаницы нет. Писцы, получив, видимо, соответствующие указания, твердо ставят детерминатив бога перед именем царя. Однако в хозяйственных документах из соседнего с Ларсой Ура и в этих датировочных формулах детерминатив иногда отсутствует (UET V 411, 536).

В частно-правовых документах имя царя, кроме датировочной формулы, упоминалось обычно и в формуле клятвы, которой сопровождалось совершение сделки. Для ларских документов такого рода, относящихся ко второй половине правления Рим-Сина, сына Кудурмабуга, т. е. ко времени, когда тот уже был обожествлен, характерна следующая стандартная формула клятвы: «Именем бога Нанны, бога Шамаша и бога Рим-Сина, царя, он поклялся». Частно-правовых сделок времени Рим-Сина II сохранилось немного. В большинстве случаев клятва в них вообще отсутствует (YOS VIII 54, 55, 70), либо пишется краткая формула без упоминания собственного имени царя (BIN VII 175, СВД 21, TS 85). Из доступных мне документов полная формула клятвы была употреблена лишь в одном (TS 86). Поскольку положение нового царя было неустойчивым, контрагенты старались избежать упоминания его имени в клятвах. Возможно, Рим-Син II был сыном Варад-Сина, т. е. племянником Рим-Сина, сына Кудурмабуга⁶, хотя и в этом случае он должен был быть очень преклонного возраста ко времени восстания. Кем бы он ни был, совершенно очевидно, что он старался использовать авторитет имени своего знаменитого предшественника. Главной опорой нового царя была, видимо, все та же группа высших чиновников и торговцев, которая процветала и при сыновьях Кудурмабуга. Трудно считать слу-

⁵ Путаница происходит от того, что первый год правления любого царя датировали стандартной формулой: год, когда такой-то стал царем. В датировочной формуле Рим-Сина, сына Кудурмабуга, от первого года его правления детерминатив бога приведен, видимо, по ошибке, так как в тексте, на который ссылается издатель, этого детерминатива нет (YOS V 202).

⁶ Сохранился оттиск печати, который гласит: Рим-Син, сын Варад-Сина царя Ларсы, см. *Edzard, op. cit.*, p. 167, n. 909.

чайностью, что одновременно с появлением имени Рим-Сина в документах появляется и имя Бальмунамхе, так хорошо знакомое нам из частно-правовых и хозяйственных документов времени Варад-Сина и Рим-Сина, сыновей Кудурмабуга.

Бальмунамхе II занимает видное положение в государственном хозяйстве, подобное тому, что занимал его тезка и, вероятно, родственник. В одном случае он вместе с двумя другими лицами получает 3 бан (около 25 л. масла, СВД 84). В другом документе он выступает как контролер. Этот документ представляет собой список военного снаряжения и строительного инструмента, отправленного управителем города Ларсы Син-муштале царю Рим-Сину II, войска которого сражались с войсками Самсуилуны, пытавшимися подавить восстание. Вот этот текст, никем, насколько мне известно, до сих пор не приводившийся.

YOS V 227, 23 X Рим-Син II b⁷ ₁187 aga.sillig urudu ₂kl.lal.bi 6 gún 3 2/3 ma.на ₃1 šu-ši ma-aḥ-gu-ú urudu ₄kl.lal.bi 1 gún 10 ma.на ₅191 maḡ.urudu ₆kl.lal.bi 2 gún 54 1/2 ma.на ₇654 kak(!).maḡ urudu ₈kl.lal.bi 6 1/2 ma.на ₉10 gún 14 2/3 ma.на urudu SITA_x til.la ₁₀5 tug ma-as-su ₁₁ú-nu-tu ša iš-tu UD.UNUG^{kl} ₁₂^{m.d}Sin-mu-uš-ta-al ₁₃ša-pi-lr UD.UNUG^{kl} ₁₄a-на ma-ḥar lugal ú-ša-bi-lam ₁₅gír Val.mu.pam.ḥé ₁₆пam-ḥa-ar-ti Nu-úr-^dŠamaš ₁₇gá.dub.ba šà é.gal.

Перевод: ₁187 топоров бронзовых, ₂вес их 6 талантов 3 2/3 мины, ₃60 заступов (?) бронзовых, ₄вес их 1 талант 10 мин, ₅191 лопату бронзовую, ₆вес их 2 таланта 54 1/2 мины, ₇654 колышка (?) для лопат бронзовых, ₈вес их 6 1/2 мины, ₉(всего) 10 талантов 14 2/3 мины бронзы, расчет полный; ₁₀5 одежд «массу», — ₁₁(это) снаряжение, которое из Ларсы ₁₂Син-мушталь, ₁₃управитель Ларсы, ₁₄царю отправил. ₁₅Контроль Бальмунамхе. ₁₆Получение Нур-Шамаша, ₁₇казначей дворца.

Отправка вооружения и строительного материала, как известно, не помогла. Войска Самсуилуны разгромили восставших и учинили в Уре, Уруке, Ларсе и других городах юга Двуречья такой погром, после которого те надолго обезлюдели. Сам Рим-Син II погиб, судя по датировочной формуле 14 года Самсуилуны, согласно которой «великою силою он (т. е. Самсуилуна) поразил оружием дерзкого самозванного царя, возмутившего людей Ура».

⁷ По RLA — датировочная формула последнего года Рим-Сина II.

Э. В. ХАНЗАДЯН, Г. Х. САРКИСЯН, И. М. ДЬЯКОНОВ

ВАВИЛОНСКАЯ ГИРЯ XVI в. до н. э. С КЛИНОПИСНОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ РАСКОПОК МЕЦАМОРА

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАХОДКИ ГИРИ

Древнее городище Мецамор возвышается в центре Араратской долины в 35 км к западу от Еревана. Раскопками установлено, что Мецамор был заселен с конца IV тыс. до н. э. до позднего средневековья включительно.

В эпоху раннего железа (XI—IX вв. до н. э.) Мецамор был одним из административных и религиозных центров Араратской долины. Город доходил до небольшого оз. Акна и по предварительным данным занимал площадь около 80 га.

В цитадели в основном были сосредоточены жилые помещения для знати, главные производственные единицы и культово-религиозные памятники, в том числе храмовый комплекс. Малый холм (севернее от цитадели) с искусственными площадками, наряду с культовым, имел, видимо, и астрономическое значение.

Жители города занимались специализированным земледелием — огородно-бахчевыми культурами, садоводством, — а также разными ремеслами. Развитие скотоводства достигло больших размеров, что способствовало увеличению богатства, расширению торговых связей и дальнейшему углублению классовой дифференциации, свидетельством чему являются раскопанные гробницы вождей, отличающиеся пышностью погребального инвентаря.

Некрополь — усыпальница многих поколений древних жителей Мецамора расположен к востоку и юго-востоку от цитадели,

на расстоянии около 500 м. Общая площадь его составляет более 50 га.

В конце 1979 г. на участке стройки нового моста, над дренажной канавкой, находящейся на южной окраине некрополя, под курганом были раскопаны пять погребальных камер площадью около 24—28 м², сложенные из туфовых плит значительных размеров. Они обрамлены кольцом из туфовых плит, некоторые из которых украшены изображениями льва и коня. Погребения имели балочные перекрытия и пол, покрытый досками.

Вследствие ограбления и обрушения перекрытия вместе с каменной насыпью, нам не удалось восстановить первоначального расположения захоронений. Однако богатое убранство погребений и ритуал подтверждают принадлежность этих захоронений знатным мещаморцам.

В центре могильной камеры на деревянном ложе, как видно, хоронилось знатное лицо, в сопровождении, по-видимому, насильственно умерщвленных членов его свиты или рабов. Последние обнаружены в сидячем (на корточках) или лежащем положении, беспорядочно, друг под другом. Число сопровождавших в каждом погребении колеблется от двадцати пяти до пятидесяти.

Захоронения характеризуются многочисленными костными остатками. В жертву приносили коней, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, собак, птиц. Косточки же винограда и груш, обнаруженные в погребениях, свидетельствуют о применении фруктов в ритуалах.

В погребениях обнаружены многочисленные бляшки и пуговицы, из которых составлялись панцири, что свидетельствует о наличии здесь также воинов. Погребения богаты украшениями, изготовленными из бронзы, олова, камня, пасты и золота: золотые медальоны, пуговицы с золотой облицовкой, шаровидные и цилиндрические бусы, покрытые тончайшей зернью. Золотые рубленные бусы вместе с пастовым пестрым бисером, возможно, украшали одеяния или же парчу, окаймлявшую погребальное ложе.

Среди обнаруженного материала наибольший интерес представляет изящная фигурка лягушки из агатового оникса с вавилонской надписью (рис. 1, 2). Длина лягушки 3 см, высота в передней части 1,5 см. В средней части ее имеется горизонтальное

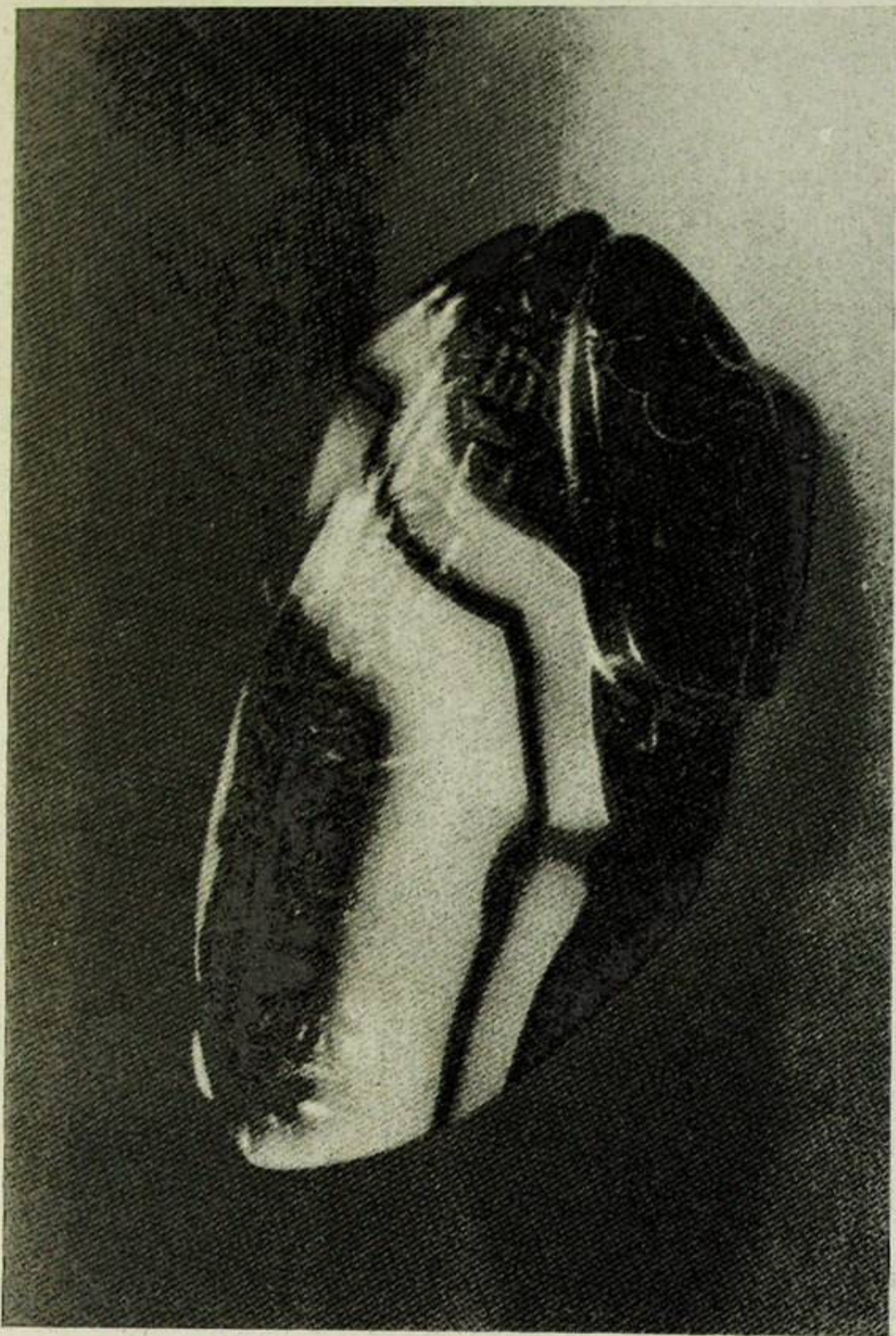

Рис. 1 Онксовая гиря в виде лягушки из раскопок Мецамора; общий вид

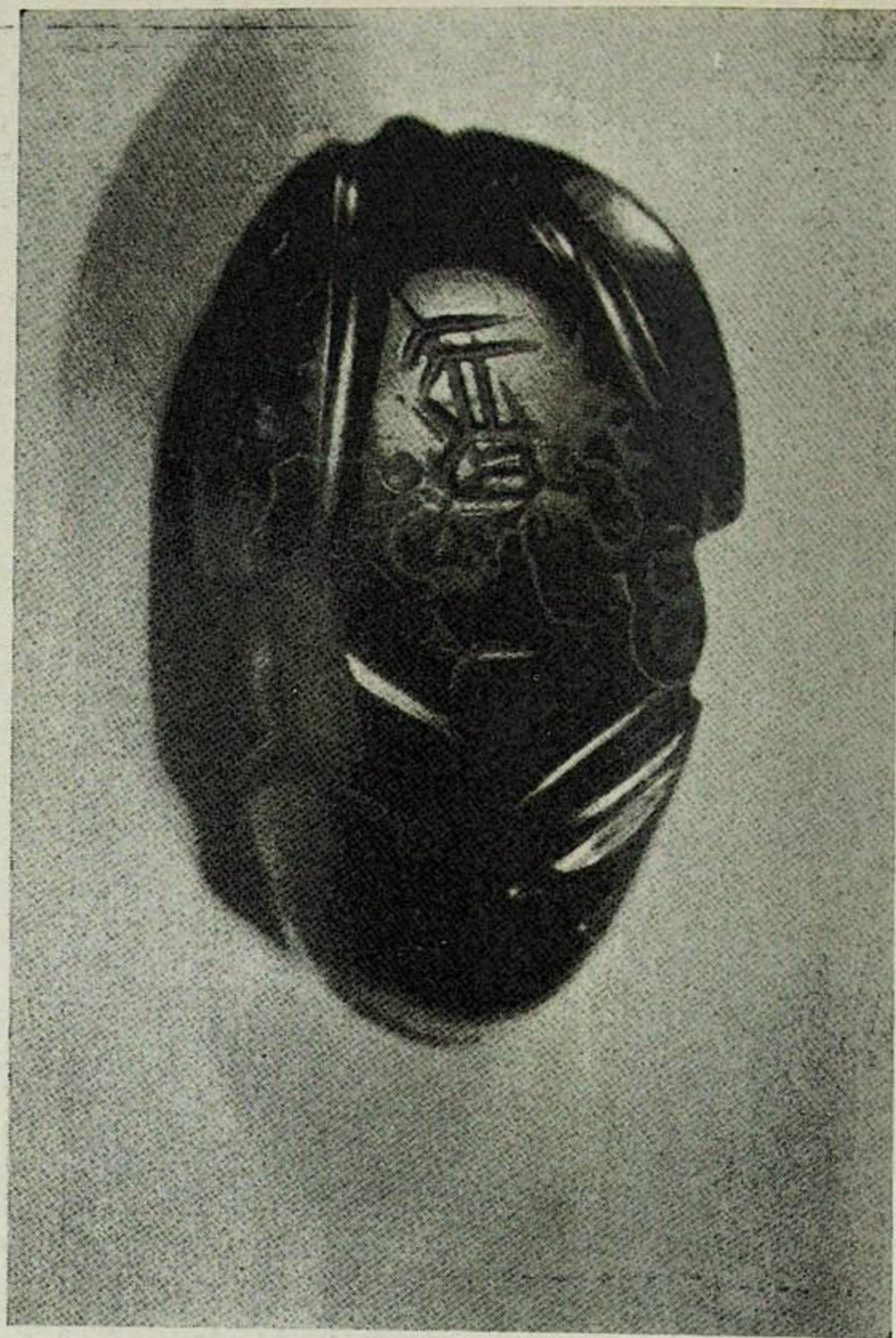

Рис. 2 Онисковая гиря в виде лягушки из раскопок Мецамора, вид со стороны брюшка

продольное отверстие для подвешивания. Фигурка лягушки выполнена с большим мастерством и со вкусом. В ней гармонично сочетаются темно-коричневый и белый цвет камня. Лягушка найдена в мецморском VIII кургане, где было похоронено пятьдесят человек, большей частью женщины. Выделяются кости одной молодой женщины и одной взрослой¹.

По всей вероятности, гробница принадлежала именно этим знатым дамам, возможно — жрицам, одна из которых носила агатовую фигурку — лягушку — в качестве амулета. В «загробный мир» их сопровождали, помимо свиты из дворцовых дам и служанок, также девятнадцать лошадей, шесть коров, овцы и собака. В гробнице в небольшом количестве обнаружены также кости детей, подростков и мужчин.

В древнем мире культ лягушки имел широкое распространение. VII тыс. до н. э. датируются фигурки лягушек, найденные в Нео-Никомедии². В Египте она являлась символом богини плодородия и деторождения — Гекеты. Фаянсовая фигурка лягушки обнаружена в раннединастических святилищах Абидоса (3000 г. до н. э.)³.

Лягушка почиталась также в Армении, где следы ее культа засвидетельствованы, начиная с III тыс. до н. э. Амулеты-лягушки из золота и сердолика найдены в лчашенских гробницах эпохи поздней бронзы (Гос. ист. музей Армении, инв. №№ 2007/171 и 2009/447). Рельефными фигурками лягушек украшен бронзовый браслет из Алаверды (ГИМА, инв. № 1437), а также некоторые глиняные сосуды эпохи поздней бронзы и раннего железа (Айрумский, Мецморский, Топрах-калинский).

Что касается датировки захоронения, то основная часть сопутствующего материала характерна для эпохи раннего железа. Лишь некоторые бусы из золота и, частично, сердолика имеют более ранние аналогии.

¹ Определение антропологического и остеологического материала принадлежит Н. М. Ермоловой.

² Н. А. Сидорова, Искусство Эгейского мира, М., 1972, с. 21, рис. 7.

³ Von Troja bis Amarna, The Norbert Schimmer Collection New York, Mainz/Rhein, 1978, рис. 191.

Фигурные бусы мецаморского типа нам известны лишь из Кировакана (ГИМА, инв. № 1537), без сопровождающего материала. Самые ранние образцы аналогичных бус, найденные в Мари, датируются началом II тыс. до н. э. (хранятся в Лувре)⁴. К позднекипрскому времени (1450—1230 гг. до н. э.) относятся фигурные бусы из Китиона⁵.

Аналогичные мецаморским золотые цилиндрические бусы, украшенные зернью, найдены в позднебронзовых (XIV—XIII вв. до н. э.) гробницах Лчашена⁶, Лориберда⁷, Кировакана (ГИМА, инв. № 1530). Тем же временем (1350—1200 гг. до н. э.) датируются бусы из шахтовых гробниц Тирунса⁸.

Золотые цилиндрические бусы, украшенные зернью, из памятников эпохи раннего железа, нам пока не известны, однако в Закавказье в начале I тыс. до н. э. широкое распространение получают аналогичные бусы, изготовленные из пасты и стекла.

Оловянная булавка с завернутой в петельку головкой, найденная вместе с лягушкой, имеет большой хронологический диапазон. Самые ранние медные образцы таких булавок известны в амратской культуре Верхнего Египта, в раннединастическом Кише⁹, Библе (2300—2100 гг. до н. э.), Чагар-Базаре, Алишаре, Талише¹⁰. В Армении они известны из памятников III—I тыс. до н. э. Длинная бронзовая булавка найдена в Шенгавите¹¹. Ранней стадией поздней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.) датируются булав-

⁴ *Y. Cl. Margueron, Mesopotamia, London, 1965, рис. 43.*

⁵ *H. G. Buchholz, Vassos Karageorghis. Altägäis und Altkypros, Leipzig, 1972, с. 166, 487, № 1772, хронолог. табл., с. 138.*

⁶ *А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956, СА, № 2, 1957, с. 146—153 и рис. 4.*

⁷ *С. Г. Деведжян, Лорибердский могильник, СА, № 2, 1974, с. 186, рис. 6, 3.*

⁸ *H. G. Buchholz и др., ук. соч., с. 109—110, № 1307.*

⁹ *Гордон Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 97, рис. 20, с. 245, рис. 92, 6.*

¹⁰ *Cl. F. A. Schaeffer, Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale, London, 1948, рис. 66—68, 195, 236.*

¹¹ *Е. Байбуртян, Орудия труда в древней Армении, «Вестник Института истории и литературы», II, Ереван, 1937, с. 202, рис. 65.*

ки из Артика¹², Бешташени¹³, Самтавро¹⁴. Они характерны для многих памятников конца II тыс. до н. э. (Ханлар, Хачбулаг, Тли, Цхинвали и т. д.). В Кедабек-калакендских погребениях они сопровождаются железными предметами¹⁵. В мецаморском рядовом погребении № 17 булава с завернутой в петельку головкой сопровождается каннелированной керамикой, наконечником стрелы с резко обозначенным ребром и четырехгранным стержнем, характерным для эпохи раннего железа.

Погребальный ритуал и весь основной материал мецаморских гробниц, в том числе «фаянсовые» чаши, сосуды с мифическими изображениями охотничьих сцен, чернолощенная изящная керамика, чаша из темно-фиолетового камня, ребристые браслеты и кольца, бляхи-пуговицы от конского убора с центральной инкрустированной многолучевой звездой имеют свои многочисленные аналогии в памятниках эпохи раннего железа, начиная от Ширака до Ленкорани, от левобережья Аракса до Цалкинского плоскогорья, и свидетельствуют о переднеазиатских связях, а также о сохранении и дальнейшем развитии местных традиций.

Таким образом, мецаморские погребения явно относятся к эпохе раннего железа (XI—IX вв. до н. э.). Наличие же в них некоторых украшений, датируемых более ранним временем, можно объяснить наследственной передачей этих предметов из поколения в поколение.

Э. В. Ханзадян

2. КЛИНОПИСНАЯ НАДПИСЬ НА ГИРЕ

При раскопках 1979 г. в Мецаморе было открыто погребение, датируемое раскопавшим его археологом Э. В. Ханзадян XI—

¹² Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1974, с. 184, рис. 91.

¹³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, с. 73, рис. 80, 1.

¹⁴ Т. Н. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси, 1957, с. 25, рис. 32.

¹⁵ А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, вып. VI, М., 1911, с. 137, табл. IX, 11.

IX вв. до н. э. Наряду с прочим материалом здесь была найдена агатовая гиря в виде прекрасно выполненной лягушки, просверленная поперечно, с клинописной надписью на брюшке, спинке и лапках. Вес гири 8,64 г.

Письмо надписи — характерный эпиграфический (глиптический) пошиб вавилонской клинописи середины II тыс. до н. э. (рис. 3).

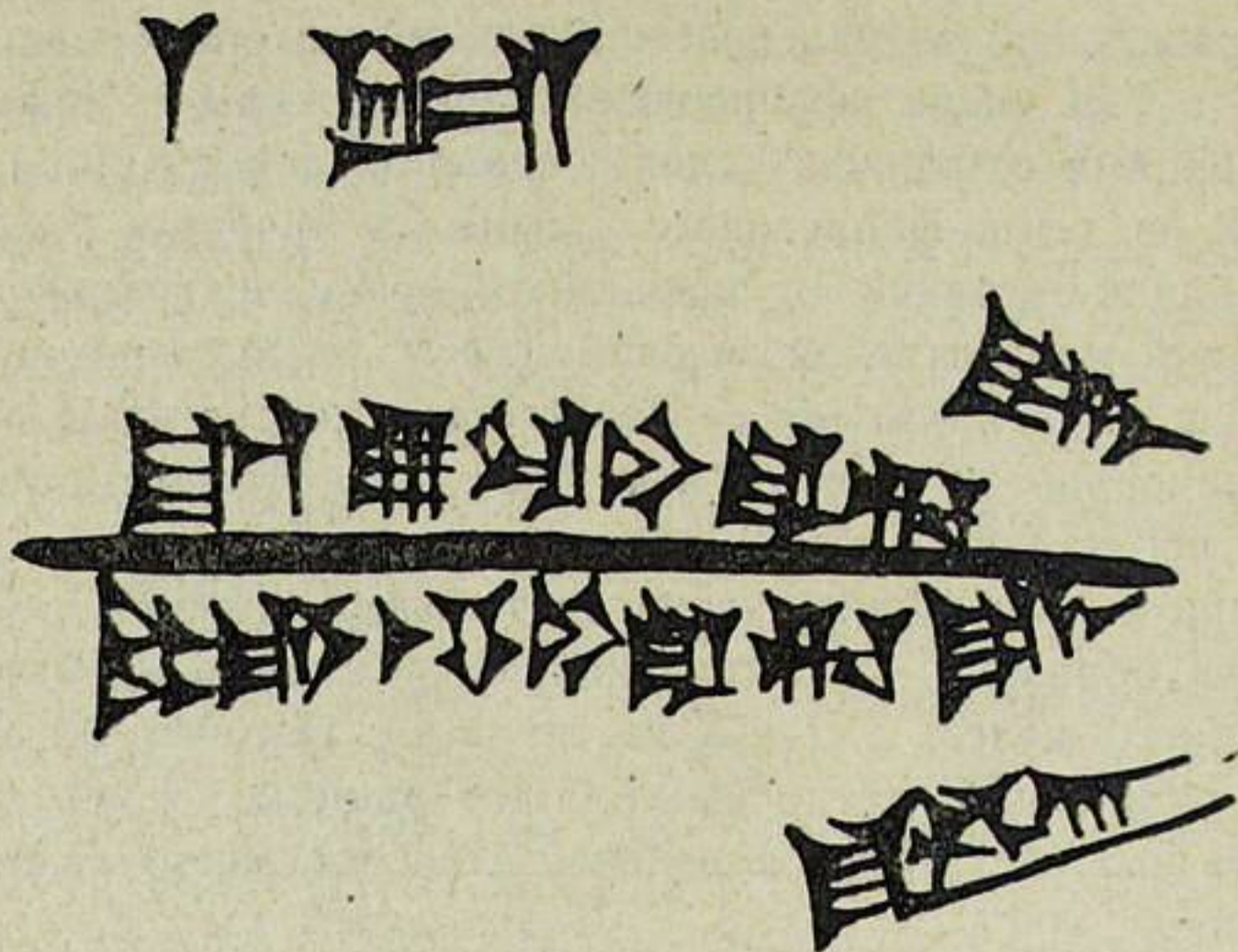

Рис. 3. Автография надписи на гире.

Надпись читается следующим образом:

Брюшко: 1 GÍN

Спинка: *ša Ú-lam-Bu-ra-ri-ia-aš*

DUMU Bur-na-Bu-ra-ri-ia-aš LUGAL

Концы строк на спинке, а именно, два знака первой и один знак второй строки, перенесены на лапки.

Перевод: «1 сикль Улам-Бурариаша, сына Бурна-Бурариаша, царя».

Агатовая лягушка, таким образом, представляет собой гирю весом в 1 сикль. Ее вес, однако, немного тяжелее обычно прини-

маемого значения вавилонского сикля (8,4 г)¹. Это обстоятельство заставляет думать, что имеющееся отверстие просверлено в гире при ее изготовлении. Иначе она оказалась бы еще тяжелее.

Лица, упоминаемые в надписи, хорошо известны и по другим источникам². Для нас важна, прежде всего, надпись на навершии из черно-зеленого камня, происходящем из Вавилона, содержащая посвящение от имени этих же лиц: *Ú-la-Bu-ra-ri-ia-aš DUMU Bur-na-Bu-ra-ri-ia-aš LUGAL LUGAL KUR A.AB.BA* — „Ула-Бурариаш, сын Бурна-Бурариаша, царя, царь (царя?) страны Приморья“³. Отсутствие *-m* в первой части первого имени по сравнению с нашей надписью не может служить причиной отказа от идентификации лица, выступающего в обоих надписях.

В так называемой «Синхронической истории», относящейся к первой четверти I тыс. до н. э. и содержащей перечень войн и мирных договоров между Ассирией и Вавилонией, упомянуто установление границ между этими странами ассирийским царем *Ruzur-Aššur* (III) (жил в XVI в. до н. э. по средней хронологии) и вавилонским царем *Вигпа-Вигиаš* (I?)⁴.

В ассирийском хронологическом списке А на 10 месте среди касситских царей упомянут ^m[*B*]ur-p[*a*]-b[ur-...a]š. Перед ним предполагается царь Агум II, но следы текста как будто не подтверждают этого. Имена следующих четырех царей не сохранились⁵.

¹ М. Пауэлл, собравший все имеющиеся данные по вавилонским мерам веса, определяет сикль в 8,13–8,6 г. См. *M. Powell, Ancient Mesopotamian Weight Metrology, AOAT, № 203, 1979, с. 109.*

² Сведения о Бурна-Бурариаше и Улам-Бурариаше собраны в книге: *J. A. Brinkman, Materials and Studies of Kassite History. vol. 1, Chicago, 1976, с. 11–13, 100–105, 318–319.*

³ *F. H. Welssbach, WVD OG, IV, табл. 1, № 3, Brinkman, указ. соч., с. 101.*

⁴ *A. K. Grayson, Assyrian and Babylonian Chronicles, N.-Y., 1975, № 21.*

⁵ Полное издание: *Brinkman*, с. 9 сл. Э. Вейднер предполагает, что на 13 месте в том же списке упоминается ^m*Ú-lam-Bur-ia-aš* (текст сильно поврежден). Однако сверка, произведенная Бринкманом, показывает, что это имя не читается, и текст вообще не поддается расшифровке.

Так называемая «Хроника Кинга» (о. с. 11—13) повествует о том, что после того как Эгамиль (царь Царства Приморья) пошел на Элам, ^m*U-lam-Bur-áš*, брат Каштилиаша, завоевал Приморье и «господствовал над страной» (*bēlūt māti īruš*)⁶. Приморье — это крайний юго-восток Южного Двуречья, область, примыкавшая к Персидскому заливу.

До сих пор в специальной литературе для второго элемента представленных в нашей надписи имен была принята форма «Бурриаш». Написание *-Bu-ra-ri-ia-aš* встречается еще только один раз в тексте из Эль-Амарны в имени Бурна-Бурариаша II, современника Ашшурбаллита I, ассирийского царя (1363—1328). Оно долгое время считалось опиской. Повторное применение этого написания в раннекасситских текстах заставляет считать эту форму имени касситского бога-громовержца (отождествлявшегося с Ададом)⁸ архаичной⁹ и тем самым отказаться от индоевропейских этимологий этого имени (сравнивали с греч. *Βορέας*, русск. *буря*).

Деятели, упоминаемые в нашей надписи на агатовой лягушке, принадлежат к касситской династии, правившей в Вавилонии в средневавилонский период. Касситы представляли собой племена, обитавшие в горных районах Западного Ирана в верховьях реки Дияла и ее притоков. Отсюда они проникли в Верхнее и Нижнее Двуречье.

Начало касситской династии относится еще к XVIII в. до н. э. (около 1741 г.)¹⁰, и известны имена целого ряда царей, однако их власть первоначально распространялась только на Ханейское царство в Северной Месопотамии на среднем Евфрате, у устья реки Хабур. Подлинную власть над Вавилонией они получили только при Агуме II, который завладел Вавилоном по горячим следам хеттов, после их нашествия и ухода в 1595 г. до н. э.

⁶ *L. W. King, Chronicles Concerning Early Babylonian Kings, London, 1907, 11, с. 22 сл.*

⁷ *J. A. Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, Leipzig, 1907, 14:2.*

⁸ *Brinkman, указ. соч., с. 119, прим. 45.*

⁹ Так правильно у Бринкмана, указ. соч., с. 10, прим. 10.

¹⁰ *И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, с. 125.*

Преемник Агума II Бурна-Бурариаш I правил, следовательно, в середине — второй половине XVI в. Между ним и его сыном Улам-Бурариашем, к которому относится публикуемая надпись, согласно списку касситских царей, правил, видимо, еще Каштилиаш II (или III), старший(?) брат Улам-Бурариаша¹¹.

Обе надписи — на навершии и на агатовой лягушке — относятся к периоду, когда Улам-Бурариаш еще не был царем Вавилонии, т. е., видимо, к концу XVI в. или к первым десятилетиям XV в. В нашей надписи он выступает как царевич, а в надписи из Вавилона, вдобавок, еще как царь Царства Приморья, т. е., очевидно, наместник вавилонского царя в новозавоеванном Приморье.

Надпись на агатовой лягушке, таким образом, видимо, предшествует надписи на навершии. Обе надписи свидетельствуют о выдающейся роли, которую играл Улам-Бурариаш еще при жизни отца, либо же, если тот уже умер, в царствование своего (старшего?) брата Каштилиаша. Публикуемая надпись дает в этом смысле даже несколько больше, чем вторая, ибо она, во-первых, не связывает его значение с должностью (наместника — «царя» Царства Приморья), а, во-вторых, демонстрирует его как эмиссара гири (образцовой? Или даже, быть может, эталонной?), каковая роль, пожалуй, больше подходила бы к царю.

Факт находки гири Улам-Бурариаша в Араратской долине поднимает интересный вопрос об обстоятельствах ее перемещения сюда из Вавилонии. Само по себе это явление не уникально, ибо в этих же районах Армянского нагорья обнаружены и другие импортные, в частности и месопотамские, изделия II тыс. до н. э.¹² Однако их появлению здесь в настоящее время едва ли может быть дано однозначное объяснение.

Наличие обычных каналов — более или менее регулярных торговых связей — здесь едва ли может быть постулировано; это-

¹¹ Ср. Э. Бикерман, *Хронология древнего мира*, М., 1976, с. 183.

¹² Единственным письменным памятником такого рода является бусина из Ходжалы с именем ассирийского царя Ададнерари (I? 1307—1275; следующие Ададнерари жили уже в I тыс. до н. э.). В Лчашене найдена митаннийская печать середины II тыс. до н. э.; аналогичная печать «митаннийского изысканного стиля» найдена даже в Северной Осетии.

го не допускает незначительность соответствующего материала. Более вероятен эстафетный характер прохождения пути с различными способами перехода от одного промежуточного пункта к другому — посредством торговли, обмена, дарения, добычи и т. п.

При решении этого вопроса следует учитывать и примерно полутысячелетний хронологический отрезок между временем изготовления гири (около 1500 г. до н. э.) и датой погребения, в котором она была найдена (XI—IX вв. до н. э.), а также то обстоятельство, что найдена она в совершенно несношенном, не носящем следов употребления, виде.

Первое из этих обстоятельств позволяет, казалось бы, допустить более позднюю дату перенесения гири из Вавилона в Араратскую долину; конец II тыс. до н. э. характеризуется усилением связей Месопотамии с Армянским нагорьем, явившимся следствием, помимо прочего, частых нашествий ассирийских царей в эти края.

С другой стороны, однако, несношенность и, следовательно, неупотребленность гири наводит на мысль, напротив, о вывозе ее, вскоре после изготовления, из среды, где ее прямое назначение было понятно (в частности, и из надписи), и где она поэтому могла употребляться. (Впрочем, имея в виду ценность породы камня, не исключено, что гиря не предназначалась для употребления). В новых условиях она могла применяться, скажем, в качестве амулета или украшения, чему способствовало бы наличие поперечного отверстия для шнурка. Однако и такое употребление не оставило на ней заметных следов; возможно, она пролежала в фонде сокровищ.

Так или иначе, публикуемая агатовая гиря с надписью является пока наиболее древним письменным памятником, обнаруженным на Армянском нагорье и на территории Советского Союза.

Г. Х. Саркисян, И. М. Дьяконов

Г. Х. КАПЛАН

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕЗЕНСА, ПРЕТЕРИТА И ПЕРФЕКТА В СРЕДНЕАССИРИЙСКИХ ЗАКОНАХ¹

Изучение употребления претерита и перфекта² в Среднеассирийских законах имеет давнюю историю³. Тем не менее В. фон Зоден вынужден был признать, что чередование этих форм в условных предложениях данного текста остается неясным (GAG § 161h). Однако отдельные примеры на последовательность претерит-перфект (-презенс) из Среднеассирийского судебного кодекса он приводит для иллюстрации функции перфекта — выражать последующее (после претерита) действие (GAG § 161e).

¹ Следует сразу же заметить, что употребляемые нами термины «презенс», «претерит» и «перфект» являются данью существующей ассириологической грамматической традиции. Спрягаемые формы, носящие эти названия, выражали первоначально не временные соотношения действий или состояний, а различные представления о протекании действий, т. е. являлись видами: презенс — курсивный вид, претерит и перфект — две формы констатирующего вида. Дальнейшее развитие семитских, в том числе и аккадских, видов шло в направлении выработки на их базе глагольных времен. Так уже в староаккадский период презенс при выражении действия, логически относящегося к будущему времени, может иметь значение не только курсивного, но и констатирующего вида, т. е. он проявляет тенденцию превратиться в форму будущего времени. Перфект, по крайней мере уже на средней стадии развития аккадского языка (среднеассирийский и средневавилонский диалекты) по-разному функционирует в зависимости от того, к какому логическому времени относится действие, которое он выражает. При обозначении действия, относящегося к будущему времени, он встречается в придаточных предложениях. При выражении действия, относящегося к прошедшему времени, перфект в придаточных предложениях не встречается (см. подробнее Г. Х. Каплан, Употребление видовых глагольных форм аккадского языка для выражения времен (среднеассирийский диалект), История и филология Древнего Востока, XI годовичная научная сессия ЛО ИВ

Полностью разделяет эту точку зрения В. Майер, автор недавно вышедшей грамматики среднеассирийского диалекта аккадского языка⁴.

По сути дела к такому же выводу пришел и Х. Хирш, хотя и сформулировал его несколько иначе. В примерах на последовательность претерит-перфект (-презенс) последний означает Futurum-exactum, который призван смягчить жесткий переход от прошедшего времени условного предложения к будущему времени санкции. Во всех случаях самостоятельного употребления перфект, как и претерит — просто обычная форма сказуемого условного предложения⁵.

Итак, в условных предложениях Среднеассирийских законов перфект используется для выражения последовательности действий, когда он употребляется вместе с претеритом. При само-

АН, М., 1976, с. 30—38). Но до окончательного формирования системы времен в аккадском языке дело не дошло, тем более до грамматического оформления временных форм. В условиях существования всего трех спрягаемых форм (исключая статив, который можно рассматривать как форму именного предиката, и совершенно особый случай императива), может оказаться, что та или иная из них перекрывается по значению с тем или иным глагольным временем современных индоевропейских языков, но, разумеется, никогда не следует отождествлять аккадскую спрягаемую форму с временной формой индоевропейского языка. К сожалению, в ассириологических грамматических работах такое отождествление иногда имеет место.

² Аккадский перфект по происхождению — претерит вторичных пород, утративший семантику этих пород. Вторичные (медиальные) породы образуются при помощи инфикса -ta-. До появления грамматики В. фон Зодена (*W. von Soden, GAG*) перфект называли формой с инфиксом -ta-. Иногда егс так называют и сейчас.

³ *A. Delmel, Orientalia III, 1934, с. 196—200; G. Eisser und J. Lewy, Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, MVAG 35, H. 3, Lpz., 1935; L. Oppenheim, Zur Quellenfrage des mittelassyrischen Rechtsbuches, WZKM 41, H. 3/4, Wien, 1934, с. 221—260.*

⁴ *W. Mayer, Untersuchungen zur Grammatik des Mittelassyrischen, AOAT 9, Neukirchen-Vluyn, 1971, § 101.*

⁵ *H. Hirsch, Zur Frage der t-Formen in den Keilschriftlichen Gesetzestexten, AOAT 1, 1969, с. 130—131.* Х. Хирш употребляет не вполне удачную терминологию. В последовательности претерит-перфект (-презенс) перфект может означать не Futurum-exactum, а действие констатирующего вида, логически относящееся к будущему времени (ср. здесь прим. 1).

стоятельном употреблении в тех же предложениях различия между обеими формами пока не обнаружены.

Но претерит и перфект встретились и в других типах предложений в том же тексте. Их гораздо меньше, чем условных, видимо, поэтому они и выпали из поля зрения исследователей. Тем не менее изучить этот слой предложений необходимо, потому что текст един.

Но не только поэтому мы считаем целесообразным вновь вернуться к вопросу об употреблении претерита и перфекта в Среднеассирийских законах.

До сих пор Среднеассирийские законы с точки зрения употребления в них данных глагольных форм иногда без всяких оговорок сравнивались с Законами Хаммурапи⁶. Между тем эти тексты относятся к различным языковым периодам. Законы Хаммурапи записаны в первой половине старовавилонского периода (XVIII в. до н. э.), дошедшая до нас редакция Среднеассирийских законов относится к концу среднеассирийского периода (XII—XI вв. до н. э.). Хотя последняя представляет собой, вероятно, свод разновременных судебных положений, и по крайней мере некоторые из них созданы не позднее XV в. до н. э.⁷, все равно между вавилонским и ассирийским судебниками промежуток в несколько сот лет. Достаточно самого поверхностного сравнения старовавилонских и среднеассирийских писем, чтобы убедиться, какие значительные перемены произошли за это время в употреблении претерита и перфекта. Так, в старовавилонских письмах перфект встречается реже претерита, а в среднеассирийских (как и средневавилонских!) он полностью вытеснил претерит из утвердительного самостоятельного предложения.

Такая разница в частоте употребления несомненно связана с различием функций перфекта в старовавилонский и среднеассирийский (а равно и в синхронный ему средневавилонский) периоды развития аккадского языка. Эти различия, вероятно, не могли

⁶ См. указанные сочинения Л. Оппенхайма и Х. Хирша.

⁷ И. М. Дьяконов, *Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства*, ВДИ, № 4, 1952, с. 238, прим. 3.

не отразиться в текстах законов, несмотря на кажущееся полное сходство их морфологической и синтаксической структуры.

Представляется, что ни Л. Оппенхайм, ни Х. Хирш потому не заметили этих перемен, что не попытались сравнить судебники с какими-либо другими синхронными им текстами. Поэтому, видимо, небезынтересно рассмотреть употребление претерита и перфекта в Среднеассирийских законах в сравнении с другими среднеассирийскими памятниками.

И, наконец, последнее замечание методологического характера. Претерит и перфект входят в состав единой видо-временной системы аккадского глагола. Невозможно рассматривать употребление одних компонентов этой системы, не касаясь применения других. Поэтому в данной статье рассматривается употребление всех видо-временных форм, а именно презенса, претерита и перфекта.

Основные сведения о глагольной видо-временной системе в среднеассирийском диалекте аккадского языка нам дают среднеассирийские письма и документы⁸. В них претерит и перфект — две формы констатирующего вида. При выражении действия прошедшего времени намечается четкое различие синтаксических функций этих форм: перфект встречается только в самостоятельном предложении, в придаточном предложении употребляется только претерит⁹. Полное вытеснение претерита из утвердительно-го самостоятельного предложения в письмах наблюдается уже в

⁸ Использованы тексты, опубликованные в следующих работах: Н. Б. Яковская, Новый среднеассирийский юридический документ, ВДИ, № 2, 1962, с. 67—74; E. Ebeling, KAJ; O. Schroeder, KAV; W. von Soden, Drei mittelasyrische Briefe aus Nippur, AfO XVIII, H. 1/2, Graz, 1957—1958, с. 368—371; A. Ungnad, Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin, H. 1, Lpz., 1907, № 102—105; E. F. Weidner, Aus den Tagen eines assyrischen Schattenkönigs, AfO X, H. 1/2, Berlin 1935, с. 1—52; Studien zur Zeitgeschichte Tukulti-Ninurtas I, AfO XIII, Graz, 1940, с. 109—124, 3 табл.; Der Kanzler Salmanasars I, AfO XIX, Graz, 1959—1960, с. 33—39.

⁹ Речь идет только о положительном высказывании, потому что в использованном корпусе текстов отсутствует достаточный материал по вопросительным и отрицательным предложениям.

XIII в. до н. э., в юридических документах — не ранее XII в. до н. э. (см. тексты хозяйственного архива Нинурта-тукуль-Ашшур-ра). При выражении действия будущего времени такого разграничения между претеритом и перфектом нет.

У презенса можно отметить три основные функции:

1) выражение действия курсивного вида любого времени; 2) выражение действия с оттенком модальности, возможности, желания (?), долженствования; 3) обозначение действия констатирующего вида будущего времени (наряду с претеритом и перфектом):

(1)¹⁰ З GÁN A.ŠÀ i-па URU ša i-qa-bi-ú-ni-šu-ni e-še-ed „З ику поля в общине, в которой ему скажут, он должен сжать“. KAJ 50, 11—13.

В исследуемом корпусе среднеассирийских писем и документов презенс выражает действие констатирующего вида будущего времени — 40 раз, претерит — 2 раза, перфект — 7 раз. Следовательно, в среднеассирийском диалекте презенс обозначает действие констатирующего вида будущего времени чаще, чем претерит и перфект, и тем самым довольно четко ограничивает их употребление областью прошедшего времени¹¹.

Теперь обратимся к Среднеассирийским законам¹². Как показал анализ писем и документов, для того, чтобы понять особенности употребления презенса, претерита и перфекта, желательно выяснить, действие какого вида и времени они обозначают во всех случаях своего употребления, и какую синтаксическую функцию выполняет каждый из обследуемых глаголов. Основная трудность при анализе законов заключается в том, что их посылки обычно можно переводить и прошедшим, и будущим (иногда настоящим) временем безо всякого ущерба для понимания текста:

¹⁰ В скобках перед примером приводится его порядковый номер по ходу статьи.

¹¹ Подробнее см. Г. Х. Каплан, там же.

¹² В работе использованы только хорошо сохранившиеся таблицы законов: табл. А и В (KAV 1 и KAV 2).

(2) *šum-ta Mí qa-ta a-na LU ta-ta-bal ub-ta-e-ru-ú-ši* 30
MA.NA AN.NA ta-ad-pa „Если женщина руку на мужчину под-
няла (поднимет), (и) ее уличили (уличат) клятвенным по-
казанием, 30 мин олова она должна отдать“. KAV 1, I, 74—76
(табл А § 7).

Но в некоторых частях текста законов время все же можно определить по смыслу или глагольным формам.

Поэтому целесообразно отдельно рассмотреть употребление интересующих нас финитных форм в тех частях текста, где так или иначе можно определить время действия, и в тех частях, где оно не определяется.

Чтобы выяснить синтаксические функции презенса, претерита и перфекта, надо рассмотреть их употребление в различных типах предложений.

Учитывая оба указанных аспекта, весь текст законов разделим следующим образом:

I. Случаи прямой речи и клятв. Они очень немногочисленны, потому мы не разбиваем их на типы предложений. Время действия определяется по смыслу.

II. Самостоятельные и главные предложения собственно текста законов. Они входят в санкцию законов. Время действия определяется прежде всего по смыслу.

III. Различные придаточные предложения (условные с союзом *šumša*¹³ и другие), в которых время действия определяется по смыслу или глагольной форме.

IV. Различные придаточные предложения (условные с союзом *šumša* и другие), в которых время действия ни по смыслу, ни по глагольной форме не определяется.

¹³ Мы специально выделяем условные предложения с союзом *šumša*, потому что в них, за редким исключением, сказуемое стоит в индикативе, а не субъюнктиве, как в других придаточных предложениях. Это объясняется, возможно, тем, что первоначально в условных предложениях употреблялся юссив, совпавший по форме с индикативом претерита (см. И. М. Дьяконов, ЯДПА, с. 253). Впоследствии этот юссив, видимо, уже не воспринимался как нечто отличное от претерита, поэтому по аналогии в условных предложениях стали употребляться другие спрягаемые формы, но обязательно в индикативе.

I. Случаи прямой речи и клятв

Презенс встретился только в самостоятельных предложениях, где выражает:

1) действие курсивного вида настоящего времени: (3) *šum-ma LU a-pa LU iq-ṭi-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ik-ku...* „Если человек человеку сказал (скажет): „женой твоей владеют“... KAV 1, II, 67—68 (табл. A § 17). См. еще KAV 1, II, 74, 84, 86.

2) действие констатирующего вида будущего времени, которое можно понимать как действие с оттенком модальности, возможности или желания: (4) *šum-ma ŠEŠ i-qa-ab-bi ma-a a-ḥa-ti a-di 1 ITU UD.MEŠ a-ra-ṭar...* „Если брат скажет: „я выкуплю (могу, хочу выкупить) мою сестру в течение одного полного месяца“... KAV 1, VII, 41—42 (табл. A § 48). См. еще KAV 1, II, 75, 87, VII, 28; 2, III, 12.

Перфект обозначает действие констатирующего вида прошедшего времени в самостоятельном предложении: (5) *LU ša-a... i-pa ri-i a-me-ḡa-a-né ša-a kiš-pe iš-me-ú-ni-ma a-pa-ku a-ta-mar iq-bi-áš-šu-un-ni...* „Человек, который ... из уст видевшего чары слышал (услышит), как тот говорил (скажет) ему: „Я (сам) видел (приготовление чар)“... KAV 1, VII, 7—11 (табл. A § 47). См. еще KAV 1, III, 5; 2, III, 40.

Претерит может обозначать:

1) действие констатирующего вида прошедшего времени в самостоятельном предложении от глагола *'ldā'u «знать»: (6) *šum-ma it-te-ke-e-er la-a i-de-e-ma i-qa-ab-bi...* „Если он отопрется, „я (действительно) не знал“ — скажет...“ KAV 1, III, 65—66 (табл. A § 24).

Следует, однако, заметить, что глагол *'ldā'u в породе I, в аккадском языке встречается только в форме претерита (GAG § 106 q). И кроме того, здесь отрицательное предложение¹⁴.

Н. В. Прямую речь с претеритом в самостоятельном предложении видят и в форме e-ḡi-uš «он возделал» в KAV 2, VII, 8. Но здесь текст сильно поврежден.

¹⁴ В среднеассирийских текстах отсутствует необходимый материал на собственно отрицательные предложения, но в средневавилонских письмах в отрицательных предложениях употребляется только претерит. См.: J. Aro Studien zur mittelbabylonischen Grammatik, St. Or. XX, Helsinki, 1955, с. 81.

2) Действие констатирующего вида прошедшего времени в условных предложениях, составляющих формулу клятвы. В последних в отличие от условных предложений посылок законов сказуемое стоит в субъюнктиве, как в других придаточных предложениях: (7) а-па ра-пí ^{DINGIR}GUD DUMU ^{DINGIR}BABBAR i-qa-bí ша-а šum-ша *la-a iq-bi-an-ni...* „Перед Быком, сыном Шамаша, он (слыхавший о приготовлении чар) должен сказать: „(будь я прсклят), если он (видевший чары) *не говорил мне* (о том, что видел (приготовление чар))...“ KAV 1, VII, 16—17 (табл. А § 47). См. еще: KAV 1, I, 61.

Таким образом, в случаях прямой речи и клятв, из Среднеассирийских законов презенс, претерит и перфект употребляются примерно так же, как в других среднеассирийских текстах.

II. Самостоятельные и главные предложения собственно текста законов

Из числа исследуемых форм здесь встретился только презенс.. Он обозначает: а) действие курсивного вида настоящего или будущего времени, б) действие констатирующего вида будущего времени. Обычно эти действия можно понимать как действия с оттенком модальности, возможности или долженствования: (8) šum-ша DAM^{at} LÚ ma-áš-ka-at-ta i-na-ki-l-de tal-ta-ka-an ma-ḥl-га-а-пи šur-qa *i-na-áš-ši* „Если жена человека какую-либо вещь на хранение на стороне положила (положит), получатель (ответственность как за) кражу *несет* (будет нести, должен нести)“ KAV 1, I, 70—73 (табл. А § 6). (9) šum-ша LÚ DAM-su e-ez-zi-lb ŠÀ^{bu}-šu-ша mi-im-ша *la-a i-id-da-na-áš-še* га-qu-te-e-ša *tu-ú-uš-ša* „Если человек жену свою покинет (пожелает покинуть), захочет, что-либо *он может ей дать*, не захочет, ничего *он может ей не давать*, с пустыми руками (букв. в пустоте своей) *она уйдет* (должна уйти)“ KAV 1, V, 15—19 (табл. А § 37).

III. Различные придаточные предложения (условные с союзом *šumma* и другие), в которых время определяется по смыслу или глагольной форме.

Здесь встретились все три видо-временные формы. Презенс обозначает: 1) действие курсивного вида времени: (10) [šum-m]a MÍ ta-ad-na-at [ù] mu-us-sa na-ak-ru il-te-qé... LÚ.DI.KU, MEŠ [ha-z]i-a-na GAL.MEŠ ša-a URU i-ša-'-ú-lu ki-l A.ŠÀ i-na URU šu-a-tu *il-lu-ku-ú-ni* A.ŠÀ ù É a-na ú-ku-la-l-ša ša 2 MU.MEŠ ú-up-ru-šu i-id-du-nu-pé-eš-še „[Ес]ли женщина отдана (будет отдана) (замуж), а мужа ее забрал (заберет) враг..., судьи должны спросить старосту (и) великих общины, (и) поскольку повинность поля в этой общине *он нес*, они должны для ее прокорма выделить (и) передать ей поле и дом на 2 года“. KAV 1, VI, 46—67 (табл. А § 45). (11) e-sl-lr-tu ša iš-tu NIN-[ša] i-na re-be-e-te *tal-lu-ku-ú-n[i]* ra-aš-šu-ú-pa-at „Наложница, которая *идет* (будет идти) по улице со своей госпожой, должна быть покрыта“. KAV 1, V, 58—60 (табл. А § 40). См. еще KAV 1, IV, 30; V, 57; VI, 97; 2, III, 29; VI, 5, 23.

NB. В среднеассирийских законах встречаются формы презенса от глаголов *bašā'u „быть“ и *'išā'u „иметь“. Последний обычно с отрицанием lā в форме laššu „не иметь/нет“: (12) šum-ma MÍ i-na É a-bl-ša-ma us-bat ù mu-us-sa me-e-et ml-lm-ma du-ma-a-qí ša mu-us-sa iš-ku-nu-šl-i-ni šum-ma DUMU.MEŠ mu-ti-ša *i-ba-aš-ši* i-laq-qé-ú šum-ma DUMU.MEŠ mu-ti-ša *la-áš-šu* šl-it-ma ta-laq-qé „Если женщина живет еще (?) в доме отца своего, а муж ее умер, все украшения, которые муж надевал на нее, если *есть* сыновья ее мужа, они могут забрать. Если сыновей ее мужа *нет*, она сама может забрать (украшения)“. KAV 1, III, 95—102 (табл. А § 26).

В аккадском языке презенс от этих глаголов имеет значение статива (GAG § 78 b), поэтому из рассмотрения они опускаются.

2) Действие констатирующего вида будущего времени: (13) šum-ma DAM^{at} LÚ i-na É LÚ ša-né-e-ma mlm-ma tal-ti-ri-lq ...šum-ma mu-us-sa a-na ra-ṭa-ri-ša *la-a i-ma-ag-gu-ur* EN šur-qé i-laq-qé-e-ši ù ar-ra-ša i-na-ak-ki-is „Если жена человека в доме другого человека что-либо украдала (украдет)..., если муж

освободить ее *не согласится*, хозяин краденого может ее взять и нос ей он может отрезать". KAV 1, I 57—60 (табл. А § 5). См. еще KAV 1, I, 44; II, 34, 51, 53; III, 12, 20, 23, 66; IV, 18, 32; VI, 110; VII, 35, 41; 2, V, 24.

3) Действие констатирующего вида будущего времени, которое можно рассматривать как имеющее оттенок желания: (14) A.ŠÀ-šu ù É-su a-šaṛ LUGAL *id-du-nu-ú-ni* i-id-daṇ „Поле его и дом его, куда царь *захочет отдать*, он может отдать"¹⁵. KAV 1, VI, 87—88 (табл. А § 45). См. еще KAV 1, V, 15; VI, 1; 2, III, 8, 34.

Перфект обозначает действие констатирующего вида будущего времени: (15) šum-ma DAM^{at} LÚ i-na pa-ni mu-ti-ša ga-ma-an-ša tal-ta-da-ad... a-na É áš-šu-ra-ja-e te-ta-rab... EN É ki-i DAM^{at} LÚ i-na É-šu... us-bu-tu-ú-ni i-[di] 3^{a-te} i-id-da-a[n] ù šum-ma *it-te-ke-e-er* la i-de-e-ma i-qa-ab-bi a-na [D^{l.ID} il-lu-ú-ku... „Если жена человека убежала (убежит) от своего мужа [букв.: перед лицом своего мужа сама себя утатила (утатила)...], в дом ассирийца вошла (войдет)..., если хозяин дома знал (будет знать), что жена человека в доме его живет, то он втройне должен отдать, а если он *отопрется*, „я (действительно) не знал“ — скажет, то они должны пойти к реке...“ KAV 1, III, 41—67 (табл. А § 24). В этом примере перфект употребляется наряду с презенсом (i-qa-ab-bi).

(16) šum-ma LÚ DUMU.GEME LÚ ḥab-bu-li-šu... a-bu-ša i-ša'-a-al a-na mu-te i-id-da-an-ši...šum-ma a-bu-ša me-e-et 1^{en} i-na ŠEŠ MEŠ-ša i-sa'-a-al ù šu-ut a-na ŠEŠ.MEŠ-ša i-qab-bi šum-ma ŠEŠ i-qa-ab-bi ma-a a-ḥa-ti a-di I ITU UD.MEŠ a-pa-ṭar šum-ma a-di I ITU UD.MEŠ *la-a ip-ta-ṭar* EN KÙ.BABBAR ḥa-di-ma ú-zak-ka-a-ši a-na mu-[te] (?) i-id-daṇ-ši „Если человек дочь своего должника... у ее отца попросит, то он может отдать ее замуж...Если отец ее умер, у одного из братьев он должен спросить, а тот (брат) должен сказать (об этом другим) ее братьям. Если

¹⁵ Х. Хирш считает оттенок желания неуместным в законах, *H. Hirsch*, там же, с. 120—122. Однако в данном контексте иное толкование трудно предположить. Даже если перевести буквально «куда царь отдаст, туда отдаст», это все же будет, по-видимому, означать безусловную обязательность желания царя.

(какой-нибудь) брат скажет: „Я выкуплю мою сестру в течение одного месяца“, (и) если в течение одного месяца *он не выкупит (ее)*, кредитор (букв. хозяин серебра), если захочет, может освободить ее от долга и отдать ее замуж“. KAV 1, VII, 32—45 (табл. А § 48).

Этот пример интересен тем, что здесь перфект следует после презенса. Если здесь видеть у перфекта функцию — подчеркивать последовательность действий, то в отличие от грамматической функции такого рода, которая наблюдается в ряду претерит-перфект-презент, здесь скорее стилистический прием (?).

(17) [šum-m]a MÍ ta-ad-na-at [ù] mu-us-sa na-ak-ru il-te-qé...
2 MU.MEŠ tu-ma-al-la a-na mu-ut ŠÀ^{bi}-ša tu-ú-uš-ša-ab... šum-ma
i-na ar-kāt UD.MEŠ mu-us-sa ḫal-qu a-na ma-a-te *it-tu-ú-ra*
DAM-su... i-laq-qé-áš-ši... „[Ес]ли женщина отдана (замуж), а мужа ее враг забрал (заберет)..., (когда) исполнится 2 года, она может поселиться у мужа, какого захочет (букв. мужа сердца ее)..., если впоследствии пропавший муж ее *вернется*, жену свою... он может забрать...“ KAV 1, VI, 46—75 (табл. А § 45).

Возможно, здесь перфект также означает действие именно будущего времени, учитывая, что его определяет обстоятельство будущего времени.

(18) ša GÉME ra-aš-šu-un-ta *e-tam-ru-ú-ni* i-ša-ba-ta-aš-ši
„Кто рабыню покрытую *увидит*, должен схватить ее“. KAV 1, V, 89—90 (табл. А § 40). См. аналогичный пример KAV 1, V, 69.

(19) [šum-ma LÚ A.ŠÀ] tar-ra-i-šu [iḫ-ta]-ga-a-áš [e-ru-uš
ù] lu-ú ik-la-šu... [i-na U]D *i-it-tal-ka-an-ni* [er-ri]-ša-a-pu ša
A.ŠÀ [i-na t]u-ú-ge-e-ze [e-ši-d]e it-tam-ga-a-aq „[Если человек поле] своего товарища [запа]хал ([запа]шет), [возделал (возделает) и]ли огородил (огородит) его..., (то), [ког]да (хозяин поля) *придет*, [возде]лавший поле [во] время жатвы должен быть изгнан“¹⁶. KAV 2, VII, 4—12 (табл. В § 19).

¹⁶ Восстановление и перевод данного параграфа довольно условны. Мы следуем восстановлению и переводу Драйвера (G. R. Driver and J. C. Miles, с. 438—439). Другие восстановления и переводы смотри в работе G. Cardascia, Les lois assyriennes, Paris, 1969, с. 290. Но ни у кого из переводчиков не вызывает сомнений видо-временное значение глагола 'alāku „идти“ в данном контексте.

NB. ср. совершенно аналогичный пример с презенсом: (20) šum-ma LU i-na la-a qa-qi-gi-i-š[u]... GIŠ ŠAR id-di... i-na UD^{me} EN A.ŠÀ *il-la-ka-an-ni* GIŠ ŠAR a-di ma-né-ḥa-te-šu i-laq-qé „Если человек не на своей неводеланной земле... сад разбил (разобьет)... (то), когда хозяин поля *придет*, он может забрать сад с произведениями его трудов“. KAV 2, V, 19—25 (табл. В § 13).

В примерах №№ 18, 19 перевод глаголов 'amaḡu и 'alāku прошедшим временем был бы лишен смысла.

(21) [...-k]a-a a-na KÙ.BABBAR [i-la-aq]-qe ú-di-ni A[.ŠÀ ù] É a-na KÙ.BABBAR la-a [i-laq-q]e-ú-ni 1 ITU UD.MEŠ^{te} L[Ú] NIMGIR(?) 3-šu i-na ŠÀ^{bi} URU DINGIR A-šur ú-sa-ás-sa... ša i-na ITU UD.MEŠ^{te} an-na-a-te ú-di-l-ni e-da-nu la-a ma-ša-e ṭur-pa-te-šu-ni *it-ta-al¹⁷-lu-né-en-ni* a-na ra-ni qé-ru-ú-te *il-ta-ak-nu-ú-ni* LU a-na še_x-er A.ŠÀ-šu i-šal-lim i-laq-qé „[Если человек человеку сказал (скажет): „я возьму (хочу взять) [твой дом и поле за серебро], (то) прежде, чем по[ле и] дом за серебро [он возьмет (сможет взять)], в течение 1 полного месяца он трижды должен заставить глашатая выкликать в Ашшуре..., (тот), кто в течение этого полного месяца, пока не истек срок (букв.: пока есть срок, чтобы не забыть), документы свои предъявит (в тексте: *предъявят*), перед „надзирателями“ *положит*, (этот) человек в отношении поля своего должен быть удовлетворен, (и) может взять (его)“. KAV 2, III, 1—27 (табл. В § 6).

В этом примере перфект употреблен в относительном придаточном предложении и стоит в субьюнктиве, поэтому мы и считаем, что он выражает действие именно будущего времени. Дело в том, что в среднеассирийских письмах и документах при выражении действия прошедшего времени перфект не встречается в качестве сказуемого придаточного предложения.

В. фон Зоден специально оговаривает, что в аккадском языке перфект встречается в относительных придаточных предложениях в среднеассирийском и средневавилонском диалектах только при

¹⁷ Описка вместо зн. АВ, ср. пример № 22.

выражении Futurum exactum¹⁸ и приводит среди прочих данный пример (GAG § 165 h).

NB. В § 6 табл. В среднеассирийских законах после вышеприведенного отрывка (пример № 21) следует текст: (22) i-na [UD^{mé} LÚ NIMGIR(?) i-na ŠÀ^{bi} URU DINGIR A-šur i-sa-si-ú-ni 1 i-na SUKKAL ša pa-ni LUGAL DUB.SAR URU LÚ NIMGIR(?) ù qé-pu-tu ša LUGAL iz-za-zu ša-a URU A.ŠÀ ù É i-laq-qe-ú-ni ḥa-zi-a-nu 3 GAL.MEŠ ša URU iz-za-zu LÚ NIMGIR(?) -ma ú-sa-su-ú ṭup-pa-te-šu-nu i-šaṭ-ṭu-ru i-id-du-nu ma-a i-na 1 ITU UD.MEŠ^{te} an-na-a-te 3-šu LÚ NIMGIR(?) is-si-si ša i-na 1 ITU UD.MEŠ^{te} an-na-te ṭup-pu-šu *la-a it-tab-la-an-ni* a-na pa-ni qé-pu-ú-te *la-a il-tak-nu-ú-ni* i-na A.ŠÀ ù É qa-zu e-li a-na mu-sa-as-si-a-né ša-a LÚ NIMGIR(?) za-a-ka 3 ṭup-pa-a-te ša sa-su LÚ NIMGIR(?) ša LÚ DI.KU₅.MEŠ i-ša-ṭu-ú-gu... (далее текст разбит).

В переводах законов этот текст обычно трактуется следующим образом: «Когда глашатай выкликает в Ашшуре, должны присутствовать (букв. стоять) один из царских советников, писец города, глашатай и царские «надзиратели». Что касается общины, где он собирается взять поле и дом, (то) должны присутствовать староста и 3 «великих» общины. Они должны заставить глашатая выкликать, (и) документы свои они должны написать и отдать: «В течение этого 1 полного месяца трижды глашатай выкликал. Кто в течение этого 1 полного месяца документ свой *не принес*, перед «надзирателями» *не положил*, в поле и доме долю свою потерял, они свободны для просившего глашатая выкликать». Из трех документов о кличе глашатая, которые должны написать судьи...» (далее текст разбит). QAV 2, III, 28—49 (табл. В § 6).

Как видим, все интерпретаторы законов в текст документа, о котором идет речь в вышеприведенном параграфе, включают небольшое законодательное положение, посылку которого переводят прошедшим временем. Между тем эта посылка представляет

¹⁸ Точнее: на средней стадии аккадского языка перфект встречается в относительных придаточных предложениях только при обозначении действия констатирующего вида будущего времени.

собой относительное придаточное предложение с перфектом в качестве сказуемого и поэтому перевод прошедшим временем кажется сомнительным с точки зрения грамматики¹⁹. Может быть, текст документа, приведенного в законе, следует трактовать следующим образом: В течение этого 1 полного месяца трижды глашатай выкликал: «кто в течение 1 полного месяца документ свой не принесет, перед чиновниками не положит, в поле и доме долю свою потеряет; они свободны для просившего глашатая выкликать».

Претерит в комплексе предложений, в которых так или иначе определяется время действия, выражает:

1) Действие констатирующего вида прошедшего времени в относительных придаточных предложениях: (23) *šum-ma MÍ i-na É a-bi-ša-ma us-bat ù mu-us-sa me-e-et ŠEŠ.MEŠ mu-ti-ša la-a ze-e-zu ù DUMU-ša la-áš-šu mi-im-ma du-ma-a-ki ša mu-us-sa i-na MUĤ-ša iš-ku-ni-ú-ni... ŠEŠ.MEŠ mu-ti ša... i-laq-qé-ú* „Если женщина еще живет в доме отца, а муж ее умер, а братья мужа ее не разделены, и сыновей у нее нет, все украшения, которые ее муж надел (на нее)... братья мужа ее... могут взять“. KAV 1, III, 82—89 (табл. A § 25). См. еще KAV 1, III 98; V, 22, 61, 63; VIII, 9.

2) Действие констатирующего вида будущего времени в условных предложениях: (24) *šum-ma DAM^{at} LÚ i-na ra-pi mu-ti-ša ra-ma-an-ša tal-ta-da-ad ... šum-ma LÚ ... DAM-su la-a ú-na-ak-ki-is, DAM-su-ma i-laq-qé e-mi-it-tu mi-im-ma la-áš-šu* „Если жена человека от мужа своего убежала (убежит) (букв.: сама себя утащила (утащит)..., если человек ... жене своей ничего не отрежет, именно свою жену возьмет, то не должно быть никакого наказания (тем, у кого она скрывалась)“. KAV 1, III, 41—81 (табл. A § 24).

В примере № 24 претерит употребляется наряду с презенсом.

(25) *šum-ma lu-ú URU₄²⁰ lu-ú GÉME i-na qa-at DAM^{at} LÚ mi-im-ma im-ta-aĥ-ru ša ERUM ù GÉME ar-pi-šu-nu uz-ni-šu-nu*

¹⁹ Между прочим, В. Майер без оговорок считает, что здесь перфект выражает Futurum exactum, W. Mayer, указ. соч., § 102, а.

²⁰ Описка вместо ERUM, ср. этот же пример, строка 49.

ú-na-ak-ku-su... LÚ ša DAM-[s]u uz-ni-ša ú-na-ak-ka-ás ù šum-ma DAM-su ú-uš-šer [uz]-ni-ša la-a ú-na-ak-ki-is ša ERUM ù GÉME la-a ú-na-ku-su-ma.. „Если раб или рабыня что-либо из рук жены человека приняли (примут), (то) рабу и рабыне нос и уши должны отрезать... человек жене своей уши может отрезать; а если жену свою он простит, [у]ши ей не отрезет, то не должны отрезать рабу и рабыне...“ KAV 1, I, 46—55 (табл. A § 4).

Сравни употребление презенса от глагола pakāsu „отрезать“ (только породы I₁) в следующем примере: (26) šum-ma LÚ iš-tu DAM^{ti}-šu LÚ iš-ša-bat... šum-ma ar-ra ša DAM-šu i-na-ki-is, LÚ a-na ša re-še-en ú-tar. „Если человек захватил (захватит) человека со своей женой..., если нос жене своей он отрезет, то человека (прелюбодея) в евнуха он может обратить“. KAV 1, II, 41—54 (табл. A § 15).

3) Действие констатирующего вида будущего времени во временном придаточном предложении можно предположить в следующем примере: (27) šum-ma DAM^{at} LÚ... LÚ ša-ni-um-ma ḥar-ra-a-na ul-ta-aš-bi-si... šum-ma DAM^{at} [LÚ taq-ṭi-bi ma]-a i-it-ti-ka-an-ni [ki-i] LÚ bi-it-qa-a-te [a-na] LÚ id-di-ni-ú-ni [a-na [D]]^{1.ID} il-lak... „Если жену человека... другой человек взял (возьмет) с собой в дорогу..., если жена [человека сказала [скажет]]: „он овладел мною“, — [(то) после того, как] человек (этот) убытки человеку (мужу женщины) отдаст, к реке он должен пойти...“ KAV 1, II, 105—III, 8 (табл. A § 22).

Таким образом, в придаточных предложениях (условных с союзом šumma и других), в которых время действия определяется по смыслу или глагольной форме, наблюдается следующая картина употребления презенса, претерита и перфекта. Действие курсивного вида любого времени выражается презенсом (примеры № 10, 11). Действие констатирующего вида прошедшего времени в относительных придаточных предложениях выражается претеритом (пример № 23). Действие констатирующего вида будущего времени в обоих типах придаточных предложений выражается всеми тремя формами, но презенс употребляется относительно чаще, см. ниже приведенную таблицу:

Глагольная форма	Тип предложения			
	Условные предложения с союзом <i>šumta</i>		Другие придаточные предложения	
	общее количество	в том числе отрицательные	общее количество	в том числе отрицательные
Презенс	11	3	9	—
Перфект	1 (3)*	1	3 (7)	(2)
Претерит	(3)	(2)	(1)	—

* В таблице в скобках дано количество с учетом спорных случаев.

NB. При выражении действия констатирующего вида будущего времени в пяти случаях из двадцати употребление презенса, возможно, объясняется стремлением придать глаголу оттенок модальности (желания) — пример № 14.

Итак, в придаточных предложениях (условных с союзом *šumta* и других), в которых время действия определяется по смыслу или глагольной форме, презенс, претерит и перфект употребляются примерно так же, как в среднеассирийских письмах и документах.

IV. *Различные придаточные предложения (условные с союзом *šumta* и другие), в которых время действия ни по смыслу, ни по глагольной форме не определяется.*

Презенс означает действие курсивного вида: (28) *šum-ta DAM^{at} LU i-na ri-be-e-te te-te-ti-iq LU [i]š-ša-ba-a-sú la-ni-ik-ki-me iq-ṭi-bi-a-áš-še la-a ta-ta-gu-ur ta-ta-na-ša-ar e-šu-qa-ta iš-ša-ba-as-si...* „Если жена человека по улице проходила (будет проходить), (а) человек схватил (схватит) ее (в тексте описка: его), „я хочу владеть тобой“, — сказал (скажет) ей, (но) она не соглашалась (не будет соглашаться), она берегла (будет беречь) себя, но он силой схватил (схватит) ее...“. KAV 1, II, 14—18, (табл. A § 12). См. еще KAV 1, III, 104 (презенс породы I₃); 2, V, 16; VI, 8.

Перфект обозначает действие констатирующего вида в условных предложениях с союзом *šumma*: (29) *šum-ma DAM^{at} LÚ ma-áš-ka-at-ta i-na ki-l-de tal-ta-ka-an ma-ḥi-ra-a-ni šur-qa i-na-áš-ši* „Если жена человека какую-либо вещь на хранение на стороне *положила* (*положит*), получатель (ответственность как за) кражу несет“ KAV 1, I, 70—73 (табл. А § 6). См. еще KAV 1, I, 16, 18, 25, 28, 34, 37 и т. д.

Претерит выражает действие констатирующего вида в условных и других придаточных предложениях: (30) *šum-mi LÚ...IÀ GIŠ a-na SAG.DU DUMU.GÉME LÚ it-bi-uk...tu-ur-ta la-a ú-ta-ag-gi* „Если человек... *возлил* (*возольет*) масло на голову дочери человека..., возврата нет“. KAV 1, VI, 14—18 (табл. А § 42). См. еще KAV 1, I, 89; II, 74, 83, 86; IV, 41 и др.

(31) *šum-ma MÍ i-na É a-bi-ša-ma us-bat mu-us-sa e-ta-na-ra-ab mím-ma nu-du-un-na-a ša-a mu-us-sa id-di-na-aš-še-ni šu-a-at-ta i-laq-qé...* „Если женщина живет в доме отца своего, а муж постоянно ходил (*ходит*, *будет ходить*) (к ней), все обеспечение, которое муж *принес* (*принесет*) ей, (только) он может взять...“ KAV 1, III, 103—107 (табл. А § 27). См. еще KAV 1, I, 41; III, 29, 78 и др.

Итак в предложениях с неясной временной соотношенностью действия действие курсивного вида выражается презенсом, действие констатирующего вида — претеритом и перфектом. Между двумя последними формами наблюдается определенное различие синтаксических функций: перфект встречается только в условных предложениях, а претерит — в условных и других придаточных предложениях. Для наглядности приведем таблицу:

Таблица 2

Видо-временная форма	Тип предложения			
	Условные предложения с союзом <i>šumma</i>		Другие придаточные предложения	
	общее количество	в том числе отрицательные	общее количество	в том числе отрицательные
Перфект	99*	3	—	—
Претерит	46**	5	22***	3

* В таблице не учтены формы с инфиксом -ta- от глагола 'alāku «идти», потому что неясно, как их интерпретировать, например:

(32) šum-ma MÍ i-na É a-bi-ša-ma us-bat lu-ú mu-us-sa É a-na ba-at-te ú-še-ši-ib-ši ù mu-us-sà a-na A.ŠÀ i-it-ta-lak... la-a mi-im-ma e-zi-ba-áš-še la-a mi-im-ma šu-bu-ul-ta iš-tu A.ŠÀ ú-še-bi-la-áš-še MÍ ši-i-it 5 MU.MEŠ pa-ni mu-ti-ša ta-da-gal... „Если женщина (еще?) в доме отца своего живет, или муж ее в доме на стороне поселил (поселит) ее, (а затем) муж ее в поле ушел (уйдет)... (и) ничего не оставил (оставит) ей, ничего с поля не прислал (не пришлет) ей, 5 лет мужа своего она должна ждать (букв. в лицо мужа своего глядеть)...“ KAV 1, IV, 92—90 (табл. А § 36). См. еще KAV 1, II, 26—28.

Возможно, форму с инфиксом -ta- от глагола 'alāku здесь следует рассматривать как претерит I₂, так как вторичные породы имеют значение сепаратива. Но сравни: (33) šum-ma LÚ la-a DUMU.GEME-su a-na mu-te it-ti-din šum-ma pa-ni-ma a-bu-ša ḥab-bu-ul ki-i ša-pa-ge-te še-šu-bat um-mi-a-ni pa-ni-ú it-tal-ka i-na UGU ta-di-na-a-né ša-a MÍ ŠÀM MÍ i-šal-lim „Если человек не свою дочь замуж отдал (отдаст), (а) отец ее раньше задолжал, и она была помещена в качестве залога, (и) пришел (придет) прежний кредитор, (то) он должен быть удовлетворен в отношении цены женщины отдавшим женщину (замуж)“. KAV 1, V, 26—31 (табл. А § 39).

Тот же глагол имеет противоположное значение. Правда, он здесь употребляется с вентивом. Остается открытым вопрос, имеют ли место две формы, совпадающие по образованию: претерит I₂ и перфект I₁, или налицо одна форма, меняющая свое значение под влиянием вентива. (По мнению В. фон Зодена, у глагола 'alāku вообще трудно отличить по значению перфект I₁ от претерита I₂, см. ANw, с. 33).

** В таблице не учтены формы от глагола 'idā'u «знать», который в аккадском языке всегда встречается только в форме претерита (GAG § 106 q).

*** В том числе два примера из условного предложения с

союзом *šumma*, сказуемые в котором стоят в субъюнктиве (KAV 1 IV, 104, 105).

Чтобы выявить другие различия между претеритом и перфектом, рассмотрим случаи совместного употребления этих форм в условных предложениях с союзом *šumma*.

1. Несколько раз после форм претерита следует юридическая формула *'ubta'erū* (*'ukta'inū*): (34) *šum-ma LÚ ta-ḥu-ú-ma TUR ša-a ru-ra-a-ni us-bal-ki-it ub-ta-e-ru-uš uk-ta-i-ni-uš 1 GUN AN.NA id-dan* .. „Если человек малую между жребиев нарушил (нарушит), его уличили (уличат) клятвенным показанием, против него доказали (докажут), (то) 1 талант олова он должен отдать“. KAV 2, IV, 20—24 (табл. В § 9). См. еще: KAV 1, I, 90—91, II, 49—50, 94—95; VII, 4—5; 2, V, 22—23, 27—29.

Эта же формула может следовать после форм перфекта: (35) *šum-ma MÍ qa-ta a-na LÚ ta-ta-bal ub-ta-e-ru-ú-ši 30 MA.NA AN.NA ta-ad-dan* „Если женщина руку на человека подняла (поднимет), (и) ее уличили (уличат) клятвенным показанием, 30 мин свинца она должна отдать“. KAV 1, I, 74—76 (табл. А § 7). См. еще KAV 1, I, 75; II, 42—43, 64—65, 100—101; VII, 94—95; 2, IV, 13—14.

2. Остальные случаи совместного употребления претерита и перфекта следующие:

а) последовательность претерит-перфект(-презенс): (36) *šum-ma LÚ DUMU.GEME LÚ im-ḥa-aš-ma ša-a ŠÀ^{bi}-ša ul-ta-aš-le-eš...* 2 GUN 30 MA.NA AN.NA id-dan „Если человек дочь человека ударил (ударит) и плод ее заставил (заставит) ее выбросить..., 2 таланта 30 мин свинца он должен отдать“ KAV 1, II, 98—102 (табл. А § 21). Но сравни: (37) *šum-ma LÚ KAR.KID im-ḥa-aš-ma ša ŠÀ^{bi}-ša ú-ša-aš-li-ši mi-lḥ-še ki-i mi-lḥ-še i-ša-ak-ku-ú-pi-uš* „Если человек блудницу ударил (ударит) и плод ее заставил (заставит) ее выбросить, удар за удар должны на него возложить“. KAV 1, VII, 87—90 (табл. А § 52). Аналогичный пример KAV 1, VII, 82—86.

(38) ...*šum-ma DAM^{at} LÚ la-a ti-i-di ù MÍ ša a-na É^{ti}-ša ta-al-qe-ú-ši-ni ki-i pi-i-ge LÚ a-na UGU-ša tu-ul-te-ri-ib...*

„...Если жена человека не знала (не будет знать), (а) женщина, которая взяла (возьмет) ее в дом, обманом человека к ней *ввела* (*введет*)...“ KAV 1, III, 27—31 (табл. А § 23). См. еще KAV 1, III, 73—74.

б) последовательность перфект-претерит(-презенс): (39) *šum-ta DAM^{at} LU i-na ge-be-e-te te-te-ti-iq LU... e-tu-qa-ta iš-ša-ba-as-si it-ti-ak-ši lu-ú i-na UGU DAM LU ik-šu-du-uš... LU i-du-uk-ku...* „Если жена человека *проходила* (*будет проходить*) по улице, человек... силой *схватил* (*схватит*) ее (и) *овладел* (*овладеет*) ею, (то) если его схватили (*схватят*) на жене человека... этого человека должны убить...“ KAV 1, II, 14—23 (табл. А § 12).

Итак, есть 10 примеров на последовательность претерит-перфект (-презенс), 1 — на последовательность перфект-претерит(-презенс). На основании первых примеров выводят у перфекта значение формы, выражающей последующее (после претерита) действие²¹. Если это значение перфекта и имело место в средне-ассирийском диалекте, создается впечатление, что данная функция у перфекта уже не была основной. Во всяком случае в большинстве условных предложений претерит и перфект вместе не встречаются²².

Какие-либо смысловые или стилистические различия между претеритом и перфектом не обнаруживаются. Например, в совершенно однотипных посылках может употребляться то претерит, то перфект от одного и того же глагола: (40) *šum-ta LU a-na LU*

²¹ Один пример на последовательность претерит-перфект (пр. № 36) Х. Хирш трактует как выражение причинно-следственной (в его формулировке инструментально-каузальной) связи, см. *H. Hirsch*, там же, с. 126, прим. 95.

²² Только претерит встретился в табл. А (KAV 1) §§ 10 (KAV 1. I. 97—II, 6), 18 (KAV 1, II, 72—81), 19 (KAV 1, II, 82—92), 31 (KAV 1, IV, 40—42), 42 (KAV 1, VI, 14—18), 43 (KAV 1, VI, 19—45), 46 (KAV 1, VI, 89—112), 50 (KAV 1, VII, 63—81), 51 (KAV 1, VII, 82—86), 52 (KAV 1, VII, 87—91), 55 (KAV 1, VIII, 6—41); в табл. В (KAV 2) §§ 2 (KAV 2, I, 15—21), 3 (KAV 2, II, 22—26), 10 (KAV 2, IV, 29—46), 12 (KAV 2, V, 13—18), 19 (KAV 2, VII, 4—17).

iq-ti-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ik-ku... „Если человек человеку сказал (скажет): „твоей женой владеют“... KAV 1, II, 67—68 (табл. А § 17). (41) *šum-ma LU a-na tar-ra-i-šu lu-ú i-na ru-uz-ge lu i-na ša-al-te iq-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ku ma-a a-na-ku ú-ba-ag...* „Если человек товарищу своему либо по секрету, либо в драке сказал (скажет): „твоей женой владеют, я (сам) могу клятвенно уличить ее“... KAV 1, II, 72—75 (табл. А § 18).

Следовательно, наиболее существенным различием между претеритом и перфектом в группе предложений с неясной временной определенностью — различное распределение синтаксических функций: претерит встречается как сказуемое условных и других придаточных предложений, перфект — только как сказуемое условных предложений, причем встречается в последних гораздо чаще, чем претерит (см. табл. 2). Довольно красноречиво о различном распределении синтаксических функций между двумя формами свидетельствуют следующие примеры. Некоторые условные предложения повторяются (иногда буквально) в дальнейшем изложении закона в виде придаточных предложений. Независимо от того, какая форма употребляется в условном предложении, в придаточном — встретился только претерит:

(42) *šum-ma DAM^{al} LU i-na ra-ni mu-ti-ša ga-ma-an-ša tal-ta-da-ad ... šum-ma LU ša-DAM-šu i-na ra-ni-šu ga-ma-an-ša tal-du-du-ú-ni i-na [D^{l.ID} it-tu-ra za-a-ku...* „Если жена человека от мужа своего ушла (уйдет) (букв.: сама себя утащила (утащит)...., если человек, от которого ушла (букв. сама себя ута-

Только перфект — в табл. А. (KAV 1) §§ 2 (KAV 1, I, 14—22), 3 (KAV 1, I, 23—45), 4 (KAV 1, I, 46—56), 5 (KAV 1, I, 57—69), 6 (KAV 1, I, 70—73), 8 (KAV 1, I, 78—87), 13 (KAV 1, II, 25—29), 16 (KAV 1, II, 58—66), 17 (KAV 1, II, 67—71), 28 (KAV 1, IV, 1—10), 29 (KAV 1, IV, 11—19), 30 (KAV 1, IV, 20—39), 34 (KAV 1, IV, 71—74), 35 (KAV 1, IV, 75—81), 38 (KAV 1, V, 20—25), 39 (KAV 1, V, 26—41), 56 (KAV 1, VIII, 42—49), в табл. В (KAV 2) § 8 (KAV 2, IV, 11—19).

Обе формы встретились в одних и тех же параграфах, но в различных условных предложениях: в табл. А (KAV 1) §§ 9 (KAV 1, I, 88—96), 36 (KAV 1, IV, 82—V, 14), 45 (KAV 1, VI, 46—88).

шила) жена, от реки отвратился (отвратится)²³, (то) он (укрыва-
 тель женщины) свободен...“ KAV 1, III, 41—74 (табл. А § 24).
 (43) šum-та LU ta-ḥu-ú-та GAL^a ša-a tar-ra-i-šu ús-sa-am-me-
 eḥ ub-ta-e-gu-uš uk-ta-i-nu-uš A.ŠÀ am-таг ú-sa-am-me-ḥu-ni
 3 ТА.ÀМ^{a-te} i-id-dan... „Если человек *передвинул* (*передвинет*)
 большую межу товарищей, (и) его уличили (уличат) клятвен-
 ным показанием (и) доказали (докажут) против него, (то) все
 поле, на сколько он передвинул (передвинет), он должен от-
 дать втройне“ KAV 2, IV, 11—16 (табл. В § 8). (44) šum-та LU
 ta-ḥu-ú-та TUR ša-a ru-ra-a-ni us-bal-ki-it ub-ta-e-gu-uš uk-ta-i-
 nu-uš... A.ŠÀ am-таг ú-sa-me-ḥú-ú-ni <3 ТА.ÀМ>^{a-ii} id-dan
 „Если человек нарушил (нарушит) малую межу жребиев, (и)
 его уличили (уличат) клятвенным показанием (и) доказали (до-
 кажут) против него, ... (то) все поле, на сколько он пере-
 двинул (передвинет), он должен отдать <втройне>“ KAV 2, IV, 20—26
 (табл. В § 9). См. еще табл. А (KAV 1) §§ 3 (KAV 1, I, 23—45),
 29 (KAV 1, IV, 11—19), 30 (KAV 1, IV, 20—39), 31 (KAV 1, IV,
 40—49), 43 (KAV 1, VI, 19—39).

В посылках законов один раз встретилось условное предло-
 жение, сказуемые которого стоят в субъюнктиве и выражены пре-
 теритом: (45) šum-та a-па qa-at 5 MU.MEŠ ú-ḥi-ra-an-ni i-па га-
 mi-ni-šu la-a ik-ka-l-ú-ni... „Если сверх 5 лет он запоздал (за-
 поздает), (но) задержался (задержится) не по своей вине...“
 KAV 1, IV, 103—105 (табл. А § 36). Ср. в том же параграфе:
 (46) ú šum-та LUGAL a-па та-a-te ša-ni-te-em-та il-ta-par-ši
 a-па 5 MU.MEŠ ú-taḥ-ḥi-ra... „А если царь *послал* (*пошлет*)
 его в другую страну, (и) сверх 5 лет он запоздал (запоздает)...“
 KAV 1, V, 4—6 (табл. А § 36). Здесь сказуемые условного пред-
 ложения стоят в индикативе и выражены перфектом.

В условных предложениях с союзом šumта сказуемое, как
 правило, стоит в индикативе, т. е. с точки зрения синтаксиса они
 сопоставимы с самостоятельными предложениями. Следовательно,
 различное распределение синтаксических функций между пре-

²³ Т. е. отказался от водной ордалии.

теритом и перфектом в IV группе условных и других придаточных предложений можно сравнить с разграничением синтаксических функций между этими формами в письмах, документах и I и III группах предложений из Среднеассирийских законов, где при описании действия прошедшего времени (а это основная сфера употребления претерита и перфекта) перфект встречается только в утвердительном, самостоятельном предложении, а в придаточных предложениях встретился только претерит. Поэтому, возможно, в IV группе предложений из Среднеассирийских законов, где по смыслу нельзя определить время действия, описывается в большинстве случаев именно действие прошедшего времени. Правда, перфект встречается и в отрицательных условных предложениях (KAV 1, III, 37; V, 96; VI, 85)²⁴.

Нам представляется более убедительным следующее соображение. Если допустить, что в IV группе предложений из Среднеассирийских законов претерит и перфект выражают будущее время, то получится, что в нашем судебнике эти формы выражают действие констатирующего вида будущего времени гораздо чаще, чем презенс (ср. табл. 1 и 2). А это в корне отличалось бы от того, что имеет место в среднеассирийских письмах и документах.

Конечно, можно предположить, что в посылках законов выражается преимущественно вневременное действие. Но если в письмах и документах некогда чисто (?) видовые формы уже несут определенную информацию о времени выражаемого действия, почему должно было быть иначе в Среднеассирийских законах, которые в отношении грамматики существенно не отличаются от других среднеассирийских текстов? Тем более, что эти законы носят казуистический характер.

²⁴ X. Хирш считает, что в Законах из Эшнуны и Законах Хаммурапи есть примеры, где претерит бесспорно означает действие прошедшего времени, и нет таких, где он безусловно означает действие будущего (в его терминологии: настоящего) времени. Следовательно, претерит в этих судебниках всегда означает действие прошедшего времени (см. *H. Hirsch*, там же с. 124—125). Этот вывод X. Хирш переносит на Среднеассирийские законы, при этом ссылаясь на § 50 табл. А, из которого никакого особенного вывода о временном значении претерита сделать нельзя (*H. Hirsch*, там же, с. 131, прим. 166).

(47) [šum-ma LÚ DAM] LÚ im-ḫa-a[š]-ma [ša-a lib-bi-ša ú-ša-ad-di]-šl... ki-i-mu-ú ša-a lib-bi-š₁ nap-ša-a-te ú-ma-al-la ù šum-ma ša-a mu-ut MÍ ši-a-ti DUMU-šu la-áš-šu DAM-su im-ḫu-šu-ú-ma ša ŠÀ^{bl}-ša ta-aš-li ki-mu-ú ša ŠÀ^{bl}-sa ma-ḫi-ša-a-na i-du-uk-ku... „[Если человек жену] человека ударил (ударит) и [заставил (заставит)] ее [выбросить плод]..., за плод ее он должен восполнить жизнь (букв. восполнить души), а если у мужа этой женщины нет сына, а жену его ударили (ударят), и она выкинула («ыкинет») плод, (то) за ее плод должны убить ударившего... “KAV I, VII, 63—79 (табл. А § 50).

Следовательно, аргумент Х. Хирша нельзя считать безусловным для Среднеассирийского судебного кодекса, тем более, что в этом тексте есть примеры, где претерит означает, вероятнее всего, действие будущего времени (примеры №№ 24, 25, 27).

Итак, в среднеассирийских памятниках, письмах, документах и законах, главное различие между претеритом и перфектом — это разграничение синтаксических функций. Наиболее последовательно оно проведено в письмах, где уже в XIII в. до н. э. (более ранних у нас нет) перфект полностью вытеснил претерит из утвердительного самостоятельного предложения.

В документах окончательное разграничение произошло лишь в XII в. до н. э. (ср. архив Нинурта-тукуль-Ашшура). До этого времени претерит встречается и в утвердительном самостоятельном предложении и даже чаще, чем перфект. Объясняется это, видимо, тем, что документы весьма подвержены стандартизации и менее чувствительны ко всякого рода изменениям в разговорном языке, чем письма.

Значительное распространение претерита наряду с перфектом в условных предложениях с союзом *šumma* в Среднеассирийских законах объясняется, с нашей точки зрения, многослойностью этого памятника. Законы — свод положений, создававшихся на протяжении нескольких столетий. Определенная унификация (а не просто переписка), если она и имела место в XII—XI вв. до н. э.²⁵,

²⁵ Следы этой унификации видят, например, в распространении в законах юридической формулы *'ubta'ergū 'ukta'inpū* «уличили (уличат) клятвенным показанием, доказали (докажут) (против кого-либо)».

не обязательно должна была повлечь за собой замену всех форм претерита в условных предложениях на перфект, потому что определенный налет архаизма, который придавали памятнику многочисленные формы претерита, никак не мешал пониманию текста²⁶.

²⁶ По мнению И. М. Дьяконова, в некоторых случаях формы претерита входят в устойчивые идиоматические выражения, например: (48) *šum-ma LU i-pa ŠEŠ. MEŠ la ze-zu-ú-te par-ša-a-te ig-tu-ur a-na EN par-ša-a-te i-du-pu-uš*. „Если человек из числа неразделенных братьев *покончил (покончит) душу (букв.: души)*, господину души (букв.: душ) они (неразделенные братья) должны отдать его“. KAV 2, II, 15—17 (табл. В § 2). (49) *šum-ma LU a-na É e-te-šu zu-bu-ul-la-a iz-bil..* „Если человек в дом тестя своего *брачный выкуп принес (принесет)*... KAV 1, IV, 40—41 (табл. А § 31). (50) [*šum-ma*] *LU qa-ta a-na DAM^{at} LU [ú]-bil ki-i šér-re e-pu-us-si [ub]-ta-e-gu-ú-uš [uk]-ta-i-pu-ú-uš [1] ú-ba-an-šu i-na-ki-su...* „[Если] человек руку на женщину [под]нял ([под]нимет), (и) как ребенку сделал (сделает) ей, (и) его [ули]чили ([ули]чат) клятвенным показанием, против него доказали (докажут), то [1] палец должны ему отрезать“ KAV 1, I, 88—92 (табл. А § 9).

В. Н. ХАЧАТРЯН

ЮГО-ЗАПАДНЫЕ ПРОВИНЦИИ ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА

(Вопросы топонимики)

1. НИЖНЯЯ СТРАНА

По сообщению «автобиографии» Хаттусили III, враг из Арцавы со стороны «Нижней» страны разорил все хеттские области и сделал города Туванува (античн. Тийана у совр. Нигде) и Уда себе границей. На этом основании уже было установлено, что «Нижняя» страна граничила с Арцавой, а указанные города находились на границе Хатти с «Нижней» страной¹. Имея в виду, что страна Арцава находилась в юго-западной Малой Азии, а название «Нижней» страны указывает на ее месторасположение на низменности, Дж. Гарстанг и О. Гэрни справедливо предлагают эту страну локализовать на равнине совр. Коньи².

По тексту молитвы Муваталли, где в конце перечислены имена богов по районам, к «Нижней» стране относятся города Парасхунда, Усса, горы Хуватнуванда и река Хулайя. Согласно этому источнику, в специальной литературе указывается, что рассматриваемая страна имела города Парасхунда, Усса, горы Хуватнуванда и реку Хулайя (совр. Чершамба-чай)³. Следовательно, при Муваталли Парасхунда и Усса не были странами, а представляли всего лишь отдельные города.

¹ Geogr., с. 64—65.

² Указ. соч., с. 65.

³ Указ. соч., с. 64. «Нижняя» страна в хеттских текстах обычно обозначается аккадским словом *šar-li-ti* (KUR ^{uru}ŠAR-LI-TI).

Согласно летописи Хаттусили III, страны Лукка (античн. Ликия) восстали против Хатти, захватили ряд хеттских стран и с Хатти границей сделали страны Цаллара, «Нижняя» и Харциуна (совр. Херзана у Кайсери). Кроме того, выясняется, что «Нижняя» страна имела общую границу с Хатти, на севере с Цалларой, а на востоке — с Харциуной. Рассматриваемая «Нижняя» страна в текстах других хеттских царей не упоминается. Вместо нее фигурируют страны Парсуханда (=Парасхунда), Усса и т. д.

Географическое положение реки Хулайя в «Нижней» стране говорит за то, что одноименная с этой рекой область занимала часть территории этой страны. А наличие в ее пределах гор Хуватнуванда, которые в договоре с Улми-Тешупом упоминаются в составе Питассы в форме Хутнуванда, указывает, что другую часть «Нижней» страны представляла страна Питасса⁴.

Итак, по источникам в «Нижнюю» страну входили страны Парсуханда, Питасса, Усса и Хулайя.

2. ДАТТАССА (ХУЛАЙЯ)

В одном из отрывков «автобиографии» Хаттусили III повествуется, что Муваталли, царь страны Хатти, брат Хаттусили, оставил Хаттусу и пошел в «Нижнюю» страну. А в следующей части, где речь идет о тех же событиях, Муваталли оставляет Хаттусили у страны Турмитта и через Хаттусу идет в город Даттасса. На этом основании Дж. Гарстанг и О. Гэрни приходят к выводу, что город Даттасса находился в «Нижней» стране⁵.

В конце договора Тудхалия IV с Улми-Тешубом о Даттассе сказано:

(ОС, IV, 21). Я, Солнце, что Улми-Тешупу, царю страны Даттасса (22) дал, о нем я на железной табличке написал⁶.

⁴ KUB, XXI, 6, обор. стор., 3—15.

⁵ Geogr., с. 65. Специалисты страну Даттасса ищут между Коньей, Киликней и Средиземным морем — G. Monte, I. Tischler, Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte, Wiesbaden, 1978, стр. 69. См. также И. М. Дьяконов, ПАН, 102, карта.

⁶ См. также И. М. Дьяконов, ПАН, с. 102, карта.

То, что договор заключен с царем страны Даттасса, с Улми-Тешупом, давно уже известно. На это указывают начало и конец документа. Но при установлении границ в тексте Даттасса вовсе не упоминается, ее заменяет одноименная с рекой Хулайя страна.

Приводим перечень пограничных пунктов с упоминанием сопределельных стран:

(ЛС, I, 15). Но так как я тебе Улми-Тешуп, страну дал, границы, которые я для тебя установил, их защищай, их не нарушай! (16). Границы же для тебя так установлены: со стороны страны Питасса, для тебя горы Хава, «кантана» города Царнийя, (17) город Санантарва—граница. Город Царнийя же («кантана») оставлен стране Хулайя. А город Санантарва (18) оставлен стране Питасса. (19) Со стороны же границы страны Питасса с ней военные посты города Ариматта—граница. А город Ариматта оставлен стране Питасса. (20) Со стороны же гор Хутнуванда с ней «халалуванца»—граница. «Халалуванца» же оставлен стране реки Хулайя. А (21) за холмом «собачьего камня» страна Саванса—граница.⁷

В приведенном отрывке, как и в других частях указанного договора, вместо Даттассы фигурирует страна реки Хулайя и устанавливаются ее границы. Здесь не трудно заметить, что на границе между странами Питасса и Хулайя последовательно расположены горы Хава, города Царнийя, Санантарва (его «кантана»), военные посты города Ариматти и сам город, горы Хутнуванда (их «халалуванца») и страна Саванса за высотой «собачьего камня». Из них Царнийя, «кантана» Санантарвы и «халалуванца» гор Хутнуванда входили в состав страны Хулайя, а города Санантарва, Ариматта, горы Хутнуванда и «страна» Саванса—в состав Питассы.

Следующей страной по перечню, лежавшей у границы Хулайя, является Усса. О ней в тексте написано:

(ЛС, I, 21) А со стороны города Усса город Царата с ней—граница. Царата же принадлежит стране Хулайя. (22)

⁷ Там же. Название Хулайя в текстах пишется KUR (uru).¹⁰ Hu-(u)-la-ja.

А со стороны города Ванцатарува с ней город Харацува—граница. Харацува же принадлежит стране Усса.⁸

Таким образом, на границе между странами Хулайя и Усса находились города Царата и Харацува, первый из которых входил в состав Хулайи, второй—в состав Уссы. Кроме всего, предполагается и общность границ между странами Питасса и Усса.

В тексте за страной Усса выступает Хатти, относительно которой говорится:

(ЛС, I, 22) Со стороны гор Кувалийата же с ней, (23) согласно прежним табличкам, город Сутасна был границей, а теперь с ней я, великий царь, город Сантима сделал границей (24) Сантима же принадлежит стране Хулайя. А со стороны городов Ванцатарува, Кусхусена (?) (в районе гор Арланда) с ней—граница город Ала. (25) Город Ала(на) принадлежит стране Хулайя. А воды, которые в горах Арланда, они пополам находятся в стране Хатти (26) и стране Хулайя.⁹

Выше было установлено, что город Ала находился в Харциуне, а последняя граничила как с центральной Хатти, так и с «Нижней» страной. В период же составления этого договора Харциуна уже не фигурирует как страна. Она, видимо, была включена в состав центральной Хатти. А по приведенному отрывку Хулайя с Хатти граничила в районе гор Кувалийатта и Арланда, где города Сантима и Хулана входили в состав страны Хулайя, а Ала с Кусхусеной(?) и Ванцатарувой—в состав Хатти.

Дальше граница страны Киццуватна проходила с Хулайей, о чем в текстах сообщается:

(ЛС, I, 26) А со стороны гор Синуванта с ней горы Лула—граница, город Нинкаинта же принадлежит стране реки Хулайя. (27) А со стороны города Арнуса с ней *ḥarḥiṣa* —граница; «хармима» же (28) принадлежит стране Хулайя. А со стороны города Царвиса с ней горы Сарлаимми, военные посты, вода «хинарува»—граница. А со стороны гор Сарлаим-

⁸ Там же.

⁹ КВо, IV, 10.

ми (29) город Салийа с ней—граница. Салийа же принадлежит стране Хатти.¹⁰

Как известно, город Салийа находился у Киликийских ворот, а горы Сарлаимми идентичны с совр. Болкар. Оба они упомянуты в договоре с Сунассурой, царем Киццуватны как пограничные.¹¹ А согласно тексту молитвы Муваталли, горы Сарлаимми, по Дж. Гарстангу и О. Гэрни, упоминаются в связи с Хуписной, т. е. античн. Кубистрой у совр. Эрегли.¹² Следовательно, границы Хулайи с Хатти (в другом случае с Харицуной) достигали Киццуватны.

Имея в виду, что в античную эпоху между совр. Аджем и Аксараем упоминается город Уси, с которым мы отождествляем страну Усса с соименным центром, границу между Хулайей и Уссой устанавливаем в районе совр. плато Обрук. В таком случае между Уссой и Киликийскими воротами следует искать горы Кувалийата, Арланда и Лула. Горы Арланда идентичны с совр. Мелендизом, вернее, с восточной их частью, а Кувалийатта—с вершиной Хасан. Дальше граница Хулайи с Хатти проходила по горам Лула, в хеттской стороне которых находился город Синуванда, а Нинаинта принадлежала стране Хулайя.

Горы Лула мы склонны отождествлять с совр. Чамарды к юго-востоку от совр. Нигде. Согласно приведенному тексту, со стороны города Арнуса—«хармима» граница, первый из которых, вне всякого сомнения, входил в состав Хатти, а второй—в страну Хулайя.

Дальше, со стороны города Царвиса с Хулайей граница проходила по горам Сарлаимми, по военным постам и «хинарува». В продолжении этого отрывка читаем, что со стороны «высоких гор» (здесь, видимо, имеется в виду хеттск. Салистапа, совр. Аладаглар, букв. «большой вал») город Салийа-граница. Конечно, здесь мы имеем дело с известной Салийа у Киликийских ворот, которая по договору с Сунассурой, царем Киццуватны, находилась на границе Хатти с Киццуватной и входила в состав первой.

Граница же Киццуватны с Хатти начинается у совр. Ламас (хеттск. Ламийа).¹³ Вдоль реки Ламийа она протягивалась по го-

¹⁰ Там же.

¹¹ См. ВПХИ, с. 91.

¹² См. Geogr., с. 71, 72.

¹³ См. ВПХИ, с. 91.

рам Сарлаимми. В договоре с Сунассурой это граница Хатти с Киццуватной. В данном случае у границ Хатти была расположена страна Хулайя.

Итак, граница Хулайи по горам Сарлаимми и реке Ламийя доходит до моря, что подтверждается следующим отрывком из договора с Улми-Тешупом:

(ЛС, I, 29) А с внешней стороны ей <принадлежит> город Валвара и <те>, которые (30) ближе к Валваре: город Мата, город Санхада, город Сурима, город Сарандува, город Дадаси. Но в сторону границы города Сараува (31) сюда оружие приносят. Они принадлежат стране Хулайя.¹⁴

При перечислении пограничных пунктов всегда упоминаются те страны, которые окружали страну Хулайя. А в данном случае место такой соседней страны в тексте занимает выражение «с внешней стороны» (ср. выражения «со стороны страны Питасса», «со стороны страны Усса» и пр.). По всей вероятности, хеттский царь подразумевал Средиземное море. По приведенному отрывку, к западу от реки Ламийя (совр. Ламас) на побережье Средиземного моря до бассейна реки Гексу были расположены города Валвара, Мата, Санхата, Сурима, Сараува, Дадаси, которые входили в состав Хулайи.

Дальше с Хулайей граничила страна Валма. В договоре об этом указывается:

(ЛС, I, 31) А со стороны страны Валма с ней город Валтана, (32) город Усавала, город Алупрата, город Хухура— граница. Эти же города принадлежат стране Хулайя.¹⁵

Начиная с берега Средиземного моря граница страны Хулайя проходила с Валмой. Хулайя с Валмой граничила между Питассой и Средиземным морем. Но, как указано выше, «Нижняя» страна на западе у своих границ имела Арцаву, которая напала на нее и разорила ее города вплоть до пределов центральной Хатти, а в данном тексте она не упоминается как страна, окружавшая Хулайю.

¹⁴ КВо, IV, 10.

¹⁵ Там же.

При рассмотрении вопросов локализации Арцавы мы увидим, что в ее состав входил город Валма в период царствования Мурси-ли II. Следовательно, в эпоху составления договора с Улми-Тешупом, царем Даттассы//Хулайи, Валма выступает как самостоятельная политическая единица и заменяет Арцаву. На основе сказанного мы заключаем, что Хулайя была окружена странами Питасса, Усса, Хатти, Киццуватна, Валма, с одной стороны, и Средиземным морем—с другой.¹⁶

В начале договора, как было уже отмечено, хеттокий царь устанавливает границы для страны Даттасса. Причем вместо Даттассы здесь выступает страна реки Хулайя. В конце перечисления пограничных пунктов речь опять идет о границах страны Даттасса.¹⁷

Давно уже установлена идентичность реки Хулайя с совр. Чершамба.¹⁸ Следовательно, страну Хулайя (=Даттасса) нужно искать между совр. горами Мелендиз, Эгрибурун, Хайдар, Болкар, плато Обрук и Средиземным морем.

По приведенному договору также устанавливается, что страна Питасса и Усса имели общую границу, так как после указания границы с первой из них упоминается Усса в качестве соседней страны. На основании такой же последовательности существовали общие границы между Уссой и Хатти, Хатти и Киццуватной, Валмой и Питассой. Всеми этими странами была окружена страна Хулайя, которая в указанном договоре упоминается также под названием своей столицы—Даттасса.

3. УССА

В перечне стран, пограничных со страной Хулайя, Усса упоминается на границе последней, на стыке стран Питасса и Хатти. А по поводу Харциуны мы установили, что Усса лежала у границ Хатти и Харциуны, с хеттской же стороны к ней примыкал район Самлусны.

¹⁶ Ср. Geogr., с. 71.

¹⁷ КВо, IV, 10, ЛС, I, 33.

¹⁸ Geogr., схема, карта.

В тексте молитвы царя Муваталли город Усса вместе с Парасхунтой упоминается в качестве культовых центров «Нижней» страны, о чем речь уже шла выше. А Тудхалия III(?) оставил нам текст договора с вождями города Усса, в котором читаем: (ОС, IV, 3) Здесь (в Уссе—В. Х.) люди страны Хатти обитают.¹⁹

Царь указывает на то, что в Уссе живут хетты. Это говорит о близости страны Усса к центральной Хатти.

Итак, исходя из того, что граница страны Хулайя после Питассы проходила у страны Усса, а затем—у Хатти (а именно, у Харциуны), а к северо-западу от совр. Аксарая в античную эпоху (на карте Птолемея) упоминается Уси, мы предлагаем страну Усса локализовать в низменности, лежащей к югу и юго-западу от совр. озера Туз, между Самлусной, Харциуной, Хулайей, Питассой и озером Туз²⁰.

4. ПИТАССА

Выше, по данным договора одного из хеттских царей с Улми-Тешупом, царем страны Хулайя, уже указывалось, что Питасса, с которой граничила Хулайя, находилась рядом со странами Валма и Усса. При определении последующих границ Питассы некоторые сведения можно почерпнуть из договора Мурсили II с Купантаинарой—царем страны Мира, в котором сказано: (1, 32) Пархуилува же со мной ссорился и мою страну Пита[сса] (33) и моих рабов возмутил.²¹

Известно, что Пархуилува был предшественником Купантаинары. Он был вождем страны Мира. Согласно приведенному отрывку, Мурсили II жалуется, что Пархуилува, вождь стран Мира и Кувалийя, уговорил людей страны Питасса, находившихся в подчинении Мурсили, поднять восстание. Такая незначительная политическая единица, как страна Мира с Кувалийей, против Хат-

¹⁹ KUB, XXVI, 1. Топоним Усса обычно пишется (KUR) ^uguU-uš ša. Эту страну Дж. Гарстанг и О. Гэрни локализуют между Аксарая и горой Боздаг—Geogr., 74.

²⁰ Там ищут ее Дж. Гарстанг и О. Гэрни—Geogr., с. 74.

²¹ KUB, VI, 41. В этом тексте топоним Питасса обозначен в форме KUR ^uguPi-taš-[ša].

ти могла действовать только с помощью своих соседей. По сообщению договора, Питасса была зависимой от Хатти страной. А Пархуилува хотел поднять сначала жителей этой страны против хеттов. Общность границ между странами Мира и Питасса не оставляет сомнений.

В связи с другими границами страны Питасса интересно сообщение «обвинительного акта» Арнуванды III относительно Маддуватты. Оно гласит:

(ОС, II, 38) [Пот]ом я, Солнце, из страны Салпа и и[з страны Питас]са пехоту, боевые колесницы увел. Маддуватта же [против Солнца] (39) принял присягу у вождей страны Питасса [и у с]тарейшин города Питасса. Он их уговорил,—Будьте со мной [.]! На страну Хатти нападайте!²²

Итак, Арнуванда III увел боевые колесницы из стран Салпа и Питасса и приготовился напасть на Маддуватту, царя страны Ципасла, который до этого в союзе с вождями страны Питасса готовился к военным действиям против Хатти. Основываясь на приведенных фактах, можно заключить, что страны Ципасла и Питасса граничили между собой, вторая из них, разумеется, лежала по соседству со страной Хатти и находилась в ее подчинении. С другой стороны, страны Питасса и Ципасла также имели общие границы. А то, что хеттский царь именно из Салпы и Питассы вывел свои войска, говорит о близости Салпы к Питассе.

О другой пограничной с Питассой стране свидетельствует летопись Мурсили I, сильно поврежденная.²³ После похода против хурритов, повествуется в документе, царь вернулся в Хаттусу и оттуда пошел и завоевал города Парсуханда, Инувиса, Харасхапа, Тасанда, Ариматта, Парукитта, Цунахара, Синуванда и многие другие, названия которых на табличке не сохранились. При этом город Ариматта, согласно договору одного из хеттских царей с Улми-Тешупом, находился в стране Питасса по направлению к стране Хулайя. Следовательно, Мурсили I, выступив из Пурусханды и завоевав пять городов, названия двух из которых на табличке не сохранились, подошел к Ариматте, городу страны Питасса,

²² КУВ, XIV, I.

²³ КВо, III, 54, 1—19.

лежавшей у границы страны Хулайя. На основании этого можно предположить, что страны Парсуханда // Пурусханда и Питасса имели общие границы.

Таким образом, по указанному договору, при перечислении пограничных пунктов и сопредельных стран первой упоминается Питасса в качестве окружающей Хулайю страны, в которую входили города Санантарва, Ариматта и горы Хутнуванда.

Граница страны Хулайя после Питассы проходила у страны Усса. Это указывает на соседство Питассы с Уссой. Если учесть, что список названий сопредельных с Хулайей стран начинается с Питассы и кончается Валмой, то, как предполагают Дж. Гарстанг и О. Гэрни, в сторону границы Хулайи Питасса была расположена на стыке стран Валма и Усса.²⁴ На основании приведенного текста, согласно которому Пархуилува, царь страны Мира, поднимает людей Питассы против хеттов, можно предположить наличие общих границ между Мирой и Питассой.

Другой текст, уже приведенный выше, свидетельствует о том, что Маддуватта, царь страны Ципасла, принял клятву у вождей Питассы с целью общего выступления против Хатти, а Арнуванда III, услышав об этом, вывел свое войско из стран Салпа и Питасса, чтобы напасть на Ципаслу. Эти факты говорят о наличии общих границ как между Питассой и Ципаслой, так и между Салпой и Питассой. Мурсили I же свидетельствует, что хеттский царь, выходя из Пурусханды, завоевал город Питасса и дошел до пределов страны Хулайя. Значит, Парсуханда и Питасса были соседями.

На основании всего сказанного можно прийти к заключению, что Питасса находилась в окружении стран Мира, Ципасла, Салпа, Пурусханда, Усса и Хулайя, т. е. между совр. городом Конья, озером Туз и верхним течением реки Сакарья.

5. АРЦАВА

По сообщению летописи, Мурсили II пошел на страну Арцава. Войско этой страны во главе с царевичем Пийамаинарой вступи-

²⁴ Geogr., с. 76.

ло с ним в сражение у реки Астарпа, близ города Валма, После разгрома арцавской армии у Валмы, хеттский царь, преследуя Пийамаинару, захватил столицу страны — Апаса. Уххацити же, царь этой страны, спасся и вышел к морю. Многие из его людей нашли убежище в горах Аринанда, укрылись в городе Пуранда, а другие вместе с царем вышли к морю. Мурсили II пошел за ними в горы Аринанда, захватил их, а весной следующего года напал на Пуранду и взял город.²⁵ По данным этой летописи в специальной литературе установлено, что река Астарпа, горы Аринанда, города Валма, Апаса и Пуранда находились в Арцаве, а последняя была расположена на побережье Средиземного моря.²⁶

В договоре с Улми-Тешупом Валма выступает как название страны, граничившей с Хулайей, между Средиземным морем и страной Питасса²⁷. На основании этого можно предположить, что, возможно, в стране Хулайя Арцаву называли по имени ее составной части, соседней с Хулайей области Валма. Кроме того, известно, что Арцава непосредственно граничила с «Нижней» страной, в состав которой, как отмечалось, входили Парсуханда, Усса, Хулайя и Питасса. Об этом в тексте декрета Хатусили III сказано: «Со стороны «Нижней» страны враг Арцавы пришел, он тоже разорил страну Хатти и города Туванува и Уда сделал себе границей». Дж. Гарстанг и О. Гэрни склонны думать, что между Арцавой и «Нижней» страной имелись общие границы.²⁸ В связи с этим они обращаются к следующим данным из летописи Мурсили II:

(ЛС, I, 21) Те войска в Карга [мисе] (22) [были]. Они были перед ассирийцами. А других (23) [в страну] «Нижнюю» он увел. Он на вражескую Арцаву (24) [нап]ал.²⁹

С целью нападения на страну Арцава часть своего войска хеттский царь ввел в «Нижнюю» страну, что говорит о близости последней к Арцаве. Как уже указывалось, это подтверждается и

²⁵ КВо, III, 4, II, 8—84. Топоним Арцава в текстах пишется KUR ^ugu Ar-za-(u)-wa.

²⁶ Geogr., с. 85—88. Г. Г. Гиоргадзе, «Восточный сборник» (на груз. яз.), Тбилиси, 1960, с. 23—24.

²⁷ КВо, IV, 10, ЛС, I, 31. См. подробно в разделе «Хулайя».

²⁸ Geogr., с. 83. Дж. Гарстанг и О. Гэрни Арцаву ищут где-то у Эфеса.

²⁹ КУВ, XIV, 16. Geogr., с. 83.

сведением из договора с Улми-Тешупом, согласно которому, Хулайя, входившая в состав «Нижней» страны, граничила с Валмой, выступающей в других текстах в качестве одного из городов страны Арцава.

О другой границе страны Арцава в договоре Мурсили II с Купанта-Инарой, вождем Миры, сказано следующее:

(1, 18) А с этой стороны для тебя границей были сторожевые посты города Вийанаванда. (19) Не пересекай город Аура! А с той стороны для себя (20) со страной Кувалийя река Астарпа пусть будет границей! Та страна тебе пусть будет! (21) Ее защищай!³⁰

В литературе отмечается, что город Аура находился в Арцаве.³¹ А по приведенному отрывку Мурсили II установил границы для страны Мира по сторожевым постам города Вийанаванда, напротив которых находился город Аура. Следовательно, как страна Мира, так и Кувалийя были расположены у Арцавы и с ней граничили по сторожевым постам Вийанаванды и реке Астарпа. Об этом же повествуется в другой части того же договора:

(ОС, III, 22) И если заранее услышишь какую-нибудь злую весть о восстании: (23) либо какой-нибудь хетт, (24) либо какой-нибудь арцавский человек восстание поднимет, (25) которые из этих независимых людей у тебя, (26) а ты весть Солнцу заранее сразу (27) не напишешь и на того человека как-то (28) смотришь и так говоришь...³²

Согласно сообщению, Мурсили II предлагает царю страны Миры условия, по которым при восстании либо в стране Хатти, либо в стране Арцава последний обязан сразу же сообщить хеттскому царю, а на людей непокорных не должен равнодушно смотреть. Из этого следует, что страна Мира имела общие границы с Арцавой. Кроме того, она граничила и с Хатти.

О других границах Арцавы свидетельствует также договор Мурсили II с Манала-Даттой, вождем страны Сеха. Приводим отрывок из этого договора:

³⁰ КВо, IV, 3.

³¹ Geogr., с. 86.

³² КВо, V, 13.

(1, 49)Кто у тебя переходит [границу] страны (50) кто-либо из моих, кто-либо (51) [из рабов] страны Мира кто-либо из рабов (52) страны Хатти придет к тебе, у этих, (53) кто [не раб], крупный, [мелкий] скот, всех рабов (54) захвати, их передай мне!»³³

Итак, Мурсили II обязует Манапа-Датту, царя страны Сеха, при переходе кого-либо из страны Арцава в Сеху арестовать и вернуть хеттскому царю. Этот факт показывает, что Арцава должна была иметь общие границы со страной Сеха. Далее летопись повествует, что хеттский царь направил письмо Уххацити, царю страны Аххийава. Мурсили II жалуется, что Уххацити захватил рабов города Харсанаса и Адаримма и задержал в городе Пуранда.³⁴ Следовательно, города Харсанаса и Адаримма находились где-то близ Пуранды. А город Пуранда, как отмечалось выше, находился в стране Арцава, в ее прибрежной части. Отсюда ясно, что города Адаримма и Харсанаса находились у границ Арцавы, на берегу Средиземного моря.

О географическом положении Адариммы можно почерпнуть сведения и из письма хеттского царя Муваталли, адресованного царю Аххийавы Тавагалаве. Кто-то пошел на Адаримму, захватил город и сжег его. Люди же из страны Лукка передали укрепления и дворцы этого района Тавагалаве, царю Аххийавы.³⁵ Из повествования выясняется, что город Адаримма и соименный район, который находился у границы Арцавы и имел укрепления и дворцы, был расположен в пределах страны Лукка. Можно заключить, что в сторону города Адаримма страна Арцава временами граничила как с Луккой, так и с Аххийавой.

Как уже отмечалось, страна Арцава была расположена на берегу Средиземного моря. А по данным договора одного из хеттских царей с Улми-Тешупом, царем страны Хулайя, страна Валма граничила с последней, от Средиземного моря до Питассы. На основании сведений летописи Мурсили II о том, что Валма являлся городом Арцавы, можно предположить, что последняя лежала у

³³ KUB, XIX, 49.

³⁴ KUB, XIV, 15, III, 24—25 = KUB, XIV, 16, III, 23—35.

³⁵ Geogr., с. 90.

западных границ Хулайи (или Даттассы). Это подтверждается и тем, что Хулайя входила в состав «Нижней» страны, а последняя с запада, как известно, граничила с Арцавой. По сообщению же договора Мурсили II с Купанта-Инарой, царем страны Мира, хеттский царь запрещает последнему перейти границу города Аура, который находился в Арцаве.

Следовательно, Мира и Арцава были соседними странами. Эта мысль подтверждается и следующим фактом: Мурсили II обязует Купанта-Инару возвращать беглецов из Арцавы хеттскому царю, а страну Кувалийя передает ему и устанавливает для последней в качестве внешней границы реку Астарпа, которая, как известно, находилась в Арцаве. Тот же Мурсили II требует от Манапа-Датты, царя страны Сеха, арестовать и возвратить хеттскому царю беглецов из Арцавы, что и указывает на наличие общих границ между упомянутыми странами Арцава и Сеха. В этом же источнике читаем, что город и соименный район Адаримма, который был расположен недалеко от Апасы, одного из городов Арцавы, страна Лукка передала стране Аххийава, ее царю Тавагалаве.

Все перечисленные факты говорят за то, что Арцава была расположена между странами Хулайя, Мира, Сеха, Аххийава, Лукка и Средиземным морем. Следовательно, рассматриваемую страну Арцава надо локализовать между бассейном совр. реки Чершанбан (район, входивший в Хулайю), Средиземным морем и античн. Ликией (страна Лукка), т. е. в орографическом районе вокруг совр. Анталыи.

6. МИРА

На основании данных из договора Мурсили II с Купанта-Инарой, царем страны Мира, Дж. Гарстанг и О. Гэрни считают, с одной стороны, страну Мира пограничной с Сехой и Хапаллой,³⁵ а с другой—с Кувалийей и локализуют ее в бассейнах Акарчая и Баназ.³⁶ Летопись Мурсили II приводит сведения о наличии общих границ также между Мирой и Арцавой:

³⁶ Указ. соч., с. 89—91.

(IV, 32) Затем я [н]е пошел к реке Сеха. (33) Ма-
напа-Датту и страну Сеха я взял на службу (34) Потом я вернул-
ся в страну Мира.³⁷

Итак, Мурсили II, завоевав страну Арцава, не перешел в стра-
ну реки Сеха, так как, согласно предшествующему отрывку, яви-
лись посланцы этой страны и попросили хеттского царя принять
их услуги. Тогда Мурсили II из Арцавы вернулся в страну Мира.
Следовательно, обе эти страны лежали рядом. Об общих границах
между Арцавой и Мирой говорит и следующий фрагмент из дого-
вора Мурсили II с Купанта-Инарой, царем страны Мира:

(ЛС, I, 12) Теперь я, Солнце, на тебя, на Купанта-Инару во-
все не злился. (13) Тебя я не бросил. Твой дом и твою страну я
вернул тебе. (14) Именно тебя я назначил руководителем и дал
тебе страну Мира (15) и страну Кувалийя. Границы же как были
при Пархуилуве, (16) теперь они для тебя так и пусть будут! (17)
С этой стороны для тебя город Маддунасса—военная крепость
Тудхалии, был границей. (18) А с той стороны для тебя стороже-
вые посты города Вийанаванда были границей. (19) Ты не должен
перейти к городу Аура. А с той стороны для тебя—(20) для стра-
ны Кувалийя, река Астарпа пусть будет границей! И та сторона
пусть будет тебе! (21) Ее защищай! И у реки Астарпа, и у реки
Сийанда (22) ни одного поселения не засели!³⁸

Мурсили II, как это видно из приведенного текста, страны Ми-
ра и Кувалийя вернул Купанта-Инаре. Он не изменил прежних
границ Миры, в состав которой была включена Кувалийя. У про-
тивоположных же границ рассматриваемой страны находились
Вийанаванда и Аура—города страны Арцава. В сторону Кувалийи
границей являлась река Астарпа, которая, как уже указывалось,
находилась в Арцаве. Следовательно, страна Мира со стороны
своего района Кувалийя граничила с Арцавой по реке Астарпа, а
далее граница проходила у города Аура, лежавшего в Арцаве. В
конце приведенного отрывка Мурсили II сообщает, что запрещает

³⁷ KUB, XIV, 15. Название рассматриваемой страны в тексте обозначено в
форме KUR^{URU} Mi-га-а. См. Г. Г. Гиоргадзе, «Восточный сборник» (на груз.
яз.), Тбилиси, 1960, с. 24.

³⁸ KBo, IV, 3.

Купанта-Инаре, царю страны Мира, заселить новые поселения ближе к рекам Астарпа и Сийанда. Значит, река Сийанда также была естественной границей для страны Мира. Об этом же сказано и в обвинительном акте Арнуванды III относительно Маддуватты, царя страны Ципасла:

(ОС, II, 14) [Когда отец царя] страну реки Сийанда для заселения дал тебе, потом от тебя [он принял присягу]³⁹.

Как сообщает приведенный отрывок, бассейн реки Сийанда во времена правления отца Арнуванды III выступает как страна, одноименная с этой рекой, и был включен в состав страны Ципасла. Следовательно, Мира в районе бассейна реки Сийанда граничила со страной Ципасла. Некоторые сведения относительно других границ страны Мира можно почерпнуть из договора Мурсили II с Манапа-Даттой, вождем страны Сеха:

(ЛС, I, 49) Кто через границу Арцава (50) пришел к тебе, всякий, кто от меня (51) убежал, раб страны Мира, (52) который пришел туда, того (53) [раба], всех рабов, кто с крупным [и мелким] скотом, (54) задержи и их передай мне!⁴⁰

Хеттский царь Мурсили II требует от Манапа-Датты, царя страны Сеха, вернуть всех беглецов из стран Мира и Арцава. Итак, на противоположной от Хатти стороне, у границ стран Мира и Арцава была расположена страна Сеха. Следовательно, с третьей стороны непосредственно у границы Арцавы Мира граничила с Сехой.

В договоре Мурсили II с Таргаснали, царем страны Хапалла, имеются такие строки:

(ЛС, II, 2) Но смотри, в стране три почетных человека: ты—Таргаснали, Пархуилу[ва и Манапа-Датта]. (3) Один в отношении другого не должен быть злым. Раб одного к другому (4) как беглец не должен пойти. Если он к другому зайдет, то его надо вернуть.⁴¹

Страны Хапалла и Мира (вождем последней был Пархуилува), как это видно, граничили между собой и хеттский царь ставит

³⁹ КUB, XIV, 1.

⁴⁰ КUB, XIX, 49.

⁴¹ KBo, V, 4.

свои условия их добрососедских отношений. При локализации страны Питасса на основании договора Мурсили II с Купанта-Инарой мы установили общие границы между Мирой и Питассой.

В указанном договоре и в его вариантах легко можно заметить, что речь идет об общих границах страны Мира с Хатти. Но в указанный период страна Питасса была включена в состав Хатти как ее район, расположенный по соседству с Мирой и Ципаслой. Что касается внутреннего состава страны Мира, то, как выяснилось на основании летописи Мурсили II, в нее, кроме Маддунасы и Вийанаванды, входили также поселения Арсани, Сарава, Импа и Хапанува.⁴²

Таким образом, согласно данным летописи Мурсили II о том, что царь из Арцавы перешел в Миру, подтверждается наличие общих границ между обеими странами. А по сообщению договора того же царя с вождем страны Мира, города Маддунасса, Вийанаванда, Аура, реки Сийанда и Астарпа со всех сторон окружали страну Мира.

В разделе «Арцава» мы выяснили, что поселение Аура и река Астарпа находились в этой стране. Следовательно, подтверждается близость Миры к Арцаве. Добавим к этому и факты из обвинительного акта Арнуванды III относительно Маддуватты, царя Ципаслы: страна реки Сийанда была включена в состав последней. А по договору Мурсили II с Манала-Даттой, царем Сехи, хеттский царь обязует последнего вернуть беглецов из страны Мира. Этот факт свидетельствует о соседстве Миры и Сехи.

В договоре Мурсили II с Купанта-Инарой речь шла о том, как царь Миры возмутил вождей Питассы против царя страны Хатти. Это означает, что страны Питасса и Мира можно поместить рядом. Договор того же царя с Таргаснали, царем Хапаллы, сообщает, как Мурсили II требует установить добрососедские отношения с Пархуилувой, вождем Миры. Это свидетельствует о наличии общих границ между странами Мира и Хапалла.

Итак, на основании приведенных сведений хеттских текстов можно предположить, что Мира граничила со странами Арцава, Сеха, Ципасла, Хапалла и Питасса. В ее состав входили район Ку-

⁴² Geogr., с. 91.

валийа, города Маддунасса, Вийанаванда, Арсани, Сарава, Импа и Хапанува. Эту страну мы предлагаем локализовать вокруг совр. озер Бейшехир и Эгридир, к северу от Арцавы и к западу от Питассы.

7. ХАПАЛЛА

Мурсили II, находясь в Мире, передает страну Хапалла Таргасналли.⁴³ Он запрещает враждебные отношения и нарушение общих границ между странами Мира и Хапалла.⁴⁴ И он же обязует Таргасналли, вождя Хапаллы быть в мире с Пархуилувой, царем Миры.⁴⁵ Обратимся к другому источнику—обвинительному акту Арнуванды III относительно Маддуватты, царя страны Ципасла:

(ОС, II, 21) Но относительно страны Хапалла Маддуватта клятву (22) так дал.—Либо погублю страну Хапалла, либо возьму ее рабов, крупный, мелкий рогатый скот [и их Солнцу] (23) передам.⁴⁶

Как видим, Маддуватта, царь Ципаслы, клялся в том, что завоеует страну Хапалла и передаст ее хеттскому царю. Это наводит на мысль, что Хапалла и Ципасла граничили друг с другом. Но Арнуванда III послал вестника Маддуватте с требованием вернуть ему страну Хапалла, так как она раньше была в составе страны Хатти, и Маддуватта удовлетворил это требование.⁴⁷ Приведенные сведения, как видно, подтверждают наличие общих границ как между Ципаслой и Хапаллой, так и Хапаллой и Хатти. В связи с этим интересно также сообщение хеттских текстов о том, как военачальник Ханути, получив в «Нижней» стране боевые колесницы, из Лаланды (античн. Ларанда) пошел и напал на Хапаллу и страну сжег⁴⁸.

Западную часть «Нижней» страны занимала Питасса, которая граничила с Мирой и Ципаслой, а Хапалла имела общие границы

⁴³ КВо, IV, 7, 1, 18. Geogr., с. 97.

⁴⁴ КВо, IV, 3, IV, 26—31.

⁴⁵ КВо, V, 4.

⁴⁶ КУВ, IV, 7, 1, 18. Geogr., с. 97.

⁴⁷ Обор. стор., стк. 55—58 того же текста. Этот термин обычно пишется: KUR ^uru^uHa-ra-al-la.

⁴⁸ КУВ, XIX, 22, 1, 4—11. Ср. Geogr., с. 83—84, и 97.

с последними и Хатти. Отсюда нетрудно предположить, что граница Хапаллы с Хатти проходила у страны Питасса, которая входила в состав Хатти и являлась ее провинцией.

Локализуя страну Мира, мы установили, что она граничила с Питассой, Хапаллой, Ципаслой, Арцавой и Сехой. Но Хапалла сама имела общие границы с Мирой и Ципаслой, а последняя, как увидим ниже, граничила с Питассой. Отсюда вытекает, что Хапаллу надо искать там, где Ципасла и Мира граничили между собой. Учитывая, что как Ципасла, так и Мира граничили с Питассой, с которой, в свою очередь, имела общие границы и Хапалла, последнюю помещаем на стыке стран Мира, Питасса и Ципасла.

Итак, страну Хапалла следует локализовать между районами, занятыми Мирой, Ципаслой и Питассой, у совр. озера Акшехир, которые составляют один орографический район.⁴⁹

8. СЕХА

Выше, при установлении границ стран Арцава и Мира, мы указали, что страна Сеха находилась с ними по соседству. Об этом свидетельствует договор Мурсили II с Манала-Даттой, вождем страны Сеха: хеттский царь требовал от вождя страны Сеха вернуть рабов, которые убежали из Миры и Арцавы в Сеху.⁵⁰ О другой границе Сехи свидетельствует также летопись Мурсили II:

(ЛС, I, 1) Страна Сеха затем второй раз совершает преступление. (2) Дед Солнца оружием не победил ее. (3) [Он страны по]бедил. Он сказал: «Нас же вместе с оружием (4) опозорим. мы в прехе». (5) [Она стала враждовать] и царя страны Аххийава опять арестовала. (6) [Затем] я, великий царь, пошел маршем. (7) [«Орлиную» скалу] я захватил и пятьсот боевых колесниц (8) [я привел]. И Датта-Нараду, всех его жен (9) [я взял]. Его я привел в Арину, в город богини Истану.⁵¹

⁴⁹ Дж. Гарстанг и О. Гэрни страну Хапалла считают идентичной с антич. Кубалум в низовьях реки Сакарья—Geogr., с. 100.

⁵⁰ KUB, XIX, 49, 1, 49—54.

⁵¹ KBo, VI, 27+KUB, XXIII, 13. Название рассматриваемой страны в текстах обычно пишется KUR ^{id}še-e-ḫa „страна реки Сеха“.

Датта-Нараду, вождь страны Сеха, второй раз восстал против Хатти. Первый раз он поднял восстание при правлении Тудхалии III, деде Мурсили II, который не смог подавить его. Второй раз — при Мурсили II. Вождь Сехи, захвативший страну Аххийава, арестовал ее царя. Мурсили II снарядил поход в страну Сеха, завоевал ее и арестовал царя Датта-Нараду.

Отметим, что Сеха, как и другие западные страны, по сравнению с Хатти, была более мелкой политической единицей и при удобном случае могла совершать набеги лишь на территорию близлежащих областей. Следовательно, Аххийава была расположена недалеко от Сехи.

Договор Муваталли с Алаксанду, царем страны Вилуса, содержит сведения о других границах Сехи. В нем говорится следующее:

(ЛС, II, 76) Либо какой-нибудь человек страны Сеха, либо [какой-нибудь] человек страны А[ххийава?], (77) которые у тебя, об этих независи[мых] людях (78) заранее узнаешь и о них Солнцу [напишешь].⁵²

Если Муваталли требует от царя страны Вилуса сообщить хеттскому царю о непокорных, которые переходят границы Сехи и Аххийавы (?), то это означает, что страна Сеха с Вилусой находилась по соседству. С Вилусой граничила и Аххийава. С другой стороны, страна Сеха граничила с Каркисой, о чем узнаем из договора Мурсили II с Манапа-Даттой, вождем страны Сеха. В сохранившейся части речь идет, по-видимому, о том, как после царствования отца Манапа-Датты, накануне правления последнего, некий Ура-Датта убил всех братьев Манапа-Датты. Когда об этом стало известно, он убежал в страну Каркиса. Насколько можно догадаться из текста, хеттский царь нашел общий язык с людьми Каркисы и, наказав Ура-Датту, установил в Сехе порядок.⁵³ Отсюда следует, что страна Каркиса лежит где-то у границ Сехи. Этот же договор дает нам следующие сведения о составе страны Сеха: (ЛС, I, 63) Смотри же, я дал тебе реку Сеха и страну [Алави]яа. (64) Та для тебя пусть будет страной. [Ее] ты защищай!⁵⁴

⁵² КUB, XXI, 1.

⁵³ КUB, XIX, 49, лиц. стор., I, 1—20. Ср. Geogr., с. 108.

⁵⁴ Тот же текст. Ср. IV, 30—31 того же текста.

Хеттский царь, как видно, Манапа-Датте дал район реки Сеха и страну Апавийа (?). Следовательно, Апавийа—соседняя с Сехой страна. Затем в летописи Мурсили II сказано:

(ОС, III, 21) А Манапа-Датту (22) и страну Сеха я взял в службу. (23) (24) Затем я пошел в страну Мира. Страну Мира я дал Пархуилуве, (25) а страну Амасеха я дал Манапа-Датте.⁵⁵

Как видно, находясь в Арцаве, Мурсили II принял посланцев Манапа-Датты из Сехи, которые изъявили покорность хеттскому царю. После этого царь перешел в Миру и страну Амасеха дал Манапа-Датте. В приведенном отрывке название страны Сеха дублируется названием Амасеха.⁵⁶

Таким образом, по договору Мурсили II с Манапа-Даттой, царем Сехи, хеттский царь требует от последнего вернуть беглых рабов из стран Арцава и Мира. Это, возможно, говорит о соседстве Сехи как с Арцавой, так и с Мирой.

Согласно летописи того же царя, Датта-Нараду, вождь Сехи, завоевал страну Аххийава и арестовал ее царя. А это указывает на общие границы между Сехой и Аххийавой. В договоре Мува-талли с Алаксанду, царем Вилусы, указывается, что хеттский царь требует от царя Вилусы вернуть беглых из стран Сеха и Аххийава. Это свидетельствует о соседстве Сехи с Вилусой. Сеха и Каркиса также находились рядом, о чем говорит договор Мурсили II с Манапа-Даттой. До правления последнего в Сехе, некий Ура-Датта хотел узурпировать царскую власть. Но когда об этом стало известно, он бежал в Каркису.

Хеттский царь Манапа-Датте передал реку Сеха и страну Апавийа, а согласно другим сведениям, он получил страну Сеха. По летописи Мурсили II, хеттский царь, будучи в Арцаве, Манапа-Датте отдал страну Сеха, а потом и страну Амасеха.

Дж. Гарстанг и О. Гэрни предлагают локализовать страну Сеха у устья реки Каикус, с которой и отождествляют реку Сеха.⁵⁷

⁵⁵ КВо, III, 4. Ср. Geogr., с. 94.

⁵⁶ Ср. шум. АМА «мать».

⁵⁷ Geogr., с. 103. А. Гетце локализует ее у верховьев Большого Мендереса—Kleinasien, с. 228 и карта.

Однако, на основании вышеизложенного, страну Сеха, вслед за А. Гетце, мы помещаем между орографическими районами, занятыми Мирой, Арцавой, Аххийавой, Вилусой и Каркисой, т. е. в бассейне верхнего течения совр. реки Большой Мендерес. Реку же Сеха мы отождествляем с Большим Мендересом.

9. ЛУККА

В письме Муваталли Тавагалаве, царю Аххийавы, о стране Лукка читаем следующее:

(ЛС, I, 1) [.] Он пошел и город Адаримма (2) [захват]ил(?). Его сжег. Вместе с укрепленными царскими дворцами (3) люди Лукка Тавагалаве [.] (4) возместили...⁵⁸

Здесь, очевидно, говорится о нападении Тавагалавы, царя Аххийавы, на город Адаримма, который луккийцы в качестве какого-то возмещения передали в его руки. Город Адаримма, как видно, находился у границы Арцавы и принадлежал стране Лукка, а затем жители этой страны его передали Аххийаве. По-видимому, Лукка с Арцавой и Аххийавой имела общие границы.

В связи с локализацией Адариммы интересен отрывок из летописи Мурсили II: «Когда в Арцаве царь двинулся к городу Пуранда, пленные городов Адаримма и Харсанасса были в Пуранде».⁵⁹ Непосредственная близость городов Адаримма и Харсанасса с Пурандой, одним из укрепленных городов Арцавы, отсюда очевидна. В этой же летописи есть и другой факт: после завоевания Арцавы и гор Аринанды, находившихся в этой стране, Мурсили II направился к городу Адаримма.⁶⁰ Следовательно, Адаримма была расположена недалеко от страны Арцава. Здесь же, поблизости, как уже отмечалось, находился и город Харсанасса. Хаттусили I, сообщая о завоевании Арцавы, упоминает город Харсанхила,⁶¹ в названии которого компонент—*хила* «двор, имущество» заменен

⁵⁸ KUB, XIV, 3. Название рассматриваемой страны обычно пишется в форме (KUR) ^{urru}Lu-uq-qa. Эта страна в специальной литературе обычно отождествляется с Ликией—Geogr., 75 сл.

⁵⁹ KUB, XIV, 15, III, 28—32. Ср. Geogr., с. 86.

⁶⁰ KUB, XIV, 16, III, 23—32.

⁶¹ KBo, III, 46, 1, 42—50.

хеттским суффиксом—*аса*. При Хаттусили III Лукка захватила у страны Хатти следующие районы: Валма, Валларимма, Нахита, Саллуса, Санхата, Сурима, Валвара, Хавалия, Инасара и др. (названия некоторых районов в тексте не сохранились).⁶² Луккийцы дошли до Кувапасы, разорив все названные страны, и установили с Хатти границы у стран Цаллара, «Нижняя» и Харциуна. В тексте договора с вождем Даттассы Санхата, Сурима и Валвара выступают как пограничные поселения этой страны, а Валма—в качестве города Арцавы.

Итак, согласно сообщению текста Муваталли Тавагалава, царь Аххийавы, напал на страну Лукка и отнял у нее город Адаримма. А согласно летописи Мурсили II, завоевав Арцаву, хеттский царь двинулся к ее последнему укрепленному городу—Пуранде, где находились пленные городов Адаримма и Харсанасса. Он же, после завоевания гор Аринанда в Арцаве, направляется к городу Адаримма. А Хаттусили I, после завоевания Арцавы, переходит в город Харсанхила, который мы отождествляем с Харсанассой, расположенной рядом с Адариммой.

Сопоставив все эти сведения хеттских текстов, мы приходим к заключению, что страна Лукка граничила как с Арцавой, так и с Аххийавой. Если учесть, что обе последние страны были расположены у берегов Средиземного и Эгейского морей и граничили между собой, то Лукка находилась между Средиземным морем и орографическими районами, занятыми Арцавой и Аххийавой, на месте античной Ликии.

10. АХХИЯВА

При локализации страны Лукка мы уже отметили общность границ между Аххийавой, с одной стороны, Луккой и Арцавой—с другой. А летопись Мурсили II свидетельствует о соседстве Сехи и Аххийавы: царь Сехи завоевал Аххийаву. Договор же Мурсили II с Алаксанду, вождем Вилусы, гласит, что последний обязан возвращать хеттскому царю беглых рабов как из Сехи, так и из Ах-

⁶² KUB, XXI, 6, IV, 3—16.

хийавы. Это значит, что между Вилусой и Аххийавой должны были быть общие границы.

Учитывая упомянутые выше данные о том, что Аххийава находилась на берегу Эгейского моря в Малой Азии, мы приходим к выводу, что она была расположена между орографическими районами, занятыми Луккой, Арцавой, Сехой, Вилусой и Эгейским морем, в бассейне среднего и нижнего течения реки Большой Мендерес и в бассейне Малого Мендереса.

Какие же географические единицы входили в состав Аххийавы? Обратимся к источнику. Обвинительный акт Арнуванды III относительно Маддуватты, царя страны Ципасла гласит: (ЛС, I) 1. [Теб]я, Маддуватта, из т[вое]й страны Адарисийа, человек Аххи[йа]вы, выгнал». ⁶³

Как видим, Маддуватта, царь Ципаслы, воевал против Аххийавы, но потерпел поражение. В другой части того же текста читаем: (ОС, II, 20) Маддуватта изменил клятве перед отцом Солнца и всю страну Арцава захватил ⁶⁴ (далее речь идет о том, как Маддуватта захватил страну Хапалла и отказался вернуть ее хеттскому царю).

Итак, Маддуватта, царь Ципаслы, страны, лежавшей в горах совр. Афьон-Карахисара, в борьбе с Аххийавой захватил всю страну Арцава. Вспомним, что, кроме собственно Арцавы, как уже отмечалось, «арцавскими» назывались также страны Мира, Хапалла, Сеха и Вилуса. По нашему мнению, в данном случае под выражением «всю страну Арцава он захватил» надо понимать все союзные с Арцавой страны (Мира, Хапалла, Сеха, Вилуса и Арцава). После завоевания этих стран взоры Маддуватты были прикованы к другим западным странам. В указанном обвинительном акте об этом говорится:

(ОС, II, 27) Затем он их дороги захватил (28) [.
.] (29) Затем прежние страны Солнца он захватил: страну Цуманти, страну Валарима, страну Йаланти, страну [Арин-

⁶³ KUB XIV, 1. Название этой страны обычно пишется в форме KUR (uru) Ah-hl-ja-wa.

⁶⁴ Там же. Й. Маквен Аххийаву локализует где-то у Трояды—AnSt, 18 (1968), с. 169 сл.

на], (30) [страну] Мутамутасса, страну Адаримма, страну Сурута, страну Харсанасса. И потом курьерам этих стран (31) [пер]ед Солнцем не разрешал являться.⁶⁵

Итак, захватив всю страну Арцава, Маддуватта отрезал Хатти от стран Цуманти, Валарима, Йаланти, Мутамутасса, Адаримма, Сурута и Харсанасса. Указанные страны, очевидно, следует искать к западу от страны Арцава, т. е. внутри границ Лукки и Аххийавы, ибо Маддуватта этим осуществил политику нажима на своего главного врага—Адарисийа, царя Аххийавы.

Кроме того, к югу и юго-западу от Ципаслы находились страны Хапалла, Мира, Сеха и Вилуса, о завоевании которых текст умалчивает. Следовательно, под выражением «всю страну Арцава он захватил» нужно действительно понимать указанные страны, иначе страна Аххийава могла бы связаться с Хатти через Миру, а завоевание Арцавы Маддуваттой немислимо без захвата Миры и Сехи, лежавших между Арцавой и Ципаслой.

При локализации страны Лукка мы уже видели, как город Адаримма, расположенный у границ Арцавы, был отнят у луккийцев царем Аххийавы. А согласно сообщению летописи Мурсили II, у границы Арцавы рядом с Адариммой и Харасанассой находился и город Сурута.⁶⁶ Город же Валарима в специальной литературе отождествляется с Карийским городом Нуллагима.⁶⁷ А Аринна, согласно Э. Форреру, идентична с античным Агипа (= Ксантус) в Ликии.⁶⁸

Что же касается остальных стран, то, опираясь на тот факт, что Маддуватта, царь Ципаслы, воевал против Аххийавы, предлагаем Йаланти, Цуманти (или Цумари), Мутамутасса и Харсанасса искать в пределах границ этой страны.

В связи с этим интересно письмо Муваталли, адресованное Тавагалаве, царю Аххийавы: хеттский царь из Хаттусы пришел в Салапу и отправил письмо Тавагалаве. Далее он направился в Валиванду и написал еще одно письмо. После чего он вошел в Ах-

⁶⁵ KUB, XIV, 1.

⁶⁶ Geogr., с. 77.

⁶⁷ Указ. соч., с. 79.

⁶⁸ RLA, I, с. 150.

хийаву и завоевал города Иаланда и Адрийа. Затем он пошел на город Аба[.....] и вошел в Миллаванду (античн. Милет).⁶⁹ Нетрудно заметить, что город Иаланда, находившийся в Ахийаве, идентичен с Иаланти, упомянутым в обвинительном акте относительно Маддуватты. Следовательно, район с городом Иаланти находился в Ахийаве, расположенной между совр. реками Бол. Мендерес и Даганан. Кроме того, там находились и города Адрийа, Аба[...] и Миллаванда.

О Миллаванде летопись Мурсили II сообщает: (ЛС, I, 23) А когда наступила весна, Ухх[ацити пошел] (24) и на страну Миллаванда, на царя страны Аххи[йава напал].⁷⁰

Очевидно, Миллаванда представляла собой одну из крупных ахийавских областей, где была резиденция царя Ахийавы. В письме Муваталли, адресованном царю Миллаванды, царь хеттов напоминает ему о делах городов Аварна, Ас [.....], А, Би, Ава, Пина, Утима и Ларийа.⁷¹ Приведенный отрывок письма фрагментарен, но дает основание заключить, что указанные города находились в сопредельных Миллаванде районах.

Таким образом, страна Ахийава находилась между Луккой (античн. Ликия), Сехой (у верховьев Большого Мендереса), Вилусой⁷² и Эгейским морем, между современными реками Большой Мендерес и Даганан. В ее состав входили Валларима, Иаланда, Миллаванда (античн. Милет) и другие города.

Таким образом, страны Даттасса, Арцава, Лукка и Ахийава были расположены на берегу Средиземного моря. К северу от них находились страны Усса, Питасса, Мира, Хапалла и Сеха.

⁶⁹ Geogr., с. 75, 80, 81.

⁷⁰ KUB, XIV, 15. И. М. Дьяконов Миллаванду отождествляет с античным Милетом—ПАН, с. 107, прим. 72.

⁷¹ KUB, XIX, 55, обор, стор., 1—4.

⁷² Название страны Вилуса И. М. Дьяконов отождествляет с именем Тров (или Илиона, или Илноса—древнейшая форма должна была звучать Вилиос). См. ПАН, с. 110 и прим. 82.

М. Л. ХАЧИКЯН

ЗАМЕТКИ ПО ХУРРИТСКОЙ И УРАРТСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Хурритскому языку известны конструкции с послелогом именного происхождения:

1) *edi-* (< *edə* «тело, вещь») в сочетании с притяжательным местоимением, соответствующим управляемому имени, и одним из следующих показателей:

а) директива *-da*, со значением «ради, для»; управляет именем в дативе, ср. *īstaniffuza akkuṣ aguwa edīda* (< **edi-ye-da*) *tanāšten* «взаимно один для другого пусть делает», Mit. I₈₂;

б) директива-аблатива *-da + -n*, со значением «из-за?»; к управляемому имени присоединяется составной показатель *-wa* (дат.) + *-n* (абл.)¹, ср. единственный засвидетельствованный пример в недостаточно ясном контексте Mit. II₈₄: *sukkanne-wa-n tiwl-wa-n edī-dan* (< **edi-ye-dan*);

в) генитива *-we*, со значением «относительно», требует родительного падежа управляемого имени + граф. *-ni-e*, ср. *ṣu-u-we-pi-e e-ti-iw-wu-ú-e(-e)* ^{KUR}*u-u-mi-i-ni-iw-wu-ú-e-pi-e e-ti-i-e(-e)* «относительно меня, относительно моей страны», Mit. IV_{18-19, 22}.

Что за написанием *-i-e(-e)* скрывается притяжательное местоимение 3 л. *-ye-* в сочетании с показателем генитива *-we*, явствует из параллельной *ediyê* формы *ediffuwe*, с притяжательным местоимением 1 л. *-iffu-*. Очевидно, наличие притяжательного местоимения *-ye-* следует предположить также в *ṣu-u-we-pi-e* и *u-u-mi-*

¹ Об аблативном суффиксе *-ne* в хурритском см. Г. Вильгельм, К хурритской и урартской грамматике, ДВ 5 (в печати).

i-ni-iw-wu-ú-e-ni-e, в противном случае полугласный w в гени-
тивном показателе -we сохранился бы, ср. omín(e)-ne-we „стра-
ны“, Mit. I₆₂; seniffuwe-ne-we-man „(жены) моего брата“, там
же, IV₇₅.

2) aye- (<*ay/wə „лицо, перед“) „перед“, в сочетании с
притяжательным местоимением и падежным показателем дирек-
тива -da образует конструкцию, аналогичную 1a, а в сочетании
с показателем генитива -we — конструкцию, аналогичную 1в:
inumenín... eniffuwa ayída (<*ayi-ye-da, граф. a-a-i-i-ta) kadedav
„как перед моей богиней... я скажу“, Mit. III₉₇₋₉₉; seniffuweneyé
(<*seniffu-we-ne-ye-we, граф. ...-ni-e) ayé (<*aye-ye-we, граф.
a-a-i-i-e-e) pedestaez̄ „перед моим братом чтобы предстать/пока-
заться (?)“ там же, IV₄₉₋₅₀.

3) Аналогична 1a также конструкция с послелогом furí-
(<*furə „вид?“): seniffuz̄... subiamasten-idan... omíniffuwa furída
„пусть мой брат... увеличит по отношению к моей стране“,
Mit. III₈₇₋₈₈. Однако, если управляемое имя стоит во множествен-
ном числе, послелог furí- ставится в дательном падеже мн. ч.:
...ollaža omínpaža furíyaža „(мой брат) ... по отношению к другим
странам пусть увеличит“, там же, III₇₁₋₇₃. Как видно из приве-
денных выше примеров, послелог edída, edídan, ayída, furída
образуют аппозитивную атрибутивную синтагму, с определением,
частично согласующимся с определяемым словом (= послело-
гом): -wa ~ -da, -wa + -n ~ -da + -n²; послелог же ediyé и ayé
образуют генитивную атрибутивную синтагму, в которой, со-
гласно правилу переноса показателей в хурритском языке, при-
тяжательное местоимение и генитивный показатель -we после-
лога (= определяемого слова) посредством соотносительной ча-
стицы -ne присоединяются к определению: ...-ne + -ye-(w)e ~ ...
-ye-(w)e.

Совершенно не поддается объяснению, однако, употребление
притяжательного местоимения 3 л. -ye-, вместо ожидаемого -iffu- в
конструкции sowe-ne-ye-(w)e ed(i)-iffu-we.

² Явление «частичного согласования» хорошо известно из урартского,
ср. Argísti-kaу (прелатив) Mínuafje-ne-ye (датель) „перед Аргишти, сыном
Минуа“, УКН 127 IV₆₉.

В хурритском и урартском языках целый ряд местоимений образован от основ *awe-* (хурр.)/*ayə-* (урарт.) и *(i)ye-* (хурр.)/*yeu-* (урарт.).

Неопределенные местоимения

awe-/ayə-. Хурр.: *awe + -па/е(+ -пін)* „кто-либо, кто-нибудь“, ср. *seniffudaman awennenin tiwe surwe iyammaman kadillewa* „И если моему брату кто-либо какое бы то ни было недоброе слово скажет“, Mit. IV₁₈; *awenna-pin kuro suda iyammaman jillolewa* „Если опять же кто-нибудь мне что бы то ни было сообщит“, там же, стк. 24;

aya „какой бы то ни было“ (соответствует акк. *kalī* в аккадско-хурритской билингве RŠ 15.10₈).

Урарт.: *ay(ə) + -пеу* „кто-либо, кто-нибудь“, ср. *alušə ayneu inelə duleyə* „тот, кто кого-нибудь эти (дела) заставит сделать“, УКН, passim.

iye-/yeu-. Хурр.: *iye + -п* „что-либо, какой-либо“, ср. *iye-p ole tiwe* „какое-нибудь другое слово/дело“, Mit. II₇₉; *iye-mtamam* „что бы то ни было, какой бы то ни было“, примеры см. выше (Mit. IV₁₈, 24).

Урарт.: *yeu* „что-либо“, ср. *alušə yeu inapə arnušinanə laku-duleyə* „тот, кто что-либо из этих дел/деяний повредит“, УКН 169₁₇₋₁₈.

Относительные местоимения

В хурритском в этой функции выступает основа *iye-* в сочетании с личным местоименным суффиксом 3 лица (*-па/е-* в единственном числе, *-ла/е-* — во множественном) и энклитической частицей *-пін(п)*³. Ср. *iyemān Keliyāz ... kuleda* „то, что Келия ... скажет“, Mit. IV₂₇; *iyallanin ammadiffuz ... magannina kebanos-tassepa* „те подарки, которые мой дед послал“, там же, III₅₇₋₅₉;

³ В «митаннийском» диалекте это местоимение употребляется в тех случаях, когда определяемое имя является объектом придаточного предложения. В «уркешском» же диалекте засвидетельствованное единственное местоимение *(j)emēnī* выступает в функции субъекта. Ср. примеры выше.

(y)emēni tašpi halle Lubadagaž tašruen „тот, кто уничтожит, вот того Лубадаг пусть уничтожит“, Urk. 11—14.

В урартском функцию относительного местоимения выполняет указательная основа alə.

Вопросительные местоимения

В хурритском засвидетельствовано только вопросительное местоимение awe «кто», соответствующее угаритскому dū (ср. «Ugaritica» V, № 137, II₂₉).

В урартском вопросительные местоимения не засвидетельствованы. Однако, учитывая, что во многих языках мира относительные и неопределенные местоимения⁴ происходят от вопросительных или тождественны им и что в хурритском и урартском языках относительные и неопределенные местоимения образованы от основ awe-/aye- и iye-/yeu, можно реконструировать хуррито-урартское вопросительное местоимение iye/yeu «что» и урартское ayə «кто».

* * *

Как показал М. Сальвини⁵, форма alumai(n), встречающаяся в хурритских мифологических текстах в вводящей прямую речь формуле N₁-l(la) tiwēna N₂-ta[-l(la)] alumai(n) kadīya „такой-то-их слова такому-то(-их) alumai(n) говорит“, является деепричастной формой от глагола говорения al- („говоря“). Там же указывается на связь этого глагола с вводящим прямую речь урартским словом a-li(-e/i) (форма неясна): N-še a-li(-e/i) „такой-то говорит“.

Поскольку субъектом a-li(-e/i) является имя в эргативе, мы имеем дело с формой 3 лица единственного числа транзитивного глагола. Это не может быть формой ирреального наклонения, так как глаголы 3 лица в ирреальных наклонениях оканчиваются на -пə. Кроме того, ирреальное наклонение не подходит здесь по смыслу.

⁴ Ср. К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, М., 1969.

⁵ М. Salvini, Sul testi mitologici in lingua hurrica, SMEA 18, 1977, с. 76—78.

В урартском 3 лицо единственного числа II (транзитивного) спряжения (речь идет о формах совершенного вида, так как безвидовые формы в урартском, в отличие от хурритского, не засвидетельствованы, а формы несовершенного вида засвидетельствованы в ирреальных наклонениях) образуется, как известно, присоединением объектных суффиксов к показателю переходности -и-; показатель же субъекта в этих формах не выражен⁶, ср. ulḥ-u-də „он меня направил“, УКН 158₂₂; ḥa-u-pə „он его взял“, УКН, passim; ṣl-u-dilə „он нас послал“, УПД 7₄; aḡ-u-tə „он мне дал“, УКН 276 лиц. 44, 264_{ур. 27}.

Следовательно, a-li(-e/i) не может быть и видовой формой глагола.

В хурритских формулах, вводящих прямую речь (...tiwepa, ...kadiya), глагол говорения kad- стоит в безвидовой форме (с показателем субъекта 3 лица единственного числа -ya). С аналогичной формой, по всей вероятности, имеем дело и в данном случае (ali-ya, где -ya — субъектный показатель с нейтрализованным в конечной позиции гласным a).

⁶ Субъект 3 лица единственного числа (показатель -a, ср. показатель субъекта в видовых формах II спряжения в хурритском) выражен только в форме с объектом 3 лица множественного числа (ср. atḥ-u-a-lə «он их нашел (?)», УКН 92, a₃, b₃, c₃), вероятно, во избежание путаницы с формой 1 лица единственного числа с объектом 3 лица множественного числа (-v(ə)-lə, граф. -ú-ú-le).

ПЕТЕР КАЛЬМЕЙЕР

СИМВОЛ ХАЛДИ

В 1970 и 1972 гг. в Бастаме было найдено два наконечника копий, поражающих величиной, тяжестью и особенно шириной лезвия. В этом отношении они отличаются от обычных урартских копий и сравнимы лишь еще с немногими экземплярами:

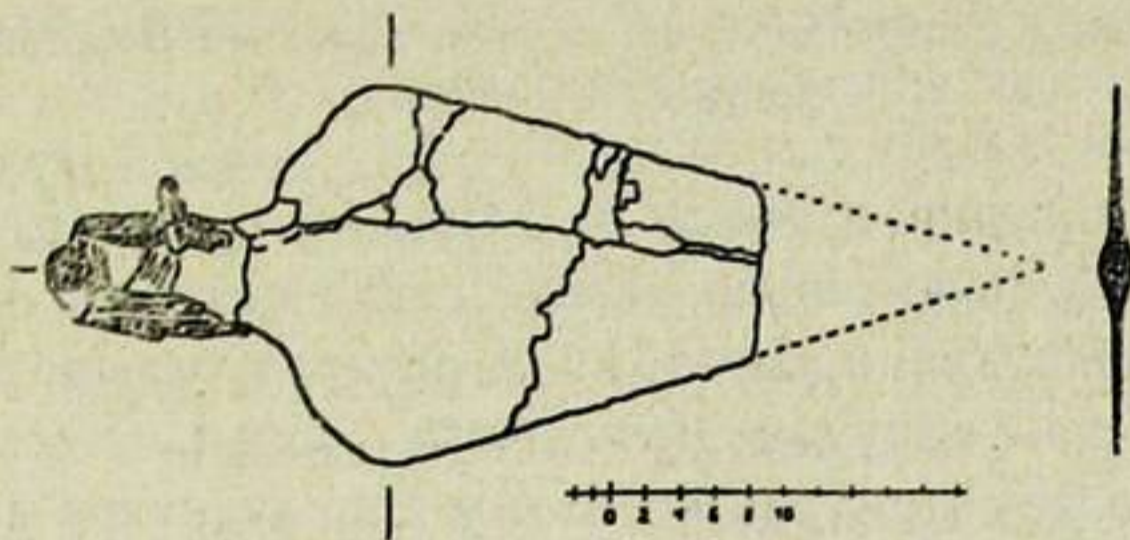

Рис. 1. Железный листовидный наконечник копья из Бастама (1970) — рисунок В. Клейса.

Бастам 1970 № 43, в слое не позже VII в. до н. э. (рис. 1). Первоначально копье находилось в стоячем или прислоненном положении у двери в колонный зал. На наконечнике продольное ребро шириной около 2 см; длина 47,5 см, ширина 21,3 см; втулка с остатками дерева имела около 4,2 см в ширину.— Бастам 1972 № 5, в слое VII в. до н. э. (рис. 2). Следы оплетения сосновыми и тополевыми ветками, на втулке остатки нитей с бусами. Наконечник скован из двух железных листов (?). Реконструированные размеры: длина 32,8 см, ширина 16 см, длина втулки 9 см, внутренний диаметр 4,9 см, внешний 6 см.— Топрак-кале 1959 (у вершины), аналогичный наконечник копья, возможно до 80 см длиной.—

Чавуш-тепе 1967, в северном коридоре храма, длина 64 см.— Аналогичный экземпляр известен из Адыльджеваза¹.

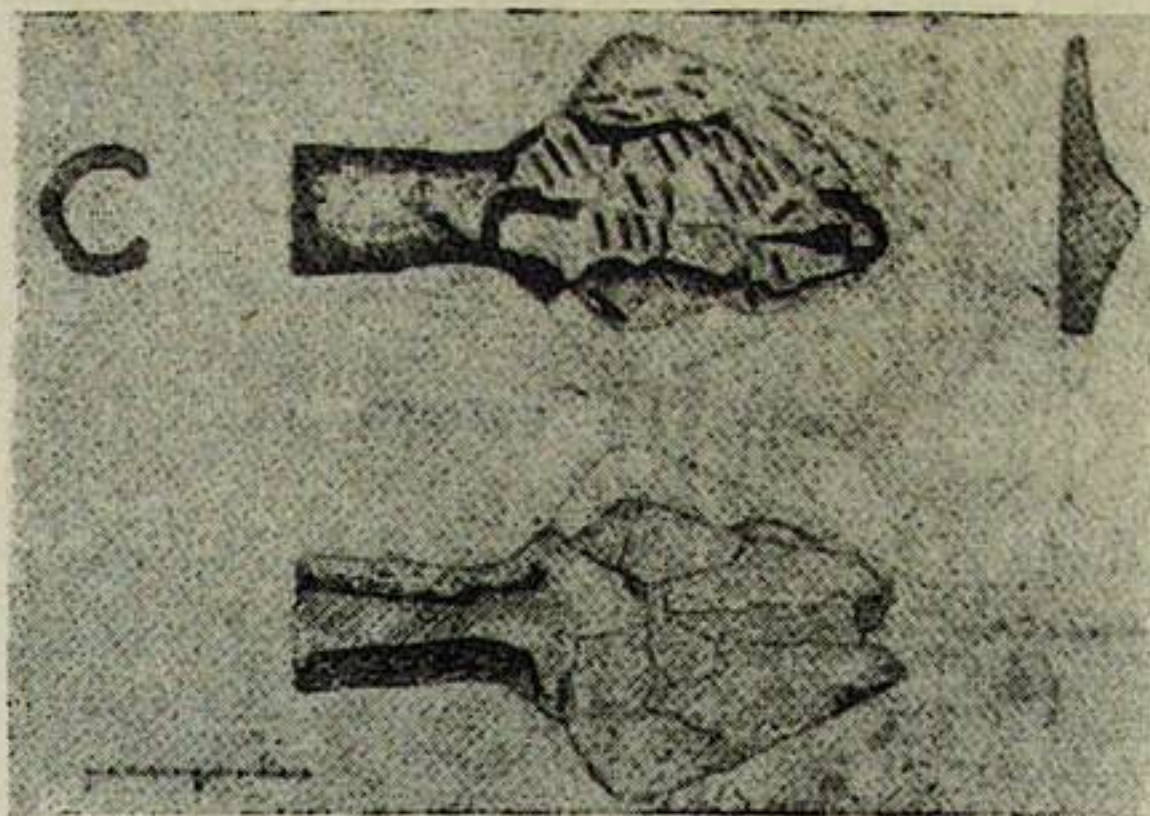

Рис. 2. Железный листовидный наконечник копья из Бастама (1972) — рисунок В. Клейса.

Все эти наконечники копий по длине лезвия и втулки, пропорциям, весу и т. п. решительно отличны от известных наконечников урартских боевых копий. Поэтому в литературе предлагалось их рассматривать как образцы культового копья, посвящавшегося Халди. Прежде чем принять по этому поводу какое-нибудь решение, следует рассмотреть наличный изобразительный материал.

Предположение о том, что копье было символом или атрибутом урартского государственного бога Халди чрезвычайно распространено в работах по урартскому искусству и религии. Наиболее полное и последовательное обсуждение принадлежит М. Римшнейдер²: она полагает, что копье в качестве «штандарта» бога возилось в особой повозке, впереди войска, что тот же символ можно видеть водруженным на крыше Муцацирского храма, и что

¹ Предметы, изданные Б. Б. Пиотровским (Кармир-блур, 1, Ереван, 1950, с. 40, рис. 20), представляют собой скорее всего лопаты.

² *Orientalia* NS. 32, 1963, с. 148 сл.; N.S. 34, 1965, с. 325 сл.; eadem, *Das Reich am Ararat*, Leipzig-Heidelberg, 1966, с. 46 сл.; *Acta Academiae Scientiarum Hungaricae*, 15, 1967, с. 387 сл.

оно же символизировало божество внутри храма, в то время как другой, не известный нам символ, представлял в нем супругу Халди. По М. Римшнейдер, в культе Халди не было собственно изображения божества, и все известные нам фигуры божеств изображают служебных демонов или богов-хранителей; цоколи в храмах служили не для статуй, а для культовых копий; «Большое число копий, найденных на Алтын-тепе... относится к символической Халди». Причину враждебности к изображениям М. Римшнейдер видит в том, что Халди был первоначально иранским божеством, подобным известному богу войны у скифов, который почитался в образе кинжала.

Хотя концепция М. Римшнейдер внутренне последовательна и содержит некоторые привлекательные частные аргументы, однако, насколько мне известно, никто за ее аргументацией не последовал. Возможно, причиной этого является то обстоятельство, что из ее концепции можно сделать явно абсурдные выводы, как например: перед входом в храм копьё, на крыше храма копьё? Наконечники копий, посвященные копьё?³ Как представить себе супругу копьё? Каких богов унесли ассирийцы из Муцацира? Каким образом иранский культ «без изображений и храмов» мог развиваться, с одной стороны, до неизобразительного объекта поклонения, а с другой — до монументального укрепленного храмового здания? Однако и против концепции М. Римшнейдер не было выдвинуто никаких аргументов, зато совершенно независимо предлагались различные отождествления изображений божеств то с Халди, то с Тейшебой. Так как за последнее время число памятников значительно увеличилось, то имеет смысл проверить обоснованность всех этих толкований.

а) *Тексты.* Известно сообщение Саргона II о том, что его войска унесли из Муцацира бога Халди и его супругу⁴; кроме того, могут иметь значение «Оружия Халди» (*BE-LI^{MEŠ}*), которым, наряду с различными свойствами и атрибутами этого бога, прино-

³ Впрочем, в храме обнаруживаются не только копьё, но и другое оружие.

⁴ *F. Thureau-Dangin, HCS, стк. 368 и 405.* Можно задаться вопросом, почему не указан вес «богов», в отличие от других похищенных ценных предметов?

сились жертвы согласно известному жертвенному списку Мхеридур (Мехер капуста), а также (иногда обозначаемое как деревянное) «оружие (?) Халди» (^{GIŠ}šú-ri), которое предстоит урартским войскам и покоряет страны. В обоих случаях употреблены совершенно разные урартские слова, из которых в лучшем случае только одно могло бы означать «копье». Однако первый из терминов употребляется во множественном числе; второй же объясняется Ф. В. Кёнигом как повозка, на которой впереди войск движется копье Халди⁵, что, может быть, подтверждается и изобразительным материалом⁶.

б) *Изображения божеств.* За последние годы число известных нам изображений урартских божеств значительно увеличилось, в особенности за счет рельефных бронзовых пластин из турецких раскопок, до сих пор в значительной мере не опубликованных⁷. Даже без систематического сличения всего материала, из него можно сразу обнаружить, что иконографически однородные фигуры божеств изображались стоящими на разных животных, а иконографически разнородные — на одних и тех же. Отсюда, естественно, следует, что обычное отождествление божества по животному, на котором оно изображено стоящим (например, божество, стоящее на льве, отождествлялось с Халди) было чересчур поспешным и должно быть оставлено, что было впервые отмечено г-жой Нимет Эзгюч. Следует также окончательно исключить в качестве возможных изображений великих богов серию из трех монументальных рельефов из Адыльджеваза, с человеческими фигурами, крылатыми и без крыльев, стоящими на животных и связанными с деревом: дело в том, что здесь мы имеем дело с архитектурной орнаментацией, в которой трудно ожидать изображений

⁵ NChI, 202 s. v. šurī. Однако Г. А. Меликишвили переводит осторожнее «оружие». Но šurī не может означать, как думает М. Римшнейдер, повозку или копье в повозке.

⁶ AMI NF 7, 1974, с. 54 сл., рис. 10, 2—12; ср. у М. ван Луна, прим. 30, дополнение.

⁷ О. А. Taşyürek, The Urartian Bronze Hoard from Glyımlı, „Expedition“, 19, 4, 1977 et al.

главных божеств. Определенных доказательств существования антропоморфных изображений Халди пока не обнаружено, и даже вероятно, что он нередко почитался без изображений.

в) *Копье или священное дерево?* Обзор всего богатства форм урартского мотива «священного дерева» дал Ф. Ганчар⁸, но его классификацию можно дополнить следующим образом:

(а) дерево с почками, в нимбе (на шлемах), происходящее от новоассирийского дерева, скомпонованного из пальметок;

(б) более свободные лозы с почками, часто вдвойне свернутые, многоэтажные, — вплоть до той сложной формы, которая зафиксирована в Зивие;

(с) возможно, производное от (б): более простая конструкция, в которой почки заменены большими ланцетовидными листьями с жилками;

(d) возможно, абстрагированное из (с): все дерево состоит из листообразного элемента и ствола.

Кроме того, имеются различные переходные формы или формы, развивающие вышеуказанные мотивы далее, быть может чисто декоративные, и композиции из пальметок, возможно, имеющие более широкое значение⁹.

Среди этих многочисленных и, что существенно, многообразных форм урартских «дерев», которые, вполне вероятно, и значение имели неодинаковое, тип (d) формально легко ассоциировать с наконечником дротика и копья, что и делалось неоднократно. К счастью, тип (d) встречается в сценах, поддающихся простому и однозначному толкованию.

На ортостатах, когда-то фланкировавших великолепную дверь в Адыльджевазе (ныне по большей части в Музее Вана)¹⁰ стоящие на быках бескрылые гении, держащие в руках лист и чашу, включены в древесное (растительное) обрамление и обращены лицами к дверному проему (рис. 3). Это помогает нам истолковать

⁸ *F. Gančar*, *IrAnt* 6, 1966, с. 92 сл., рис. XIX, 1—4; XXI, 1.

⁹ Ни одно из этих изображений нет оснований рассматривать как «Дерево жизни».

¹⁰ *P. Hulln*, *AnSt* 9, 1959, с. 189 сл. *Н. В. Арутюнян*, НУНКБ, с. 75 сл.

и другой рельеф из Адыльджеваза¹¹, где крылатые гении, стоящие на львах и держащие в руках лист и чашу, обращены лицами к башневидному пилону, на фоне которого помещено листообразное деревцо, и такие же пилоны и растения помещены и позади гениев (рис. 4). Следует отметить, что тот же элемент, который в руках гениев означает лист дерева, или его ветвь, или абстрактную его часть, отдельно стоящий может изображать целое дерево. Это особенно ясно по урартизирующему изображению на акинаке из Келермеса¹², где две козы грызут такое именно дерево. Поэтому можно присоединиться к одной из предложенных М. ван Луном¹³ версий толкования, согласно которой «однолистный» тип (d) священного древа не есть оружие, а символизирует одно (из нескольких?) священное дерево, может быть специально посвященное Халди. Из-за его формы особенно соблазнительно видеть в нем предшественника шепчущих, дающих оракулы деревьев *sōs* Моисея Хоренского¹⁴.

Еще более соблазнительно сопоставить третий монументальный рельеф¹⁵, несомненно также связанный с архитектурным оформлением, с деревом оракулов (рис. 5). Из этого рельефа, между прочим, следует, что пол оформляющих портал гениев был мужской. Существенно, что вместо листа и чаши гений здесь держит вертикально поставленное деревцо и жертвенного козленка или сосуд в форме животного; подобного рода сосуды на урартской территории известны, например, из Маку. Вертикальное деревцо в руках гения заставляет думать, что большое дерево,

¹¹ Bilgiç/Öğün, *Anatolia*, 8, 1964, с. 97 сл., рис. 1,2, табл. VII—XIVa; Öğün, АА, 1967, 2, с. 498, рис. 23--27; Bilgiç/Öğün, *Anatolia*, 9, 1965, с. 17 сл. При рельефе надпись, упоминающая святилище Халди.

¹² М. I. Artamonov/W. Forman, *Les trésors d'art des scythes du Musée de l'Ermitage à Leningrad*. P., 1968.

¹³ М. van Loon, *Urartian Art*, с. 73 сл.

¹⁴ *Ibid.*, с. 74; JNES, 34, 1975, с. 307; Моисей Хоренский, I, 20. Обычный перевод — „платан“, но в старой литературе также „тополь“ (*Populus argentea*); предлагалась и „осина“ (*Populus tremula*). Перевод „тисс“ основан на ошибке.

¹⁵ R. Ghirshman, в кн.: *Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben* (Festschrift F. Althelm), I, 1969, с. 35 сл., рис. 8 сл. W. Kleiss, AMI NF 9, 1971, с. 38 сл., рис. 21.

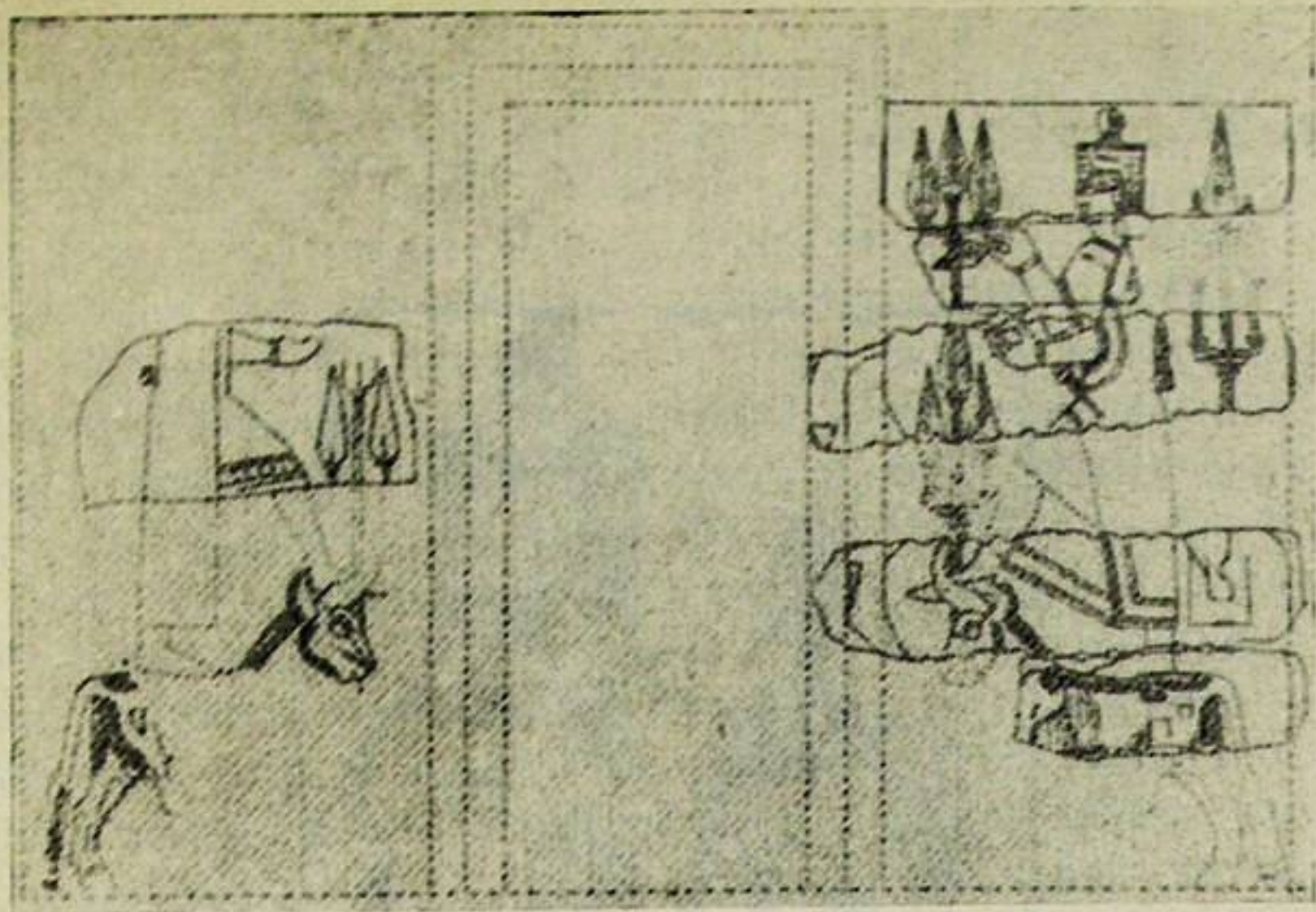

Рис. 3. Опыт реконструкции ворот в Адыльджевазе. По изданию:
Seidl, AMI, N. F., 7, 1974, 116.

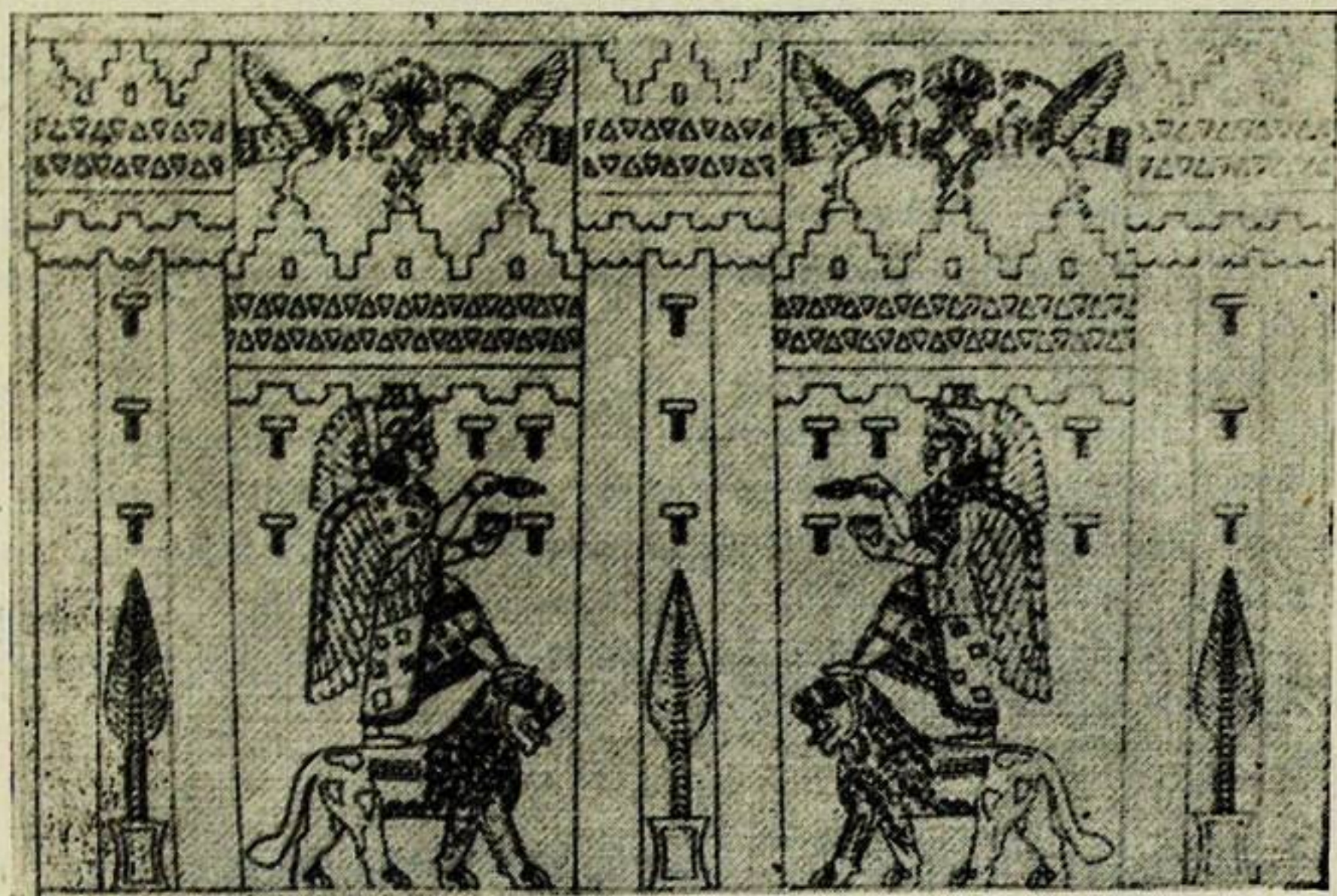

Рис. 4 Каменный блок с рельефом из Адыльджеваза — По изданию
Bilgiç/Ögün, Anatolia 8, 1964, рис. 2.

быть может, здесь вовсе не входило в композицию, и что его заменял дверной проем между двух рельефов таким образом, что объектом поклонения был входящий в дверь или выходящий из нее (царь?)¹⁶.

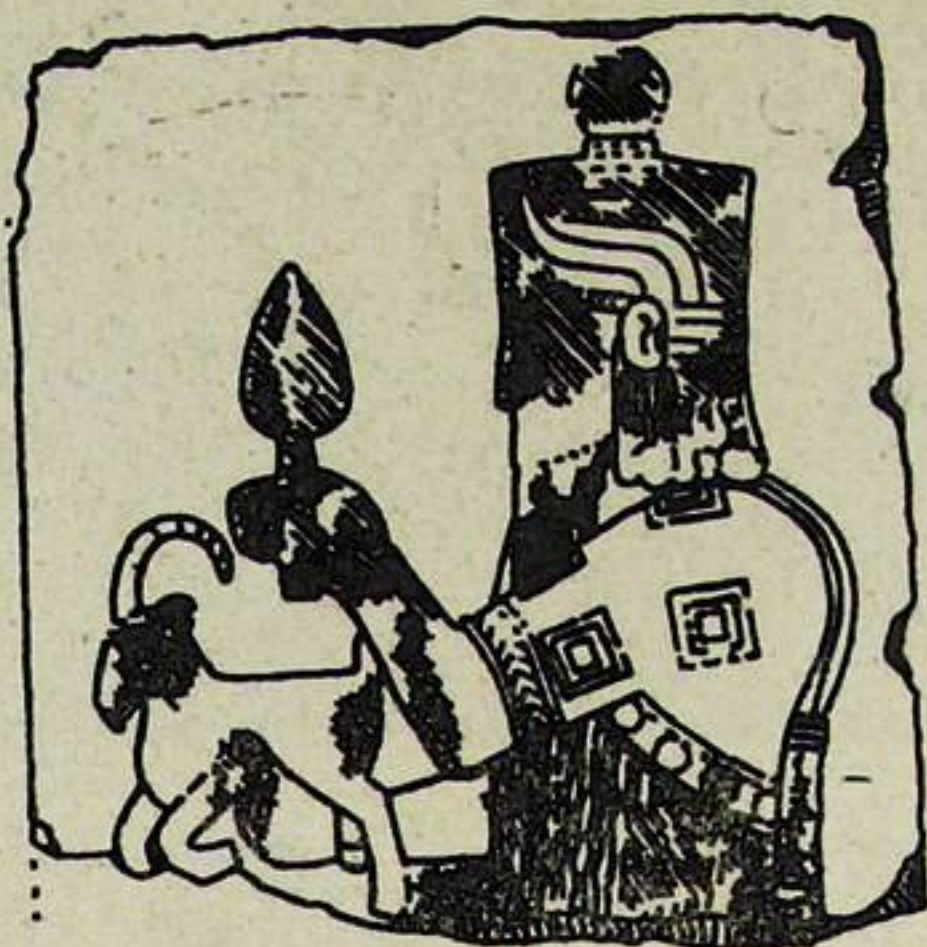

Рис. 5 Обломок рельефа из частной коллекции (Иавриз) — рис. В. Клейса.

Можно предположить, что здесь уже речь не идет об известном ассирийском обряде «оплодотворения», который еще довольно точно воспроизведен в настенных росписях Алтын-тепе и Аринберда, а о другом ритуале, в котором главную роль играют листья. Уже Б. Б. Пиотровский¹⁷ указал на относящуюся сюда же сцену на медальонах, в частности на берлинской пекторали-луннице. Здесь также соединены лист, чаша и крупные деревья (справа и слева), однако действие направлено на восседающее на престоле божество. Такой обряд с применением листьев мог бы быть оракулом, который, по Моисею Хоренскому, подавался в шуршании листьев дерева *sōs* по ветру.

¹⁶ Аналогично в Хорсабаде: *E. Botta/E. Flardln, Monument de Ninive, P., 1849, табл. 24 сл.*

¹⁷ *B. B. Plotrowskij, Urartu, 1967, с. 64.*

г) *Дерево на здании.* Деревья, чьи кроны напоминают по форме лист или наконечник копья, встречаются в урартской иконографии и в другой связи. Крона не всегда изображена достаточно отчетливо, и поэтому дереву давались различные толкования: мачты на ладье (К. Леманн-Хаупт, оттиск печати из Топрак-кале; в действительности это повозка), башни с водруженным наверху копьём (он же, оттиск оттуда же); еще более абстрагированы оттиски на керамике из Аргиштихинили, и они, возможно, не были поняты¹⁸; некоторые из выцарапанных знаков на металлических чашах из Кармир-блур¹⁹ могли бы быть истолкованы как огонь на башне. При сопоставлении всех этих изображений, однако, не остается сомнений в том, что перед нами все то же изображение деревца с листовидной кроной. Водружение его на очень своеобразной повозке (рис. 6), видимо, не предназначавшейся для перемещения людей, имеет аналогии только в ассирийских повозках для боевых штандартов²⁰. Комбинация дерева с башней кажется странной, однако отчасти подтверждается рельефами из Адыльджеваза (дерево на фоне башни) и ассирийским рельефом, изображающим взятие Муцацира, где «копье» на вершине храма (отличающееся продольным ребром от наконечников подлинных копий перед храмом) легко объясняется как еще один пример дерева, как символа, водруженного наверху здания.

Рис. 6 Цилиндрическая печать из Топрак-кале.
По изданию С. Lehmann-Haupt, *Armenien Einst und Jetzt*, I, 2 (1931), 580.

¹⁸ А. А. Мартиросян, *Аргиштихинили*, Ереван, 1974, рис. 78—81.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур II*, Ереван, 1952, рис. 28—32.

²⁰ AMI NF 7, 1974, с. 60, рис. 3 и экскурс на с. 75 сл.

Тем самым отпадает последний аргумент в пользу существования некоего «Копья Халди»; поскольку рельеф со взятием Муцацира — единственный памятник, достоверно связанный с культом Халди, постольку его толкование есть и остается краеугольным камнем для истолкования его символа.

Естественно встает вопрос, не является ли башня, изображение которой нередко встречается в урартском искусстве²¹, святилищем? На это указывает многое²². Однако по большей части значение башни точно определить трудно. Особняком стоят иероглифический знак башни с деревом на чашах. Этот знак представляется вырезанным всегда позже головы животного, возможно, выражающей принадлежность чаши; голова всегда помещается у начала клинописной надписи («дом оружия такого-то царя» или «имущество такого-то царя») и каким-то образом связана с нею, а башня с деревом помещается где попало. При этом голова животного не выражает имени царя, так как одно и то же животное может быть изображено при клинописной надписи разных царей, и наоборот, разные животные при надписях одного и того же царя. Предположительно, знак животного является каким-то уточнением клинописной надписи. Но добавлявшийся позже знак башни и дерева не может в третий раз означать принадлежность чаши, поэтому вероятно, что он указывает на ее предназначение; аналогичный штемпель на кувшинах заставляет думать о возлиянии, как действию царя или его представителя в связи с храмом или деревом Халди.

д) *Гигантские копья*. В их истолковании нам следует обратиться к тому же рельефу, изображающему ограбление Муцацира. Позади обеих статуй в позе приветствия, у самых дверей хра-

²¹ См., например, костяную башенку из Кармир-блур, *V. B. Piotrovskij, Urartu*, 1967, с. 58 сл., рис. 40. Кости гораздо большего размера, обработанные в форме башен, найденные в Хасанлу и, по-видимому, неизданные, находятся в музее г. Урмия.

²² Ср. *Моисей Хоренский* I, 15; *Себеос* по Псевдо-Агафангелу по переводу *Langlois, Collection des histoires anciens et modernes de l'Arménie*, I, 1880, с. 197 сл.; *Фавст Бузан*), гл. XXXVI. Об аралезах, которые лижут мертвого, вызывая его воскресение, см. также у *Езника Ког'бского, Patrologia orientalis* XXVIII, 3 (1959), с. 5913, §§ 123—124.

ма, с двух сторон поставлены копьа, очень большие по масштабу самого храма (на фигуры людей здесь нельзя ориентироваться, так как они все преднамеренно преувеличены). Но поскольку обычай водружать громадные копьа как некий символ перед святилищем восходит еще к III тыс. до н. э., постольку данный рельеф не может служить доказательством того, что такие огромные копьа употреблялись и как боевое оружие. Однако можно упомянуть соседних с урартами мосинойков, вожди которых жили затворниками в высоких деревянных башнях. Согласно Геродоту (VII, 78), мосинойки имели копьа с большими наконечниками, а Ксенофонт упоминает, что у них были дроты (*παλτοί*) в шесть локтей и копьа (*δώρατα*), «которые с трудом может нести человек» (Анаб, V, 4, 13; V, 4, 25). И если мосинойки, считавшиеся одним из самых диких племен древности, не могут считаться прямыми преемниками урартской культуры, то такое преемство гораздо вероятнее для халибов-халдайцев, живших в области, в названии которой имя главного урартского бога дожило до поры христианской Армении. Ксенофонт указывает, что они имели копьа «приблизительно в пятнадцать локтей длиной с железным наконечником» (Анаб. IV, 7, 16), как будто он имел перед глазами копьа, подобные бастамским.

И. М. ДЬЯКОНОВ

К ВОПРОСУ О СИМВОЛЕ ХАЛДИ

Редколлегия сборника публикует в настоящем номере «Древнего Востока» для советских читателей краткое изложение статьи П. Кальмейера "Zu den Eisen-Lanzenspitzen und der Lanze des Haldi", помещенной в книге Bastam I, Berlin, 1978, с. 183—193 и табл. 43—44 и представляющей большой интерес для истории культуры Урарту. Значение ее в том, что она поднимает вопрос об особенностях культа Халди, заслуживающего особого внимания наших историков древности. Редакция надеется, что статья П. Кальмейера побудит к новым исследованиям этой проблемы.

Проблемность изучения культа Халди состоит не только в том, что это был главный бог царства Урарту. Религии Халди свойственны некоторые особенности, выделяющие ее из тысяч других древневосточных культов, между прочим следующие:

1. Ни одна из древних империй, за исключением Урарту, не насаждала культа своего государственного божества на покоренных территориях. Урарты, напротив, куда бы они не пришли, в первую очередь учреждали на новом месте культ Халди, в храме (sūsi) или под открытым небом, перед так называемыми «дверями бога» (šeštīle) — либо высеченной в скале нишей, либо (как показывает пример Кармир-блур) стелой на искусственной площадке перед стеной с башенками. В многочисленных надписях об учреждении культа Халди на новых местах обычно делалась ссылка на то, что место ранее будто бы было необитаемо и, стало быть, не имело своего местного культа; ссылка эта, впрочем, нередко бывала ложной.

2. В отличие от других древневосточных храмов, святилища Халди владели лишь скотом, формально или фактически предназначавшимся на жертвы и, очевидно, выгонами, но не вели ком-

плексного сельского хозяйства. Аналогии этому редки (культ Яхве в Палестине).

3. Древневосточный бог мог, как правило (если только он не был синкретизирован с каким-либо местным божеством, или не был «гостем» в храме высшего бога), иметь только один дом — в своем родном номе и городе. Неслучайно урартские цари выбрали государственным богом Халди, культовый центр которого (Муцацир) находился вообще за пределами державы, а не бога столицы Урарту, Тушпы — солнечного бога Шивини с его женой Тушпуза, и не традиционного верховного бога-громовержца хуррито-урартских племен — Тейшебу города Кумме(ну) с его женой Хубой: это означало бы подчинить себя местным городским и храмовым властям. Цари Иудеи поступали иначе: опираясь на популярное пророческое движение, они вообще искореняли все местные культы.

4. Дом Халди был в Муцацире, и там он, конечно, имел статую. В других местах он мог быть представлен только условным культовым объектом — деревом, стелой, может быть оружием (как ассирийцы в торговых поселениях Малой Азии поклонялись только кинжалу или ветке бога Ашшура). В результате для большинства населения Урарту (особенно после разорения ассирийцами Муцацира в 714 г., при котором была унесена статуя Халди — разумеется, без взвешивания, так как это был бог, а не материальная ценность) Халди стал богом повсеместно присутствующим, небесным, бестелесным и незримым, и в этом также стал подобен, между прочим, Яхве.

5. Культ Халди, хотя и был тесно связан с урартской государственностью, но после падения Урарту не исчез, а, подобно многим другим древневосточным божествам, подвергся синкретизации. «Дверь Халди» (Haldei šeštille, ср. надпись Мхеридур, УКН, 27: ^dHal-di-e e-ú-ri-i-e ^mlš-pu-ú-l-né-še ^{m.d}Sar₅-du-ge-e-ḫi-né-še ^mMi-pu-ú-a-še ^mlš-pu-ú-l-né-ḫi-né-še l-né-le KÁ (=šeštille) z/ša-a-du-ú-a-le*) в сознании арменизованных потомков урартов стал «Дверью Митры», Мхери-дур. Это, бесспорно, означает (хотя раньше не было замечено), что в условиях ахеменидского влады-

* «Халди, владыке своему, Ишпуини (сын) Сардурьев (и) Минуа (сын) Ишпуиниев эту дверь построили».

чества или несколько позже Халди был отождествлен с Митрой. и что подобно тому, как в дожившей до XX в. армянской легенде Мхер (Митра) выходит через скальную «дверь» из горы, именно из Мхери-дур, ранее через нее выходил Халди. Следует проверить положение стел и скальных «дверей» Халди: предположительно они должны быть ориентированы в соответствии с определенной кардинальной точкой горизонта, например, по месту восхода солнца в день весеннего равноденствия.

Синкретизирован был также хуррито-урартский бог-громовержец: у хурритов он назывался *Tēssob*, у урартов *Telšebā* (регулярная урартская форма того же имени), но у лувийцев он был отождествлен с местным богом *Taghunts* (у хеттов, по-видимому, **Taghus*), известным также у ликийцев как *Tgqq* и у древнейших армян как *Тогк'*; в дальнейшем он был, вероятно, синкретизирован с иранским Вахагном (Веретрагной). Однако в эллинистической Коммагене тот же громовержец выступает как Зевс Долихен, а Митра — как Аполлон.

6. Религия Митры, в том виде как она дошла до Рима в I в. до н. э. — I в. н. э., не имела ничего общего с представлением о Митре, существовавшем в зороастрийском Иране, кроме имени божества, — но оно, как мы видели, могло переноситься, в ходе развития синкретических процессов позднеахеменидского и эллинистического времени, с одного божества на другое; общими были также световой характер «западного» и иранского Митры и его дружелюбность к людям. Все главнейшие черты римского Митры — иные: западный Митра рождается из скалы и выходит из нее, место поклонения — ниша или грот (*spelaeum*), он совершает множество подвигов в поисках священного быка, в том числе, видимо, становясь львом; зажав быка с помощью собаки, скорпиона и змеи, он его кровью орошает землю, по-видимому, даруя ей плодородие; затем он становится посредником между миром людей и богов. Атрибуты Митры — вóроны, кувшин, факелоносцы, лев, деревца.

Эта религия, вплоть до IV в. до н. э. успешно конкурировавшая среди простого населения Римской империи с христианством, была римлянами импортирована из Малой Азии. Они считали Митру фригийцем и изображали его в характерном «фригийском колпаке». «Дверь бога», предшественник «спелеума» Митры, была

действительно известна и во Фригии с VIII—VII вв. до н. э.; здесь, как и в Урарту, был известен и культ священной телеги. Скорее всего это означает, что во Фригии и в Урарту-Армении происходил единый идеологический процесс. Во всяком случае рождение из скалы («двери бога») и часть комплекса атрибутов западного Митры — дерево, лев, может быть и бык — прослеживаются от римского Митры на восток только до Халди и не далее. Судя по некоторым обстоятельствам, можно думать, что сначала должна была происходить синкретизация Халди с неизвестным нам фригийским божеством, а потом уже этого синкретического бога — с Митрой (как сначала был Торк', а уж потом Вахагн).

7. Как видно, здесь завязывается целый узел интереснейших историко-культурных проблем, и есть поле для углубленных частных исследований и дискуссий, в которых, мы надеемся, примет участие и автор публикуемой статьи. В качестве первого вклада в такую дискуссию нам хотелось бы сделать несколько замечаний, возникающих в связи со статьей П. Кальмейера.

На повозке, как нам кажется, могло быть установлено только копые, но не дерево, которое при сколько-нибудь длительном обряде завяло бы под горячим южным солнцем. Сама повозка выглядит как обыкновенная южно-русская телега, и думать, что она не могла перевозить людей и грузы, пожалуй, нет оснований. Естественно, вспоминается священная телега в Гордионе.

Без полной систематизации урартской иконографии (и это — назревшая задача) нам кажется преждевременным отвергать возможность постоянной связи между определенным божеством и определенным животным. Так, Ишкур—Адад—Тешшоб—Тархунтс, т. е. все переднеазиатские боги-громовержцы были всегда связаны с быком, и нет причин, почему бы урартский Тейшеба был исключением. Скорее можно предположить, что комплекс одежд, тиар и божественных атрибутов не был строго закреплен за определенными богами — нечто подобное наблюдается в раннединастической шумерской глиптике, как показала В. К. Афанасьева. В этой связи нам кажется, что голова животного на ритуальных чашах все же означает божество, к которому относится ритуал, и при этом наиболее частое животное — лев — является идеограммой Халди. О роли башни в обществе и верованиях Ближнего

Востока имеется важная литература (работы М. И. Джандиери, Г. И. Лежавы и Н. Б. Янковской), которая могла бы многое прояснить; урартское же иероглифическое дерево не кажется нам непременно всегда именно растущим из башни: оно, по-видимому, может существовать в любом сочетании с нею; не исключено даже, что это силлабический детерминатив к идеограмме «башни», означающей, вероятно, «дом, домашнее хозяйство», «дворец» или «храм»; комбинация этих знаков могла бы означать, скажем, «принято во дворец». Кстати, слово $\dot{E} \acute{u}-\text{r}l-i\check{s}-\text{h}l$ не означает «дом оружия» (это будет $\dot{E} \check{s}\acute{u}-\text{r}l-i\check{s}-\text{h}l$), но скорее «дом утвари», от глагола $u\text{-}$ «делать, работать».

Что касается «священного дерева» Халди, то, судя по изображениям, это скорее деревцо или куст. В отношении же $s\acute{o}s$ (правильнее $saws, sawsi$) у Моисея Хоренского сейчас, видимо, общепризнанно, что это платан — большое, раскидистое дерево, не похожее на деревцо типа (d) в урартском искусстве. Также и культовый, а не только боевой характер копий виден из украшения их ветками и бусами, а факт употребления длинных копий мосинойками и халибами — для Урарту недостаточно доказателен. И в названии страны Халдии не звучит имя урартского бога Халди, потому что название страны — арм. $Xa\check{t}ik'$ — происходит от урарт. $\check{H}ali\check{t}u$, в то время как бог назывался $\check{H}aldi$. Хочется также отметить, что «священное дерево» типа (a) было династическим гербом урартских царей (см. его изображение на официальных печатях, оттискивавшихся на письмах и документах).

Наконец, несколько слов к этимологии арм. $agalez$ (см. выше, прим. 22 статьи Петера Кальмейера). Название этих характерных духов древнеармянской мифологии, способных воскрешать мертвых героев, до сих пор не объяснено; старинное толкование аралезов как «лижущих (героя) Ару» — народная этимология, вызвавшая, в свою очередь, характерную модификацию мифа о них, но не выдерживающая современной критики. Мы предлагаем толковать это слово как из хурр. $*ag\check{a}l\acute{e}-zzi$ от $Agal\acute{e}, Agale, Agall$ — ареальное шумеро-аккадо-хурритское имя неизвестной блаженной страны золота или же преисподней, и хурритского суффикса прилагательных свойства $-zzi$ — «свойственный загробной/блаженной стране».

Н. В. АРУТЮНЯН

НОВАЯ УРАРТСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ СИСИАНА

Публикуемая новая клинообразная надпись была обнаружена в июле 1975 г. при реставрационных работах храма Танаат (IV в.), расположенного в исключительно живописном, высокогорном уголке на правом берегу реки Воротан, недалеко от сел. Аревис, в 17 км к западу от районного центра Сисиан Советской Армении.

Надпись высечена на обеих сторонах каменной стелы из базальта, однако в христианский период истории Армении текст ее лицевой стороны, к сожалению, был снят почти полностью высеченным на его месте большим крестом. Именно поэтому урартская стела с надписью на развалинах храма оказалась среди армянских хачкаров («крест-камень») — культовых памятников, нашедших, как известно, весьма широкое распространение в средневековой Армении.

Новонайденная стела по своему внешнему виду (с круглым верхним краем) совпадает с известной Звартноцской и некоторыми другими урартскими стелами и первоначально имела более объемистый текст. Кстати, этот клинописный текст, в общей сложности, и в настоящее время можно считать объемистым, если иметь в виду, что лишь только на одной стороне стелы так или иначе сохранилось 27 клинописных строк, не считая уцелевших после высечения креста отдельных слов и знаков на другой стороне.

Здесь следует иметь в виду также то обстоятельство, что нижний край камня отбит и, судя по сохранившемуся начальному отрывку формулы проклятия, имеет, очевидно, много общего с подобной же трафаретной формулой Звартноцской урартской над-

писи; в недостающей части стелы существовало, по-видимому, еще около 14 строк текста (по 7 строк на каждой стороне).

Таким образом, исходя из приведенных выше данных и, как увидим ниже, высказанных нами соображений на основании уцелевших на лицевой стороне стелы клинописных знаков и остатков фраз, можно думать, что на обеих сторонах Сисианской стелы существовало примерно 68 строк текста. Это почти в полтора раза больше, чем текст из 47 строк Звартноцской надписи, высеченной, как известно, лишь только на одной стороне стелы.

Итак, по всему видно, что Сисианская надпись дошла до нас в крайне неудовлетворительном состоянии: почти полностью отсутствуют примерно 33-строчный начальный текст на лицевой стороне стелы и около 7 строк заключительного текста формулы проклятия — на оборотной. Кроме того, сохранившийся на оборотной стороне стелы текст от начала до конца в значительной степени поврежден или стерт, особенно в правосторонней полосе. Все это, естественно, в известной мере препятствует всестороннему и глубокому исследованию публикуемой надписи. Именно поэтому в ней, несмотря на довольно длительный период изучения, все еще имеются сомнительные или окончательно нерасшифрованные отрывки.

Приступая к чтению и интерпретации Сисианской надписи и имея в виду принадлежность ее урартскому царю Аргишти II, привлекают к себе внимание, прежде всего, сохранившиеся отдельные знаки на лицевой стороне стелы. На основании их с уверенностью восстанавливаются некоторые слова, и в итоге выясняется, что здесь в целом мы имеем дело, несомненно, с трафаретной обширной вступительной формулой, сохранившейся, можно сказать полностью, в другой урартской надписи того же Аргишти II, обнаруженной в сел. Хаги (близ Арчеша на северном побережье оз. Ван). Кстати, ширина Сисианской стелы почти совпадает с шириной Хагинской, поэтому, возможно, примерно совпадают также трафаретные тексты высеченных на них отдельных строк. Это наглядно видно также из местоположения одних и тех же знаков, высеченных, очевидно, в тех же строках Хагинской и Сисианской надписей: ul (в слове ulgušiani-edini) в начале 4-й строки, ḫal (в имени бога ^DḪaldini) — в середине 5-й, -ú-še (в

слове *aguše*) — в середине 8-й, *ag* (в слове *ardiše*) — в середине 11-й строки и т. д.

Исходя из величины сохранившегося текста, в значительной своей части недостающей формулы проклятия на оборотной стороне стелы и уцелевших после высечения креста отдельных знаков, остатков фразы [I] UD^{ME} -*ni áš-[gu-bi]* на лицевой стороне, можно думать, что 35-строчный текст вступительной обширной трафаретной формулы на лицевой стороне надписи Аргишти II из Хаги¹ почти полностью или с незначительными сокращениями нашел место также в новой Сисианской надписи этого же урартского царя.

В трафаретной формуле Хагинской надписи Аргишти II, как известно, вначале повествуется о том, что богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Русы, воздвиг ради своей жизни. Затем в ней налицо формула благопожелания: Да будет со стороны бога Халди (царю) Аргишти, сыну Русы, благоденствие, *ekuřiše(?)*, счастье, жизнь, радость, величие, а также власть, сила, могущество.

Далее в Хагинской (надо полагать и в Сисианской) надписи речь идет о дарении верховным богом Халди царю Аргишти могущественного царства, (победы в) сражении и благоденствия.

После переданной выше в самых общих чертах трафаретной вступительной формулы в надписи из Хаги уже налицо конкретное повествование о деяниях царя. Можно полагать, что именно здесь начинается также упоминание названий завоеванных стран в Сисианской победной надписи. И этот отрывок, к сожалению, не сохранился на обнаруженной новой стеле. В самом конце уцелевшего края лицевой стороны стелы лишь можно прочесть: *...]* UD^{ME} -*ni áš-[...*, под которым подразумевается, по крайней мере, I (вариант: *šú-si-ni*) UD^{ME} -*ni áš-gu-bi* „за один день (я) захватил“.

Чтобы получить хотя бы общее представление, о чем речь идет в данном случае, и что именно могло быть в конце недостаю-

¹ *M. de Tserethell, L'inscription de la stèle de Hagl, RA, 1958, LII, № 1, с. 29—35. Г. А. Меликишвили, УКН, 276. F. W. König, Handbuch, 124.*

щего отрывка лицевой стороны Сисианской стелы, следует обратить надлежащее внимание на аналогичные контексты с фразой I. UD^{ME}-ni ašgubī других урартских письменных источников.

С указанной точки зрения содержат достаточно богатые данные летопись² и Изоглинская надпись³ Сардури II.

Итак, упомянутые выше контексты с фразой šusīni (вариант: 1) UD^{ME}-ni ašgubī повествуют о захвате урартами за один день стран и областей вместе с их многочисленными поселениями и крепостями, причем эти крепости, как правило, были разрушены, города — сожжены, а страны в целом — разорены. Из завоеванных стран обычно в качестве пленных были угнаны в Биайнили мужчины и женщины.

Из указанных выше данных в конце лицевой стороны Сисианской стелы нашло место, по-видимому, повествование о завоевании царства Этиухи вместе с его составной частью — областью Цулуку (некоторые подробные сведения о них, как увидим ниже, сохранились на оборотной стороне стелы). При этом, исходя из аналогичных данных урартских письменных источников, в частности из сведений Эларской (совр. Абовян) надписи Аргишти I с упоминанием опять-таки царства Этиухи вместе с его другой составной частью — областью Улуани⁴, можно думать, что в рассматриваемом начальном отрывке Сисианской надписи фигурировало лишь только головное царство Этиухи (гесп. Этиуни), тем более, что, согласно данным продолжения текста (в самом начале оборотной стороны стелы), именно этиухский правитель вынужден был униженно предстать перед урартским царем Аргишти II.

² NH I, с. 2—3 (A, 4—9) = УКН, 155A, стк. 4—9. NH I, с. 8—9 (C, 5—10) = УКН, 155C, стк. 5—10. NH I, с. 10—11 (C, 25—27, 30—34) = УКН, 155C, стк. 25—27, 30—34. NH I, с. 12—15 (D, 16—18, 22—25) = УКН, 155D, стк. 16—18, 22—25. NH I, с. 20—21 (F, 6—10) = УКН, 155F, стк. 6—10. NH I, с. 22—23 (F, 21—22, 24—26) = УКН, 155F, стк. 21—22, 24—26. УКН, 156DI + DII = Handbuch, 102, правая бок. стор.; стк. 21—28.

³ УКН, 158 = Handbuch, 104, стк. 6, 15—17, 19—21.

⁴ D^haldini uštabi masini GIŠ šurle karuni KUR Etiuni D^haldi kuruni D^haldini GIŠ šurli kuruni D^haldini ušmašini uštabi I Argišti I Menuašli hauni KUR Uluaniei KUR ebanī URU Darant KUR-nte... (УКН, 131 = Handbuch, 85, стк. 1—7).

Далее, в конечном недостающем отрывке лицевой стороны Сисианской стелы речь шла, по-видимому, о захвате за один день этиухских крепостей и городов (поселений) с упоминанием их количества: ср. хотя бы XXXV É.GAL^{MEŠ} II ME URU^{MEŠ} (вариант: ^{KUR}ebani) I (вариант: šusini) UD^{ME} áš-gu-bi Сардуровской летописи и ...]UD^{ME}-ni áš-[... Сисианской надписи.

И если после этого (т. е. до сохранившейся фразы [I] UD^{ME}-ni áš-[gu-bi]) в конце недостающего отрывка лицевой стороны Сисианской стелы осталось чуть-чуть больше места для текста, то здесь могли быть некоторые из трафаретных фраз аналогичных контекстов, вроде ^DHalđini alsuišini (в отношении победного шествия урартского царя „бога Халди величием“), ^{KUR}ebani badgulubi (в отношении осаждения покоренной страны), aguluni(li) manu(li) gupiša ħaubi (в отношении завоевания укрепленных крепостей).

Что касается трафаретных фраз É.GAL^{MEŠ} ħarħaršubi URU^{MEŠ} GIBÍL-bi (вариант: amaštubi), ^{KUR}ebani (вариант: KUR-ni) atubi (вариант: KÚ-bi), 'aše ^{SAL}lutu ištini šlubi, фигурирующих в аналогичных контекстах после фразы šusini (I) UD^{ME}-(ni) ašgubi, то из них, пожалуй, лишь ^{KUR}ebani (KUR-ni) atubi (KÚ-bi) могла найти место в конце недостающего отрывка лицевой стороны Сисианской стелы, ибо все остальные фразы, как увидим ниже, так или иначе упоминаются на оборотной стороне стелы (хотя величина недостающего отрывка стелы не исключает здесь и ниже некоторых повторов в разных вариантах).

С другой стороны, привлекает к себе внимание фраза [п]u-pa-bi ka-gu-ki «явился передо мной» 1-й строки оборотной стороны стелы. В таких случаях, как известно, в надписях речь идет об униженном появлении перед урартскими царями правителей покоренных областей. Именно так обстоит дело, как увидим ниже, также в Сисианской надписи, по данным которой перед Аргишти II предстал правитель страны Этиухи. И если выяснить, что же обычно предшествует в урартских надписях фразе pupabi kağuki (варианты: kağuki, kauki), тем самым можно определить

также некоторые неизвестные нам данные конечного недостающего отрывка лицевой стороны Сисианской стелы.

Итак, кроме указанных выше фраз, в урартской клинописи выражению *pipabi kaguki* (*kaḷuki, kauki*) предшествуют:

1) ... *kuṭubi pare ŠADŪŠeše-tina URUZuaina URUUṭuḫai asuni*
¹Менуаше але ¹Утупуршџни LUGÁL ¹Диауехџи *pipabi kaḷuke...*
«... дошел (я) до горы Шеше-тина (букв. „Шеше-имя“), города Зуаина, области города Утуха. Менуа говорит: Утупурши, царь племени Диауехи, явился передо мной...»⁵.

2) ... ^{ID}*Sarduriše ale pipabi kauki...* «... Сардури говорит: Явился (он) передо мной...»⁶.

3) ... ^{ID}*Sarduriše ale URUMeliṭeani [ḫaubi?] pipabi...*⁷. Сардури говорит: Город Мелитеа [(я) завоевал]; явился (он)...»⁸.

В Сардуровской летописи даже встречается более лаконичная трафаретная формула, при которой после *URUMEŠ GIBÍL-bi KUR-ni atubi* („городá (я) сжег, страну (я) разорил“) сразу налицо *pipabi*⁹. Здесь, как видно, отсутствует даже вводная трафаретная фраза ^{ID}*Sarduriše ale* „Сардури говорит“.

Таким образом, приведенные выше аналогичные данные других урартских текстов и предполагаемая величина недостающего конечного фрагмента Сисианской стелы показывают, что в конце лицевой стороны публикуемой надписи могли найти место некоторые подробности повествования, связанные с военными действиями урартского царя в покоренной стране Этиухи (ср. выше данные надписи Менуа: дошел до горы Шеше-тина, города Зуаина, области города Утуха) и, вероятно, трафаретная вводная фраза ¹*Argištiše ale* „Аргишти говорит“.

После всего этого в урартских надписях фигурирует уже другая трафаретная фраза: *pipabi ka(i)uki* (вариант — *kaguki*) «явился (он) передо мной». Это относится к правителю покоренной

⁵ УКН, 36 = Handbuch, 23, стк. 10—13.

⁶ НЦІ, стр. 22—23 = УКН, 155F, стк. 10—20.

⁷ Глагол *ḫaubi* «(я) завоевал» в тексте восстановлен намч.

⁸ УКН, 156B1, стк. 26—29.

⁹ НЦІ, стр. 10—11 = УКН, 155C, стк. 36—37.

страны, который был вынужден униженно предстать перед урартским царем. Эта фраза, как увидим ниже, как раз налицо в самом начале (стк. 1) и середине (стк. 12—13) оборотной стороны Сисианской стелы.

Итак, приступая к чтению текста оборотной стороны Сисианской стелы, следует заметить, что начальный знак 1-й строки поврежден частично. Далее здесь можно прочесть *pa, bi, ka, gu, ki*. При этом, согласно другим аналогичным текстам урартских надписей, наглядно видно, что сохранившиеся знаки *-pa-bi*, вне всякого сомнения, являются продолжением непереходного глагола единственного числа 3-го лица прошедшего времени *pu-pa-bi* «(он) явился», поэтому вместо несколько поврежденного знака в начале 1-й строки оборотной стороны стелы с уверенностью можно восстановить *pu*.

В таком случае в продолжении текста 1-й строки уже легко читается *ka-gu-ki* «передо мной». Упомянутый *ka-gu-ki* строк 1 и 13 является редко встречающимся в урартской эпиграфике вариантом известного *ka(i)uki*. Другое упоминание *ka-gu-ki* имеется лишь в Давти-блурской надписи Сардури II¹⁰.

Конец 1-й строки оборотной стороны стелы, к сожалению, в крайне неудовлетворительной сохранности; здесь четко виден лишь первый вертикальный клин, который, судя по публикуемой надписи и другим аналогичным текстам урартской эпиграфики, несомненно, является детерминативом имени этиухского правителя. Далее следуют неразборчивые остатки знаков.

В начале следующей, 2-й строки довольно хорошо читается ^{KUR}*E-ti-ú-ḫi a-[...]*¹¹. А 3-я строка оборотной стороны стелы начинается известным словом ^{KUR}*e-ba-pi-e* в родительном падеже — «страны».

Упомянутая выше фраза Сисианской надписи имеет свои аналогии в других урартских надписях, однако полностью не совпадает с ними. Для наглядности ниже приводим эти аналогии:

¹⁰ Н. В. Арутюнян, Новая урартская надпись из Давти-блурского, ВДИ, 1966, № 3, с. 98, 103.

¹¹ По следам знаков и аналогии с другими подобными текстами здесь возможно чтение *a-[gu-pi me-še?]* или *a-[gu-me me-še?]*.

- 1) 'Uṭupuršini LUGÁL 'Diaueḫi nunabi kaluke ... aruni meše¹²
 2) 'Kuštašpili LUGÁL ^{KUR}Qumaḫalḫie ... šlabi kauki ... arume meše¹³
 3) nunabi kauki 'Nidini LUGÁL ^{KUR}Uelikuḫi ... meše ^{ID}Sardurie aride¹⁴

Исходя из приведенных аналогий, для упомянутой выше фразы публикуемой надписи можно предложить следующее чтение: [n]u-na-bi ka-gu-ki '[.....LUGÁL?] ^{KUR}E-ti-ú-ḫi a-[ru-me me-še?] ^{KUR}e-ba-ni-e „Явился передо мной [....., царь?] Этиухи, дал мне дань (своей) страны“.

Продолжение приведенного выше текста Сисианской надписи не повторяет ожидаемые трафареты других текстов, в которых налицо то suluštibi šatuali kureli siluadi makuri..., то suluštibi... 'aldubi mešini pi..., то šatuali kureli suluštibi siluadi makuri 'aldubi mešini pi, то šatuali... kureli suluštibi siluadi makuri eiršidubi esi 'aldubi mešini pi..., то, наконец, suluštibi ^{LÚ}bura aštubi mešini piei 'aldubi. Вместо этого в публикуемой Сисианской надписи имеется другое продолжение: a-li-li URU^{MEŠ} ḫa-ši-a-li lu(?) - a(?) - u-li(?) e-si (оборот. стор., стк. 3—4).

Слово alili являлось, по-видимому, формой множественного числа относительного местоимения ali «который», «что», «(вот) какой», «каковой»¹⁵, а ḫašlali — глаголом ḫaš(la) — «прислушаться» (то же, что и хурр. ḫaš-) ¹⁶. Речь здесь идет, возможно, об осведомленности этиухских городов о военном походе урартов. Некоторые аналогии приведенной фразы alili URU^{MEŠ} ḫašlali Сисианской надписи встречаются в одном из отрывков дубликата Хорхорской летописи (...alili LUGÁL^{MEŠ} aḡniḫali)¹⁷ и в дефект-

¹² УКН, 36 = Handbuch, 23, стк. 12—16.

¹³ УКН, 155 E = Handbuch, 103, § 9, стк. 47, 59—60.

¹⁴ УКН, 155 F = Handbuch, 103, § 15, стк. 19—21.

¹⁵ См. Г. А. Меликишвили, УКН, с. 387.

¹⁶ См. I. M. Diakonoff, HU, с. 47, 76.

¹⁷ УКН, 128B1 = Handbuch, 82, оборот. стор., стк. 33—34.

ной Адыльджевазской надписи Русы II (...URU^{MEŠ} aleli...) ¹⁸. Рассматриваемый отрывок Сисианской стелы завершается известным словом esi „место“.

В 5-й строке оборотной стороны стелы снова упоминается слово a-li-ll, а затем gu-pu-ši-pi-e „воин“, „войско“. Здесь речь идет, возможно, о сопротивлении вражеских (этиухских) войск урартскому нашествию (вместо aleli gupušinie, однако, как будто ожидалось бы aleli gupušinlll; ср. aleli URU^{MEŠ} и aleli LUGÁL^{MEŠ} выше).

В строках 6—7 налицо фраза a-ri bi-ri [i]š-ti-ni [LÚ-tú?]-hi-pi za-du-bi. Начальные два слова a-ri bi-ri, к сожалению, не поддаются толкованию, причем первое из них в свое время замечено уже в Хорхорской летописи, а второе вполне четко фиксируется лишь в нашей Сисианской надписи. Однако, как нам кажется, a-ri b[i]-r[i] можно с уверенностью прочесть также в Хорхорской летописи, где от знака bi сохранились начальные параллельные горизонтальные клинья, а от знака ri — начальный горизонтальный и последующие два подряд вертикальных клина ¹⁹.

Далее в 6-й строке оборотной стороны стелы можно прочесть [i]š-ti-ni [LÚ-tú?]-hi-pi ²⁰, а в следующей 7-й строке: za-du-bi 'a-še SAL lu-tú ši-ú-bi. Перевод приведенного текста не вызывает особых затруднений: „Здесь полон ²¹ (я) сделал, мужчин, женщин (я) увел“. Привлекает к себе внимание тот факт, что вариантами a-ri bi-ri [i]š-ti-ni [LÚ-tú?]-hi-pi за-du-bi нашего тек-

¹⁸ УКН, 278 = Handbuch, 128, стк. 5. Ср. также ...alill'suduštu terie baušinill (УПД, 7, обор. стор., стк. 8—9) и ...alill: LÚ amerleši manu ulali:ardill... (BASTAM, I, Berlin, 1979, с. 124).

¹⁹ Вместо a-ri b[i]-r[i] Г. А. Меликишвили в Хорхорской летописи предлагает a-ri tab(?) -z[i](?), а Ф. В. Кёниг: a?-ri-b[i]-e? См. УКН, 127, III, стк. 5. Handbuch, 80, §5 (IV, 5).

²⁰ В Сардуровской летописи встречаются также написания LÚ ta-tú-hi (УКН, 155D, стк. 32) и LÚ ta-ú-tú-hi (УКН, 155B, стк. 39).

²¹ Так переводит слово tautuhi И. М. Дьяконов (УПД, с. 63, 91). Вместо этого Г. А. Меликишвили предлагает «мужество», «подвиг» (УКН, с. 409).

ста в других урартских источниках являются *ali LU-tuḫi ištini zadubi*²² или же *Inani LU-tuḫi ištini zadubi*²³.

В 8-й строке текста читается *URU^{MEŠ} GIBÍL É.GAL^{MEŠ}*, а затем заметны неразборчивые остатки отдельных знаков. Исходя из других аналогичных урартских текстов²⁴, можно заключить, что в нерасшифрованном отрывке 8-й строки недостает глагола *ḫar-ḫar-šú-bi*. В таком случае здесь речь идет о сожжении урартами этиухских городов (поселений) и разрушении крепостей.

От первого небольшого знака начала 9-й строки текста сохранились лишь неразборчивые остатки в конце (три параллельных горизонтальных клина?), которые, быть может, следует считать второй половиной знака *i*. В таком случае в целом здесь мы имеем какое-то слово *[i(?)]-šl-a-šl-e*. Однако, исходя из наличия глагола *ešlašluli* в известной Звартноцской надписи, можно также думать, что под остатками небольшого знака начала 9-й строки подразумевается *[e(?)]*. Как бы то ни было — *ešlašle* или *išlašle* — здесь, возможно, мы имеем варианты одного и того же слова (имени существительного?).

Г. А. Меликишвили глагол *e-šl-a-šl-ú-li*²⁵ Звартноцской надписи воспринимает как *ešla* и *šluli*, а И. М. Дьяконов под этим

²² УКН, 155 С, стк. 11 = Handbuch, 103, § 3, стк. 17. УКН, 155 Е, стк. 26 = Handbuch, 103, § 8, стк. 32. УКН, 155 F = Handbuch, 103, § 15, стк. 29.

²³ УКН, 155 С, стк. 41—42 = Handbuch, 103, § 4, стк. 47—48.

²⁴ См., например, УКН, 127, I, стк. 7 = ХЛА, ЭВ, VII, с. 86 (I, 7). В отличие от нашего текста и упомянутого отрывка Хорхорской летописи, в анналах урартских царей весьма часто встречается обратное сочетание этой фразы:

É.GAL^{MEŠ} ḫarḫaršubi URU^{MEŠ} GIBÍL-bi „крепости (я) разрушил, города (я) сжег“. См. УКН, 127, II, стк. 19, 44; 155А, стк. 8; С, стк. 8—9; F, стк. 9. А иногда в начале подряд упоминаются имена существительные (*É.GAL^{MEŠ} URU^{MEŠ}*), а затем глаголы (*GIBÍL-bi ḫarḫaršubi*). См. УКН, 155D, стк. 13—14 = Handbuch, 103, § 11, стк. 25—26.

²⁵ Это слово справедливо так воспринимают И. Фридрих (AgOg, IV, 1932, с. 99) и А. Гётце (RHA, 24, с. 273—274).

весьма сомнительным еšia склонен видеть соответствие хурритского ešl/e „небо“²⁶. Ср., однако, фразы aše pili pikiduli и aše A^{MEŠ} ešiašiuili, в которых pikiduli и ešiašiuili одинаково являются глаголами.

В 9-й строке Сисианской надписи далее можно прочесть šú-ga šú-i-ni-ni. Слово šuga в урартской эпиграфике известно давно, однако оно до сих пор не признано в специальной литературе, так как рассматривалось как составная часть другого слова²⁷. В этой связи примечательно, что с одной стороны мы имеем šú-ga ba-ra-a-ni и šú-ga ba-ri [.....] в одной из дефектных Армавирских надписей, а с другой — šú-ga šú-i-ni-ni в нашей Сисианской.

Наличие известного слова šuini „весь, все“ (ср. хурр. šue(не) в том же значении) рядом с šuga в Сисианской надписи свидетельствует о том, что в Армавирской надписи также следует прочесть šuga ba-ra-ni и šuga ba-ri [...]. Между прочим, нам кажется, что не исключена возможность корень слова šuga видеть также в сложном слове šuguki²⁸ в дефектной надписи того же Аргишти II из Хаги²⁹.

Что касается значения урартского слова šuga, то в этой связи привлекает наше внимание созвучное šuga хурритского языка, которое интерпретируется „вместе с“³⁰. Тогда šug-uki, быть может, означает „вместе со мной?“.

В 10-й строке Сисианской надписи налицо широко известная также из других урартских текстов трафаретная фраза gu-pi-še ta-a-ni „битва была“, а затем следует ta-ri-n[i?] ^{KUR}šu-lu-qu-

²⁶ Г. А. Меликишвили, УКН, 281, стк. 22. I. M. Diakonoff, HU, с. 76, 95.

²⁷ См. УКН, 142 = Handbuch, 98A + B, стк. 2, 6: ...l-ú ¹Ar-[glš-ti-ḫi-ni-li šl-du-ú-li... ^Dḫal-di-iš-me...] a-ru-ú-ni šú-ga-ba-ra-a-ni; ...a-lu-ki a-ma-ni šú-ga-ba-ri [...] a-li bi-di áš-ta-nu-la-li...

²⁸ Ср. šuga > šug-uki и kai > ka-uki, ini > in-uki, ali > al-uki (как это наглядно видно, при словосочетании с -uki во всех случаях конечные гласные -a и -i слов šuga, kai, ini, ali закономерно выпадают).

²⁹ УКН, 276 = Handbuch, 124, лиц. стор., стк. 27.

³⁰ E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, New-Haven, 1941, с. 94.

ú-e [e]-di-ni ^{URU}Ir-du-a-ka-a-l pu-na-bi ka-gu-ki ¹Za-zi(?)-ni bu-ga
áš-tú-bi me-še e-di-a te-tu-bi (строки 10—14).

Слово *тагіні* в специальной литературе в последнее время сопоставляется с хурритским *тагі-аппе* «колесничий» и толкуется как «знатный», «царский служащий», «высокое должностное лицо»³¹. Что касается *edini(?)*, то ему в урартской эпиграфике обычно придают значение «оттуда», «из», «от», «из-за», «ради»³². В таком случае речь здесь идет, вероятно, об унижительной встрече знатных страны Цулуку с урартским царем Аргишти II. Это примерно похоже на встречу в 714 г. до н. э. маннейского правителя Уллусуну с ассирийским царем Саргоном II, когда «Уллусуну маннейский... со своими великими, старейшинами, советниками, семейством своего, наместниками и предводителями, правящими его страной, пришел» к ассирийскому царю и «принеся дань... поцеловал его ноги». Именно так повел себя с ассирийским царем также хубушкинский правитель Янзу во время того же знаменитого восьмого похода Саргона II против Урарту³³.

Исключением является лишь то, что страна Цулуку в начале оказала сопротивление, т. е., по словам надписи *гипише тапи* («битва была»), поэтому урартский царь здесь занимался сожжением местных поселений и разрушением крепостей. К тому же сурово поступил он также с цулуцким правителем *Зазину (?)*³⁴, который был поработчен (*buga aštubi*). Из текста одновременно видно, что встреча *Зазину (?)* (как и цулуцких знатных) с урартским царем состоялась перед городом *Ирдуа* (^{URU}*Irdua-ka-l pu-na-bi ka-gu-ki*). В конце рассматриваемой фразы в тексте сказано, что после поработчения цулуцского правителя *Зазину (?)* урарт-

³¹ И. М. Дьяконов, УПД, с. 89; I. M. Diakonoff, NU, с. 76, 166; он же, Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки, ДВ, 3, с. 33. Об этом см. также В. В. Иванов, Урартск. тагі, хурритск. тагіаппе, хайасск. Магіја-, ПС, III, М., 1979, с. 101—112.

³² Г. А. Меликишвили, УКН, с. 393. Ср. И. М. Дьяконов, УПД, с. 88.

³³ Fr. Thureau-Dangin, HCS, с. 8—9, стк. 32—36; с. 46—49, стк. 306—308. И. М. Дьяконов, АВИИУ, 49 (6, 306).

³⁴ Именно такое окончание имеет также имя правителя страны Уеликухи бассейна оз. Севан—Мурину.

ский царь установил там дань (meše edia terubi)³⁵. Речь идет, по-видимому, о назначении стране Цулуку ежегодной дани.

Далее в тексте помещена трафаретная титулатура царя: ^DHal-di-ni-ni al-su-l-ši-ni iš-te-di ¹Ar-giš-ti-ni ¹Ru-sa-a-ḫi LUGÁL DAN.NU LUGÁL ^{KUR}Bi-a-na-a-ú-e a-lu-si ^{URU}Tu-uš-pa-a UR[U] (строки 14—18) „Бога Халди величием³⁶ ištedi Аргишти, сын Русы, царь могучий, царь страны Биайнили, правитель Тушпа-города“.

Здесь привлекает к себе внимание слово ištedi, которое в титулатуре урартских царей встречается впервые. Обычно ištedi выступает в совершенно иных контекстах:

- а) ^{1D}Sarduriše alle ištedi uštadi ^{KUR}Manajdi³⁷
- б) zatume ḫarie ištedi uštadi ^{KUR}Puluadledi³⁸
- в) zatume KASKAL ištedi uštadi ^{KUR}Qumaḫaḫalinie ^{KUR}ebanledi³⁹
- г) ^{1D}Sarduriše ali ištidī ulḫudi ^{URU}Meliṭeani qabqarulini⁴⁰

В специальной литературе высказано предположение о том, что слово ištedi является глаголом («выступать, отправляться») и соответствует в ассирийском тексте Топузавинской билингвы слову eḡēbu («входить, приходить»)⁴¹. Однако из приведенных выше контекстов трудно прийти к такому выводу, тем более, что слово ištedi в них, как правило, фигурирует рядом с глаголом uštadi. Такое мнение, по-видимому, не подтверждается также публикуемой надписью, в которой ištedi уже выступает в титулатуре царя.

³⁵ Ср. all meše... ¹Diauhinidi terubi MU.MU-ni ar-di-la-ni („Вот какую дань... стране Диаухи (я) назначил, чтобы давала ежегодно“) Хорхорской летописи (УКН, 128В1, стк. 22—23) и ^{LU}EN.NAM edia terubi („Наместника там (я) назначил“) Нор-баязетской надписи (УКН, 265, стк. 4).

³⁶ ^DHaladinini alsulšini буквально означает „Халдовым величием“.

³⁷ УКН, 155 В, стк. 12—14 = Handbuch, 103, § 14, стк. 13—15.

³⁸ УКН, 155 Е, стк. 8—9 = Handbuch, 103, § 8, стк. 14—15.

³⁹ УКН, 155 Е, стк. 47—49 = Handbuch, 103, § 9, стк. 53—55.

⁴⁰ УКН, 158 = Handbuch, 104, стк. 21—22.

⁴¹ Г. А. Меликишвили, УКН, с. 399. Ф. В. Кёниг же слову ištedi придает значение «туда». См. Handbuch, II, с. 122 и прим. 5.

В связи с интерпретацией *iš-te-dī* привлекают к себе внимание варианты написания этого слова в разных контекстах урартских источников: *iš-ti-dī*, *iš-te-dī*, *iš-ti-e-dī*. Эти примеры, и особенно последний, как будто наводят на мысль о том, что в данном случае интересующее нас слово стоит в направительном падеже. В таком случае форма абсолютного падежа могла быть *iš-ti-nī*⁴², которая в урартской клинописи выступает весьма часто в качестве наречия места «здесь». Мало того, это слово в надписях нередко фигурирует также в отложительном падеже: *ištini-nī* «отсюда».

С другой стороны, бросается в глаза потеря конечного *-nī* абсолютного падежа *išti-nī* при образовании направительного падежа *išti-edī* (ср., например, *ebanī* и *ebanī-edī*). Но аналогичные примеры в урартской эпиграфике наблюдаются и в ряде других случаев: ср. ^D*Ḫaldi-nī* и ^D*Ḫaldi-edī*⁴³, ^{KUR}*Buštu-nī* и ^{KUR}*Buštu-edī*⁴⁴, ^{KUR}*Mana-nī* и ^{KUR}*Mana-idi*⁴⁵, ^{URU}*Meišta-nī* (а также ^{URU}*Meišta*) и ^{URU}*Meišta-edī*⁴⁶, ^{KUR}*Uṭteruḫi-nī* (а также ¹*Uṭteruḫi*) и ^{KUR}*Uṭteruḫi-edī* (наряду с ¹*Uṭteruḫini-edī*)⁴⁷ и т. д.

Исходя из всего сказанного, слову *išt-edī* Сисианской надписи мы склонны придать значение «здесь, сюда». Такое толкование *išt(1) edī* как будто не противоречит значению этого слова также в других контекстах урартской эпиграфики.

Далее в строках 19—20 Сисианской надписи встречается известная трафаретная вступительная формула ^D*Ḫal-di-nī-nī ba-ú-ši-nī* ¹*Ar-giš-ti-še a-li* «Халдовым повелением Аргишти говорит». В конце строки 20 по следам знаков как будто можно прочесть

⁴² Слово *ištēdī* связывает с *ištini* также Ф. В. Кёниг (Handbuch, II, с. 122, прим. 5). Имеет ли *ištēdī* значение глагола или наречия — он считает проблематичным. Ср. *I. M. Diakonoff*, *HU*, с. 148.

⁴³ УКН, 127, I, стк. 3, 23; II, стк. 8; III, стк. 2, 26 и т. д.

⁴⁴ УКН, 127, III, стк. 36; IV, стк. 53 и т. д.

⁴⁵ УКН, 28, лиц. стор., стк. 2; 127, III, стк. 60 и т. д.

⁴⁶ УКН, 24, лиц. стор., стк. 10, 11, 40.

⁴⁷ УКН, 155 D, стк. 18; 20, лиц. стор., стк. 18; 127, V, стк. 52 и т. д.

⁴⁸ И. М. Дьяконов *išī* считает местоимением «всякий» — УПД, с. 89.

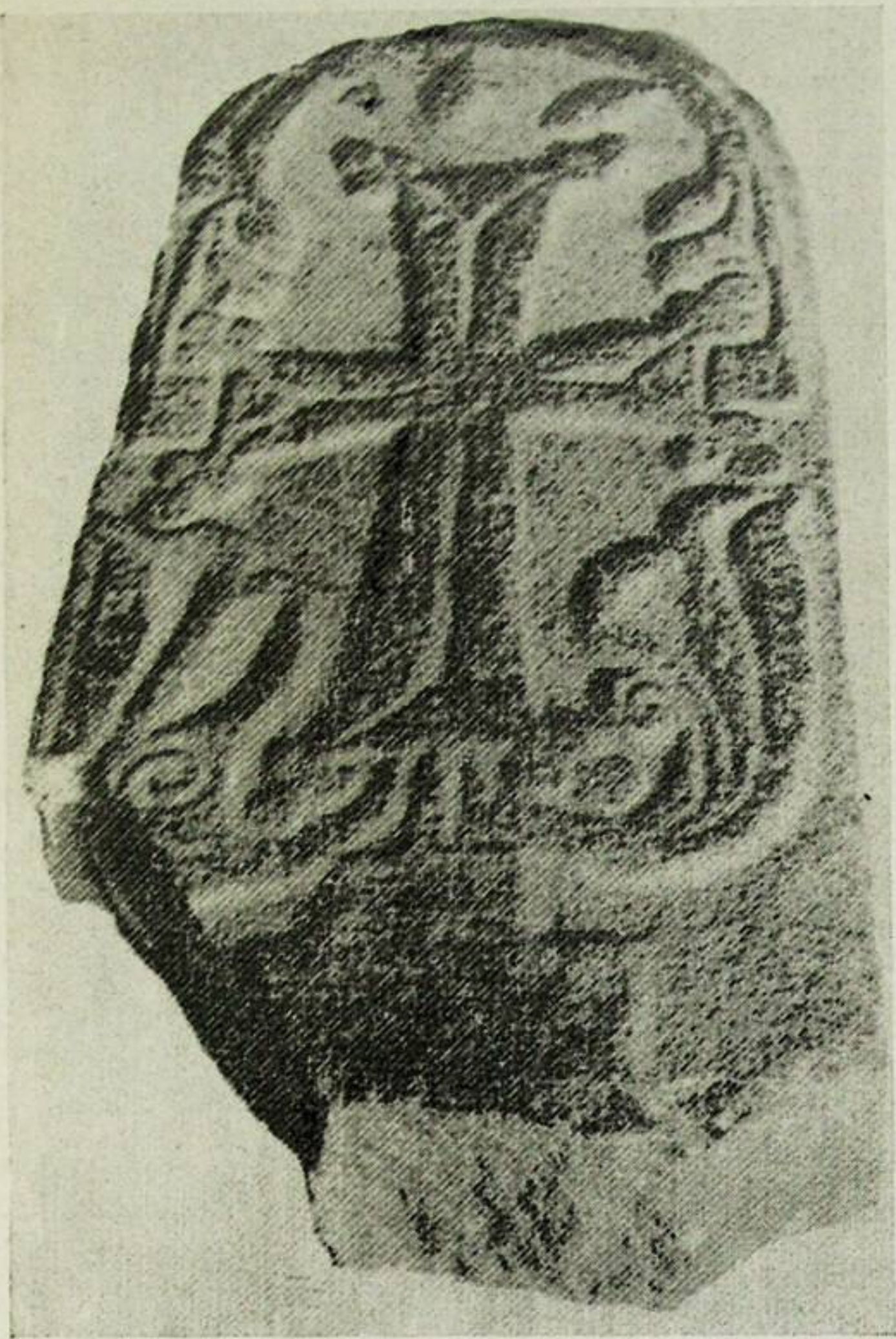

Рис. 1. Лицевая сторона Сисианской стелы с надписью

щин. В таком случае под 'а-ši мы имеем, очевидно, известное урартское слово 'aše „мужчина“ в несколько ином написании. При этом, так как это слово в урартской клинописи закономерно выступает в форме 'a-še, поэтому мы склонны в данном случае вместо 'а-ši предложить чтение 'а-še₂₀⁵³.

Чтобы иметь так или иначе полное представление о недостающих отрывках приведенной выше фразы 'а-še₂₀ [.....] SAL lu-tú-pi-e KUR Bi-[.....], считаем целесообразным привести некоторые из подобных фраз других урартских письменных источников:

- 'aše SAL lutu šiubi KUR Biainaldi⁵⁴
 'aše SAL lutu agubi KUR Biainaldi⁵⁵
 'aše SAL lutu parubi KUR Biainaldi⁵⁶
 'aše SAL lutu MEŠ KUR Biainaldi parubi⁵⁷

Приведенные выше примеры наглядно свидетельствуют, что в рассматриваемом отрывке Сисианской надписи недостает одного из трех глаголов (šiubi, agubi, parubi) и продолжения топонимического названия Биайнили (-a-i-na-i-di). Как видно, глаголы šiubi, agubi, parubi приведенных фраз обычно выступают между 'aše SAL lutu и KUR Biainaldi. Лишь в последнем случае глагол parubi фигурирует в конце фразы.

Что же касается нашей Сисианской надписи, то здесь для глагола, как ни странно, остается место лишь в конце строки 23,

⁵³ О возможном чтении še₂₀ вместо ši см. *Wolfram von Soden—Wolfgang Röllig, Das Akkadische Syllabar, Roma, 1967, с. 50, знак № 261. Rykle Borger, Akkadische Zeichenliste, Neukirchen—Vluyn, 1971, с. 78, знак № 449; он же, Assyrisch-babylonische Zeichenliste, Neukirchen—Vluyn, 1978, с. 172, знак № 449. Имея в виду наличие формы SAL lu-tú-pi-e, вместо 'а-še₂₀ И. М. Дьяконов предлагает чтение 'а-ši-[pi-e].*

⁵⁴ ХЛА, ЭВ, VII, с. 112 (V, 50) = УКН, 127, V, стк. 50.

⁵⁵ ХЛА, ЭВ, VII, с. 116 (VI, 7) = УКН, 127, VI, стк. 7.

⁵⁶ НҪІ, с. 6 (B, 18—19) = УКН, 155 B, стк. 18—19. НҪІ, с. 10 (C, 33—34) = УКН, 155 C, стк. 33—34. НҪІ, с. 16 (E, 22—23) = УКН, 155 E, стк. 22—23. НҪІ, с. 22 (F, 18—19) = УКН, 155 F, стк. 18—19.

⁵⁷ УКН, 266 = Handbuch, 118, стк. 14.

т. е. между 'aše и ^{SAL}lutunīe. Это, конечно, не совсем удачное место для глагола, тем не менее его можно восстановить лишь только в указанном отрывке текста. В таком случае получается: 'a-še₂₀ [pa-gu-bi?]⁵⁸ ^{SAL}lu-tú-ni-e ^{KUR}Bi-[a-i-na-di] „мужчин, женщин (я) угнал в Биайнили“⁵⁹.

В следующих строках 25—26 можно прочесть: ¹Ar-giš-ti-še [.....]-lu-še ti-ni-ni [.....]. Из приведенного видно, что в данном случае, вне всякого сомнения, мы имеем дело с формулой проклятия, поэтому в конце строки 25 с уверенностью можно восстановить глагол a-ll-e „говорит“, в начале строки 26 — знак a (начало слова a-lu-še „кто“), а в конце той же строки — глагол tú-li-e „уничтожит“ (aluše tinini tule „кто имя уничтожит“). Итак, после восстановления недостающих отрывков, строки 25—26 текста примут следующий вид: ¹Ar-giš-ti-še [a-ll-e a]-lu-še ti-ni-ni [tú-li-e] „Аргишти [говорит: К]то имя [уничтожит]“ (речь идет об уничтожении имени царя в клинописном тексте).

В середине сохранившейся частично строки 27 налицо два вертикальных, а затем два горизонтальных клина подряд и верхняя часть одного вертикального клина. Исходя из наличия формулы проклятия, под двумя вертикальными клиньями можно усмотреть вторую половину знака si (от слова pa-si «свой», «его»), а под двумя горизонтальными и одним вертикальным — знак ti (от слова ti-ni «имя»). В последнем случае, как это видно, недостает лишь последнего «углового» клина.

⁵⁸ Вместо pagubi здесь можно восстановить также šlubi «(я) привел» или agubi «(я) увел».

⁵⁹ Букв. «Мужчин (я) угнал, женщин в Биайнили». Подобные неудачные синтаксические обороты в урартской клинописи, хотя довольно редко, тем не менее встречаются и в других случаях. Ср., например, ¹Argištinī urišḫusini ¹Menuaḫini ¹Išpuiniše alle ^{1D}Sardurieḫiniše. Об этом подробное см. N. V. Aroutiounian, Problèmes concernant la dernière période de l'histoire d'Urartu, „Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae“, Т. XXII, Fasc. 1—4, Budapest, 1974, с. 423—424. Ср. также V ME ANŠU.KUR.RA pagubi VIII LIM V ME LX ^{GUD}paḫini XX LIM V LIM I ME LXX ^{UDU}šuše (УКН, 155С, стк. 43—44), I LIM V ME ANŠU.KUR.RA pagubi X LIM VII LIM III ME ^{GUD}paḫini XXX LIM I LIM VI ME ^{UDU}šuše (УКН, 155D, стк. 38—40).

Судя по сохранившемуся отрывку, формула проклятия Сисианской надписи не совпадает полностью с существующим трафаретом других урартских текстов; в ней явно недостает начального отрывка. Это было обусловлено, очевидно, тем, что на камне не было достаточно места для высечения полного текста формулы проклятия.

Урартский эпиграфический материал довольно четко показывает, что формула проклятия Сисианской надписи в целом совпала, по всей вероятности, с продолжением текста соответствующей формулы известной Звартноцской надписи (УКН, 281), составителем которой был Руса II, сын именно Аргишти II, составителя Сисианской надписи. Иначе говоря, несколько позже Руса II в Звартноцской надписи полностью скопировал текст формулы проклятия Сисианской надписи, добавив при этом, на основании других надписей, трафаретное начало.

Итак, судя по сохранившемуся отрывку, для формулы проклятия Сисианской надписи в целом можно предложить следующее чтение:

- (25) ¹Ar-giš-ti-še [a-li-e]
 (26) [a]-lu-še ti-ni-ni [tú-li-e]
 (27) [ma-s]i t[i-ni te-li-i e-a-i]
 (28) [^{KUR}Bi-a-i-ni-še e-a-i]
 (29) [^{KUR}lu-lu-i-ni-še ^DHal-di-še]
 (30) [^DIM-še ^DUTU-ni-še DINGIR^{MEŠ}-še]
 (31) [me-i ti-i-ni me-i]
 (32) [ar-mu-zi-i me-i]
 (33) [zi-il-bi-i qi-ú-ra-i-di]
 (34) [ku-li-e-tú-ú-ni]⁶⁰

⁶⁰ Перед приведенным выше текстом в Звартноцской надписи сказано: aluše ini DUB-te tule aluše pitule aluše esini sulduli aluše KI^{TIM} merule aluše A^{MEŠ} hušule aluše uliše tiule ieše zadubi „Кто эту надпись уничтожит, кто разобьет, кто с места выбросит, кто в землю зароет, кто в воду бросит, кто другой скажет: „Я совершил“.

«Аргишти [говорит: К]то (мое) имя [уничтожит, сво]е и[мя поставит, будь (он) бийнилец, будь (он) враг, пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (другие) боги ни имени, ни семьи, ни потомства на земле не оставят»].

Исходя из всего сказанного, приводим ниже транслитерацию и перевод новой урартской надписи из Сисиана.

Транслитерация

Лицевая сторона

- (1) ^D[Ḫal-di-e] [e-[ú-ri]-[i-e]
- (2) [i-ni pu-lu-si ¹Ar-giš-ti-še]
- (3) [¹R[u-sa-ḫi-ni-še ku-g]u-[ú-ni]
- (4) ul-[gu-š]i-[ia-ni-e-di]-ni
- (5) [ma-ni-ni ^DḪal-[di-ni bi-di]
- (6) [¹Ar-giš-ti-i-e]
- (7) [¹Ru-sa-a-ḫi-ni-i-e]
- (8) [a-ru]-ú-še [e-ku-ri(?)-še]
- (9) [iš-pu-l-še ul-gu-ú-še]
- (10) [pi-ṣu-ú-še al-su-še]
- (11) [e-ia] ar-[di-i-še]
- (12) [ar-a-ni uš-ma-a-še]⁶¹
- (13) [^DḪal-di-ni-ni al]-su-ši-[ni]
-
- (?) [.. I] UD^{ME}-ni áš-[gu-bi]
-

Оборотная сторона

- (1) [n]u-na-bi ka-gu-ki [¹[.....LUGÁL?]
- (2) ^{KUR}E-ti-ú-ḫi a-[ru-me me-še?]

⁶¹ О восстановлении строк 5—12 см. Н. В. Арутюнян, К интерпретации урартской надписи из Хаги, ДВ, 3, Ереван, 1978, с. 153—158 и резюме на англ. языке, там же, с. 270—271.

- (3) ^{KUR}e-ba-ni-e a-li-li URU^M[EŠ]
(4) ḥa-ši-a-li lu(?) -a(?) -u-li(?) e-si
(5) a-li-li gu-nu-ši-ni-e
(6) a-ri bi-ri [i]š-ti-ni [LÚ-tú?]-ḥi-ni
(7) za-du-bi 'a-še ^{SAL}lu-tú ši-ú-bi
(8) URU^{MEŠ} GIBÍL É.GAL^{MEŠ} [ḥar-ḥar-šú-bi?]
(9) [i(?)]-ši-a-ši-e šú-ga šú-i-ni-ni
(10) gu-nu-še ma-a-nu ma-ri-n[i?]
(11) ^{KUR}Šu-lu-qu-ú-e [e?]-di-ni
(12) ^{URU}Ir-du-a-ka-a-i nu-na-bi
(13) ka-gu-ki ¹Za-zi(?) -nu bu-ra áš-tú-bi
(14) me-še e-di-a te-ru-bi ^DḤal-di-ni-ni
(15) al-su-i-ši-ni iš-te-di
(16) ¹Ar-giš-ti-ni ¹Ru-sa-a-ḥi
(17) LUGÁL DAN.NU LUGÁL ^{KUR}Bi-a-na-a-ú-e
(18) a-lu-si ^{URU}Tu-uš-pa-a UR[U]
(19) ^DḤal-di-ni-ni ba-ú-ši-ni
(20) ¹Ar-giš-ti-še a-li i(?) -si-n[i?]
(21) ^DUTU-ni-ni ni-ir-ḥi si-bi-[...]
(22) a-šá-di i-ni ḥa-a-ri-[ni?]
(23) ^{URU}A-mu-šá-di 'a-še₂₀ [pa-ru-bi?]
(24) ^{SAL}lu-tú-ni-e ^{KUR}Bi-[a-i-na-di]
(25) ¹Ar-giš-ti-še [a-li-e]
(26) [a]-lu-še ti-ni-ni [tú-li-e]
(27) [ma-s]i t[i-ni te-li-i e-a-i]
(28) [^{KUR}bi-a-i-ni-še e-a-i]
(29) [^{KUR}lu-lu-i-ni-še ^DḤal-di-še]
(30) [^DIM-še ^DUTU-ni-še DINGIR^{MEŠ}-še]
(31) [me-i ti-i-ni me-i]
(32) [ar-mu-zi-i me-i]
(33) [zi-il-bi-i qi-ú-ra-i-di]
(34) [ku-li-e-tú-ú-ni]

Перевод

Лицевая сторона

(1) [Б]огу [Халди], в[лады]ке, (2) [эту стелу с надписью Аргишти, (3) сын] Р[усы, воз]дв[иг](?) (4) ради своей [жиз]ни. (5) [Да будет со стороны] бога Хал[ди (6) (царю) Аргишти, (7) сыну Русы, (8) благо]денствие(?), [ekuřiše (?), (9) счастье, жизнь, (10) радость, величие, (11) а также] вл[ась, (12) сила⁶², могущество. (13) Бога Халди ве]личи[ем... (?)] ... за один] день (я) за[хватил]...

Оборотная сторона

(1) [Яв]ился передо мной [....., царь?] (2) Этиухи, да[л мне дань] (своей) (3) страны. alili городá (4) слышали... место, (5) alili войско (6) agi bigi [з]десь [пол]он (7) (я) сделал, мужчин, женщин (я) увел. (8) Городá (я) сжег, крепости [(я) разрушил]. (9) išlašie (?) вместе(?) все. (10) Битва была. Знать(?) (11) страны Цулуку [от]туда(?) (12) перед городом Ирдуа явилась (13) передо мной. (Царя) Зазину(?) (я) поработил⁶³. (14) Дань там (я) назначил.

Бога Халди (15) величием здесь (?) (16) Аргишти, сын Русы, (17) царь могущественный, царь Биайнили, (18) правитель Тушна-горо[да].

(19) По приказу бога Халди⁶⁴ (20) Аргишти говорит: isini (?) (21) ^DUTU-nini niḫli sibi [...] (22) (я) шел по этой доро[ге]⁶⁵ (23) в город Амуша; мужчин, (24) женщин [(я) увел] в Би[айнили].

(25) Аргишти [говорит: (26) К]то (мое) имя [уничтожит, (27) сво]е и[мя поставит, будь (он) (28) биайнилец, будь (он) (29) враг, (пусть) Халди, (30) Тейшеба, Шивини, (другие) боги, (31) ни имени, ни (32) семьи, ни (33) потомства на земле (34) не оставят].

⁶² Слово ag(a)ni Г. А. Меликишвили переводит «милость» — УКН, с. 389.

⁶³ buga aštubi буквально означает «в раба (я) превратил».

⁶⁴ ^DHaldinini baušini буквально означает «Халдовым приказом».

⁶⁵ ašadi ini ḫarini буквально означает «(я) пошел этой дорогой».

В конце настоящей статьи нам остается высказать несколько слов о значении публикуемой Сисианской надписи для изучения истории Урарту.

Сисианская надпись открывает совершенно новую страницу в политической истории Урарту в период упадка этого древневосточного государства. Этот период, как известно, из-за крайней скудости материалов, изучен неудовлетворительно. К тому же публикуемая надпись занимает вполне обособленное место также среди письменных памятников, составленных урартским царем Аргишти II. Как известно, количество надписей этого царя весьма ограничено, причем две идентичные из них повествуют о строительных мероприятиях: проведении ирригационного канала и создании на его базе полей с посевами, фруктовых садов и виноградников на северном побережье оз. Ван (в районе Арчеша)⁶⁶. Один короткий текст же, найденный в Ване, свидетельствует о том, что «Аргишти, сын Русы, выпустил стрелу с этого места, перед лесом Гилурани, до сада Ишпилини, сына Бату (на расстоянии) 950 локтей»⁶⁷.

Что касается победных надписей, то до сих пор известны лишь две идентичные надписи Аргишти II из района Сараба, повествующие о военном походе к западным берегам Каспийского моря⁶⁸. Так что трудно переоценить значение нашей надписи для изучения военно-политической истории указанного периода Урарту.

Таким образом, Сисианская надпись расширяет наши представления о границах влияния Урарту, создает новые перспективы для изучения некоторых вопросов топонимики, а следовательно, обогащает географическую карту этого государства.

С указанной выше точки зрения привлекает к себе внимание упоминаемые в надписи страны Этиухи (^{KUR}Etiuhi)⁶⁹ и Цу-

⁶⁶ УКН, 275 = Handbuch, 125. УКН, 276 = Handbuch, 124.

⁶⁷ УКН, 277 = Handbuch, 123.

⁶⁸ УКН, 445, 446. См. также Н. В. Арутюнян, *Бнайнили (Урарту)*, Ереван, 1970, с. 318—322.

⁶⁹ См. обор. стор., стк. 2 публикуемой надписи.

луку (^{KUR}Şuluqu)⁷⁰, города Ирдуа (^{URU}Irdua)⁷¹ и Амуша (^{URU}Amu-
şa)⁷².

Примечательно, что Этиухи (вариант: Этиуни) в урартских письменных источниках выступает то в связи с областями Катарза (древнегрузинск. Кларджети; древнеармянск. Кгарджк), Уите-рухи, Луша и городом Анаше⁷³ (надпись Ишпуини и Менуа из Вана), то с племенем Аштухини и городом Ахуриани (Сарыкамышская надпись Аргишти I), то с областью Улуани и городом Дарани (Эларская надпись Аргишти I), то с городом-государством Киехуни (совр. Разданский район Арм. ССР), с областью Эриахи (историч. Ширак), вновь с областью Катарза и далее на восток вплоть до западных пределов племенного объединения Удури-Этиуни в бассейне оз. Севан (летописи Аргишти I и Сардурри II). Что касается Сисианской надписи, то в ней, как это видно, Этиухи уже упоминается в связи с областью Цулуку (с городами Ирдуа и Амуша).

Таким образом, получается, что Этиуни урартских эпиграфических памятников, наподобие ašḫaḡh-ов армянской географии VII века, собой представляло некое общее географическое понятие, в состав которого входил целый ряд областей (gawaḡ-ов), начиная от района Сарыкамыша на западе вплоть до оз. Севан на востоке, далее на юг и юго-восток, до Котайкского и Сисианского районов Советской Армении.

При этом бросается в глаза то весьма важное обстоятельство, что топонимическое название Цулуку урартского времени (конец VIII или начало VII вв. до н. э.) почти без изменения сохранилось вплоть до конца XIII—начала XIV в. н. э. Идентичная область Цгук (Tsluk) с соименной рекой «Ашхарацуйц»-а (VII в. н. э.) являлась седьмым «гавар»-ом среди 12 «гавар»-ов Сюника — 9-го «ашхар»-а Великой Армении. Цгук неоднократно упоминается также в Истории Стефанноса Орбелеана (конец XIII—

⁷⁰ Обор. стор., стк. 11.

⁷¹ Обор. стор., стк. 12.

⁷² Обор. стор., стк. 23.

⁷³ Арм. Алаш-керт (на современных картах: Алашкырт, Элешкырт).

начало XIV в. н. э.). Эта область соответствовала современному Сисианскому району Советской Армении⁷⁴, откуда, как известно, происходит именно новая урартская надпись с упоминанием страны Цулуку. По всей вероятности, аборигены свою область называли Цгуком (Tsluk) уже при урартской экспансии, однако словесное урартское письмо могло это название передать в идентичной форме Şuluqu (Şu-lu-qu).

С другой стороны, страна Этиуни и город Ирдуа (поселение страны Цулуку) вместе упоминаются также в более ранний период истории Урарту — в Сардуровской летописи. Этот факт наглядно свидетельствует о том, что на территории страны Цулуку урарты были уже в правление Сардури II (764—735 гг. до н. э.), деда Аргишти II, составителя новой Сисианской надписи.

Можно полагать, что Ирдуа являлся центром области Цулуку⁷⁵. Примечательно, что по данным Сардуровской летописи, Ирдуа⁷⁶ был укрепленным царским городом (^{URU}Irduanī URU LUGĀL-pusi agunipi mapu), а в Сисианской надписи, в отличие от города Амуша⁷⁷, он непосредственно связан с появлением и порабощением Зазину (?), царя страны Цулуку.

Сисианская надпись одновременно позволяет установить, что Uerdaini анналов Сардури II является не названием племени, как

⁷⁴ О древнем армянском Цгуке (Մղուկ Tsluk) см. Ա. Գ. Աբրահամյան, Անանիա Շիրակացու մատենագրությունը, Երևան, 1944, с. 350. Ա. Տ. Երեմյան, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյց»-ի, Երևան, 1963, с. 109—110. Ստեփաննոս Օրբելյան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Քիֆլիս, 1910, с. 12, 34, 35, 41, 158, 229, 325, 509, 535.

⁷⁵ Если Ирдуа Сардуровской летописи и Сисианской надписи выступает в качестве одного и того же центра страны (области) Цулуку, локализуемой в Сисианском районе Советской Армении, то под городом Ирдуа страны Убурда Хорхорской летописи мы имеем дело, несомненно, с другим, хотя и соименным, центром совершенно иной области, локализуемой на противоположной северо-западной окраине государства Урарту, недалеко от племенного объединения Диаухи.

⁷⁶ Ср. названия селений Արիտ Arlit и Արթէք Arthekh области Цгук-Tsluk. Ստեփաննոս Օրբելյան, указ. соч., с. 216, 229, 322, 323, 325, 484, 509 и 510.

⁷⁷ Ср. название сел. Մուսք Muths-kh той же области Цгук-Tsluk. Ստեփաննոս Օրբելյան, указ. соч., с. 510.

это до сих пор утверждалось в специальной литературе, а именем царя, которому в то время принадлежал царский город Igdua — центр области Şuluqu. Это означает, что в разные времена в Цулуку, естественно, правили разные цари: Уердаини при Сардури II и Зазину при Аргишти II. Таким же образом в указанных анналах, наряду с Uerdaini, следует считать личными именами (вместо прежних племенных названий) также Abiani (царским городом которого был Edia) и Igkuaipi (царским городом которого был Iguja). Имя этого же правителя Igkuaipi, в свою очередь, не имеет никакого отношения к названию страны (племени) Ig(e)kua(hi)-Erikua(hi), как это ранее полагалось⁷⁸.

Что касается политической характеристики Урарту в период правления Аргишти II, то известно, что это древневосточное рабовладельческое государство в то время переживало крайне трудные времена. Незадолго до этого, в 714 г. до н. э., был осуществлен опустошительный поход ассирийского царя Саргона II против Урарту. Поэтому в Передней Азии заметно пошатнулись не только политический авторитет, но и основы экономики этого государства. Вспомним, что грозный ассирийский царь на своем пути основательно разрушил земледельческие, садово-виноградарские и коневодческие центры Урарту в приурмийском и многих других районах.

Государство Урарту ныне окончательно было отброшено на задний план. Оно лишилось не только когда-то захваченных им территорий на восточном побережье оз. Урмия, к юго-востоку от оз. Ван и т. д., но и некоторых исконных территорий, прилегавших к бассейнам упомянутых озер. После этих весьма тяжелых для Урарту времен отец Аргишти II — Руса I лишь один год смог продержаться на урартском престоле. Поэтому Аргишти II, естественно, старался хотя бы в некоторой степени спасти престиж своего государства на политической арене и восстановить разрушенную экономику.

⁷⁸ Об этом см. также *Н. В. Арутюнян*, Заметки по урартской эпиграфике, «Древний Восток и мировая культура», М., 1981, с. 78.

Именно сказанным следует объяснить снаряжение дальних военных походов как к западным берегам Каспийского моря, так и в Сисианский район. Вполне естественно, что вместо утерянных территорий на юге (и не только на юге)⁷⁹ Аргишти II искал некоторые компенсации на востоке и северо-востоке.

⁷⁹ После правления Русы I мы не осведомлены также о господстве урартов в бассейне оз. Севан.

МИРИО САЛЬВИНИ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВА УРАРТУ НА ВОСТОКЕ

Вопрос о восточных областях древнего государства Урарту снова возник в последние годы, прежде всего благодаря усиленным археологическим исследованиям на территории иранского Азербайджана.

В рамках полевых исследований в районе озера Урмия, которые касаются железного века и в которых особенно деятельны были американские экспедиции, важное место отводилось и урартской археологии. Тем самым заполняется пробел в наших источниках.

Еще десять лет назад исследования по урартской археологии ограничивались территорией Армении и восточной Турции, где были получены пока еще непревзойденные по важности результаты. На сегодняшний день наши знания распространяются на более обширные районы к востоку от Загросского хребта и его северных отрогов. Заслуга эта целиком принадлежит Немецкому археологическому институту в Тегеране, который, наряду с интенсивными и систематическими изысканиями в западном и восточном Азербайджане, результатом которых была археологическая и архитектурная съемка многих ранее не известных урартских крепостей и поселений, произвел, как известно, раскопки на месте крепости Бастам — города урартского царя Русы¹.

Эти исследования значительно обогатили наши знания об урартской культуре и о позднем периоде истории государства Урарту (VII в. до н. э.).

¹ См. *W. Kleiss—H. Hauptmann, Topographische Karte von Urartu, AMI, 3, Berlin, 1976.*

В этой связи надо упомянуть и раскопки английских археологов на месте Хафтаван-тепе под Шахпуром², которые, однако, относятся лишь к малозначительному урартскому слою, а также американский проект Хасанлу, в результате которого был установлен факт наличия населения Урарту в Хасанлу в VIII в. до н. э. и существование мощной урартской крепости на Калатгахе — южнее озера Урмия, между реками Ушнавийех и Нагадех³. Наконец, внимание и нашего римского Института исследования микенской и эгейско-анатолийской культуры, а также Национального совета по исследованиям культур было обращено к урартской проблематике в этих районах, и поэтому в 1976 и 1977 гг. мы предприняли две экспедиции: первую — в долину реки Ушнавийех, а вторую — на равнину Резайех, причем были начаты и раскопки крепости Квалех-Исмаил-Ага⁴.

Случайные археологические находки за последние годы содействовали, в частности, умножению наших эпиграфических источников. Все это дает основание новым мыслям и выводам относительно некоторых периодов истории государства Урарту.

На основании исторических сведений современных ассирийских и прежде всего местных урартских источников мы попытаемся здесь реконструировать первые периоды урартского завоевания (или отвоевания) этих районов к востоку и юго-востоку от столицы государства — города Тушпа.

В собрании урартских эпиграфических документов из этих районов первое место занимает знаменитая стела из Келишина⁵, известная уже полтора столетия и впервые исследованная Лема-

² *Ch. Burney*, "Proceedings of the 2nd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran", 1973, с. 105 сл.

³ См. *R. H. Dyson*, "Proceedings of the 3rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran", 1974, с. 182 сл. *O. W. Muscarella*, "Expedition", 13, 3—4 (1971), с. 44 сл.

⁴ Результаты будут в ближайшее время опубликованы в нашем журнале *SMEA*.

⁵ Ср. *C. F. Lehmann-Haupt*, *CICh*, 12. *F. W. König*, *Handbuch*, 9. *Г. А. Меликишвили*, *УКН*, 19. Наилучшей обработкой является публикация: *W. C. Benedict*, *JAOS*, 81 (1961), с. 359 сл.

ном и Бельком во время их «армянской экспедиции» в конце прошлого столетия⁶. Этот двуязычный урартско-ассирийский документ, составленный царем Ишлуини и его сыном-наследником Мелуа, сообщает не о завоевательных походах и прочих военных делах, а скорее об одной культовой поездке к храму местного бога Халди в Мусасир — небольшое государство, расположенное в те времена на территории нынешнего иракского Курдистана. Там были обнаружены следы храма Халди, разграбленного и разрушенного царем Саргоном II во время его знаменитого восьмого похода в 714 г. до н. э. Эти свидетельства были обнаружены Леманом и Бельком⁷, а впоследствии и Р. М. Бемером⁸. Доказательством местонахождения Мусасира в районе Сидекана служит существование второй урартско-ассирийской стелы — стелы из Толцевэ⁹, воздвигнутой урартским царем Русой I (735—713 гг. до н. э.).

Наиболее раннее упоминание о Мусасире¹⁰ мы находим у ассирийского царя Ашшур-насир-пала II в стеле из Нимруда, в которой сообщается о торжественном освящении царской резиденции в 879 г.¹¹ до н. э. В большой десятидневной торжественной трапезе участвовали и послы из Хубушкии, Гильзану, Кумме и Мусасира, т. е. из мелких государств в горах севернее границ Ассирии. Второе упоминание Мусасира встречается в надписях Салманасара III и относится к 828 г. до н. э., когда ассирийский военачальник Дайан-Ашшур предпринял поход против Хубушкии и Мусасира «вплоть до крепостей Урарту», а затем против Гильзану и Манна¹². Царем Урарту тогда был Сардури I, который согласно

⁶ См. библиографию в вышеназванной публикации Бенедикта (прим. 5).

⁷ *C. F. Lehmann-Haupt*, *Armenien*, II, 1, с. 289 сл. (Kapitel XXVII).

⁸ "Bagdader Mitteilungen", 6 (1973), с. 31 сл. *R. M. Boehmer und H. Fenner*, "Archaeologischer Anzeiger", 1973, N. 4, с. 479 сл.

⁹ См. прим. 7, а также *Handbuch*, 122 и *УКН*, 264. Новое издание в настоящее время готовится Ч. Сапоретти и мною на основе нового дубликата.

¹⁰ Общие сведения по этому вопросу см. *S. Parpola*, *Neo-Assyrian Toponyms* (АОАТ 6), Neukirchen—Vluyn, 1970, с. 250.

¹¹ *D. J. Wiseman*, A new stela of Assur-nasir-pal II, "Iraq", 14 (1952), с. 24 сл., в частности, с. 32 и 35 (строки 146—147 текста).

¹² Ср. "Die Welt des Orients", 2 (1956), с. 230—231.

ассирийским источникам в 832 г. до н. э. потерпел тяжелое поражение¹³. Но поскольку стела из Келишина показывает, что в эпоху Ишпуини и Менуа, т. е. около 820—810 гг. до н. э., Мусасир находился под влиянием государства Урарту, то следует полагать, что завоевание (вернее, отвоевание) Мусасира войсками Урарту произошло вскоре после 828 г. до н. э., т. е. весьма вероятно тогда, когда Ишпуини уже был на троне своего отца Сардури. Вслед за В. Бельком¹⁴ и Г. А. Меликишвили¹⁵, рассматривающими Мусасир с его культом бога Халди как доисторический центр и как исходный район урартских племен, и я считаю его отвоеванным. Однако позже, т. е. в период расцвета государства Урарту, государство Мусасир располагалось за пределами района, находившегося под политическим влиянием Урарту, или уже у самих границ этого района.

Во времена Лемана и Белька считалось¹⁶, что стела в Келишине обозначала границу Урарту в восточном направлении; иными словами, полагали, что Ушнавийех и азербайджанская территория были уже за пределами этого рубежа, и что эти районы были завоеваны лишь позже, царем Менуа. Однако сама ориентировка по сторонам света в обеих редакциях стелы из Келишина должна была бы предостеречь от такого заключения.

В действительности ассирийская версия стелы ориентирована на запад, а именно к Мусасиру, и мы знаем, что в историческое время официальным языком этого мелкого политического образования был именно ассирийский язык, поскольку правитель Урцана в последней четверти VIII в. оставил нам печать с надписью на ассирийском языке¹⁷. Западно-восточную ориентировку имела и стела из Топцевэ, урартский текст и в этом случае обращен на восток. Это может свидетельствовать лишь о том, что урартское

¹³ Там же, с. 224—225.

¹⁴ Die Kelischin-Steile, "Anatole Zeitschrift für Orientforschung", H. 1 Frelenwalde a. O. und Leipzig, 1904, Kol. 51 сл.

¹⁵ ВДИ, 1948, № 2, с. 34.

¹⁶ Ср. W. Belck, Die Kelischin-Steile, Kol. 54 сл.

¹⁷ F. Thureau-Dangin, HCS, с. XII.

войско пришло не непосредственно с севера, а вероятнее всего из районов восточнее Загросского хребта.

Следовательно, дорога через Келишинский перевал связывала Мусасир и долину реки Ушнавийех, находившуюся во время Ишпуини и Менуа прочно в руках Урарту. Об этом свидетельствует и обнаруженная несколько лет назад американцами в Калатгахе надпись на камне¹⁸, в которой также содержатся имена Ишпуини и Менуа. Эта надпись сильно повреждена и потому прочитана лишь частично. Она тоже сообщает о военных делах и возведении священных сооружений в честь бога Халди. Наличие урартов в районе озера Урмия подтверждается и грамотами времен царя Менуа, ориентировочно относящимися к 810—785/780 гг. до н. э. Упомяну здесь другую надпись на камне из Калатгаха, сообщающую о строительстве сооружения, именуемого *bagzidibiduni*¹⁹, а также наскальную надпись того же Менуа, высеченную у старой дороги между Резайех и Ушнавийех в честь освящения царского водосборного колодца²⁰.

Но наиболее важным документом эпохи царя Менуа, обнаруженным в Азербайджане, является наскальная надпись в Таштепе²¹. Этот текст (ныне уже не сохранившийся; в Британском музее хранятся лишь его отрывки) содержит весьма интересные исторические данные, которые привели к выводам, не оправдываемым фактическим содержанием этой надписи.

Тот факт, что в этом документе упомянуты город Мешта и страна Мана, не говорит о том, что Мешта был крепостью страны Ман(н)а, вопреки частым утверждениям в литературе²². Видимо, неверно и утверждение, что город Мешта идентичен неболь-

¹⁸ Публикация надписи: *M. van Loon*, JNES, 34 (1975), с. 201 сл.

¹⁹ *J. Friedrich*, AMI, N. F. 2 (1969), с. 121 сл.

²⁰ См. нашу статью в сборнике в честь Б. Б. Пиотровского, М., 1981.

²¹ CICH, 20. NChI, 17. УЖН, 29.

²² *E. Herzfeld*, Iran in the Ancient East, London, 1921, с. 195. *И. М. Дьяконов*, История Мидии, М.-Л., 1956, с. 170. *R. M. Boehmer*, "Bagdader Mitteilungen", 3 (1964), с. 17. *St. Kroll*, Keramik urartäischer Festungen in Iran, AMI, 2, Berlin, 1976. Ср. *Н. В. Арутюнян*, Биайнили, Ереван, 1970, с. 143—145.

шому скалистому холму Таштепе²³. Из названий надписи лишь следует, что царь Менуа воздвиг на Таштепе укрепленный замок, господствующий над местностью, а именно, как я уточнил бы это место в надписи с пробелами, «на территории города Мешта», и что «затем» (или «оттуда») он, царь Менуа, завоевал страну Ман(н)а и оставил на холме Таштепе гарнизон.

Из факта существования этой надписи следует, что во времена царя Менуа области к западу и к югу от озера Урмия, т. е. равнины Шахпур, Резайех и долина реки Годар-чай, а также аллювиальная равнина Солдуз, уже прочно находились под господством Урарту. Благодаря этому Урарту удалось проникнуть дальше в страну Манна, т. е. к югу.

Эти области были завоеваны уже при Ишпуини, как это явствует из другого важного документа — стелы из Харакониса (турецкое наименование — Карагюндюз), ныне хранящейся в музее в городе Ван. Этот документ сообщает о единственном крупном походе Ишпуини и его сына Менуа против Мешта и трех других поселений, а также против страны Паршуа²⁴.

Из этого документа явствует связь города Мешта с Паршуа (ассирийское название — Парсуа), а не с Ман(н)а. Эти обе надписи позволяют, по моему мнению, заключить, что Мешта—урартское название селения Тепе-Хасанлу²⁵. Это знаменитое место раскопок является, как я полагаю, единственным в этой области, дающим все предпосылки для такой идентификации. Как установлено при этих раскопках, четвертый слой завершается периодом насильственного завоевания, приписываемого жителям Урарту²⁶.

Надпись из Таштепе, из которой до нас дошло название Мешта, находится приблизительно в 40 км восточнее Хасанлу, как раз

²³ E. Herzfeld, указ. соч.; он же, *Archaeological History of Iran*, London, 1935, с. 11. И. М. Дьяконов, указ. соч. R. H. Dyson, "Journal of Near Eastern Studies", 24 (1965), с. 199. R. M. Boehmer, "Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte", 5 (1. 65), с. 195, прим. 59.

²⁴ CICH, 15. NChI, 7. УКН, 24.

²⁵ Эта идентификация была предложена мною еще на VII Международном конгрессе по искусству и археологии Ирана, Мюнхен, сентябрь 1976 г.

²⁶ W. Kleiss, "Istanbuler Mitteilungen", 19/20 (1969/70) с. 129. R. H. Dyson, "American Journal of Archaeology", 81 (1977), с. 550.

на той же равнине Солдуз, и потому определенно находилась на территории, принадлежавшей Хасанлу.

Если принять Мешта и Хасанлу как наименование одного и того же поселения, то можно будет лучше понять и наличие урартов в долине Годар-чая, т. е. на Калатгахе, уже в период совместных надписей Ишпуини и Менуа (а именно около 820—810 гг. до н. э.). Ибо Калатгах расположен лишь в 20 км к западу от Хасанлу, и вряд ли урартские цари могли построить эту крепость тогда, когда еще существовал Хасанлу.

На основании рассмотренных выше источников я хотел бы в заключение предложить следующую реконструкцию урартского завоевания западного Азербайджана.

После 832 г. до н. э., на 27-м году правления царя Салманасара III, когда ассирийское войско под предводительством Дайан-Ашшура дошло вплоть до урартских крепостей, военная инициатива перешла, по-видимому, к урартской стороне. Судя по нынешним источникам, трудно сказать, произошло ли это уже при царе Сардури I или же в период правления его сына Ишпуини.

В период 820—810 гг. до н. э. урартские цари уже владели сбластями к юго-западу и югу от озера Урмия, как это нам известно из рассмотренных надписей в Калатгахе и Келишине. Их вторжение на территорию нынешнего Азербайджана произошло, по-видимому, через один из северных горных перевалов Загросского хребта, поэтому сначала были завоеваны плодородные долины Хой, Шахпур и Резайех²⁷. Другая возможность перехода через горы была на перевале вблизи Серо, где ныне проходит дорога недалеко от крепости Калех-Исмаил-ага. Как именно проходила старая урартская военная дорога далее к югу можно заключить из надписи из Махмудабада (около 88 км южнее Резайех), относящейся к более позднему периоду — к эпохе царя Русы I, а также из наскальной надписи царя Менуа на реке Касемлу-чай.

²⁷ Судя по археологическим датировкам крепостей Даналу, Эвоглу и Квалех-оглу, в конце IX в. до н. э. урарты проникли уже в бассейн реки Аракс. См. *St. Kroll*, указ. соч., с. 166, прим. 22.

Однако завоевание равнин к югу от озера Урмия во всяком случае следует увязать с походом Ишпуини и Менуа против города Мешта (Хасанлу) и против страны Паршуа. «Паршуа» ассирийцы называли, как известно, первые персидские племена, прокладывавшие свой путь к последующим историческим местам своего поселения²⁸. Но их отношение к городу Мешта, т. е. Хасанлу, нельзя точно определить из этого единственного документа (стелы из Харакониса). Однако часто выдвигаемый американской школой довод, что Хасанлу и его значительная материальная культура (и искусство) должны рассматриваться как относящиеся к стране Ман(н)а, стал еще более сомнительным с учетом рассмотренных источников. В этой связи нельзя безоговорочно принять и предложенную Л. Левиным версию о местоположении государств Ман(н)а и Паршуа²⁹.

В завоевании областей к западу и югу от озера Урмия, которые было необходимо закрепить рядом крепостей³⁰, я усматриваю прямую предпосылку к дальнейшему продвижению урартского войска к Мусасиру. Это продвижение шло, как отмечено выше, по дороге, ведущей из Ушнавийех через перевал Келишин на Ровандуз³¹.

Ни один из источников не сообщает о покорении государства Мусасир, ибо стела из Келишина повествует лишь о мирной, религиозной поездке урартских правителей в храм бога Халди. Здесь можно лишь строить гипотезы. Вероятно, государство Мусасир было относительно независимое политическое образование, как это известно из саргонского периода. После ухода ассирийцев оно, вероятно, перешло, стихийно или же по меньшей мере без воен-

²⁸ R. Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam*, Paris, 1951, с. 72.

²⁹ L. Levine, *Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros*, Toronto—London, 1974, с. 104, 113.

³⁰ См. W. Kleiss—H Hauptmann, указ. соч., датировку крепостей в каталоге.

³¹ Здесь надо упомянуть дубликат стелы из Топцевэ, обнаруженный недавно именно на этой дороге в 7 км южнее горного перевала Келишин и подтверждающий наличие этой древней урартской дороги.

ных столкновений, на сторону урартских правителей, усилившихся после победы над Мешта-Хасанлу.

В продолжение не менее столетия, т. е. до восьмого похода Саргона, линия между Келишином и Мехабад—Миандоабом проходила по юго-восточной границе Урарту. Оттуда Ишпуини, Мелуа, Аргишти I и Сардури II предпринимали последующие походы на юг против государства Ман(н)а и персов (Паршуа); в эпоху царя Русы I, т. е. в период 735—713 гг. до н. э., произошла решительная схватка с ассирийцами.

Н. В. АРУТЮНЯН

К НЕКОТОРЫМ УРАРТСКИМ ТОПОНИМАМ ЮЖНЕЕ УРМИИ

В заглавной декларации совместной надписи Ишпуини и Менуа, обнаруженной в Хараконис-Карагюндюзе (восточнее оз. Ван, на северо-восточном углу Эрчек-гёла) от имени бога Халди повествуется о покорении города Меишта (Мейшта, Мишта) и страны Баршуа (Паршуа). При описании же самого похода в надписи речь идет об отправлении упомянутых урартских царей в Меишта и завоевании городов Меишта, Куа(ни), Шариту, Нигиби страны Баршуа¹.

Привлекает к себе внимание тот факт, что в заглавной декларации хараконисской надписи Меишта занимает особое место — предшествует стране Баршуа. Примерно такая же картина наблюдается и при описании похода: среди городов области Баршуа Меишта упоминается на первом плане.

Меишта, как известно, в урартских источниках выступает также несколько позже — в надписи Менуа, высеченной на скале Таштепе, в 21 км северо-западнее Миандуаб-Миандоаба, близ юго-восточного побережья Урмийского озера. Но если в хараконисской надписи царей Ишпуини и Менуа Меишта выступает в качестве города (поселения) страны Баршуа, то в таштепинской надписи царя Менуа этот город уже упоминается в неотрывной связи со страной Мана².

Далее бросается в глаза то обстоятельство, что в обоих случаях Меишта занимает вполне обособленное место: в хараконис-

¹ См. УКН, 24 = Handbuch, 7.

² УКН, 29 = Handbuch, 17.

ской надписи он предшествует стране Баршуа, а в таштепинской — стране Мана. Можно думать, что Меишта являлась, очевидно, важной пограничной крепостью между странами Баршуа и Ман(н)а — на северной периферии Баршуи или южной окраине Манны. Она, вероятно, постоянно была яблоком раздора между упомянутыми странами. Именно этим следует объяснить тот факт, что Меишта время от времени выступает в составе то Баршуи, то Манны.

С другой стороны, в специальной литературе высказано мнение о том, что Меишту урартских источников следует отождествить с Мес(с)и-Мис(с)и-Меса-Месу ассирийских надписей (в Меишта конечное -та является топонимическим суффиксом — ср. урартск. 'Арси-та и ассир. Харси; урартск. Баруа-та и ассир. Бит-Барруа)³. Примечательно, что Месси-Мисси-Меса-Месу так же, как и в урартских источниках Меишта, выступает на южной окраине Манейского царства, по соседству с Парсуа-Баршуа. Разницей является лишь то, что если согласно урартским надписям Меиш(та) являлся городом, то в ассирийских источниках Месси-Мисси-Меса-Месу выступает в качестве и города, и области⁴.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что Меишта-Месси являлась областью с соименным центром на южной периферии Манейского царства или на северной окраине страны Баршуа-Парсуа, восточнее и юго-восточнее нынешнего Сердешта⁵. Что касается совр. Хасанлу (южнее/юго-западнее Урмийского озера, в долине Годар-чая), то это поселение расположено гораздо севернее Месси-Меишты и страны Баршуа-Парсуа клинописного периода, поэтому естественно оказывается в пределах исконной территории Манейского царства.

³ Г. А. Меликишвили, *Напри-Урарту*, с. 44; *он же*, УКН, с. 434. Н. В. Арутюнян, *Бнайнили (Урарту)*, с. 143—144. Ср. *Louis D. Levine, Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros, Iran, XII, Toronto—London, 1974, с. 110, 111, 114.*

⁴ SABT, I, с. 178—181 (II, 34—59) = АВИИУ, 34. SABT, I, с. 190, стк. 7 = АВИИУ, 35. HCS, стк. 51—52 = АВИИУ, 49 (51). RCAE, I, № 61, лиц. стор., стк. 10—обор. стор., стк. 2.

⁵ О более южной локализации страны Паршуа см. также И. М. Дьяконов *История Мидии*, М.—Л., 1956, с. 161 и прим. 2.

А. А. МАРТИРОСЯН

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КРЕДИТ В ДЕЛОВОМ ДОМЕ ЭГИБИ

Впервые представитель рода Эгиби упомянут в надписи на стеле кудурру в 715 г. до н. э. Начиная с этого времени и до конца VII в. до н. э. члены этой семьи фигурируют в ряде разрозненных текстов, происходящих из разных мест и попавших в различные библиотеки, например, в библиотеку Ашшурбанапала, и музей¹.

С 602 по 582 гг. до н. э. составлено 11 документов, контрагентом которых является Шула, сын [Набу]-зер-укина, потомок Эгиби (ШУ). Некоторые из документов составлены в Вавилоне, другие в разных местах, по-видимому, пригородах. Среди сделок — купля и продажа рабов, скота, зерна, сдача в аренду дома, аренда со стороны ШУ участка царской земли и абстрактные долговые расписки относительно ссуд серебром и зерном. Свидетельством некоторого достатка в доме являются контракты о продаже ячменя, организация торгового товарищества, наконец, крупная ссуда со стороны ШУ — 10 мин серебра на 3 месяца, правда, без процентов, так что назвать это настоящей сделкой нельзя.

Nbk 86 составлен в 595 г. в Алу-ша-Амурру. Сумма долга неизвестна. Имеется поручитель, который обязан доставить должника к ШУ в установленный срок, либо сам погасить долг. Видимо, привести должника не удалось. Поручитель вновь обязуется привести должника, либо подставить ему замену 20 тебету. В против-

¹ По материалам архива Эгиби см. исследования *S. Weingart*, *Das Haus Egibi...*, Berlin, 1933; *A. Ungnad*, *AfO* 14, S. 57 сл.; *J. Krecher*, *Das Geschäftshaus Egibi in Babylon...*, Münster, 1970.

ном случае должен уплатить по долговому требованию сам (Liv 3).

Nbk 65 — ссуда финиками (11 кур) и ячменем (8 кур), выданная ШУ его торговым партнером Мушезиб-Белом/Мардуки. Должники Амурру-ибни/Амурру-хапак и Аххешу/Белет-умману обязались выплатить ссуду в течение двух месяцев. Если они просрочат платеж, то должны выплатить долг вместе с 40% в год³.

Сын ШУ Набу-аххе-иддин (НАИ) получил образование писца и с 590 г. фигурирует как писец ряда документов. Размеры имущества, полученного им после смерти отца неизвестны, но все известные долговые обязательства ШУ перешли к НАИ. Так в 582 г. ШУ попросил займы у Нергал-убаллита/Ишум-убаллит/Бел-этеру 2 мины 14 сиклей серебра, заложив кредитору дом своего должника Шапик-зерна (Nbk 133), раба-пекаря Ина-цилли-Бела и все свое имущество «в городе и степи». Дом Шапик-зера кредитор ШУ сдал внаем за 2 1/4 сикля серебра в месяц⁴.

В 581 г. НАИ обязался уплатить Нергал-убаллиту/Бел-этеру 1 мину 54 1/2 сикля серебра, остаток долга ШУ в 2 мины 14 сиклей. Этот долг НАИ выплачивал три года. По окончании платежа все долговые требования, имевшиеся в доме Нергал-убаллита, были разбиты. В течение этих трех лет НАИ в 580 г. заимствовал у Шуллуму/Этеллу/Эгиби ячмень, перезаложив того же раба-пекаря Ина-цилли-Бела (Nbk 152).

Вступая во владение имуществом, НАИ обязался уплатить и по другому долговому требованию против ШУ. Кредиторы — Мардук-шум-ибни/Бел-ремани/Балату и Шапик-зер/Нергал-ушаллим/Син-караби-ишме записали: «Долговые требования, которые предъявлены против ШУ, принадлежат НАИ».

В 568 г. НАИ уплатил отцовский долг и другому кредитору Набу-неб-ана-или/Бау-иддин/Аррабту⁵.

Переход долговых обязательств отца к НАИ, кажется, свидетельствует о том, что НАИ — главный наследник ШУ, владеющий

³ I. Krecher, с. 120—121.

⁴ Там же, с. 124, 126. Должник Шапик-зер фигурирует в архиве Эгиби еще раз, в связи с продажей участка с полуразрушенным домом НАИ. Участок находился в вавилонском квартале TE (Nbk, 164, 579 г.), там же, с. 128.

⁵ там же, с. 126.

Денежные ссуды ШУ²

№	Должник	Сумма	Залог	Поручитель	Условия и оговорки	Дата	Место
Nbk 86	Набу-нацир/Мушезиб			Шама-илу/ Набу-ах-иддин	Доставка должника к 15. I. 595 г.	1. V. 595	Алу-ша-Амурру
LIV 3	"			"	Доставка должника к 15. X, либо замены: Мукин-зера/Мардук-этир/Эгиби	18. VIII. 594.	"
Nbk 111	Надин/Мушезиб	8 с. 15— 7 2 м.			13,3 %	IX. 587	Вавилон
Nbk 119	Амурру-зер-ибни/Амурру-ре-хету-уцур				После 19. I на 1 мину начнется рост %	17. I. 585	"
Nbk 136	Набу-нацир/Амурру-нацаби	10 м.			Уплата в IV м-це	14. I. 582.	"
Nbk 133	Шапик-зер/Мардук-зер-ибни-Шангу-Нинурта		дом		антихреза	10. X. 582.	"
Nbk 137	Син-иддин/Инакиби-бел/Ша-табтишу и Бурашу, его жена, арендаторы	15 3/4 с.	ра-быня		Уплата до 15. V.	21. IV. 582.	"
Nbk 138	Набу-ах-иддин/Мамаш-иддин, Зунна, его жена, Шула, его брат	24 1/2 с.		Взаимное поручительство	Уплата в IX м-це	20. VI. 582.	Алу-ша-Набу-амме

² Здесь, для составления таблицы, и выше использованы данные Крехера, с. 120—126.

имуществом отдельно от братьев. Иначе документ Eum 13, составленный в 561 г., упоминал бы и НАИ вместе с братьями. Здесь говорится о том, что Итти-Набу-балату, сын Шулы не должен покидать города без ведома его брата Бел-кешира пока они не поделили между собой обязательства и имущество отца⁶.

НАИ представлен весьма внушительным числом документов (140), составленных большей частью в Вавилоне, но имеются документы и из Описа (здесь он находился около года), Куты и Текрита на Тигре. Документы разнообразного содержания: много данных о купле полей, домов, жилых участков и рабов. НАИ — организатор торговых товариществ, царский судья и казначей, часто действует в интересах вкладчика и дворца, сдает внаем рабов и дома, в аренду — поле. Количество выданных им денежных и натуральных ссуд довольно велико, но под проценты и в антихрезу деньги и продукты ссужаются соответственно два и три раза. Остальные ссуды прибыли кредитору не приносят⁷. Все документы о денежных и смешанных ссудах составлены в Вавилоне.

Среди вышеприведенных документов интересны два случая: Nbk 188, смешанная ссуда 2 мин серебра, 1 таланта шерсти и 1 сосуда масла. Позднее обязательство должника передается Ремуту/Набу-шум-ишкун/Гахал, у которого НАИ взял займы 86 кур 2 пан 3 сут ячменя. Должник НАИ должен внести соответственное количество серебра в уплату за ячмень, а остаток уплатить НАИ. В случае, если он не уплатит, НАИ должен рассчитаться с Ремутом соответственно своей долговой расписке. Тот же кредитор фигурирует в Nbk 191, 212, 214 (долг ячменем, уплаченный в несколько приемов)⁸.

Nbd 239/238 — в антихрезу за 2 2/3 мины серебра заложен дом должника, кредитор сдает его в аренду за 1/2 мины 2 сикля серебра в год, причем арендаторы вносят годовую плату вперед¹⁰.

⁶ Там же.

⁷ I. Krecher, с. 27—39; таблица составлена на основании материалов, приведенных Крехером, с. 127—168.

⁸ Должник этого документа, Набу-зер-укин в 547 г. одолжил 1/2 мины у ИМБ (Nbd 443, 468).

⁹ Там же, с. 129—131.

¹⁰ Там же, с. 153—154.

Денежные и смешанные ссуды НАИ

№	Должник	Сумма	Залог	Поручитель	Условия и оговорки	Дата
Nbk 172	Мардук-шапк-зер-ибни/Шангу-Нинурта	дом	Шула и Арди-Бил	антихреза	1. I. 578	
Nbk 188	Набу-этир/Амурру-нацир	2 м., шерсть, масло			19. VII. 577.	
Nbk 377	Икиша-Мардук/Алла/Паххару	18 с.	рабыня с сыном		антихреза; серебро с 1/5 долей примеси	
Nbk 407	Мушезиб-Мардук/Бел-убал-лит/Мушезибу	5 с.			до III. 562 г. Прежние долговые требования уничтожены	
Evt 15	Бел-ремани/Мардук-мукин-апли/Син-дамаку	10 с.			до I м-ца будущего года	
Nbd 211	Лабашн/Мушезиб-Бел/Арди-Син	4 с.			до 10. XII.	
Nbd 239	Набу-аплу-нддин (Балату/Ша-наши-шу	2 м. 40 с.	дом		антихреза	
Nbd 316	Набу-зер-укин/Набу-шум-лп-шер/Ашлаку	1 м.	2 раба		20%	
Nbd 340	Набу-эриш/Табнеа/Аху-бани	1 м.	рабыня-отбольщ.	сам должник	антихреза, уплата в IV м-це	
Nbd 395	Набу-нацир/Ина-Эсагил-зеру/Шангу-Эа	45 кур ячменя			упомянуты прежние обязательства относительно серебра и ячменя	
Nbd 438	он же	25 с. ячмень			20% на серебро.	
Nbd 468	Набу-зер-укин/Набу-шум-укин/Ашлаку	5/6 м.	раб		оговорены долги перед ИМБ и право первенства	

При таком небольшом объеме ростовщического кредита в операциях НАИ удивителен его покупательский размах. Сохранились сведения о купле 9 земельных участков, общей площадью более 40 га, сконцентрированных на юге Вавилона, приобретено 2 незастроенных жилых участка, 1 дом¹¹, причем приобретения сделаны не в ходе торговых операций, иначе они бы являлись совладениями с партнером по торговле. В деятельности НАИ почти не представлена и другая важнейшая статья дохода деловых домов — аренда земли. В таком случае непонятно, откуда брались средства на покупки, ведь только крупные его приобретения обошлись ему в более чем 40 мин серебра¹². Торговые операции НАИ более или менее известны и, как будто, не могут служить источником такого накопления. Известно, что НАИ имел совместные владения со своим торговым партнером, которые позднее были поделены на равные части между наследниками.

На этот счет можно сделать несколько предположений. Вполне возможно, что документы, имеющиеся в нашем распоряжении составляют лишь малую часть архива, большинство ссуд, выданных НАИ, было погашено и векселя уничтожены. Кроме того, можно предположить, что должности при дворце и исполнение поручений, к примеру, Нериглиссара, хорошо оплачивались, что никак не отражено в документах. Вполне возможно и предположение Крехера, что урожай с полей — единственная крупная статья дохода НАИ. Урожай может превращаться в деньги¹³.

Несомненно одно — НАИ заложил основу семейного благосостояния, ту материальную базу, оперируя которой его последователи добились такого положения в деловой жизни Вавилона.

Начиная с 555 г. до н. э., одновременно с НАИ документы дают сведения и о деятельности его сына, будущего главы дома, Итти-Мардук-балату (ИМБ), и о рабах-агентах последнего. Ссуды выдаются и со стороны НАИ, и с 548 г. его сыном, и, в меньшей мере, рабами-агентами.

В то же время до 543 г. вклады хранятся только у НАИ, занимавшего административные посты и имевшего большие связи при

¹¹ S. Weingart, с. 43; I. Krecher, с. 27—32.

¹² I. Krecher, там же.

¹³ Там же, с. 113—114.

дворе. Таким образом оказывается, что под эгидой делового дома Эгиби одновременно действует несколько ростовщиков с некоторой «специализацией». Позднее в последние годы жизни ИМБ начинает свою деловую жизнь и его наследник Мардук-нацир-апли (МНА), также, кстати, не занимающийся в этот период хранением вкладов, появляются другие рабы-ростовщики¹⁴, кредитующие деньги как на свой страх и риск, так и по поручению хозяина. Это обстоятельство указывает на наличие отдельных состояний у главы дома и его сына, а также на то, что у рабов-агентов, занимавшихся ростовщицеством и торговлей, имелся крупный пекулий.¹⁵ Разумеется в любом случае, действовали ли они самостоятельно или по поручению господ, такие рабы приносили доход прежде всего деловому дому в виде «доли» хозяина с операций или оброка.

Документы этого периода дают четкое представление о возросшей финансовой мощи дома, составе ростовщиков и должников. Объем кредитных операций при ИМБ очень велик. В общей сложности он выступает в качестве кредитора 72 раза в абстрактных долговых расписках относящихся к ростовщическому кредиту и беспроцентной ссуде, смешанным долгам продуктами и ячменем, в приписках о прежних долгах.

Ссуды серебром выдаются большей частью под обычные для Вавилонии 20% в год, часто обеспечены залогом (общий залог, дом, поле, рабы, долговые расписки, например, Samb 208, и т. д.), поручителями, иногда оговаривают срок возврата долга — всей суммы с процентами. Иногда в течение долгого времени ростовщик получает только проценты. Часто оговаривается право первенства среди прочих кредиторов. Так защищают свои интересы не только главы делового дома, но и их рабы-ростовщики. Ссуды ИМБ выдавал, как и его отец, большей частью в Вавилоне, иногда в пригородах.

В таблицах рассмотрены только документы, относящиеся к ростовщическому кредиту; включены также документы о беспроцентной ссуде, но только те, которые содержат условие относительно появления процентов по просрочении платежа.

¹⁴ А. А. Мартиросян, *Хозяйство делового дома Эгиби...*, ДВ—3, с. 200—204.

¹⁵ М. А. Дандамаев, *Рабство в Вавилонии...*, М., 1974, с. 188, сл.

№	Должник	Сумма	Залог	Поручитель	Условия и оговорки	Дата
Nbd 308	Лабаша/Думука/Саггияла	10 с.				12. IX. 548,
Nbd 404	Икиша/Мукалим/горшечника	22 с.				II. 546.
Nbd 443	Набу-зер-укин/Набу-шум-укин/Ашлаку-прачечник	30 с.	раб			20. VII. 546.
Nbd 433	Ина-Эсагил-зер-ибни/Бел-убалит/Ир'ани	+1/3 м.	дом			4. VI. 516.
Nbd 461	Лабаша/Зерия/Набая и его жена, Гула-ка'ишат/Эа-ибни/Белю	1 м. 11 с	раб	Набу-зер-лишер	до конца X м-ца, прежние долги.	2. X. 545.
Nbd 468	Набу-зер-укин/Набу-шум-укин/Ашлаку	50 с.	раб		оговорка первенства, прежние долги	24. X. 545.
Nbd 479	Арад-Мардук/Мардук-этир/Ша-табатишу-солевар	45 с.	рабыня	Ташмету-дамкат/Га-кнш-Гула		10. XII. 545.
Nbd 552	Бел-иддин/Белшум-ишкун/Синтабни	1 м.	поле с долей брата			20. IX. 515.
Nbd 566	Рихету, раб Аллы /сапожник/	6 с.			Выдача 4 пар обуви ценой за 1 с. 5 пар	5. XI. 514.
Nbd 585	Бел-иддин/Банья/Аррабту, пи-сец	20 с.	рабыня			18. I. 541.
TCL XII, 103	Надин/Нергал-этир/Бабуту и его жена Нупта/Набу-мушетик-урри	5 с.	дом		прежние долговые обязательства	20. XII. 543.
Nbd 602	Бел-иддин/Банья/Аррабту	2 с.	рабыня		прежние долговые обязательства	28. III. 544.

Ссуды ИМБ под проценты

№	Должник	Сумма	Залог	Поручитель	Условия и оговорки	Дата
Mold I, 26	Надин/Нергал-этир/Бабуту, пи-сец, и его жена Нупта/Набу мушетик-урри/Эсагилая.	36 с.	восточный дом	взаимное поручит.	антихреза за 10 с. проценты на остальную сумму	14. XI. 542.
Nbd 830	Мушезиб-Мардук/Набу-зер-китти-лишир/Шулману	х	золотые предметы, вес 7 1/6 сикля			16. I. 541.
Nbd 945	Лабаша/Бел-рицуа, хр. раб	1,5 м.			до IX м-ца	12... 541/40
Nbd 1056	Иддин-Набу/Икиша/Эа-ибни писец	1 2/3 м.			до VII м-ца	22... 539
Nbd 1110	Нупта/Никуду/Саггилая	х	дом	Никуду/Бел-зер-ибни/Саггилая	прежний долг в 10 сиклей	13. VIII. х
Nbd 1120	Набу-шум-укин/Набу-зер-укин	1/2 м.				10. X. х
Суг 219	Ремут/Набу-рихит-уцур	15 с.			долг ячменем	8. XII в 533.
Суг 227	Ина-цилли-бит-акиту/Этир-Набу	1/3 м.			долг вернуть в Экбатанах, 1/8 примеси	16. II. 533.
Суг 249	Арад-Мардук/Пир'/Эпеш-или, писец	1/2 м.	дом			22. I. 532.
Суг 254	Ремут-Наная/Шамаш-зер-иб-ни/Бел-аплу-уцур	1 м.	дом			20. II. 532.
Суг 268	Бел-нддин/Мардук-укин-апли/Ле'у-Мардук	1 м.	раб	Балату/Ду-мук/Гахал и .../Баня/Канник-баби		13. VII. 532.

№	Должник	Сумма	Залог	Поручитель	Условия и оговорки	Дата
Самб 43	Бел-иддин/Син-этир/Раб-бани	1 м. 17 с.	группа до- мов		до конца года, дома в распоря- жении Нергал-рицуа, раба ИМБ	14. IV. 529.
Самб 68	Белет-ипши/Ушмуша-Бунене и его жена Шинибана/Нинлиль- зер-ибни	2 м.	дом		антхреза за 1 м. 1 м. под про- центы	2. VIII. 529.
Самб 122	Набу-уцуршу/Мушезиб-Бел, арендатор	25 с. 10 с.		Нергал- убаллт	кроме прежних долгов	27. VII. 528 г.
Самб 166	Бел-луммир/Шула/Эгиби	3,5 м.			кроме прежних долгов	1. XII. 527.
Самб 208	Лиширу/Набу-бани-ах/Син-ша- дуну	54 с.			до VII м-ца, прежние долги	28. IV. 527.
Самб 301	Набу-х/Шапик-зер/Мицирая	2/3 м. +3 1/3 м.	дом		прежние долги	9. V. 526.
Самб 301	Луцу-ана-нур/Набу-этир-на- пшате/Син-нацир	х			получены 4 сикля—проценты с капитала	3... 525/4
Самб 328	Либлут/Шакин-шум/Адад-шум- эреш	8 м.	рабыня			1. IX. 524.
Самб 331	Хуннату, рабыня ИМБ	2 м. 2 с.			до конца X м-ца, уплата капитала и %	11. IX. 524.
Самб 336	Эсагил-шадуну/Ина-эши-этир/ Син-шадуну	2/3 м.				23. IX. 523.
Самб 337	Бел-ушаллим/Бел-ибни/Галла- бу-парикмахер	10 с.				10. X. 523.
Самб 341	Мардук-шапик-зер/Бел-убал- лит/Нагири-глашатай	6 м.			прежние долги на имя МНА	18. XI. 523.

Ссуды ИМБ под проценты

№	Должник	Сумма	Залог	Получитель	Условия и оговорки	Дата
Самб 343	Шаху/Ремут и его мать Табату	20 с.			долг вернуть лично ИМБ вы- дан работ-агентом	22. XI. 523.
Самб 346	Набу-наид/./, царский управл.	10 с.				XI. 523.
Самб 368	Итти-Шарру-балату/Набу-дин- ни-убаллита, царский управ- ляющий	1/2? м.				16. II. 523.
Самб 372	Нергал-этир, брат ИМБ	1 м. 45 с. поле			оговорка первенства, белое се- ребро	19. IV. 523.
Самб 431	Набу-мужин-зер/Шакин-шум/ Мицирая	5 м.	дом			14. IX. 523.
Даг 26	Калба/Цилла	х				8. XII. 520.
Даг 93	Кашшат/Набу-этир/Раб-бани и внук-Бел-иддин/Мардук-ша- пик-зер/Нагири	44 м.		Взаимное поручит-во		18. XI. 528.
Беспроцентные ссуды						
TCL XII 101	Набу-шум-укин/Бел-ушаллим /Бабуту	13 с.	100 камней	Бел-ушал- лим/Набу- шум-укин	принести 305 камней иначе начинается рост процентов	21. VIII. 545.
Mold 27	Лабаша/Зерия/Набая	1/2 м.			проценты после VII м-ца	6. VI. 543.
Самб 195	...]-Мардук/Дамкия/Гахал	1 м.	2 раба		проценты после II м-ца	20. VIII. 527.

Nbd 566 содержит в себе черты ростовщической ссуды и приобретения имущества в счет погашения ссуды¹⁶. «6 сиклей серебра, принадлежащих ИМБ, сыну НАИ потомка Эгиби за Рихету, рабом Аплы, сына Бел-иддина, потомка Эгиби. В месяц за одну мину 1 сикль серебра на него увеличится. Из них 4 пары обуви (ценой) за 1 сикль серебра 5 пар из рук Рихету ИМБ получил».

Интересны случаи многократного обращения к ростовщикам дома Эгиби. Должник документов Nbd 585, 602 сильно стеснен в средствах. Не сумев погасить прежней задолженности, он снова берет в долг, теперь однако на очень тяжелых условиях — под 240% в год. Возможно, что в указании процентов писец, в данном случае сам должник, допустил ошибку, написав «месяц» вместо «год». Однако подобные проценты указаны и в документе Dag 45¹⁷.

Следующие должники муж—Надин/Нергал-этир/Бабуту и жена—Нулта дважды занимают у ИМБ 5 сиклей и 36 сиклей серебра, из которых 26 выдано под 20% в год, остальные 10 — в антихрезу дома. Писцом этого документа тоже является сам должник. Известна и дальнейшая судьба Надина и его потомков. Видимо, он так и не уплатил долгов и его сын Набу-нацир-апли уже является арендатором одного из полей Мардук-нацир-апли, расположенных в пригороде Вавилона¹⁸ (TCL XII 103; Mold 26, Dag 362, 461). Эта группа документов позволяет сделать вывод о том, что клиенты Эгиби потомственно закрепляются за деловым домом. Кроме того, Надин, получивший образование писца, видимо, происходил из средне-зажиточной семьи. Переход его сына в арендаторы говорит о понижении социального статуса.

О разорении должников говорят Nbd 433, 633. Должник Ина-Эсагил-зер-ибни/Бел-убаллит/Ир'ани получил под проценты [...] 1/3 мины серебра, под залог дома, расположенного рядом с домом НАИ, отца кредитора (546 г.). Через 2 года неоплатный должник вынужден продать кредитору свой жилой участок в Вавилоне. Кредитор уступает должнику проценты с долга¹⁹.

¹⁶ М. А. Дандамаев, Рабство..., с. 174; он же, Вавилонские писцы, М., 1983, с. 109—110, 148—159.

¹⁷ Ср. I. Kirschner, с. 253.

¹⁸ М. А. Дандамаев, указ. соч., с. 182—183.

¹⁹ I. Kirschner, с. 172—181; А. А. Мартиросян, Приобретение имущества в доме Эгиби, ИФЖ, 1977, с. 185.

Nbd 945 — контрагентом этого документа является храмовый раб, патронимикон которого приведен. И то, и другое редко. Раб—должник ИМБ, интерес здесь представляет то, что он связан с ростовщиком еще какой-то сделкой. К сожалению, в этой части документ сильно фрагментирован²⁰.

Суг 227 составлен в местности Аилтамму-дургураш, по всей вероятности, в Мидии (II. 533 г.), в промежутке между Суг 219 (Урук, XII. 533) и Суг 228 (Вавилон, III? 533 г.). В документе содержится требование вернуть долг в Экбатанах. Таким образом ИМБ в 533 г. планировал, либо совершил поездку в Мидию, возможно, торговую. Этим можно объяснить требование — дороги часто были небезопасны и предосторожность купца, или путешественника, не берущего с собой много денег, понятна. То же самое практиковалось восточными купцами до последних времен.

В 502 г. также поступает и наследник ИМБ Мардук-нацир-апли (МНА). Он выдает ссуду в 1 мину в Шушан, а уплата должна состояться в Вавилоне. Возможно, существованием этой практики можно объяснить долги, сделанные ИМБ во время его первой поездки в Мидию (Суг 15, 29, 37, 60). Три из этих долговых расписок содержат условие вернуть долг в Вавилоне.

Особую важность, на мой взгляд, представляют документы TCL XIII 144 и Samb 122, выявляющие связь аренды с ростовщическим кредитом и наоборот, т. е. взаимную обусловленность этих двух важнейших статей дохода в деловом доме.

Первый из них — смешанная ссуда серебром и продуктами, в конце таблички оговорка: «не уплачено садовнику». По-видимому, должники — арендаторы финикового сада, принадлежащего ИМБ. В данном случае они уплатили 2 сикля серебра — проценты с основного долга в 10 сиклей.

Второй — представляет собой арендный договор, составленный в 528 г. В конце документа имеется приписка относительно долгового обязательства арендатора. Долг составляет 25 сиклей, кроме прежних 10. Обе ссуды выданы под обычные проценты²¹.

²⁰ М. А. Дандамаев, указ. соч., с. 305.

²¹ А. А. Мартиросян, Арендные операции... Эгиби..., «Вестник обществ. наук» АН АрмССР, 1977, № 7, с. 87.

ИМБ Смешанные ссуды под проценты

№	Должник	Сумма	Количество и название продукта	Залог	Срок возврата серебра и продукт.	Дата
TCL XIII 144	Даян-эреш и Набу-иддин/Гимиллу	10 с.	6 кур 4 пан фиников, 3 кур 3 пан полбы			21. II. 530
Samb 305	Мину-Бел-дану/ Набу-бани-ах/Эгиби	32 с,	10 кур сезама		VII м-ц	30. I. 524

Некоторые сведения о ссудах ИМБ дает Даг 26 — купля поля со стороны Мардук-нацир-апли. Покупатель оговаривает, что долговые обязательства продавца перед ИМБ в цену поля не зачтены. Поле стоит 9,5 мин, сколько из них вернулось в дом Эгиби неизвестно. В данном случае возможна и беспроцентная ссуда, так как продавец — Калба, сын Циллы, потомок Набая был тестем МНА и одним из богатейших людей страны.

Наконец, последний документ об отдаче денег под проценты — Даг 93, составленный после смерти ИМБ. Собственно говоря, это вексель, переписанный на имя Мардук-нацир-апли.

«20 дня месяца аддару третьего года Дария царя Вавилона, царя стран, Кашшат, дочь Набу-этира, потомка Раб-бани, мать Мардук-шапик-зера, сына Бел-убаллита, потомка Нагири (глашатая) и Бел-иддин, сын Мардук-шапик-зерна, потомок Нагири долговое требование относительно 44 мин серебра, капитала, принадлежащего Итти-Мардук-балату, сыну Набу-аххе-иддина, потомку Эгиби, отцу Мардук-нацир-апли, которое за Мардук-шапик-зером, в присутствии Арахи передали Мардук-нацир-апли новую долговую расписку (относительно) серебра и процентов с него, согласно долговому требованию Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби, отца Мардук-нацир-апли он должен принести и Мардук-нацир-апли отдать. Один за другого ответственен». Тот же должник упоминается в Samb 341, долговое обязательство на 6 мин серебра, полученных под проценты от ИМБ в 523 г. Документ отмечает прежние долги Мардук-шапик-зера перед Мардук-нацир-

апли. Таким образом, Даг 93 — пересчет всех прежних долгов, видимо, и отцовских ссуд, и ссуд, выданных МНА в последние годы жизни ИМБ.

В связи с такой суммой долга стоит остановиться на количестве кредитных операций ИМБ, в течение 524—523 гг., и на общей сумме, выданных под проценты денег.

Только в течение одного года (IX. 524 — IX. 523) ИМБ выдал одиннадцать ссуд под проценты (Самб 305, 328, 331, 336, 337, 341, 343, 346, 368, 372, 431) общей суммой более 24 мин 37 сиклей. К этому можно прибавить долг Мардук-шапик-зера, вычислив из всей суммы 6 мин.

Таким образом, в последний год жизни ИМБ ссудил более таланта серебра, который приносит ему более одной мины дохода в месяц. Его наследник Мардук-нацир-апли (МНА) выступает в качестве кредитора в общей сложности только 36 раз²², это вдвое меньше чем при ИМБ. К тому же резко сокращается количество выдач серебра под проценты; кредит в жизни делового дома Эгиби начинает играть меньшую роль. Сокращение объема кредитных операций, как и некоторые денежные затруднения МНА, Крехер склонен объяснить дележом имущества 508 г. до н. э., считая, что экономическая мощь семьи базировалась прежде всего на совместном с братьями владении большим имуществом²³, а после дележа капитал, с которым действовал МНА, значительно сократился. Вероятно, этим можно объяснить малое количество кредитных операций после 508 г. до н. э., но никак не до этого. К тому же, очевидно, что и Набу-аххе-иддин, и Итти-Мардук-балату действовали отдельными от братьев капиталами, иначе документы бы отмечали, что серебро принадлежит ИМБ и его братьям или НАИ и его братьям. Кроме того МНА в результате дележа получил большую часть имущества, капитал, вполне позволяющий всякого рода операции.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что требуется иное объяснение. Возможно, уменьшение количества кредитных опера-

²² *J. Krecher*, указ. соч., с 66—101.

²³ Там же, с. 102—114.

Денежные ссуды МНА под проценты²⁴

№	Должник	Сумма	Условия и оговорки	Дата
Nbk 17	Набу-ялу, раб МНА	14 2/3 м. 9 с.		18. XI. 523.
Даг 44	Набу-таттанну-уцур/Табнеа/ Бел-этир	1/3 м.	серебро с пробой	3. VII. 520
Даг 45	Нергал-этир/Итти-Мардук-ба- лату/Этиру	1 5/6 м. 8 с.	240%	17. VII. 520.
Даг 142	Надин/Кина	5 м. 50 с. ит. <10 м.	+4 м. 11+ ... с. прежних долги финниками, касия и железные мотыги	22. XI. 517.
Даг 170	Набу-аплу-иддин/Набу-этир/ Ишину	5 м.	Серебро с 1/8 долей примеси н с пробой	16. VI. 517.
Даг 494	Шеллеби/Паллил-убаллит	7 м.	уплата в текущем м-це, иначе ежегодная доставка 60 кур фи- нников вместо процентов.	15. XII. 502.
Даг 561	Иддин-Набу/Мардук-кишан- ни/Бел-этеру	1 м. 8 с.	Прежние долги ячменем за На- ана-алня	8. II. 499.

24 Таблица составлена на основании материалов И. Крехера.

ций связано с историческими изменениями. Вопрос — трудный и сразу решить его невозможно за недостаточностью данных. Трудно пока ответить и на вопрос, есть ли связь между уменьшением операций по кредиту и увеличением по аренде.

Приступая к изложению документов, отмечу, что до 508 г. ссуды выданы от имени МНА и его братьев, после — только от имени МНА. Поручителей нет.

Даг 142 связан с другой долговой распиской Даг 108. Первоначально выдано 50 кур ячменя, 1 мина серебра с $\frac{1}{8}$ долей примеси и 1 мина серебра с пробой (I. 518 г.) должник обещал уплатить долг через три месяца, но просрочил платеж. Через 10 месяцев на капитал серебра начали расти проценты. В 507 г. была составлена новая долговая расписка относительно 5 мин 50 сиклей серебра кроме прежних 4 мин 11 $\frac{1}{2}$ сиклей, 150 кур фиников, прежний долг ячменем, 10 кур касия и железных мотыг весом в 20 мин²⁵.

Очень интересен Даг 494: первоначально МНА выдал Шеллеби/Паллил-убаллита натуральную ссуду — 220 кур фиников. Позднее продукты были пересчитаны на серебро, 7 мин, которые должник обязался вернуть вместе с процентами в течение текущего месяца. Обеспечением долга служит обсаженный пальмами участок на берегу канала Иштар близ Бит-Набу-бел-или. Если должник просрочит уплату, он должен ежегодно выплачивать МНА и его братьям 60 кур фиников с урожая заложенного им участка и доставить финики МНА как проценты с капитала. Если урожай больше, разница принадлежит должнику, если меньше — он обязан возместить разницу. Он обязан выплатить кредитору все проценты²⁶.

Документ представляет интерес прежде всего переходом беспроцентной натуральной ссуды в очень крупный ростовщический кредит, который может приносить доходы в течение долгого времени. Через 4 месяца составлена новая расписка Даг 501, должнику осталось выплатить 1 мину 50 сиклей серебра, которые он обязуется вернуть через месяц. Проценты он будет выплачивать отдельно.

²⁵ I. Krecher, указ. соч., с. 262.

²⁶ Там же, с. 332.

Выплата процентов большим количеством фиников, по сути, обозначает что в случае несвоевременной уплаты должник автоматически превращается в арендатора своего же поля, а МНА, не будучи владельцем этого поля фактически становится его арендодателем.

Смешанная ссуда, в которой начинается рост процентов после просрочения платежа зафиксирована один раз. Даг 288 — должнику по имени Дадия выдано 2 мины 22 сикля серебра, 1 одежда и 1 куртка. Уплата через восемь месяцев. Если он просрочит платеж, на серебро начнут расти проценты. Очевидно имеются и другие долговые обязательства²⁷.

Сходен Даг 309 — ссуда 8 кур ячменя, 34 кур фиников и 13 сиклей серебра некоему Ардии, сыну Нергал-иддина, выданная под залог раба. Должник поклялся уплатить 15 числа будущего месяца, но если он не вернет серебро и продукты, то должен отдать МНА взамен фиников и серебра заложенного раба, а ячмень уплатить по «вавилонскому курсу»²⁸. Видимо под этим выражением скрыты проценты.

Возможно, проценты подразумеваются и в Даг 446 — Набу-буллитсу, сын Набу-шум-укина, потомок Ла-куббуру взял займы без процентов 1 1/2 мины серебра, обязавшись уплатить их второго числа будущего месяца. Если он просрочит платеж, то к 15 числу того же месяца должен доставить к МНА трех молодых животных. Примерно через год Набу-буллитсу возвращает МНА свой долг в размере 2 мин серебра. В тот же день МНА получает 4 1/3 мины и от второго должника. В тот же день жена МНА Амти-Бау по распоряжению МНА отослала часть серебра брату мужа, названному Паршу (сокр. от Нергал-ушезиб). 1/2 мины Паршу получил от первого должника и «соответствующую долю» с денег, возвращенных вторым должником. (Даг 470, 504 г.)²⁹.

Количество серебра, выданное во втором случае неизвестно. «Соответствующая доля», по всей вероятности, означает 1/4 часть суммы, если ссуды были выданы до дележа имущества. Что ха-

²⁷ Там же, с. 287.

²⁸ Там же, с. 290, 291.

²⁹ Там же, с. 321, 327—328.

рактарно для дележа 508 г. и последующих лет — это то, что МНА получает половину, а два других брата соответственно по четверти. В доказательство можно сослаться на получение арендной платы с поделенных полей. Документы оговаривают, что половина арендной платы принадлежит МНА, а другая половина — его братьям³⁰.

Наконец вкратце о ростовщической деятельности рабов. В 529 г. раб ИМБ Нергал-рицуа одолжил некоему Белет-ипши/Ушму-ша-Бунене и его жене 2 мины серебра. Из них одна мина отдана под 20%, вторая — в антихрезу дома должников. Тот же раб фигурирует в Nbd 1123, он кредитор неизвестной суммы серебра, отданной под проценты³¹. Нергал-рицуа довольно часто отдает займы деньги без процентов, еще чаще выступает в качестве агента своих хозяев, сначала Иддин-Мардука потомка Нур-Син, позднее — его зятя ИМБ. Интересны случаи, когда один и тот же должник берет займы и у хозяина, и у раба, или должен одновременно двум рабам дома Эгиби. В этом случае оговариваются прежние долги перед другим кредитором³².

Для того, чтобы представить размах Нергал-рицуа достаточно сказать, что он не только выполнял поручения хозяина, но и субсидировал торговые операции, ссужал большие суммы серебра и продуктов: только в течение одного дня он ссудил 7 мин 35 сиклей серебра, в другой день выдал 5 мин 2 1/4 сикля серебра³³.

Довольно много сведений о деятельности раба-агента Набутира, занимавшегося торговлей и выдачей натуральных и денежных ссуд. Прямых данных об отдаче денег под проценты нет, однако документы, приведенные выше, показывают, что беспроцентная и натуральная ссуды потенциально могут превращаться в ростовщический кредит при просрочении платежей. Насколько деятельность таких рабов обогащала глав делового дома показы-

³⁰ Там же, с. 66—101. МНА. Дележи имущества.

³¹ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, с. 217. В это время Нергал-рицуа принадлежал тестю ИМБ, Иддин-Мардуку/Нур-Син.

³² Там же, с. 215, 216, 218.

³³ Там же, с. 219.

вает документ Суг 337³⁴ — Набу-утир является залогодержателем поля, которое его хозяйка за неимением денег «за подарок» уступает не самому Набу-утиру, а его хозяину ИМБ.

Еще более многочисленны данные о деятельности Набу-йалу и Дайан-бел-уцура. Последний начал свою карьеру еще при Иддин-Мардуке, позднее перешел к ИМБ и, по наследству, к преемнику последнего МНА. О том, насколько они были платежеспособны, говорит документ Nbd 17 — Набу-йалу взял в долг у МНА 14 мин 29 сиклей серебра под проценты. Почти такую же крупную сумму одолжил Нергал-рицуа у представителя дома Нур-Син (Camb 285, 11 мин серебра)³⁵.

Все эти данные о выдачах ссуд со стороны рабов свидетельствуют в пользу того, что под эгидой дома Эгиби при ИМБ и позднее при его преемнике существовало несколько отдельных крупных состояний, связанных между собой общими интересами владельцев. Последние, в случае надобности, защищали имущество и интересы своих рабов. Так в 502 г. Бел-упаххир, один из должников Дайан-Бел-уцура, отказался уплатить свои долги, мотивируя тем, что он уже расплатился с кредитором. Тогда МНА потребовал, чтобы должник предъявил ему все расписки о расчете. Если он не предъявит расписок относительно серебра, фиников и вола Дайан-бел-уцура, то должен уплатить хозяину кредитора согласно своим долговым требованиям³⁶.

Приведенные выше таблицы и документы показывают неуклонный рост благосостояния делового дома Эгиби в течение трех поколений: небольшое количество и разнообразие операций при Шуле в начале VI в. до н. э., значительное увеличение и концентрация имущества при его сыне Набу-ахле-иддине и, наконец, резкое возрастание имущества и количества операций при их последователях. Кредит достигает своего максимального объема при Итти-Мардук-балату и довольно сильно сокращается при его на-

³⁴ Там же, с. 191. Сходен Camb 343 — один из рабов ИМБ выдал под проценты 20 сиклей серебра, но должники должны вернуть долг лично ИМБ, хозяину кредитора.

³⁵ Там же, с. 193.

³⁶ Там же, с. 210, 214.

следнике Мардук-нацир-апли. Следует выяснить с чем связано это явление — очевидных причин нет. По всей вероятности, увеличение числа ростовщических ссуд при Итти-Мардук-балату связано с унаследованием и использованием большого отцовского имущества, однако документы не дают полной информации о том, на какие средства были приобретены дома и поля Набу-аххе-иддина, а также, какую часть отцовского имущества унаследовал Итти-Мардук-балату. Можно только предположить, что он получил большую часть земель и домов отца. Деятельность Итти-Мардук-балату представлена по сравнению с отцом, довольно полно: ростовщический кредит и финансирование торговли связываются с приобретением имущества, последнее — с эксплуатацией, арендой домов и полей, отдачей рабов внаем. Излишки продуктов, полученные от арендаторов выдаются в кредит или вывозятся на продажу, причем в последнем случае немалую роль играют рабы-агенты, занимающиеся ведением дел глав дома за пределами Вавилона³⁷. Рабы-агенты так же, как и хозяева занимаются выдачей денежных и натуральных ссуд и при Итти-Мардук-балату, и при Мардук-нацир-апли.

Есть пример перехода натуральной ссуды в денежную под проценты и залог поля должника, хотя обычно натуральные ссуды выдаются с требованием вернуть долг «в капитале», т. е. без процентов. Понятно, что в случае несвоевременной уплаты требования могли измениться. То же самое можно сказать и о беспроцентных ссудах, оговаривающих срок возврата серебра. Просрочение платежа грозит должнику ростом процентов.

Довольно многочисленны и смешанные ссуды с выдачей денег под проценты или без них. В последнем случае, возможно, отдача на продажу? С появлением операций по аренде земли в число клиентов делового дома включаются арендаторы земель, нередко прибегающие к помощи ростовщиков дома Эгиби.

Клиенты дома Эгиби, и должники, и арендаторы, в основном, представители свободного сословия. Уже то обстоятельство, что они обращаются к услугам дома Эгиби неоднократно, позволяет предположить, что деятельность делового дома приводила к зака-

³⁷ Там же, с. 181—218.

балению среднего сословия. С этим явлением хорошо увязываются сведения относительно продавцов домов, полей и рабов, являвшихся неплатежеспособными должниками делового дома.

Среди должников делового дома немало писцов, ремесленников, людей, обладающих пребендой. Имеются указания на то, что клиенты, потомственно переходили от Набу-аххе-иддина к Итти-Мардук-балату, а от последнего к его наследнику. По всей вероятности, к дому Эгиби перешла и часть клиентов Иддин-Мардука, главы делового дома Нур-Син после смерти последнего и после перехода его рабов-ростовщиков к Итти-Мардук-балату. Так, отец одного из должников Мардук-нацир-апли был в свое время должен Иддин-Мардуку и его рабу Нергал-рицуа 1 мину 4 сикля серебра³⁸, а его сын — Бел-иддин/Шаллала выплачивает Мардук-нацир-апли часть своего долга — 1/3 мины 3 23/24 сикля³⁹.

Потомственное закрепление клиентов за деловыми домами важное свидетельство резкой социальной поляризации в обществе Вавилонии VI—V вв. до н. э. В связи с этим следует обратиться к изучению материалов деловых домов Нур-Син и Набая, связанных с Эгиби родственными узами.

³⁸ Там же, с. 217.

³⁹ I. Krecher, указ. соч., с. 279.

ИСИДОР ЛЕВИН

АРАМЕЙСКИЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР
ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ¹

(Аггада)

Произведения словесности возникают, существуют и распространяются устно и/или письменно. Устное состояние может предшествовать, сопутствовать или последовать письменному. Но именно письменность, фиксируя язык произведений, привязывает их к определенным народам. Впоследствии, в силу некоторых теорий культуры, закрепляется представление об отдельных, автохтонных литературах. Между тем, для раннего периода было бы вернее не терять из виду регионального и культурно-исторического единства словесности. Анахроническая односторонность проекции на древневосточную литературу европейского, вкоренившегося в XIX в. «этнического» понимания творческого процесса, усугубляется еще и ограниченностью дошедших до нас памятников, их диахронией и известной необъяснимостью той необратимой селекции, которой устная и письменная словесность неотвратимо подвергались. Ввиду этого некоторые виды литературы, особенно те, что прослыли священными, либо вовсе выпадают из поля зрения советского литературоведения, либо становятся уделом чересчур узких специалистов.

К сожалению, великое множество устных притч, афоризмов, повествований, сложившихся на всем протяжении древней истории Ближнего Востока, не могло дойти до нас, хотя спорадически случалось, что их записывали. Так, для нужд шумерской школы еще в первой половине III тысячелетия до н. э. записывались по-

говорки, притчи и басни², очень редко и только в ритмической форме — сказания. Лишь в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. в связи с развитием религий, основанных на «Писаниях» устные предания стали записываться чаще.

I тысячелетие н. э. в особенности было эпохой всестороннего общения разноязычного населения Ближнего Востока, и рассказы свободно передавались из конца в конец ближневосточного мира³, а те из них, которые в конце концов фиксировались на письме, записывались и вавилонянами, евреями и греками, армянами и коптами (египтянами) на их языках, становясь частью их «литературы».

По мере канонизации библейских книг — этой культурно-исторически важной библиотеки — стали появляться и их «таргумы», т. е. арамейские (и греческие) переводы⁴. Это и не удивительно: начиная с VII в. до н. э. арамейский был языком взаимного общения всех народов Ближнего Востока, а в первые века нашей эры и вплоть до первых веков ислама он стал разговорным языком в Палестине, Сирии и Месопотамии; древнееврейский, аккадский и некоторые другие более древние языки сохранились лишь в отдельных очагах — в автономной Иудее, в автономных городах при Вавилонии и т. д. Даже греческий язык, обслуживавший городскую (полисную) элиту и интеллигенцию, не мог соперничать с арамейским, на котором говорили жители сельских местностей, но который и в городе проникал очень широко — прежде всего в Галилее, в Сирии, Месопотамии, но также и в некоторые города Малой Азии и Армении.

Среди свитков, открытых у Мертвого моря⁵, выявлены также два перевода (кн. Левит и кн. Иова) на арамейском языке. В 1956 году в ватиканской библиотеке⁶ был обнаружен, по всей вероятности, древнейший, неизвестный ранее арамейский таргум, датируемый I или началом II века н. э. Эти переводы доносят до нас тогдашнее понимание текстов Библии людьми, говорившими на арамейском языке (и вероятно не имевшими традиционного отношения к этим книгам). Являясь ценными документами рецепции древневосточной словесности, таргумы сохранили образцы разных диалектов живого арамейского языка первых веков новой эры, но не только это.

Таргумы, местами отходя от текста подлинника, становятся «мидрашем», т. е. «исследованием» (от арам. *drš*), вернее истолкованием Библии. Элементы мидраша содержатся в самой канонической Библии. Предание о Еве, книги Паралипоменон⁷, книга Даниила (написанная частью по-арамейски) уже являются мидрашем. Составители Библии относились к подобным устным преданиям настороженно. Широко представлены всевозможные толкования, под названием «*пéшер*»⁵ в письменности оппозиционной секты «кумранитов» I в. до н. э.

Толкования вроде мидраша содержатся в сочинениях Филона Александрийского (I пол. I в. н. э.)⁸, писавшего по-гречески (одно произведение сохранилось только в армянском переводе!)⁹, а также Иосифа Флавия, «Древности» которого искони, вероятно, написанные по-арамейски, послужили источником рецепции древневосточной, библейской литературы многим европейским народам, между прочим, и славянским, слабо знакомым с Библией.

После крушения жреческого культа (70 г. н. э.) неписанные, народные традиции стали приобретать, по многим причинам, все большее значение в жизни иудеев, демократизуя их уклад духовно.

Аналогичный процесс восприятия устных традиций письменностью в то же самое время протекал также у христиан, а несколько позже у мусульман.

У иудеев, религия которых довольно рано стала принимать книжный характер, на смену жречеству пришли таннаиты — толкователи и собиратели так называемой «*мишны*» (от *šnh* = учить, повторять), т. е. устного учения. Свод *мишны*, сложившийся во II в. н. э. состоит из 6-ти «порядков», составленных из 60—63 трактатов, трудно разделяемых по содержанию. В качестве авторов и традентов названы таннаиты нескольких поколений¹⁰.

Самая запись «устного учения» и упорядочение этих письменных сводов может считаться проявлением некоего реформизма, утверждающего действительность и косвенным признанием недостаточности Библии как нормативной основы общественной жизни, что нашло свое более решительное выражение в литературе Нового завета, во многих отношениях родственной *мишне*¹¹.

Поздние дополнения или, наоборот, ранние, не вошедшие в *мишну* дискуссии, образовали объемистую «*тосефту*»¹², содержа-

щую немало повествовательных текстов. Некоторые ученые считали тосефту ни чем иным, как ранней *палестинской* мишной, а следовательно традиционную мишну признавали более поздним *вавилонским* сводом. Между тем, новейшие исследователи относят тосефту к V веку н. э.¹³

В связи с кодификацией машины и превращением устных дискуссий в «писание», усилилась со временем потребность обособленного *устного* толкования мишны на разговорном, арамейском языке, а затем и письменного изложения этих толкований и дискуссий в виде «гемары», т. е. завершения мишны. Этим занялись уже «амориты» (от 'mg = сказать). Накопившиеся отчеты о своеобразных прениях на арамейском языке, понятном всему населению Ближнего Востока, были собраны и в какой то мере отредактированы саборитами (от sbg = иметь мнение) уже в VI веке.

Совокупность *мишны* и *гемары* есть «талмуд» (от lmd «учиться», т. е. «учение»), известный в двух, первоначально рукописных, позже печатных, отличающихся по объему и языку, версиях. (Почти половина трактатов мишны теперь не имеют и, вероятно, никогда не имели гемары.)¹⁴

Палестинский талмуд¹⁵, именуемый «иерусалимским» (йерушалми), хотя он там не составлялся, был завершен наспех, или просто прерван в III—IV вв., очевидно, в силу неблагоприятно изменившейся обстановки в Палестине. Именно «черновой» характер протоколов и разговорный галилейско-арамейский язык, испытавший сильное греческое, нелитературное влияние, повышают историческое, документальное значение этого огромного свода рассуждений разных школ.

Вавилонский талмуд («бавли»)¹⁶ состоит ныне в печатном виде из 6000 страниц большого формата. Он складывался дольше и был завершен на вавилонско-арамейском языке в начале арабского завоевания Вавилона (634 г.).

Около двух третей Вавилонского талмуда (4000 страниц) занимают *повествования* разных жанров. Сюда вошло много из того, о чем беседовали на досуге или спорили члены разных школ и простолюдины на протяжении трех веков и что впоследствии считалось достойным письменной фиксации и распространения в списках повсеместно, где понимали арамейский язык. Книги были до-

ступны, и копирование их ничем ограничено не было. Здесь встречаются сведения о разных явлениях хозяйственной и духовной жизни населения Ближнего Востока периода поздней древности и, преимущественно, не в литературном, т. е. индивидуальном преломлении, а как прямая информация, в ответ на вопрос или даже в порядке свободной ассоциации, со слов многочисленных лиц, разных социальных слоев, живших в разных местах и в разное время. Эта информация весьма репрезентативна, народна, а потому и противоречива и тем самым очень ценна для историка. Источники, содержание и количество информации оборачиваются уникальным качеством, дающим возможность верификации и измерения объективности и типичности сведений, содержащихся в этом своде. Эти фолианты представляют собою в полном смысле слова фольклорный архив.

Было бы весьма опрометчиво продолжать придерживаться средневекового мнения о богословском, священном, даже тайном характере талмуда. Еще в конце XVI века первопечатные издания талмуда по решению католической церкви многократно подвергались публичному сжиганию.

Не менее односторонним оказался подход и к Новому завету. Арамейский повествовательный репертуар, богато представленный в талмуде, позволяет понять евангелия как типические литературные произведения своего времени¹⁷. Конфессиональная предвзятость как иудаистов так и христиан, как впрочем и эстетическая предвзятость литературоведов, обусловленная канонизацией нормативов, жанров и стилей греко-римской письменности, воспринятая еще от гностиков склонность к аллегорическому толкованию¹⁸ и отсюда враждебность к миметической и вообще народной устной словесности, искажают общую картину древней литературы и все еще мешают историческому осмыслению арамейского наследия.

Из богатого арамейского повествовательного репертуара широко черпали писатели всех идеологических направлений, враждебных эллинизму — иудаисты и ответвившиеся от них ессеи (кумраниты) и христиане, гностики и манихеи¹⁹. Это обстоятельство очень благоприятствует современному исследователю, интересую-

щемуся устной словесностью отдаленного прошлого, в своем первоначальном виде недоступной для нас. Членение словесности по религиям столь же несостоятельно, как и по этнической принадлежности авторов.

Многочисленные армянские предания, записанные изустно еще в XIX веке (например, об Адаме и Еве, Исааке, Иове)²⁰ содержат много мотивов, непонятных иначе как на фоне преданий, дошедших до нас в составе больших сводов на арамейском языке. С другой стороны, некоторые памятники сохранились более исконно именно в армянских версиях. Эти обстоятельства делают правомерным и актуальным более широкое, сравнительное изучение арамейского повествовательного репертуара, но в первую очередь упорядочение источниковой базы также и с армянской стороны²¹.

В последнее время в несколько ином свете представляются книги Ветхого и Нового заветов, а также их рецепция. В корне изменилась оценка книжности, да и всей культуры средневековья, даже казавшейся рационалистам XIX века неинтересной схоластической и комментаторской литература христиан и мусульман²². Рецепция Библии всегда сопровождалась освоением широкого повествовательного репертуара, как письменного, так и устного, лучше всего известного по арамейской книжности под названием «аггада».

* * *

Аггада (по-арамейски *aggada* [ta] или *haggada* от глагола *ngd'* рассказывать), т. е. сказ — слово, принадлежащее общеарамейскому языку, означающее явление, характерное для всей культуры Ближнего Востока эпохи поздней древности. Но в специальной литературе²³ «аггадой» обычно обозначаются повествовательные части талмуда, в отличие от «галахи» (арам.-евр. *hlk* от «ходить», «поступать», т. е. норма поведения, законоположение). Аггады содержатся как в мишне, так и особенно в гемаре и других параллельных сводах, преимущественно вавилонских.

Первоначально аггады или мидраши передавались устно. Считалось даже предосудительным их записывать и тем самым приравнивать к Писанию. Тем не менее их письменная фиксация началась еще до канонизации Библии (I в. н. э.).

Разрозненные мидраши, толкования аггадического характера служили оснащению и оживлению проповедей (гомилетикой), как впрочем и занимательному чтению. В дальнейшем мидраши, под названием «мехилта»²⁴ (в основе II в. н. э.) были собраны в виде комментариев к ветхозаветным книгам. Комментарий такого аггадического содержания к книге Левит известен под названием «сифра»²⁵ (т. е. книга) в отличие от «сифре» (книг)²⁶, комментариев к книгам Чисел и Второзакония. Свод мидраша к Пятикнижию и к книгам Руфь, Есфирь, Песни Песней, Екклесиаста и Притч дошел до нас под названием «Мидраш рабба» (Большой мидраш)²⁷. Выдающимся сборником аггад является начальная книга этого свода, а именно комментарий на книгу Бытие под названием Берешит рабба (I в. н. э.)²⁸. Характерно, что Мидраш рабба содержит комментарии к официально отреченным, неканоническим книгам, пользовавшимся, следовательно, большой популярностью, вопреки запретам, что можно было заключить уже по сочинениям Филона Александрийского и Иосифа Флавия.

В V—VI веках сложились своды аггад или мидраша, известные под названием *Песикта*, где содержится гомилетика на круглый год. Особого внимания заслуживают Песикта де р. Кахана и Песикта раббаты, где немало аггад²⁹.

Дошел до нас большой свод, приписываемый Танхуме, жившему в Палестине в IV в. Версия этого свода циркулировала под названием *Jelamedepi* («пусть он нас научит»)³⁰. Упомянутые своды во многих отношениях близки гемаре.

VIII—IX веком датируется псевдоэпиграфический сборник под названием *Пирке де р. Элиезер*³¹, содержащий свободный пересказ повествовательных частей Библии, но сохранившийся не полностью. В этот сборник вошли и другие, небиблейские предания, имеющие много общего с арабской, коранической рецепцией библейских сказаний.

Собирание или сочинение мидраша и аггад продолжалось, по-видимому, и под арабским владычеством, вплоть до начала II тысячелетия. Самый же крупный свод аггад из разных источни-

ков составил в Адене в XIII веке Давид бен Амрам. Этот свод известен под названием *Midraš haggadōl*³² (Великий мидраш). Здесь аггады из талмудов и из других сборников и неизвестных вовсе источников, систематизованы по книгам Ветхого завета и довольно произвольно привязаны к их стихам, вероятно в целях повышения их авторитета и систематического чтения в соответствии с годовым циклом, наподобие практики чтения «Житий святых» у христиан, «по дням». Именно из этой огромной компиляции учеными были, на основе цитат, реконструированы ряд меньших сборников аггад, известных лишь по названию. Это объемистое сочинение сохранилось во множестве списков, что позволило получить надежный текст аггад, не всегда однозначно и безупречно читаемых в составе талмуда, главного резервуара аггадического репертуара.

Хотя аггады изложены, как правило, художественной прозой, в виде преданий, некоторые аггадические мотивы были использованы также в поэзии и в стихотворной форме вошли в литургию³³.

Из большого потока народных аггад, которые никогда не были предметом веры или мистического созерцания, выделилась побочная струя каббалистического содержания³⁴. Мидраши такого толка содержатся в средневековых книгах *Jesiraḥ*³⁵ («Творение», вероятно, VIII в., где мироздание истолковывается структурально как производное 22 букв арамейского алфавита и 10 цифр), в псевдоэпиграфах *Bahir*³⁶ и *Zohar* XIII в. («Сияние»), мистическом комментарии на Пятикнижие³⁷. В этих нарочито затемненных книгах на омертвевшем арамейском языке видное место занимает вовсе не Библия, а ближневосточная, синкретическая, гностическая, манихейская и мандейская, иранская спекуляция о космо- и теогогнии *m'šj berešit* о божественном троне *teqabaḥ*, учения о самосовершенствовании и о многом другом. Эти «сокровенные знания», записанные от имени и для «посвященных» выражены средствами толкования численного значения слов библейского текста и некоторых других приемов, которые игриво применялись уже в мидраше (см. ниже «нотарикон»).

Более светские аггадические сведения об истории человечества собраны в разного рода хрониках, летописях. I—III веком

н. э. датируются Seder 'olam gabba³⁸, VII веком — Seder 'olam zutta³⁹.

Видное место в этих «историях», как и вообще в аггадах, занимают генеалогии, имевшие целью удостоверить право на привилегии определенных семейств или верность преданий и учений, записанных от имени их членов. Вообще надо отметить, что любые аггады и мидраши всегда возводятся к определенным традентам, так как анонимные сообщения, очевидно, не пользовались желанным доверием. Образцом свода генеалогий может считаться Sefer haqabbalah Авраама ибн Дауда (XII в.)⁴⁰. Известны многочисленные семейные хроники, к которым примыкают аггадические предания и более или менее фиктивные «завещания». Это составляет особый жанр в аггадистике. Установление генеалогических связей с библейскими персонажами (напр., с Ноем и его сыновьями или с патриархами) стало топосом христианских начальных летописей, в том числе армянских⁴¹.

Источником преданий о дальних странах явились описания путешествий, подлинных, или еще лучше, фиктивных⁴². Немало старинных аггад в описаниях путешествий Эллада Хаддани (IX в.). О хазарах имеются сведения в записках Хасдай ибн Шапрута (X в.), где приводится, между прочим, вероятно псевдоэпиграфическое письмо хазарского хана. Довольно фантастические слухи о Дальнем Востоке, Германии и о славянских странах содержатся в описаниях путешествий Вениамина из Туделы (XII в.), содержание которых имеет более древние аггадические корни. О своем путешествии в 1175—1181 годах в Прагу, Польшу, Киев и Крым, далее через Армению в Багдад, Дамаск и Палестину написал Петахья из Регенсбурга.

В поисках аггадических «колен израилевых» отправился в путешествие Давид Реубени (VI в.). Его книга увидела свет в Венеции в 1523 г. и имела немалый успех.

Следует отметить, что жанр путешествий довольно богато представлен в талмудических аггадах, где нашла место и «Александрия»⁴³.

В составе аггадических сводов и отдельно были собраны басни. В этом виде словесности древневосточный репертуар (шумеро-

аккадский и египетский) через арамейское посредничество и эзопическую литературу распространился во всем мире^{2, 49}.

Пересказы аггад стали появляться и на разговорном языке немецких евреев (идиш). В XIV—XVI веках были сочинены стихотворные эпосы о приключениях библейских персонажей (Авраам, Давид, Моисей). Изложением сюжетов 257 аггад является сборник Маасебух (1580 г.)⁴⁴. Надо отметить, что многие аггады (не позже XVII в.) подверглись драматизации и пользовались успехом в народном театре вплоть до XIX в.⁴⁵

Выявление рукописей и печатание, составление антологий аггад и издание их переводов продолжается и в последних веках II тысячелетия, преимущественно в Европе и Америке⁴⁶.

В последние полтора столетий аггады, как вообще «народные книги», стали предметом сравнительного сказозведения^{47—50}. В настоящее время все еще продолжаются усилия по созданию сводов критических изданий и ключей к уже опубликованным, примерно 50 000 текстам (т. е. сюжетам и их вариантам).

О значении аггад в мировом литературоведении можно получить представление по библиографическим комментариям Гастера⁴⁶, Гинзбурга⁴⁷, по работам Бейлина⁴⁸, где привлекаются многочисленные русские параллели к сюжетам, по обзору Хеллера⁴⁹ и капитальному исследованию Шварцбаума⁵⁰.

В аггадах *Библия* воспринимается как целостное, почти свободное от противоречий, предвечное, универсальное откровение. Такой подход, проецирующий все картины и образы как бы на единый экран, привел к неисторическому обращению с библейскими текстами. Толкованию подвергаются, при помощи некоторых приемов, не только содержание (подчас изолированных фраз) Библии, но даже самый синтаксис, морфология слов и графика, орнамент букв. Для аггадистики характерна выраженная уже в методике, начетническая, просветительская тенденция, по возможности остроумно вложив в старинный текст, современный опыт и актуальное понимание. Внеисторическое осмысление Библии аггадистами не мешает исторически понять действительность, отраженную в их творчестве, и позволяет прочесть аггады теперь, как произведения литературы. Но все еще трудно написать Всеобщую

историю этих произведений, а тем более историю применения в аггадах поэтических, повествовательных средств. Больше ясности в литературной истории памятников, сводов аггад.

Аггады служили душеспасительному слушанию или чтению, т. е. развлечению. Включение аггад в *мишну* и *гемару* может рассматриваться как уступка народным вкусам со стороны ортодоксии. Уже средневековые иудейские авторитеты не требовали *верить* аггадам. Иначе говоря, аггады воспринимались как светская словесность, как художественный вымысел. В дальнейшем старинные сборники аггад и новые их переложения приобрели все признаки «народных книг» и оказали влияние разными путями на мировую литературу (на многих языках, в том числе и на армянском) и искусство.

Содержание аггад: систематизация

В силу того, что аггады исконно преподносились как толкование библейского текста, почти все персонажи и события, упомянутые в Библии, и даже многие поэтические стихи и сентенции послужили поводом для сочинения аггад, став их компонентом как цитата. Путем вольных ассоциаций, в аггаде оказались вовлечены многочисленные предания, этиологические рассказы и басни, анекдоты, сведения, подчас фантастические, по космо- и географии, астрономии, математике, технологии и хозяйству, наряду с сонниками и оккультизмом. Таковую энциклопедию народной жизни, сложившуюся хаотически за более чем тысячелетие, даже одна ее реалии, предметы трудно здесь изложить.

Систематизация аггад по библейским книгам, главам и стихам возможна и ее придерживались средневековые и даже некоторые современные собиратели и издатели сборников. Однако такой ключ как библейская тематизация и довольно условная приуроченность к стиху еще не открывает многообразия содержания десятков тысяч аггад, составляющих уже свыше 80 сборников.

История этих книг и устное или письменное происхождение их сюжетов, подчас из разновременных источников (напр., шумеро-аккадских, египетских, иранских и более поздних греческих, арабских и западноевропейских) и взаимосвязь между ними, ре-

цепция этих рассказов в устной и письменной словесности на многих новых языках (в том числе и армянском, и русском) — все это составляет еще полностью не изученный предмет арамейского книговедения и сравнительного, мирового рассказоведения⁴⁷.

* * *

Об исконных стилистических свойствах аггад, по имеющимся письменным свидетельствам, т. е. по предельно *сжатым изложениям* сюжетов, подчас отрывочным, судить вообще трудно. Основной формой аггад представляется *афоризм*. Рассказчик, опираясь на конспекты и намеки, мог вспомнить услышанное им и восполнить свой устный рассказ, приукрасить проповедь по мере своего таланта, применительно к ситуации и слушателям, от которых ожидалось как прямое понимание самого библейского текста, так и условностей жанра аггадического толкования Библии. При этом формула ссылки на священный текст или другой источник, так или иначе, стали стилистическим признаком аггады.

Есть основания считать, что в связи с переводом Библии на армянский язык были, вероятно из арамейских («сирийских») толковательных переводов («таргумов») восприняты армянами не только многочисленные аггады, но также и некоторые приемы эксегезы и повествовательной стилистики.

Изложение самых распространенных формул с типическими для сюжетов примерами, облегчит предварительную ориентацию в содержании этой вообще обозримой, но трудно обозреваемой для неспециалистов, изустной, своеобразной письменности.

«Аггадическая традиция» (mswrt 'gdh)

Со ссылкой на нее в аггаду вошли конечно исторические предания, вероятно неканонические. Однако подлинно исторических воспоминаний, *независимых* от Библии, о далеком прошлом, в талмудах мало.

Надо иметь в виду, что уже в самой Библии повествуется об исторических событиях, имевших место за многие столетия до их письменного изложения. Аггады подчас были сочинены, а тем более записаны еще позднее. Ввиду этого подробные и многочисленные

ные ветхозаветные повествования о взаимоотношениях патриархов; об исходе евреев из Египта, о деяниях израильских и иудейских царей, о житиях пророков, и новозаветные предания о жизни Иисуса, рассказанные как бы из близи непосредственным наблюдателем, должны рассматриваться как легенды, т. е. аггады.

Одним из приемов образования легенд (или мифов), было уже с библейских времен, установление «генеалогических связей» между персонажами: Билха и Зилпа оказываются дочерьми Лабана от наложницы²⁸. (Берешит рабба; Таргум Ионатан Берешит), моавитянин Валаам оказывается сыном Малки, сестры Сарры, — он же Кемуэль, который в Библии упоминается лишь мельком (Ялкуп Реубени, Балак).

Случайные персонажи отождествляются аггадистами с более известными и, таким образом, они активизировались для аггады.

В силу такого своеобразного историзма (а точнее его отсутствия) предания о послебиблейских событиях и даже о современниках аггадистов также должны считаться произведениями словесности с особым, культурно-исторически обусловленным отношением к действительности, т. е. литературой, со всеми вытекающими отсюда методологическими выводами. Рецепция библейских персонажей в мировой (например, в армянской) литературе может рассматриваться в контексте аггадистики.

Маъасиёт (происшествия) (m'šjwt) (m'šh b...)

Под таким названием в аггаду вошли душераздирающие рассказы о мучениках за веру (16 : Песахим 50а; Кетубот 77а; 32; Толедот; № 2 Абода зара 17б и Санхедрин 14а, 11а). Очевидно, это служило укреплению стойкости в период гонений. Эти рассказы (начало им положено уже в эллинистический период в кн. Даниила) сродни христианским мартирологам, столь важным для армянской церкви. Аналогично упоминание заслуг мучеников, что дает надежду на отпущение грехов. Поэтому повествование о десяти мучениках начала новой эры вошло в еврейскую литургию Судного дня.

Как были преподносятся невероятные происшествия с некоторыми законоучителями, праведниками, набожными обывателями. Бог вознаграждает их чудесным получением пищи (16 : Таанит

246), денег, невесомостью. Описываются полеты людей (силой упоминания тайного имени бога) быстрые переходы (qfct hdk), но в особенности получение дождя по просьбе (силой праведности или харизмы (16 : Таанит 196)⁵¹.

В аггаде рассказано о чудесном появлении грудей у мужа когда кормящая жена его умерла (16: Шаббат 536). Исцеление больных, даже воскрешение мертвых — общий мотив в талмудических аггадах и евангелиях. Следы аггады об Иисусе и его последователях сохранились также в составе талмуда, среди прочих преданий о раввинах, современниках Иисуса, напр., о Гиллеле, основоположнике мишны или об учителе ап. Павла (ср. Деяния апостолов 22, 3) Гамалиеле, который занимает видное место как персонаж и традент аггад.

Христианские и мусульманские идеалы добродетели, этического поведения полностью восходят к мировоззрению аггадистов начала новой эры. Добродетелью считались гостеприимство, скромность, честность в денежных делах, верность слову и договору, между прочим и брачному, — для женщин, а для мужчин невмешательство в чужой брак, при отсутствии узаконенного одноженства у иудеев периода талмуда и наличии бытовой проституции на Ближнем Востоке, о чем немало свидетельств в аггаде. Уже позже в пример ставились воздержанность мужчин и их стойкость перед чарами блудниц, образ которых, уже по мнению аггадистов, мог принять Сатана-искуситель (№ 15, § 136).

Матия бен Хереш никогда не глядел на женщин. Однажды привиделся ему искуситель в облике женщины и тут рабби стал опасаться, что вдруг его одолеет страсть к ней. Тогда он взял гвозди, накалил их, чтоб причинить себе боль и отвлечься от нее (30 : Танхума Хукат, добавление I и Мидраш Десяти заповедей 7).

Аналогичный сюжет был обработан Л. Н. Толстым («Отец Сергей»).

Иллюстрации высшей меры добродетели, почитания родителей, в особенности матери, служат многочисленные аггады.

Среди историй, не приуроченных Библии, встречаются весьма знаменитые сюжеты:

Новорожденный говорит с матерью, выполняет ее поручения;

Понимание языка животных и растений;— эти мотивы встречаются в эпических сказаниях.

Хитрец кладет деньги, взятые в займы, в посох, а затем клянется, что вернул долг (во время клятвы просит взаимодавца поддержать посох) — анекдотический мотив, известный по Сервантесу «Дон Кихот» (ср. 16 : Недарим 25а).

При разводе предлагается жене забрать лучшую вещь из дома: она берет мужа. Этот эпизод известен по Шекспиру, но встречается также в русской повести о Февронии (ср. Шир Хаширим рабба).

Рассказ о Матроне Ефесской, позволившей любовнику осквернить труп захороненного мужа (ср. 16 : Кидушин 80б).

Некоторые сюжеты, засвидетельствованные в аггадах, в частности, басенные, встречаются и в обработке русских писателей. Например:

16 : Таанит 20 = Басня Крылова «Дуб и Трость»;

27 : Мидраш рабба I, гл. 64 = «Волк и Журавль» (по Эзопу);

27 Мидраш рабба III и 30 Мидраш Танхума = «Старик и трое молодых» (по Лафонтену).

У Л. Н. Толстого (по Эзопу?) притча о связке прутьев, которых нельзя сломать, когда они вместе ср. 30 Танхума к 5-ой кн. Мойсеевой 29.9.

В аггадах вкраплены многие («эзопические») басни и другие рассказы о животных:

Домашняя змея своей смертью спасла людей от яда чужой змеи (15 : Търумот).

Паломник ушел в Иерусалим, забыв запереть ворота своего дома; пришла змея и собою связала кольца дверей (№ 1 Пеа). Неблагодарная змея получает молоко, обещает дать золото, но затем обвивается вокруг человека, угрожая убить благодетеля. Идут к судье (30 : Танхума старый)

Вообще рассказы о мудрых судьях-следователях широко распространены в талмудах.

Широко известны аггады о Соломоне и Китоврасе, эпизоды Шемякина Суда, притчи о Слепце и Хромце в русской словесности⁵².

Послебиблейские события, чужие страны и крупные, заморские города, анекдоты о царях и военачальниках также занимают видное место в аггадах. Например:

Александр Македонский: 15 : Баба мещия II, 2; 16 : Абода Зара III, 1;

Антоний: 16 : Абода Зара 106.

Значительное место уделяется в аггадах полемике как с идолопоклонниками (т. е. со всеми, кто не признает Яхве и библейское учение), так и с сектами внутри еврейства (первых веков нашей эры, в том числе с христианами, гностиками, которые иногда обозначаются другими терминами, по цензурным или иным причинам). Диспуты переходят подчас в турнир находчивости и остроумия. Некоторые эпизоды д. с. п. встречаются в фольклоре многих народов (например, вопрос: что быстрее всего на свете, что слаще, чем зашить треснувшие жернова и т. п.)⁵³. За лучший ответ участник диспута получает награждение; мнимый мудрец бывает посрамлен простолюдином.

Можно найти немало вариантов и параллелей этих мотивов или эпизодов и в средневековой древнеармянской письменности и даже в современном фольклоре.

Сказал бог ('mg hqbh)

Если определить миф как художественный рассказ о боже-стве, то здесь прежде всего придется рассмотреть очень значительную часть аггад, которые можно было бы назвать мифическими, поскольку в них прямой речью и в поэтической форме сообщается о действиях, рассуждениях и настроениях (иудейского) бога, о его диалогах с окружающим его сонмом («фамилия»), с библейскими персонажами (напр., Адам, Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Давид и др.) с послебиблейскими праведниками и, даже, историческими лицами, а также с персонифицированными «народом Израиль», «Учением (тора)» и подобными ипостасями. Такие тексты содержат формулу «сказал Святой, благословенный (= иносказательно: «бог»)). Например:

Сказал бог: пусть во веки не смешиваются дар Каина с жертвой Авеля» (= т. е. запрещено надевать одежды из разных веществ, из шерсти и из льна вместе)³¹: Pirque d'rabbi Eli'ezer (IV в.).

Самый обычай (ср. Левит 19, 19³, Вт. 22, 11) освящен веками, предшествующими талмуду и Библии. Запрет имел, вероятно, при торговле тканями охранный смысл. Рассказ о Каине и Авеле из Библии используется как объяснение непонятого запрета. Слова, вложенные аггадистом в уста бога (отсутствующие в Библии!) и придающие рационализированный смысл непонятому запрету смешивать шерсть со льном и переданные прямой речью— это уже была для всех явная поэтическая фикция, весьма характерная для аггад вообще!

Талмудисты, занимаясь извлечением правовых, догматических норм из Священного для них писания, очень ревностно оберегали точность библейского текста. Они сочли бы преступным кощунством приписать богу неканонические слова. Между тем, эти же раввины по другому высказываются в аггаде. Здесь поэзия, условность жанра взяли верх даже над догматами веры, очевидно, в целях ее укрепления в сердцах слушателей. И поэтому было бы оплошностью толковать эти аггады мифологически. Вот другой пример из многих:

Над троими бог плачет ежедневно: над тем, кто мог бы заниматься учением, но не занимается; над тем, кто не может заниматься, но занимается; и над начальником, который возгордился над обществом (16: Хагига 5б).

В силу этого бог был очеловечен во многих аггадах, и это при выраженной неприязни ортодоксального иудаизма к антропоморфизации бога (даже в некоторых библейских текстах!) и нетерпимости монотеистов к ограничению его всемогущества (это может быть понято как влияние гнозиса, т. е. образа мысли, тесно связанного с аггадой)¹⁹.

Откуда? (тпуп)

Из библейских текстов вычитываются откровения или поучения, которые, по сути прямого понимания, отсутствуют. Такие наставления начинаются вопросом: откуда? из чего следует? на который предлагается ответ формулей: *тк'п* отсюда, или (текст) учит *тлмд*.

Примеры:

Из чего следует, что воскрешение мертвых обещано в Библии? (16: Санхедрин 90б—92б) или там же: Из чего следует, что бог воскресит мертвых и знает, что имеет быть?

Хотя подобные вопросы могут быть отнесены к эсхатологии, ответы же носят характер начетнического, интеллектуального остроумия: (напр., 16: Песахим 68а).

Не всегда вопросы направлены на библейский текст. Например: Из чего следует (из какого библейского текста), чтобы человек не растил злую собаку в своем доме? (16: Кетубот 41б).

Поиск такого текста — уже шутка. Иногда же из текста делается неожиданный вывод. Например:

Отсюда следует, что престарелые становятся тугими на ухо. Это, пожалуй, пародия на ученый стиль.

Чего ради? Почему? (трпу mh; lmh)

Вопросы могут задаваться по любому поводу, но в ответе нужно было доказать необходимость и рациональность формулировки текста. Например:

Чего ради Адам не женился на своей дочери? Чтобы Каин взял в жены свою же сестру! (16: Санхедрин 58б).

Тем самым Каин нарушит еще один запрет и окажется вдвойне преступником, первым в истории человечества. Это может считаться «вторичным мифом», как это нередко встречается в драматургии.

Иногда ответы на вопросы, касающиеся жития исторических лиц, используются довольно утилитарно, в целях проповеди. Например:

Почему Саул удостоился царства? Потому, что его дед зажигал светильники в темных проходах для странствующих! (№ 30; ср. 15: Шeviит).

Конечно этот мотив придуман самим проповедником. Освещение дорог дело полезное. Но то, что вообще заслуги деда могут осчастливить судьбу внука — это уже серьезное и распространенное представление в позднем еврействе и христианстве (Харизма zkut 51).

Вопрос «почему?» может быть задан и ответ получен вне всякой связи с библейскими текстами. Формулой lmh вводятся в агга-

ду этиологические рассказы или просто мнимоученые, игривые объяснения необычных явлений. Например:

Почему женщине требуются благовония, а не мужчине?

Потому что Адам создан из праха, а земля не воняет (28: Берешит рабба 17, 8).

Не всегда ответ ожидается из Библии. Учитывается и житейская мудрость, наблюдательность. Например:

Почему слезы солонны? Иначе бы человек, став оплакивать умершего, ослеп, но так как слезы соленые он перестает плакать (27: Бамидбар рабба).

Итак, вся природа служит здоровью человека, его пользе. Это излюбленная идея рационалистов. И дело аггадистов лишь найти, в чем заложена польза существующего. Этот прием стал весьма популярен в «народной философии». В аггаде находятся объяснения, почему ноги африканцев широки (16: Шаббат 58), почему глаза монголов узки и т. п. Этиологические ответы всегда выражают идею разумности всего существующего, что дает иллюзию субъективного понимания объективно непонятого. Этим воспитывается у слушателей пытливость и конформизм, т. е. благонамеренность мудрствования, характерная для аггады.

Кто есть? ('uzhu)

Внешне как *загадку* о людских качествах начинают аггадисты свои рассказы:

Кто есть богатырь? Тот, кого опасаются все (№ 2 Киддушин 49). Тот, кто укрощает свою страсть (10: Аббот); Тот, кто превращает врага в друга (Аббот д'рабби Нахман):,

Кто есть мудрец? Тот, кто учится и всякого (Аббот); Тот, кто предвидит будущее (16: Тамид 32а); Тот, кто осуществляет свое учение (26: Сифре, Деварим).

За этими афоризмами-разгадками следуют повестушки-притчи, в качестве примеров глубокой правоты мысли.

Числа-резюме

Как ответы на загадки, в целях проверки начитанности в Библейских текстах или как мнемонические приемы, в целях об-

легчения запоминания многие афоризмы начинаются числом, а завершаются аггадами-иллюстрациями. Например:

Трое были прокажены: Каин, Иов и Узияху, потому что они любили вещи земные, больше чем духовное учение (Оцар хамидрашим 225).

Сюда напрашивается рассказ о прокаженности Каина, чего в Библии нет. Приведенный пример может служить моделью оформления афоризмов некой рамочной конструкцией для неожиданного воссоединения разных рассказов. Эта афористическая форма широко использовалась для выражения наблюдений не только библейских:

Три вещи делает дорога: износит одежду, наклоняет стан и уменьшает деньги (Мидраш техиллим).

Иногда в таких афоризмах получают выражение народно-медицинские воззрения, наподобие латинских правил, которые зубрили врачи:

Три вещи приводят человека к подагре: узкая обувь, короткая кровать и чрезмерная половая жизнь (Оцар хамидрашим).

Пять вещей — хороший признак для больного: чихание, пот, сон, сновидение и поллюция²⁸ (Берешит рабба).

Как бы в ответ на анекдотический вопрос о том, что общего имеют ряд лиц, встречаются афоризмы вроде этого:

Четыре человека провозгласили себя богами: Хирам, царь Тира, Навуходносор, Фараон и Иоаш, царь Иудеи²⁷ (Шемот рабба). Известны аггады о наказанной гордыне этих царей.

Шестерых вопль заполняет мир, но голос их не слышен: когда срубают плодовое дерево; когда змея сбрасывает кожу; когда же не дают развод; когда девственница общается с мужем впервые; когда новорожденный покидает утробу матери; когда душа покидает тело³¹ (Пирке д'рабби Элиезер).

Здесь в «мифологическом» оформлении выражены житейские наблюдения.

Семь вещей — уж лучше бы человеку не родиться, дабы их не изведать: лучше умереть, но не пережить смерть своих детей! умереть, но не прибегать к вспомоществованию людей; умереть, но не умирать злою смертью; умереть, но не стать рабом смертного;

умереть, но не забыть науку; умереть, но не мучиться; умереть, но не обидеть друга публично! (Кад хакемах)⁵⁴.

Каждое изречение влечет за собою пример из жизни, рассказ. Десять вещей были сотворены накануне первой субботы перед самым концом седмицы творения:

Такое вступление позволительно считать «космогоническим» и ждать перечисления древних мифов. Однако среди вещей, упомянутых в аггаде, встречаются неожиданно такие как: пасть ослицы Валаама; радуга; камень Шамир (при помощи которого при Соломоне обтесывали камни для храма, во избежание применения железа) и письменность. Уже из этого сопоставления виден игривый, гомилетический характер аггады.

Почему это называется...? (lṁh pqr' šmṁ...)

Толкование имен, (народная этимология) является излюбленным приемом аггадистов, еще с библейских времен. Обычно осмысляются имена персонажей. Например, Адама, Евы (уже в Библии!), Лии, Руфи, Амоса и др. Этимологизируются и другие имена собственные, например, местностей, рек. Отсюда получила сильный импульс (народная) топонимика. Толкуются названия животных и растений. Во всех этих толкованиях имен получают выражение специфика языка, находчивость, игра слов, а вовсе не «первобытное мышление», как это предполагали мифологи.

Народная этимология, легко дающаяся в семитских языках, а потому образующая характерную форму юмора носителей этих языков, послужила питательной почвой не только для многочисленных *шутливых* этиологических рассказов (воспринимаемых в других культурных условиях непосвященными серьезно), но и вообще для филологии и для все еще недооцененной учеными сферы так называемой псевдомифологии, оказавшей влияние на формирование научной мифологии.

Впрочем, мистическое толкование божественных имен составляет самую сокровенную сферу каббалы и оккультизма. При общности герменевтических, толковательных приемов многие аггады, быть может, несознательно воспринимаются как мистификации, а то и как пародии *гностической*, каббалистической мистики¹⁹.

Почему написано? (m'y dktjb)

Буквалистское толкование необычного (или кажущегося необычным) написания библейской фразы, не меняя ее смысла. Например:

Что значит написанное «смерть и жизнь в руках языка»?

А разве есть у языка рука? Сказано тебе, дабы ты знал: как рука убивает, так и язык приносит смерть!

Не читай так, а вот как... ('l tqg... 'l'...)

Сознательное создание *разночтения* путем изменения (нефиксируемой!) вокализации слова — это другой сходственный, чисто языковой прием мифологизации Библии, дающий большой простор квази-научной фантазии. Например:

Не читай 'когда они были созданы' (Бытие, 2, 4 или 5, 2), а читай в 'Аврааме'; или

'Не читай, 'прокаженный', а читай 'обесславивший имя человека злословием'.

Из последнего примера довольно легко придти к гипотезе о 'мифологическом', или 'магическом' понимании аггадистами происхождения проказы. Между тем это сочинил, вероятно, проказник слова и знаток языка, а не знахарь проказы.

Аббревиатура и нотарикон

Этими приемами краткописи, слова любого языка могут быть произвольно истолкованы как сокращения или краткие сочетания слов родного языка. Примеры нотарикона, этимологизирующего

имена собственные: $\overset{d}{\text{А}} + \overset{m}{\text{Да}} + \overset{pr}{\text{М}} = \overset{pr}{\text{Афар}}$ (прах) + $\overset{dm}{\text{Дам}}$ (кровь) + $\overset{mrh}{\text{Мара}}$ (желчь); или $\text{Ахав} = \overset{k}{\text{Ах}}$ (брат) небу + $\overset{b}{\text{Ав}}$ (отец) идолопоклонникам. Это по сути дела *каламбур*. Истоковано было даже слово 'правда' и 'ложь' 'mt šqr, причем обратили внимание на то, что написание слова 'mt 'правда' по-еврейски состоит из трех букв алфавита (начальной, средней и последней), а ложь šqr также из трех букв, но стоящих в алфавите *рядом*. (См. 16. Шаббат 104а): мол, до правды далеко, а ложь дружна и близка. Получается остроумное глубокомыслие, без особого труда. Этот

прием был перенесен в поэзию и юмор многих языков поэтами еврейского происхождения. Подобные шутки были свойственны и грекам.

Гиматрия

Это отождествление смысла двух разных слов, не имеющих ничего общего кроме равного *цифрового* значения. Этот прием широко использовался в каббалистском мифотворчестве и средневековой мистике, впрочем и алхимии, для за- и рассекречивания «великих тайн мироздания». Это наследие ныне получило хождение как структуралистская экзегеза и семиотическая мифология.

* * *

Неканоническая (апокрифическая) библейская литература, содержащая аггады, стала достоянием преимущественно христианского (восточного и западного) мира. Ученые давно заметили наличие аггад в литературном наследии Отцов церкви, причем у них засвидетельствованы аггады, не сохранившиеся в талмудах. Общность объясняется, в некоторых случаях, зависимостью отдельных еврейских аггад и патристических текстов от нееврейских, других арамейских, греческих источников.

Использование толковательных приемов (напр., гиматрии, нотарикона), свойственных аггадам, Отцами церкви могло также привести к сходному пониманию библейских текстов как раввинами, так и ранними христианскими богословами, при всем казавшемся им возрастающем конфессиональном различии. Некоторые аггады устным путем вошли в Коран и получили широкое распространение в мусульманском мире⁵⁰.

Вплоть до наших дней бытуют у народов СССР аггады об Адаме и Еве, Ное и всемирном потопе, о пророке Илье, образующие часть их мифологии⁵⁵.

В сфере аггады наследие иудеев, христиан и мусульман не потеряло своего единства до сих пор, и это так или иначе передалось множеством мотивов и сюжетов мировой словесности и европейскому изобразительному искусству.

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

1 За инициативу написания этой статьи и содействие в ее публикации автор выражает сердечную благодарность Игорю Михайловичу Дьяконову.

2 *Gordon Edmund*, Sumerian proverbs, Philadelphia, 1959. По истории древневосточной баснописи см. „Свод таджикского фольклора“, Том I — „Басни и сказки о животных“, М., 1981.

3 Ср. например, знаменитую арамейскую Повесть об Ахикаре, восходящую, вероятно, еще к VII в. до н. э., но обошедшую весь Ближний Восток, а в средневековье — и Европу. Известны армянский и русский переводы этого сборника притч.

См. *Мартirosян, А. А.*, История и поучения Хикара Премудрого. АДД, Ереван, 1970. О русской Повести об Акире Премудром см.: История русской литературы X—XVII веков, под ред. Д. С. Лихачева, М., 1980, с. 54—55.

4 *Sperber A.*, The Bible in Aramaic, I—IV, Leiden, 1959—1973. *Bowker J.*, The Targums and Rabbinic Literature, Cambridge, 1969.

5 На русском языке о кумранской литературе см. труды *И. Д. Амусича*, в частности: Тексты Кумрана, выпуск I, М., 1971.

6 *Diez-Macho A.*, Neophyti I Targum palestinese..., Madrid, 1968 sq.

7 *Willi T.*, Die Chronik als Auslegung, Göttingen, 1971.

8 Филон сочинил комментарии к библейским книгам Бытие и Исход, которые он истолковал в духе стоицизма, путем аллегорического понимания текста. О влиянии Филона на христианство [ср. напр. «Слово» (логос) как ипостась в евангелии от Иоанна I, 1—18] и на последующую философию, см. *Wolfson, H. A.*, Philo, Foundations of Religious Philosophy in Judaism, Christianity and Islam. I—II, Cambridge, Mass., 1947.

9 *Philoni Alexandrini Quaestiones et solutiones*, ed. *R. Marcus*, in: Suppl. Philo ed. Loeb Classical Library, Cambridge, Mass., 1953. Здесь исследуется армянский, единственный пока перевод памятника.

10 *Neusner J.* ed., The Modern Study of the Mishnah, Leiden, 1973.

11 Характер работы, ведшейся в раннем средневековье по изучению Библии с целью извлечения из нее норм поведения и законы для повседневной практики, был у иудеев весьма сходен с работой, ведшейся у других народов; например, среднеперсидский сасанидский судебник „Матакдāн-и хазār дāгастāн“, недавно изученный А. Г. Периханян, носит характер мишны на Авесту. Комментированием Библии занимались и христианские богословы, средневековые философы, а также и ученые эпохи Просвещения. Общая типология этих явлений, даже безотносительно к Библии, требует их сравнительного изучения вне проблематики герменевтики.

12 Перевод на русский язык некоторых частей мишны и тосефты опубликовал Н. Переферкович (1897). Полный немецкий перевод тосефты издается:

Rengstorff K. H. ed., Die Tosephta, Übersetzung und Erklärung, Stuttgart, 1960.

13 *Stemberger Gunter*, *Geschichte der jüdischen Literatur*, München 1977, с. 73. Эта книга содержит новейшую библиографию и краткую информацию о состоянии изученности ряда арамейских памятников литературы.

14 *Strack H. L.*, *Einleitung in Talmud und Midrasch*, München, 1976.

15 *Talmud Jeruſalmi*, Koročín 1865/66. Первопечатное издание „нерусалимского“ талмуда: Венеция 1523. Цитируется по стереотипному житомирскому изданию (б. д.), а именно, по книгам, трактатам и страницам. Отрывок с русским переводом, см. *Коковцев П.*, *Зап. Восточн. Отд. Имп. Археологического общ.*, т. XI.

16 *Talmud babli*, Wilna, 1927. Первопечатное издание вышло в свет в Венеции в 1522 г. (уже с комментарием Раши и суперкомментариями). Все последующие издания идентичны. Цитируется по Виленскому изданию Ромма (1886 г.) в 25 томах, по книгам трактатам и страницам. *Goldschmidt L.*, *Der babylonische Talmud*, I—XII, Berlin, 1897—1935.

17 *Strack H. L. — Billerbeck P.*: *Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch*, I—VI, München, 1922—1961. *McNamara M.*, *The New Testament and the Palestinian Targum to the Pentateuch*, Roma, 1966.

18 *Christiansen I.*, *Die Technik der allegorischen Auslegungswissenschaft bei Phillon von Alexandrien*, Tübingen, 1969. *Stemberger* с. 60. *Hempel J.*, *Die althebräische Literatur und ihr hellenistisch-jüdisches Nachleben*. Potsdam, 1930.

19 В 1945 году в Верхнем Египте были обнаружены 13 папирусов из библиотеки христианской, коптской гностической секты, середины IV в. Среди находок оказались почти неизвестные доселе «Евангелие от Фомы», «Евангелие Истины», «Евангелие египетское» и апокриф от Иоанна. Эти важные тексты изданы полностью в 1977 и после этого сведения о гностиках были существенно уточнены. Учение «гносиса» (познание, истина) было распространено на всем Ближнем Востоке (среди евреев, египтян, персов, греков и др.) еще во II в. н. э. Это учение, оставившее глубокий след в словесности устной и письменной многих народов, сводится к следующему: мир не был создан богом, однако при возникновении мира в материю попали искры божьи. Человек познает в себе эти искры, благодаря Спасителю, который нисходит к человеку через 7 планетных сфер, стоящих во власти демонов, и сообщает человеку о его божественном начале. Это привнесенное познание («гносис») является «спасением». В силу этого определенным способом душа (или дух) человека может подняться к Свету и освободиться от бремени материи, тела.

Отрицая библейское предание о сотворении мира, гностики-иудеи некоторыми аллегорическими приемами истолковывали текст гностически, внося представление о «логосе» (слове) как о посреднике между человеком и богом. Отрицая поздне-иудейское и христианское чаяние во воскрешение мертвых, гностики-христиане истолковывали соответствующие тексты из евангелий также в переносном смысле аллегории «света». Многие мидраши либо полемизируют с гностиками, либо следуют этому учению, ставшему частью народной религии.

Многие гностики считали себя иудеями, другие — христианами, но были гностики среди греков и персов вне этих религий.

Элементы гнозиса и христианства, а также зороастризма восприняли манихеи, распространившие арамейскую словесность в Средней Азии. До наших дней на юге Ирака дожила гностическая группа «мандеев», у которых гнозис, «познание сущего» именуется "Manda' d'Hayyā". Они обладают своим священным писанием (на арамейском языке) и, отвергая христианство, возводят себя (а, вероятно, и восходят) к последователям Иоанна Крестителя, приобщившего и Иисуса.

Именно на примере гностиков и манихеев, как указывает И. М. Дьяконов, легче всего можно убедиться в свободном взаимопроникновении идей (но и языковых, логических средств их выражения) притч, преданий от сторонников одной веры к другой, от народа к народу.

Widengren Geo (ed.), *Der Manichäismus*, Darmstadt 1977; он же, *Der Mandäismus*, Darmstadt 1980.

Манихейство оказало влияние на оппозиционные учения — маздакитов, богумилов, тондракитов и т. п., проповедовавшие, между прочим, извечную борьбу двух сил — добра и зла, а также имущественное равенство.

20 *Ганаланян А. Т.*, Армянские предания, Ереван, 1979, с. 329, см. «Адам» и т. д. Библиографию библейских преданий у народов СССР см.: *Dähnhardt O.*: *Natursagen I—IV*, Leipzig, 1909—12.

21 К упорядочению архива армянского фольклора приступили в 1972 г. в Отделе документации Института археологии и этнографии АН АрмССР в Ереване. См. *Levin I., Nazinian A.*, Armenier, in: *Enzyklopädie des Märchens* Hg. *Kurt Ranke*, Berlin-New York, 1976, 794—805.

22 *Ohly Friedrich*, *Schriften zur mittelalterlichen Bedeutungsforschung*, Darmstadt, 1977, IX—XXXIV.

23 *Guttmann M., Marmorstein A.*, *Agada*, in: *Encyclopaedia Judaica*, Berlin, 1928.

24 *Lauterbach J. Z.*, *Mekilta de Rabbi Ishmael*, I—III, Philadelphia, 1933—1935.

25 *Weiss I. H.*, *Sifra debel Rabh*, Wien, 1862.

26 *Horovitz H. S.*, *Siphre ad Numeros adjecto Siphre zutta*, Jerusalem, 1966.

27 *Mirkln M. A.* ed., *Midraš Rabba*, I—XI, T. A., 1956—1967. *Wünsche A.*, *Bibliotheca Rabbinica*, I—V, Leipzig, 1880—1885.

28 *Theodor J., Albeck Ch.*, *Midrash Bereshit Rabba. Critical Edition with Notes and Commentary*. Jerusalem, 1965 (hebr.).

29 *Mandelbaum B.* ed., *Pesikta de Rav Kahana*, I—II, N. Y., 1952. *Braude W. G.*, *Pesikta Rabbati*, I—II, London, 1968.

30 *Buber S.*, *Midrasch Tanchuma*, Wilna, 1885.

31 *Luria D.*, ed., *Pirke de Rabbi Elieser*, Warszawa, 1852. *Friedlander G.*, *Pirke de Rabbi Eliezer*, London, 1916.

32 *Midraš ha-gadol*, Jerusalem, 1947—1972.

33 *Zunz L.*, *Literaturgeschichte der synagogalen Poesie*, Berlin, 1865.
Rabinowitz Z. M., *Halakha and Aggada in the Liturgical Poetry of Yannai*, Tel Aviv, 1965 (hebr.).

34 *Scholem G.*, *Die jüdische Mystik in ihren Hauptströmungen*, Frankfurt a. M., 1967; *он же*, *Jewish Gnosticism, Merkabah Mysticism and Talmudic Tradition*, New York, 1965.

35 *Goldschmidt L.*, *Sepher Ješira. Das Buch der Schöpfung*, Frankfurt a. M., 1894.

36 *Scholem G.*, *Das Buch Bahir*, Leipzig, 1923.

37 *Sefer ha-zohar I—XXI*, T. A., 1965.

Müller Ernst, *Der Sohar — избранные немецкие переводы* (место и год издания не указаны — ФРГ 70-ые годы).

38 *Ratner B.*, *Einleitung zu Seder Olam, Seder Olam rabba. Die Grosse Weltchronik*, Wilna, 1894—1897.

39 *Weinstock M. J. ed.*, *Seder Olam Zuta ha-šalem*, Jerusalem, 1957.

40 *Cohen G. D.*, *A Critical Edition with an Introduction and Notes of the Book of Tradition (Sefer ha-Qabbalah) by Abraham Ibn Daud*. Philadelphia, 1967. Ибн Дауд был последователем бухарского ученого Абу Али ибн Сина (Авиценна), от которого он воспринял философию Аристотеля.

41 Так, например, в «Истории» Мовсеса Хоренаци происхождение армян (Хайк) выводится от Яфета, см. *Абегян М.*, *История древнеармянской литературы*, Ереван, 1975, с. 146. О роли библейских преданий в армянском повествовательном репертуаре, см. там же, с. 62—67.

42 *Stemberger*, с. 144—145. *Adler E. N.*, *Jewish Travellers, A Treasury of Travelogues from 9 Centules*, New York, 1966; *The Itinerary of Benjamin of Tudela*, London, 1907.

43 *Ross D. J. A.*, *Alexander der Große*, in: *Enzyklopädie des Märchens* (Berlin, 1975) I, 1: 272—287.

44 *Meitlis J.*, *Das Maassebuch, seine Entstehung und Quellengeschichte*, Berlin, 1933.

45 *Stemberger*, с. 151.

46 *Gaster M.*, *The Exempla of the Rabbis*, London, 1924 — 450 аггад из редких источников в оригинале и английском переводе с превосходной библиографией.

Bin Gorion M. (Berdyzewski), *Der Born Judas, I—VI*; Leipzig, 1918 — 1000 аггад в немецком изложении: евр. версия — *משפטי ישראל*, ed. *Emmanuel Bin Gorion*, Tel Aviv (s. d.).

Blalik-Rawnicki: *Spr h'gdh*. Berlin—Одесса; Обработанный язык текстов аггад, систематизованных по темам с указанием источников. Многократно переиздавалось.

Levner J. B., *Kl 'gdwt jsr'l, I—V*, Варшава (1926) пересказ аггад для детей на библейском языке, с указанием источников. *Ginzburg L.*, *The Legends of the Jews*, Philadelphia, 1909 ff. — сводное изложение аггад на английском языке.

Издана также реконструкция оригиналов: 'gdwt hjehdjm, I—VI, Ramat-gan, 1975, с научными комментариями.

47 *Neuman D.*, Motif-index to the Talmudic-Midrashic Literature (Indiana University Ph. D. thesis). University Microfilms, Ann Arbor, Mich., 1954.

Fröhlich I., "Agada" in Enzyklopädie des Märchens I, 1 (Berlin, 1975), стр. 161—169; *Sofer Z.*, Aramäer, in: EM, I, 3 (Berlin, 1976), стр. 718—722.

48 *Бейлин С. Х.*, Странствующие или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности, Иркутск, 1907 — содержит указания на параллели в русской словесности.

49 *Heller B.*, Das hebräische und arabische Märchen, in: *Bolte J., Polivka G.*: Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, B. IV, Leipzig, 1930, с. 315—364.

50 *Schwarzbaum H.*, Studies in Jewish and World-Folklore, Berlin, 1968; *он же*, The Folkloristic Aspects of Judaism and Islam, T. A., 1975, (hebr.).

51 *Gulkowitsch L.*, Das Charisma des Gebets um Regen nach der talmudischen Tradition. Ein Beitrag zur Erfassung des religiösen Volkslebens in der Zeit Jesu, Tartu, 1939. *Gulkowitsch L.*, Die Bildung des Begriffes Hāsīd I. Der Begriff Hāsīd in der Gattung der Ma'šījjōt. Hāsīd und Wunder, Tartu, 1935.

52 Как видно из новейшего обзора изученности русских переводов «Сказания о Соломоне и Китоврасе» и «Судов Соломоновых», данного Я. С. Лурье в «Истории русской литературы X—XVIII веков», М., 1980, с. 270—272 (и литература на с. 286), исследование «Толковой палеи» и смежных памятников, широко воспринявших аггады о Соломоне так и не приблизилось за столетие после Н. С. Тихонравова и А. Веселовского к ближневосточным источникам. А это, к сожалению, делает невозможным выявить и осмыслить особенности русских версий. Гораздо лучше изучен «Шемякин суд» (хотя с далеко не полным русским материалом): *Sofer Z.*, Das Urteil des Schemjaka (AaTh 1534), Diss., Göttingen, 1965.

53 *Anderson W.*, Kaiser und Abt. Die Geschichte eines Schwankes, Helsinki, 1923. Филологический метод и богатый материал этой монографии могли бы помочь М. О. Скрипилю («Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзомысле», Л., 1969) придти к более существенным выводам о русских версиях загадок.

54 Сборник XIII в., который был составлен в Испании. Его сочинитель Бахия бэн Ашер: *Stemberger*, с. 125.

55 *Аггада и русская словесность (экскурс)*

Поскольку для православия библейские, вообще исторические сказания имеют сугубо аллегорическое, этическое, т. е. керигматическое значение, то в церковно-славянской письменности встречаются те же вопросы о смысле библейских образов и повествований, ответ на которые составляют существо аггады.

Арамейские аггады были восприняты русскими авторами в составе так называемых апокрифов, преимущественно из византийских источников через бол-

гарское посредничество. Через южных славян к восточным источникам (в том числе еврейским-аггадическим) восходят некоторые светские сюжеты русских повестей (см. прим. 48). Полемическая направленность ряда аггад против иноверцев («идолопоклонников») роднит христианскую апологетическую, житийную литературу о мучениках за веру с аггадами, уже со времен ап. Павла широко использовавшимися в миссионерских целях, между прочим, против приверженцев иудаизма. Внимание исследователей (напр. Н. С. Тихонравов и др.) в этой связи привлекли многочисленные аггады в составе русской «Толковой Палеи». Многочисленные аггады о библейских персонажах содержатся в русских рукописях (см. *И. Н. Порфирьев*, *Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки*, Казань, 1877). Это свидетельствует о широте ареала распространения сюжетов аггадистики. Проникновение аггад в русскую словесность устным путем, с Востока, от мусульман, и с Запада (Белоруссии), от евреев, еще в XVI—XVIII веках доказывается на фольклорном материале, так называемых сказок и духовных стихов.

В России издание и распространение Библии, а также публикация неканонических легенд и житий было вплоть до XX в. сильно ограничено цензурой. Соответственно, не получили значительного развития библейско-аггадические сюжеты в русской светской литературе и драматургии, как это наблюдалось на Западе. Отдельные сюжеты бывали использованы, главным образом, на юго-западных окраинах Российской Империи, в так называемых иезуитских театрах, а впоследствии в бродячих «вертепах», с их польским, западноевропейским репертуаром, следы которого сохранились вплоть до нашего времени в фольклоре.

S U M M A R I E S

IGOR DIAKONOFF

TYPES OF ETHNIC MOVEMENTS IN EARLY ANTIQUITY

(End of the 4th to the beginning of the 1st millennium B. C.)

The following types of possible ethnic movements are discussed:

1. Complete annihilation of the aborigines and complete change of the ethnic composition of the population as the result of an intrusion of new ethnic masses. Under the conditions of ancient society this was only possible when the aboriginal population was very scanty and, economically as well as militarily, very weak. Not reliably attested anywhere in the period under discussion.

2. Complete displacement of the aboriginal population. Most unusual in the case of a farming population but possible in the case of an animal rearing population (either purely pastoral or pastoral with agriculture as a supplementary branch of the economy). Reason: pressure of other ethnic masses or impoverishment of pastures. Linguistically traceable when necessary sources are extant, archaeologically difficult to trace.

3. Rarification of the aboriginal population by intrusion of new ethnic masses as the result of a migration (Palestine, 13th century B.C., the Hittite Empire, 12th century B.C.) or of military conquest followed by massacres (Mesopotamia, 9th century B.C., etc.) Linguistically and mostly also archaeologically traceable.

4. Partial displacement of the aboriginal population by force was possible only if carried out by strong and

well armed military empires (the Hittite, the Assyrian from the 14th—13th centuries on; especially common in Assyria and Urartu in the 9th—7th centuries B.C.). The later displacements (in the Achaemenian and Hellenistic empires) involved mostly the city inhabitants only. Attested in written sources, linguistically traceable.

5. Partial voluntary displacement. Under this heading can be placed: (a) military raids by nomadic cavalry (Cimmero-Scythian, only men involved); sometimes archaeologically traceable (arms, prestige objects), no serious change in the ethnic composition of the aboriginal population, no linguistic traces; (b) occupation of city states by pastoralist warriors. No serious influence on the culture or the ethnic composition of the population, traceable mostly only through written sources (Amorite dynasties of the Old Babylonian period, Mitanni, Kassite Babylonia etc.); (c) voluntary displacement of farming groups caused by over-population. Possible if there is available space, very usual in the late Neolithic period, but displacements on a grand scale and over considerable spaces are only feasible if the moving population goes over to a pastoral economy (or pastoral economy plus supplementary agriculture). A movement of this type is usually slow and bypasses enclaves of settled farming populations, mostly of a higher culture which strongly influences the migrants, especially when they settle down. Such movements are difficult though perhaps not quite impossible to trace archaeologically. Usually a remnant of the original population is left in the centre of the movement, unless destroyed by unfavourable climatic or other factors; (d) colonization by sea is limited to one region only and to a comparatively short period of ancient history, and is not discussed here.

Overflowing of an increasing farming population from densely inhabited regions (5c) is attested by the spread of a certain archaeological culture (and language) over a limited area with a clearly defined centre. But if the movement has received a strong enough impact, and the moving groups go over to a pastoral economy which permits them to enter territories already populated by other ethnic groups (although, in the early periods, usually not very densely), the movement in question may no longer be archaeologically traceable at a distance from the centre. But it is the 5c type move-

ments that may form the nucleus for the creation of widespread language families, and thus become known to us.

However, it is very important to note, that what is described as an ethnic migration on a grand scale is in most cases actually a displacement of language areals with transfer of the language to a new population. One should not believe that when languages of the same linguistic family are spoken by a blond Lithuanian and a brown Bengali, or by a black Hausa and a white Arab or Jew there has actually been a complete displacement, or even an important displacement of ethnic masses; what has moved, are the languages, not the men and women. Of course, for a population to adopt a new language, bearers of the new language have to be on the spot as a group, but this group need not be either numerous or politically influential, as far as the ancient history is concerned. A language can "move", i. e. be adopted by a new ethnic mass when there exist certain prerequisites for this phenomenon. The main prerequisite is a need for mutual understanding which arises under certain conditions where two or more language areals adjoin, especially in periods of an intensive growth of cultural, trade and political relations and at certain crucial moments in the development of society, as e. g. the creation of socio-economic classes and the state. It can empirically be established that in a situation of multilingualism or bilingualism, the language of the pastoralists, understandable over great distances, prevails over the languages of the ancient farmers, often isolated and archaic (examples: Semitic in the 4th—3rd millennia B.C., Proto-Armenian and Iranian in the middle of the 1st millennium B.C., and Turki during the last millennium). One of the languages becomes the *lingua franca* and later the *koine*, finally ousting all the other languages. It is mostly not the official language: it is Akkadian, not Sumerian in Lower Mesopotamia, Aramaic, not Akkadian in Assyria, Armenian, not Urartian in Urartu. The situation changed when the prestige language was simultaneously the language of the city, the army and the market, hence the successes of Latin and Greek in the Roman Empire; but the market being far less important in the Hellenistic monarchies, Greek here never was able to dominate the countryside. This process, unless attested.

in the written sources, can only be established (but then with great precision) by linguistic means; it is not traceable archaeologically.

The spread of the Indo-European languages (according to the author, from the Danubian region) is briefly discussed.

NERSES MEKERTČYAN

SUBSTRATUM PLANT NAMES IN ARMENIAN

The author suggests the following etymologies: *ananux* 'Mentha' cp. Akkad. *ananīḫu* id. Both from a Hurr. **an-ān-uḫḫi* /-iḫḫi; *břāšnə*, *břošni* (dial.) 'Juniperus giganteus'. From Akkad. *burāšu* id., via a Hurrian or Urartian **burāš-ni*, or a variant of the more usual *břinč*; *kanep'*, *kanap'* 'Cannabis sativa'. From early Aramaic **qannāp*; *ktew* 'Linum'. From Aramaic (Syriac) *qeṭṭau-*, ultimately from Sumerian *gada* id.; *kut* 'grain, seed, kernel'. From Hurr. *kade* 'grain', cp. Hattic *kait* etc(?); *k'man*, *k'emōn*, *k'amūn* (l) 'Cuminum armenicum'. Also *čaman*. The different forms of the word are known in the Semitic languages, from Akkadian *kamūnu* to Arabic, and are in Armenian partly derived from Semitic, but they all go back to local substratum dialects; *k't'an*, *k't'et'* etc. 'Linum'. The first is a Persian borrowing according to Ačarjan, but also other ways of indirect borrowing from Akkad. *kutānu* 'linen cloth, chiton' are possible. For *k't'et'* cp. Akkad. *kitīt-* id., in spite of some phonetic difficulties; *nuṭ(n)* 'Punica granatum'. From Akkad. *nurmu*, probably via Hurrian, where, however, so far attested is only *nurandi-*, from Akkad. **nuramtu*, feminine of *nurmu* (not *nurmûl*); *oloṭ(n)*, dial. *xilor*, *k'ilor* 'Pisum', cp. Akkad. *ḫallūr-* id. Not directly from Akkadian (Sem. ḫ=Arm x) but possibly through Luwian (Luwian laryngeal H=Arm. h//∅) or Urartian (which would account for loss of reduplication in -l-); *p'arp'ar*, *p'erp'er* 'Portulac' cp. Akkad. *parparḫu*, Aram. *parparḫīnā*, both from a Hurrian adjective **parpar-ḫi*, Pl. **parpar-ḫi-na*: common origin from Hurrian; *salor* 'Prunus' s. *prunus spinosa* cp. Akkad. *šallūr-* id., from a Hurr. **šall-ori* (attested

is only a dialectal form *šannūr-*); the Armenian form is from the expected Urartian correspondence **šaluri* /*salorə*/; *serk/gewil* 'Cydonia' cp. Akkad. *sup/burgull-*, Arab. *safargal-*, all from an ultimate common source, probably Hurrian; *toli, tojli* 'Vitis vinifera' cp. Udi *tul id.* (Ačarjan); Urart. *udull id.* (?) (Ghapan-tsjan); also Akkad. (Assyrian dialect) *till-at-*; *tuld/t* *Aithaea armeniaca*. From Hurr. *Útuldū* 'a medical plant in Šubari' (Ghapan-tsjan); *t'ut'* 'Morus' cp. Akkad. *tuttu*, through early Aramaic(?); *xalol* 'Vitis vinifera' cp. perhaps Hurrian gloss from Nuzi *Glšhalūlu* 'a fruit(?)'; *xnjor* 'Malus domestica'. From Hurr. *hinzuri* /**hinz-ori*/ *id.*, according to Diakonoff from Common Northwest Caucasian **inč-* *id.* Cf. also Akkad. *hašhurid.* and cp. Laz-Megrel *usk'uri*, Svan *vusgv, vusk id.*; *xořn(ə), xuřn(ə)* 'Thymus' cp. Akkad. *hurnū, urnū id.* (?), from a common source.

ARŠALUYS PAPAZYAN

THE RIVALRY OF BROTHERS AND THE BIRTH OF HERO IN THE OLD TESTAMENT LEGENDS

The author discusses the reflexion and contamination of some interrelated subject motifs in the Book of Genesis, namely: (1) birth of twins, both or more often one of whom is begotten by a divine or demoniac force; (2) the younger or 'good' son (or son by the favourite or 'good' wife) prevails over the elder 'bad' son (or son by a concubine or the unbeloved wife); (3) barrenness of a woman miraculously relieved by the intervention (or direct cohabitation) with a deity.

The legends discussed are those of Cain and Abel, Abraham and Haran, Isaac and Ishmael, Jacob and Esau, Reuben and Judah, the sons of Rachel and the sons of Leah, the story of Eli, Hannah and Samuel (or Saul). Some of the motifs have been weakened or misunderstood in the traditional text but reappear in very archaic variants preserved by the Haggadas and the Apocrypha.

VERBAL CONSTRUCTION DENOTING POSSESSION
IN SUMERIAN

The category of possession was rendered in Sumerian by phrases based on the verbs *tuku* "to have" and *gál* "to be". The *tuku*-phrases were construed after the pattern of transitive verbs: Subject (=Possessor, mostly a noun in the form without case-morphs, more seldom with the ergative morph *-e*): Direct object (=the object possessed, in the absolute case): Finite verbal form of the transitive pattern, as, e. g., *ušumgal... gaba-ri nu-mu-ni-in-tuku* "the dragon ...rivals had not" (=had no rivals). The *gál*-phrases were construed after the pattern of the intransitive verb: Subject: Object of possession (a noun in the absolute case): Possessor (noun in the comitative case *-da*): Finite verbal form of the intransitive pattern, as e. g. *kuš... Igi-zid udul-da e-da-gál* "skin(s) ... are with/by Igizi, the shepherd".

The noun denoting the possessor, when used with the verb *gál*, may instead of the comitative be construed with the dative (*-ra*), or with *ki-...-a*, which usually points to the actual location of the object or person in question.

It seems that, under the influence of the *gál*-constructions, phrases with *tuku* began to be construed similarly, e. g., *mí-zid... ba=e-dè-tuku-dam*, "you took (wanted to take) an honest woman, lit. "an honest woman ... is had (should be had) by you".

The verbs *gá-gá* (*marû*-form of the verb *gar*), *ri, íl* may, as it seems, be synonymous with *gál*, so that they are used in phrases construed after the *gál*-pattern to express possession, e. g. *inim-bi KA-KA-na um-ma-da-gá-gá* "as soon as the pronounced these words", lit. "these words in her pronouncing, (-suppose) with her they are laid".

Among the verbal constructions used to express possession attention should be paid also to the following (so far attested only once): Noun denoting the object of possession with a suffixed

possessive pronoun referring to the person, number and grammatical class of the noun denoting the possessor: Finite verbal form of the verb me "to be". Since the objects of possession are in this particular context the limbs of the possessor's body, it is probable that this construction expresses the so-called inalienable possession: *sag-ki-GIR-a-ni hé-me-a igi-GIR-ma-ka-a-ni hé-me-a su₆-^{na}za-gin-na-ka-ni hé-me-a šu-si-šag₅-ga-ni hé-me-a* "Indeed he has an angry face (lit. "his angry face indeed is"), indeed he has angry eyes, indeed he has a lazurite beard, indeed he has kind fingers".

LARISA BOBROVA

"FEAST" IN ANCIENT SUMER

This paper is based on a study of the so-called 'Standard of Ur', the three rows' plaque from Khafaji, the Plaque of Ur-Nanše and some observations on the Sumerian glyptic art. Certain realities of the second half of the 3rd millennium B.C. in Sumer are discussed. A comparison of the feasting scene on the 'Standard of Ur' with some designs from the contemporary seals leads to the conclusion that the supposed 'feast' on the 'Standard' is actually a ritual in which the king participates together with some persons of high standing, possibly a meeting with the City Elders. A feast was a necessary part of a Popular assembly (WTF 101) and the assembly of the Elders.

KRYSTYNA ŁYCZKOWSKA

ECONOMIC ACTIVITIES OF THE WOMEN OF PŪŠUKĒN'S HOUSE

(Aššur, beginning of the 2nd millennium B.C.)

This paper is a summary of a part of the author's book published in Polish (K. Łyczkowska, *Pozycja społeczna kobiety w okresie staroasyryjskim na podstawie dokumentów z Kaneš w Azji*

Moriejszej [Position of the Woman in old Assyrian Society according to Documents from Kaneš in Asia Minor], Warszawa 1979): see list of documents in the text. It is based on the letters to and from Lamassī, wife of Pūšukēn, Aḥaḥa, also called W/wa(q)qurtum, an *ug b a b t u m*-priestess, daughter of Pūšukēn, Tarīšmātum, daughter of Surella (?), sister of Pūšukēn, and her companion Bēlātum, Ḥattītum, daughter of Aššurmalīk and Tarīšmātum(?), sister of Enlilbāni and wife of Aššurrabi, Kunania, Šat-Aššur daughter of Šalimaḥum and wife of Aššurmalik etc. and on documents referring to these women.

Marriages of the merchants of Aššur with Anatolian women are also discussed (BIN VI, 104; ICK 1, 3 cp. EL 1, 1).

Specific for the marriages of the merchants was long periods of absence of the husband in Anatolia which left the wife in charge of the household and of economic problems at home (although sometimes the merchants brought their family to Kaneš, but such was not the case of Pūšukēn, one of the most important merchants). There are no evidence for the brother or father of the *pater familias* taking charge.

The family was tightly knit together, and brothers would care for the interests of their sister and vice versa. The wife of a merchant would carry out his commissions in business matters, would buy wool for weaving, and acquire working power. Her servants and slaves, and also daughters, would work for the firm preparing textiles for export. For the textiles sent to Anatolia Pūšukēn would send back silver and gold with the trusty messenger; Lamassī also bought tin and other commodities, and sometimes asked her husband to buy wool at Kaneš when it was too expensive at Aššur. Possibly sending wool to Aššur was illegal, because Lamassī seems to ask her husband to hide it in the package with silver (Garelli, RA 59, 25).

The merchants of Aššur were not slave-merchants, but individual cases of buying slaves and slave-girls in Anatolia and sending them to Assur do occur (CCT II 36a); more often the slaves were bought at Aššur.

It was also Lamassī's business to administer the family property at Aššur; she had, e. g., to oversee the workers building a

house for Pūšukēn there (BIN IV, 10 cp. Garelli RA 58, 22, Cont. (TTC) 6; TC II, 2). Such houses were for sale or for renting out. It was also Lamassī who had to deal with the city authorities in connection with dues which Pūšukēn had failed to pay for exported wares when leaving Aššur after a visit.

Bringing up children and keeping the house were of course also among Lamassī's duties.

It is uncertain whether Lamassī was able to write her letters and documents herself, or had a special official or scribe; the author is inclined to the latter supposition.

Of the other women of the Pūšukēn circle the most interesting are Šat-Aššur and especially Aḥaḥa. Being an *ugbabtum*-priestess, the latter enjoyed full civil rights and co-operated actively with her brothers. Later, however, there are signs that she had fallen into poverty. It seems that an *ugbabtum* in Aššur was similar to the *nadītum* in Babylonia. We know of four *ugbabtum*-priestesses: Abšalim, daughter of Amur-lštar, Aḥaḥa-Waqurtum, daughter of Pūšukēn, (these two were contemporaries), Aḥatum, daughter of Ilībāni, and Ištar-lamassī, but possibly also Lamassatum, Ištarbašti and some others were priestesses. It seems that only one *ugbabtum* was active at a time. Of other priestesses there are mentions of the *qadištum*, the *jā'iltum* and the *bārītum*.

JURI VARTANOV

ON THE ORIGIN OF THE SEMITIC NAMES OF METALS

The absence of a Common Semitic name for 'metal' is due to the fact that at the earliest stage of metallurgy the metal ore was regarded as stone of a special kind which could be subjected to cold forging. The determinative for 'stone' may in the cuneiform writing (e. g. in Hittite) also be used with metals. (Cf. Egypt. *bj'*, 'ore, metal, copper' derived from Common Afrasian *bi'r-* 'hollow', cf. also Greek *métallon* 'mine' and Job 28:2).

In Akkadian 'copper' is *wēri(l)um*, *wāri'um*. lit. making sparks, igneous', cf. Arab. *wri* 'to produce sparks or fire'. The

name may be due to the sparks produced by cold forging and tempering.

The other Semitic languages use the stem *n a ḥ š -, diminutive *n u ḥ ā š -. Note that Arab. n u ḥ ā s - means not only 'copper' but also 'thick smoke'; such smoke may have been produced in the process of smelting copper. Other words from this root are 'healing' (Akk.), 'to make incantations' (Hebrew), 'bad luck, bad omen' (Arab.), 'to divine' (Aram.) 'snake' (Hebrew, Aram.). This brings the semantics of 'copper' into the field of magic. The original difference between the Akkadian and the West Semitic terminology may be due to the Akkadians having learned to know copper at the stage when its melting was still unknown, while the Western Semites learned it at a later stage.

There is no Common Semitic word for 'bronze'; Akkadian *si par ru* is borrowed, and moreover, probably did not denote 'bronze' as different from 'unalloyed copper', at least originally.

Only Hebrew had a Semitic word for 'tin', *bə dī l*, but this originally meant 'any alloy'. All the other Semitic languages have a word derived from Sumerian *an-na* (in Arabic also *qī ṣ dī r* - from Greek *kassiteros*).

For 'lead' the Semitic languages use a term derived from Akk. *abār-* which in its turn seems to be derived from Sum. *a-bār*. The other terms for 'lead' are epithets ('gray', 'dim', 'compact or solid').

The usual word for 'iron' is borrowed, and the reflexes are not quite regular. Ugar. *br d l*, *br ś l* may point to a derivation from a Hurrian **b/paržilli*, hence also Akk. *parzillu*, Hebrew *barzēl*, Arab. *fīrzil* - Sab. *przn-m*. Supposing a Caucasian origin, the prototype should be reconstructed as **ba-rjī-l-*, where *ba-* is the gender morph, and *-l-* probably an adjective morph. Akkadian has also another term, *ḥabalkinnum* from a Hurrian **ḥabalg-inne* from Hattic *ḥapalkiya-*, probably to be regarded as the root **-lki-* preceded by the Hattic prefixes **ḥa-* and **-pa-*. If so, both terms may be derived from a common Caucasian root **rki-* > **rçi-* attested in all branches of the Caucasian languages.

The common Semitic word for 'silver' is *kasp-, which means 'broken off piece, crumb' (cf. Arab. *fi ḏḏ-at-* 'silver', lit. 'broken off'). Akk. *šarp-* means 'clean, purified (metal)', cf. Syriac *šarapā* 'molten, purified metal', Arab. *šarf-* 'clean', *šarīf-* 'pure silver'. The word has hardly anything to do with I.—E- *serpl-(?) 'silver'. Syr. *sahrā* and *sīnā* means 'moon' and — secondarily — also 'silver'.

Common Semitic *ḏahab* 'gold' is genuine Semitic but obscure. The other usual term is *ḥurāš-*, a diminutive (Hebrew *ḥārūš* is Canaanite and goes back to the same word). Arab. *ḥirš-* 'gold or silver ring' and Ugar. *ḥrš* 'gold' may be secondary. The Syriac *ḥāra* 'ā/*ḥārū*'ā means 'golden-yellow' and may be the original meaning of the word. Other terms for 'gold' are secondary (epithets, toponyms etc.).

The fact that nearly all original Semitic names for metals mean 'piece, crumb', 'grain of sand', 'smoke' or diverse epithets may reflect a conscious substitution for tabooed denotations, connected with the magical role of the smith's art.

VLADIMIR JAKOBSON

NEW DATA CONCERNING BABYLONIAN ECONOMY

(Letter TIM 1, 8)

A new interpretation of TIM 1, 8 is proposed; the translation is as follows:

(1) To Sarriqum say thus, (2) this is what Gimil-Eja speaks: (3) Let Šamaš keep you alive! (4) As to the contested garden, (5) ten years (ago) the king's edict (6) has been granted, and the house and the garden — (7) their complete price as been returned, (8) (so) he who contests with you (concerning) the garden, (9) where was he until now? (10) And why (of him) who contests with you (concerning) the garden, (11) his name you have not written to me? (12—13) We two, don't we answer each other frankly? (14—19) Why did you not write to me that after Šu-Ninšubur you (too) had appealed for help to the chief of the *tamkārū*, and Ištar-Ilāt

and Iribam-Sîn had satisfied you? (20) Finish the business with the garden, (21) sell it for silver. The house (22) I want to lease out for two years, (23) lease it out. The silver of the garden (24) and the rent of the house (25) do take, in case of need (a - n a b é - r u ! - t i m !) (26) let it be ready. (27) Let them not bother us! (28—30) Why did they not act friendly towards us for even one day? Let the house and the garden go: (31—33) do you not know that on the day when the silver will be demanded from us, we shall have to give them (i. e. the house and the garden) up for a trifle? (34) Take care of the silver (a m u r — imperative, not the Praet. G, 1 st p. Sing.), have it ready by you. (35—37) Last year in Larsam, as usually (i - n a U D . U N U G ^{kl} k i - m a [a] - n a m a - t i - i - m a) he did nothing for what of yours was irrigated (a - n a š a ! m a ! - a k ! - r u ! - k a), (38) but your barley they have taken away to him, (39) you did not come to me for your barley. (40—41) Apil-Amurrim, when he made a claim to me, subjected me to a great punishment (or: annoyance): with the help of Sin-pāter he put in my mouth an oath in the king's name before the r a b i ā - n u m . (45) Your servants have made a claim to the king, (46) (however) you should not go to him, but (47) write (a letter) as follows: (48—49) if possible, let them not write (down anything) concerning the allotted fields. (50—55) Here the price is fixed, it is high (š i - m a - t u m i š - š i - i m m a - i d !), you have to sell eagerly, and the limits (of the allotments) you have to delimit.

The main conclusions from this translation are the following:

1. Lines 4—9. The term "king's edict" means the m ī š a r u m act concerning restitution of certain kinds of alienated immovables. Somebody is claiming from the addressee a garden — evidently in virtue of such an act. But the sender is sure that this claim is invalidated by time. This means that the m ī š a r u m act had a limited term of validity, perhaps, until the next act was promulgated, that is, for about 7—8 years.

2. Lines 30—34. The sender orders (or advises) to sell the garden and to lease the house immediately, or else, when there will be a need of money, the property will have to be given up "for a trifle (a n a m a ṭ i)". This means that a conception of "mar-

ket value* did not exist for immovables. The price was established in each case separately according to the circumstances of the deal.

3. Lines 40--44. This is, perhaps, an indirect confession of having taken a false oath.

4. Lines 50--53. On the base of the proposed reading, we have to conclude that there really existed some kind of governmental regulations concerning market prices.

NELLY KOZYREVA

REFLECTION OF HISTORICAL EVENTS IN PRIVATE DOCUMENTS AND ECONOMIC RECORDS OF THE OLD BABYLONIAN PERIOD

The paper is a study of a number of Old Babylonian documents from the South Mesopotamian towns Larsa, Ur and Kutalla. The author has attempted to establish reflections of historical events in the synchronous private documents and economic records, such as the downfall of Šillī-Adad, king of Larsa, the fall of Rīm-Sīn son Kudurmabug and incorporation of Larsa in the state of Babylon, and the uprising of Rīm-Sīn II (YOS V, 29; Riftin 121, YOS I 227 etc.). Some documents usually ascribed to the reign of Rīm-Sīn I are re-attributed to Rīm-Sīn II.

EMMA KHANZ-DYAN, GAGIK SARKISYAN, IGOR DIAKONOFF

A XVI CENT. BABYLONIAN WEIGHT—STONE WITH A CUNEIFORM INSCRIPTION FROM THE METSAMOR EXCAVATIONS

1. THE CIRCUMSTANCES OF RECOVERY OF THE WEIGHT

The ancient settlement of Metsamor is situated in the center of Ararat valley, 35 km to the west of Yerevan. The excavations established that it was inhabited from the end of the IV mil. B.C. up to the late Middle Ages. According to the preliminary data this settlement occupied an area of nearly 80 ha. The population of the

town was engaged in specialized agriculture, animal husbandry and different crafts.

The frog-shaped agate weight was discovered in tomb N 52. Its length is 3 cm. and the height in the front part — 1,5 cm. and in the middle it is supplied with an aperture for hanging. The dark brown and white colours of the weight are in complete harmony.

The main part of the material found together with the weight is characteristic to the Early Iron Age, but a few of the cornelian and gold beads have earlier analogs.

Emma Khanzadyan

2. THE CUNEIFORM INSCRIPTION ON THE WEIGHT

An agate frog-weight of exquisite workmanship, drilled through longitudinally (size x. weighing 8,7 g) was found in 1979 by the archaeologist Emma Khanzadyan in an early 1st millennium stratum at Metsamor, 35 km W. of Yerevan, Armenia. It is inscribed on the belly and the back (the latter inscription being continued on the hind legs) in the characteristic epigraphic (glyptic) Babylonian script of the middle of the second millennium B.C.: (Belly:) (1) 1 GÍN (Back:) (2) ša Ú-lam-Bu-ra-(3)ri-aš (4) DUMU Bur-na-Bu-ra-ri-aš (5) LUGAL "1 shekel of Ulam-Burariaš, son of Burna-Burariaš, the king".

This is the third case of the use of the form Bu-ra-ri-aš instead of the more usual Buriaš for the name of the Kassite Thunderer-god. The other two cases are an inscription of the same Ula(m)-Burariaš on a stone mace-head from Babylon (it is somewhat later than our text, since here the title is ...DUMU Bur-na-Bu-ra-ri-aš LUGAL LUGAL KUR A-AB-BA), and a text from Amarna referring to Burna-Bu(ra)riaš II. The now well attested early use of the form Burariaš shows it to be the more archaic than the form Buriaš, and invalidates the attempted Indo-European etymologies (Greek Boreas, Russ. burya).

The object has no signs of use and wear whatever, and may have been meant as a sort of standard sample of the shekel. It would hardly have reached the Ararat valley via the common trade

routes but must have been a gem that passed through many hands by way of gift, booty etc. Because of the longitudinal hole, it might have been worn in a necklace, but in the hole there are also no signs of wear, so perhaps the agate frog had always been kept as a treasury object only. Other Mesopotamian objects of the second millennium B.C. are known to have reached Transcaucasia, thus a bead inscribed with the name of Adadnērarī (I?), seals of the 'Mitannian Elaborate' style, etc.

Gagik Sarkisyan, Igor Diakonoff

GOLDA KAPLAN

THE PRESENT, PRETERITE AND PERFECT IN THE MIDDLE ASSYRIAN LAWS

After W. von Soden, H. Hirsch and M. Mayer, the author again returns to the problem of the use of the verbal aspectual forms in the Middle Assyrian Laws. According to these authors, there is in this source no difference between the use of the perfect and the preterite when they are not used together; but in the *šumma*-clauses, when both forms are used, the perfect stresses the *consecutio actionum* in regard to the preterite.

However, the joint use of both the perfect and the preterite is in the Middle Assyrian Laws not limited to the *šumma*-clauses, and these cases have not been investigated by the above-mentioned authors. Moreover, in deciding on the rules of the use of the verbal forms in the MAL, H. Hirsch compared them mainly with the Laws of Hammurapi, belonging to another period and another dialect. A cursory reading of the OB letters shows that the perfect is there used but seldom, while in the MAss letters the perfect has completely replaced the preterite in the main clauses. Therefore a comparison of the usage in the MAL with contemporary MAss letters and economic documents is to be preferred to the comparison with the Laws of Hammurapi. Moreover, the perfect, the preterite and the present are parts of a single Akkadian verbal system, therefore all three forms should be analysed together.

It the MAss letters and economic documents the perfect and the preterite are both forms denoting a single aspect, namely that of a statement of an occurring fact. If an action logically belonging to the past is expressed, there is a clear distinction in the syntactic use of the forms: the perfect is attested in the main clauses, while the preterite in the subordinate ones. If the action belongs logically to the future, there is no such distinction between the uses of these two forms.

As to the present, it can be established that it has three functions: 1) the cursive aspect of an action of any tense; 2) the modalities of action: possibility, desirability, necessity etc.; 3) the statement of the fact of an action, if logically taking place in the future, in the same way as the perfect or the preterite; in this case no distinction between the three forms seems to have existed. However, in this particular function the present is used considerably more often than the perfect and the preterite, so that actually the latter two mostly refer to the logical past.

The analysis of MAss letters and documents has shown, that in order to find out the rules of use of any single verbal form in a given type of text, all verbal forms of the text (or corpus) should be checked for the way in which they express aspect and tense in their different syntactical functions.

In the MAL it is mostly impossible to establish the logical time of the occurrence of the action in the conditional clauses, therefore the formulations of the laws are classed as follows:

I. Direct speech and oaths (time of occurrence of the action inferred from the context);

II. Independent and main clauses in the sanctions of the laws (time of occurrence of the action inferred from the context);

III. Diverse subordinate clauses: conditional with *šumma* and others (time either inferred from the context or from the verbal form used: e. g., if the statement is in the present, the action occurs in the future);

IV. Diverse subordinate clauses: conditional with *šumma* and others (time of occurrence of the action impossible to infer either from the context or from the verbal form used).

In clauses of types I—III the use of the verbal forms does not differ from the one in the letters and economic documents. In group IV the action in the cursive aspect is expressed by the present, the statement of the occurrence of an action is expressed either by the perfect or the preterite, but the perfect is used only in the conditional clauses, and in them more often than the preterite; in the other subordinate clauses only the preterite is used. The reason for the use of the perfect in the conditional clauses with *šumma* is, that in Akkadian such clauses coincide in form with the main clauses which are the main field of the use of the perfect (letters and economic documents, clauses of the type I—III in MAL). Since in the main clauses the perfect is mostly used for the logical past, there is some ground to believe that the premises with *šumma* were regarded as having already occurred and thus belonging to the past.

Conclusion. The main difference between the perfect and the preterite in the MAAss texts studied in this papers (i. e., letters, documents and laws) is a syntactical one, the perfect being used for the positive predicative statement of occurred action in independent and main clauses (and in conditional clauses with *šumma* formally regarded as main ones), while the preterite is used as the predicate of subordinate clauses. This difference is consistent in the MAAss letters (none have survived which are older than the 13th century B.C.), and in the documents beginning with the 12th century B.C. (the archives of Ninurta-tukul-Aššur). In earlier documents the preterite is used in the main clauses more often than the perfect, probably because typical of the documents are standard official formulae, less liable to the influence of the different changes occurring in the spoken language.

The considerable number of occurrences of the preterite-alongside of the perfect — in the conditional clauses of the MAL may be explained by the complexity of their origin, including different diachronic strata which were formed during several centuries. It is possible that our text of the MAL is a true copy of older originals (some paragraphs belong obviously to the city-state period of Aššur). But even if there was a certain unification of the law texts in the 12th—11th centuries B. C., it would not necessarily mean an eradi-

cation of archaic usage of the preterite in the conditional clauses and a change to the perfect, since a certain archaism of the legal diction would not hinder the understanding of the laws.

VALERI KHAČATRYAN

SOUTH-WESTERN PROVINCES OF THE HITTITE KINGDOM

(Questions of toponymics)

The author establishes the identity of the "Land of the river *Ḫulala*" in the Tudḫaliya IV-Ulmi-Tešup treaty with Dattassa.

This country is usually located in the valleys of Gökçay and the Çarşamba (the region of the cities of Ereğli and Konya). *Ḫulala* lay between Kizzuwatna (eastern Cilicia), *Ḫarzluna* (modern Herzan north of Kizzuwatna), *Ussa* (south of lake Tuz), *Pitassa* (west of the same lake), *Walma* (or *Arzawa*, the eastern part of the Antalya district) and the Mediterranean sea.

Then, *Ussa*, apart from *Harzluna* (modern Herzan) in the west, *Ḫulala* in the south, and *Pitassa* in the west, bordered on *Sam-lusna* from the side of the Kızil-Irmak. The Hittite *Ussa* may have been preserved on Ptolemy's map as *Usi* (somewhat to the north of Aksaray).

As to *Pitassa*, it adjoined *Ussa* in the east, *Ḫulala* in the south, *Mira* (now the district of Isparta) in the west, *Parsuḫanda* (probably in the north) and *Zippasla* (probably in the northwest). *Pitassa* has usually been placed between lake Tuz, Konya and the sources of Sakarya and was identified with the classical *Pisidia*.

An analysis of the sources shows that the country of *Arzawa* probably included the eastern part of the Antalya district (classical *Pamphilia*), lying between *Ḫulala* in the east, *Nisa* in the north, *Lukka* (classical *Lycia*) in the west, and the Mediterranean sea in the south.

The land *Mira*, the modern district of Isparta, had a common frontier with *Arzawa* in the south, *Pitassa* in the east, *Seḫa* (the

valley of the Great Menderes and tributaries) in the west, with Hapalla in the north and Zipasla in the north-west. Hapalla (the country around lake Akşehir?) adjoined Pitassa in the east, Mira in the south and Zipasla in the west. Apawliya was a part of the land of Seha, situated in the upper reaches of the Great Menderes. Seha was situated between the countries of Arzawa, Mira, Ahhiyawa (in the valleys of the Greater and the Lesser Menderes), Wilusa (the classical Troad) and Karkisa.

The land of Lukka (the classical Lycia) occupied perhaps the western part of the modern district of Antalya, adjoining Arzawa in the west, Mira in the north and Ahhiyawa in the west. Ahhiyawa occupied the lower part of the valleys of the Greater and Lesser Menderes (the classical Ionia and Caria), including the city of Millawanda (the classical Miletus) and bordered on Lukka (Lycia), Seha and Wilusa (the classical Troad) in the north.

MARGARET KHAČIKYAN

NOTES ON HURRIAN AND URARTIAN GRAMMAR

The Hurrian postpositions *edi-* and *aye-* are attested in different cases:

1) in directive, with the noun/pronoun to be governed in dative: *X-wa edî-da* (<**edi-ye-da*) "for the sake of X"; *X-wa ayî-da* (<**aye-ye-da*) "before X";

2) in genitive, with the noun/pronoun to be governed in genitive + *-ne* + *-yê* (<-**ye-we*): *X-we-ne-yê ediyê* (<**edi-ye-we*) "concerning X", *X-we-ne-yê ayê* (<*aye-ye-we*) "before X".

In the first case we deal with an appositive construction, literally "to X, for his sake", "to X, before him". In the second case we have an attributive construction with the attribute in genitive. The postposition functions as the head noun of this construction, while the noun/pronoun to be governed as the genitival attribute, with the suffixes of the head noun added to it by means of the correlative particle *-ne-*.

The postposition *edi-* is attested also with the ablative suffix *-da + -n*, with the noun to be governed in dative + ablative-instrumental suffix *-n(ə)*: *X-wa + -n edi-ye-da + -n* "because of X". The syntactic bond of this construction is the same as in case (1).

* * *

Interrogative pronouns, except for the Hurrian *awe* "who" known from the quadrilingual vocabulary from Ugarit are not attested neither in Hurrian nor in Urartian.

But as in many languages of the world the indefinite and relative pronouns are related to the interrogative pronouns and these categories of pronouns in Hurrian and Urartian are derived from the stems *awe-* (Hurr.)/*ajə-* (Urart.) and *ije-* (Hurr.)/*jeł-* (Urart.), the interrogative pronouns *aiə* "who" in Urartian and *ije/jeł* "what" in both languages may be reconstructed.

* * *

The Urartian *a-li(e/i)*, introducing the direct speech, is the only aspectless form attested in Urartian: *verbum dicendi al-* + the subject marker of the transitive (II) conjugation 3p. sg. *-ljə* (cf. similar forms in Hurrian: *kad-ija* "he says", *tad-ija* "he loves", etc).

The absence of the transitive marker in this Urartian form, as well as in the II conjugation forms in Hurrian, is resulted by the fact, that the II conjugation is restricted to transitive verbs exclusively.

It is, however, present in perfect forms in Urartian in contrast to aspectless forms, for the Urartian perfect, unlike the Hurrian, has no special marker.

PETER CALMEYER

THE SYMBOL OF 𐎧ALDI

This is a digest of the author's more comprehensive article "Zu den Eisen-Lanzenspitzen and der "Lanze des

Haldi¹¹, published in Bastam I; non-Russophone readers are referred to the original paper.

The editorial board has supplemented Calmeyer's contribution with a note inviting to a more general discussion of the religion of Haldi, which has certain important features not typical of most Ancient Oriental cults, e. g.: 1. No ancient empire except Urartu has attempted to introduce the cult of its state deity in every conquered town. 2. No other important Ancient Oriental deity (except probably Yahwe) lacked a temple economy, while the temples (sūsi) and the "doors of the god" Haldi (šeštīle, an imitation of a door in the mountain rock, or a stela in an open space before an artificial wall) owned only herds of sacrificial animals (with pastures) but no complex field and garden economy. 3. A statue of an Ancient Oriental deity could normally exist only in its home temple (or as a 'lodger' in a temple of a higher deity). But Haldi's home lay altogether outside of the imperial territory; this liberated the kings from any dependence on the temple and city authorities of the capital or any other imperial city. 4. By this reason, no statue of Haldi was erected in the numerous new sanctuaries founded by the Urartian kings, and the rites were performed before a stela, a tree, perhaps a weapon (thus, in the merchant settlements of Asia Minor the Assyrians could only worship a dagger or a branch belonging to their god Aššur). In this way, for the population Haldi became an ubiquitous but also invisible heavenly god. 5. After the fall of Urartu, presumably in the Achaemenian or Post-Achaemenian period, Haldi was apparently identified with Mithra, and the 'door of Haldi' became the 'door of Mithra' (Mher). 6. The Western Mithra has little in common with his Iranian namesake, except the name, very general solar character, and perhaps his special friendliness to man. The combination of the features in the myth of the Western Mithra, such as his birth and appearance from the rock, the worship before a spelaeum, such attributes as the little trees, the lion and perhaps also the bull, can be followed eastward to Haldi but no farther. Note that in Phrygia, the alleged birthplace of the Western Mithra, 'doors of the god' were also made in the rock at least as early as the 8th—7th centuries B. C. (also the cult

of the sacred cart was known); a syncretization of Haldi with a so far unknown Phrygian god may have preceded the further syncretization of this already syncretic deity with Mithra.

All this shows that a knot of very interesting historical problems seems to be concentrated in the history of the cult of Haldi, and a discussion of the pertinent problems seems timely. As a first contribution to this discussion the editors suggest some tentative corrigenda to P. Calmeyer's paper (the 'mast' on the cart must be a lance, not a tree; giant lances were—also?—cultic, cf. their decoration with twigs and pearls; dropping altogether the idea of a certain connection between the deity and its animal may be premature; the land Chaldia, Arm. Xalitik', is from Halitu and thus unrelated to Haldi; the (a) type of the 'sacred tree' is the armorial device of the Urartian royal dynasty.

NICOLAI HAROUTHIOUNYAN

A NEW URARTIAN INSCRIPTION FROM SISIAN

The inscription which we publish here was discovered in July 1975 during the restoration works at the 4th century church at Thanahat in a most picturesque nook high in the mountains on the left shore of the river Vorotan, near to the village of Arevis in the Sisian district of Soviet Armenia.

The inscription is incised on both sides of a basalt stela; unfortunately, during the Christian period of the history of Armenia most of the obverse was hewn away, and a big cross was carved on it instead. This is how the Urartian inscribed stela found its way among the Armenian *khachkars* ('cross stones'; a usual cultic object in medieval Armenia) discovered in the ruins of the church.

On the reverse were preserved 27 lines of cuneiform text, while only isolated words and signs are visible on the obverse. The lower part of the stone is broken away but, to judge from the beginning of the curse formula, the text was very similar to that

on the stela from Zvartnots. About 14 lines (seven on each side) seem to be missing.

The inscription apparently belongs to King Argišti II, and judging from the preserved words on the obverse (ulgušiani-edini, aruše, ardiše, I UD^{me}-ni) we may conclude that the standard introductory text of 35 lines in the inscription of the same king from Haġl (near Erciş on the northern shore of Lake Van) was somehow included in the inscription from Sisian published below.

Translation

Obverse

(1) To (the god) Ḫaldi, his lord, (2) this inscribed stela Argišti (3) (son) of Rusa erected(?) (4) for his life. (5) May there be (sc. come) from (the god) Ḫaldi (6) for (king) Argišti (7) son of Rusa (8) well-being(?), ekuriše(?), (9) happiness, life, (10) joy, greatness, (11) and also power, (12) strength, might. (13) By the greatness of (the god) Ḫaldi...(?) ... In one day I seized...

Reverse

(1) Appeared before me [....., king(?)] (2) of Etiuḫi, gave me the tribute (3) of (his) land. Alili of the city (4) heard... place, (5) alili army (6) aribiri here captives (7) I made (sc. took), men, women I led away. (8) The towns I burned, the fortresses I destroyed, (9) išiaše(?) all together(?). (10) A battle (there) was. The nobility (?) (11) of the country of Şuluqu, from there(?) (12) before the town of Irdua appeared (13) before me. (King) Zazinu(?) I reduced to slavery. (14) A tribute there I established.

By the greatness of (15) (the god) Ḫaldi here (?) (I am) (16) Argišti (son) of Rusa, (17) the strong king, the king of Biainili, (18) the ruler of Tušpa-town.

(19) By order of (the god) Ḫaldi, (20) Argišti says: isini(?) (21) ^DUTU-nini nirḫi sibi[··] (22) I went along this road (23) to the town Amuša; men, women (24) I led away to Biainili.

(25) Argišti says: (26) whoever destroys (my) name, (27) puts his (own) name, be he (28) a Biainian, be he (29) an enemy, may Haldi, (30) Teišeba, Šiwini (and) the other gods (34) leave (31) neither (his) name, nor (32) family, nor (33) progeny on earth.

* * *

The inscription is of the greatest importance for the study of the language and history of Urartu.

The phrase šú-ga šú-i-ni-ni (rev. 9) shows that šuga is a separate word, since šuini (cf. Hurr. šue(ne) in the same sense) is known to mean 'all'. Thus the earlier suggested readings šú-ga-ba-ra-a-ni and šú-ga-ba-ri-[...] in one of the fragmentary inscriptions from Armavir (F. W. König, Handbuch... 98 A + B, 2, 6) should be corrected to šú-ga ba-ra-a-ni and šú-ga ba-ri-[...]. It is not impossible that the word is the same as šug- in the combination šug-uki in Argišti II's inscription from Haġi. Cf. šuga > šug-uki, ali > al-uki, ini > in-uki, kai > ka-uki; thus, the final vowel of the stem-word is regularly lost whenever -uki is added. As to the meaning of Urart. šuga, it may be connected with Hurr. šuga 'along, with'. Then šuga šuini may mean 'all together(?)', and šug-uki of the inscription from Haġi 'together with me(?)'.

Of interest is the word ištēdi (rev. 15) which has usually been taken for a verb translating Akk. erēbu in the Topuzawa bilingual text. König, however, translates it as 'eilends(?)' (Handbuch..., p. 122), and Diakonoff 'hence, thus' (Hurrisch und Urartäisch, p. 148). Neither of these translations seem to fit in the row of royal titles in our inscription. We suggest 'here, towards here', as a form of the Directive case from ištini, cf. the Ablative ištini-ni 'from here'.

Our last linguistic note concerns the word a-šá-di (rev. 22) which appears for the first time in Urartian epigraphic texts. We suggest that this is the intransitive form of the verb known hitherto only in the transitive form, aš(u)-. It is well known that transitive and intransitive verbs are easily formed from the same stem in Urartian, as ušt(u)- and ušt(a)-, ši(u)- and ši(a)-, ul(u)- and

ul(a)- etc. Thus the meaning of aš(a)- should be 'to go, to walk along'.

As to the importance of the Sisian inscription for the history of Urartu, we may say that it opens quite a new page in the military political history of this kingdom in the period of its decline. Especially interesting is the mention of the lands Etiuḫi and Şuluqu and the towns Irdua and Amuša.

According to the hitherto known sources, the extent of Etiuḫi, of Etiuni, a collective denomination for a group of regions, was from Sarikamiş (the country of the tribe Aştuḫini) to the basin of Lake Sevan (the tribal federation Uduri-Etiuḫi) and the present district Kotaykh (the country Uluani). Now however we learn that also the Sisian district with its country Şuluqu was at the end of the 8th or early in the 7th century B.C. a part of Etiuḫi.

The toponym Şuluqu has survived from Urartian times down to the end of the 13th—the beginning of the 14th century A. D. The district Tsłuk with a river of the same name is mentioned in the Armenian Geography in the 7th century A. D., and several times in the History of the Sisakan Region by Stepannos Orbelean. It corresponds to the modern Sisian district of Soviet Armenia, where the new inscription mentioning Şuluqu was found. It may even be that the aborigines already then pronounced the name of their country as Tsłuk, but the Urartian writing had no other means to reproduce this but Şu-lu-qu (i. e. Tsu-łu-qu).

The town Irdua in the land Şuluqu is, together with Etiuni, also mentioned in the annals of Sarduri II. This means that the Urartians had been in the country Şuluqu already in his time (764—735 B. C.). Sarduri II was the grandfather of Argišti II to whom the Sisian inscription belongs. Irdua seems to have been the centre of the land Şuluqu, and it may be noted that it is called 'a royal city' in the Sarduri annals (^{URU}Irduani URU LUGÁL-nu-si agununi manu), and in the Sisian inscription it is Irdua, not Amuša, which is connected with the appearance and defeat of Zazinu(?), king of Şuluqu.

The Sisian inscription allows us to establish that Uerdiani of the annals of Sarduri II is not the name of a tribe, as has been usually thought, but the name of a king, to whom the town Irdua, centre of the land Şuluqu, belonged. In the same way, the following names should be treated as royal, not tribal ones: Abiani (royal city Edia) and Irkuaini (royal city Iruia). This Irkuaini has nothing in common with the land (or tribe) Ir(e)kua(hi)-Erikua(hi), contrary to what has been thought formerly.

It is known that the reign of Argišti II coincided with a difficult period in the history of Urartu. Not long ago had the devastating campaign of Sargon II through Urartu (714 B. C.) taken place. This, probably, was the reason why Argišti II now tried to compensate himself in the east and northeast for the territories lost in the south and the west, and the Urartians directed their campaigns towards the Caspian sea and into the Sisian district south of Lake Sevan.

MIRJO SALVINI

THE SPREAD OF THE URARTIAN INFLUENCE IN THE EAST

The fragmentary inscription of king Menua from Taştepe is known to mention the city of Mešta and the land of Mana.

According to the inscription of Išpuini and Menua from Hara-konis (Karagündüz), the Urartians had launched a big campaign against Mešta and three other towns, as well as the land of Parşua. This means that Mešta was connected with Parşua and not with Mana.

We are therefore suggesting that Mešta is the name of the present day village of Hasanlu. This is a famous site of excavation, and it seems to me to answer all the requirements for such an identification. The inscription of Menua at Taştepe is situated in 40 km to the east of Hasanlu.

In accordance with the above, it is difficult to agree with the American school of archaeologists who suggest that Hasanlu and its archaeological culture belong to the country of Man(n)a. We suggest that Mešta-Hasanlu was part of Parşua, not Mana.

CREDIT OPERATIONS OF THE BUSINESS HOUSE EGIBI

The author discusses documents referring to usurious and in-kind loans from the archive of the business house Egibi. Documents connected with the activities of the heads of the house beginning with Šula are studied.

The number of loans increases gradually with time: it is small until 582 B. C. (death of ŠU), increases during the life of his son Nabū-ahhē-iddin (NAI) and appreciably rises beginning from 548 until 522 (death of Itti-Marduk-balāṭu), then drops. The successor of IMB Marduk-našir-apli (MNA) is mentioned in large quantity of texts, but credit operations (except trade) do not take much place in his various activities. This case must be discussed together with his other operations and then only conclusions can be made.

Small number of operations connected with NAI does not allow to point out the main sources of his income. Anyhow the income was large — it is expressed in the number of his acquirements, the sum exceeding 40 minas of silver. Could excellent connections and activities of NAI as judge provide such income?

The case seems less complicated with his inheritor IMB. Large number of credit operations brings to the acquirement of property. The latter is exploited and in its turn influences credit, increase of the property lying in the basis. The picture seems to be as such: the debtor takes money with interest for several times, then he is obliged to sell his property and to become a tenant and still continues to be in debt with the business house.

Beginning from the middle of the 6th century B. C. several usurers were active under the auspices of Egibi NAI, the head of the house, IMB, his son and two slave-agents. The practice survived in the next generation though the names changed.

All of the usurers protected their interests in the same way (interest, pledges, antichresis, guarantee, clause referring to the priority and the term of payment) but their functions could differ. The activities of the slave-usurers were very profitable to the Egibis.

The debtors of the business house constitute a heterogenous mass and one has the impression that the activities of Egibi involved all strata of the Babylonian population, mostly freeborn. Indications that the vendors of the property were in debt to the head of the house and the successive transfer of the clients from one of the usurers of the house to the other through generations, bring to conclusion that the usurious activities of the house was conducive to a polarization among the free estate in the 6th century Babylonia — growth of large properties on one side and impoverishment of the middle class — on the other.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ—И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2, 3, 4
- ВДИ—Вестник древней истории
- ВПХИ—В. Н. Хачатрян, Восточные провинции Хеттской империи, Ереван, 1971
- ДВ—Древний Восток, I, Ереван, 1973; II, Ереван, 1976; III, Ереван, 1978
- ИЛР—Г. А. Капанян, Историко-лингвистические работы, I, Ереван, 1956; II, Ереван, 1975
- ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР
- КТКТ—Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР, М., 1968
- НУНКБ—Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-блур, Ереван, 1966
- Очерки—Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода Армянского языка, Ереван, 1967
- ПАН—И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968
- ПС—Переднеазиатский сборник, III, М., 1979
- СА—Советская археология
- УКН—Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960
- УПД—И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., 1963
- ХЛА—Н. В. Арутюнян, Хорхорская летопись Аргишти I, ЭВ, VII
- ЭВ—Эпиграфика Востока
- ЯДПА—И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967
- ԲԶ—*Երևմտիա Մեղրեցի, Բաղդիրք Հայոց, Երևան, 1975*
- ԳԲ—*Հ. Աճառյան, Գալատական բառարան, Քիֆլիս, 1913*
- ԳԳ—*Պարսկերեն բառարան ի Գեորգեայ Գպրոյ տէր Յովհաննիսեան Պալատոցոյ, Կ. Պոլիս, 1826*
- ՀԱԲ—*Հ. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան, 1—4, Երևան, 1971—1979*
- ՀԲԲ—*Ս. Ամատունի, Հայոց բառ ու բան, Վաղարշապատ, 1912*
- ՀԸՊ—*Հ. Աճառյան, Հայոց լեզվի պատմութիւն, 1, Երևան, 1940*
- ՀՊ—*Ն. Աղոնց, Հայաստանի պատմութիւն, Երևան, 1972*
- AASOR—The Annual of the American Schools of Oriental Research
- AfO—Archiv für Orientforschung
- AG—Fr. Delitzsch, Assyrische Grammatik, Berlin, 1906
- AHw—Wolfram von Soden, Akkadisches Handwörterbuch, 1—14, Wiesbaden, 1965—1979

- AMI — Archaeologische Mitteilungen aus Iran
 AnSt — Anatolian Studies
 AOAT — Alter Orient und Altes Testament
 Armenien — C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, I (Berlin, 1910), II, 1 (Berlin und Leipzig, 1926), II, 2 (Berlin und Leipzig, 1931)
 ArOr — Archiv Orientalni (Prag)
 AS — Assyriological Studies (Chicago)
 ATHE — B. Kienst, Die altassyrischen Texte des Orientalischen Seminars in Heidelberg und der Sammlung Erlenmeyer
 BIN — Babylonian Inscriptions in the collection of J. B. Nies (New Haven)
 BIOR — Bibliotheca Orientalis (Leiden)
 CAD — The Assyrian Dictionary of the University of Chicago (Chicago-Glückstadt)
 Camb — J. N. Strassmaier, Inschriften von Cambyses, König von Babylon, Leipzig, 1928—1935
 CCT — Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum (London, 1921—1956)
 CICH — Corpus Inscriptorum Chaldicarum, I—II, Berlin und Leipzig, 1928—1935
 CS — Cahiers Sioniens
 CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum, (London, 1896 ff.)
 Cyr — J. N. Strassmaier, Inschriften von Cyrus, König von Babylon, Leipzig, 1890
 Dar. — J. N. Strassmaier, Inschriften von Darius, König von Babylon; Leipzig, 1892
 DP — M. F. Allote de la Fuÿe, Documents Présargoniques, Paris, 1908—1920
 EL — G. Fisser-J. Lewy, Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, I—II, MVA(e)G, 33, 35/3
 ELA — S. N. Kramer, Enmerkar and the Lord of Aratta, Philadelphia, 1952
 GA — H. Breasted, Geschichte Aegyptens, Leipzig, 1936
 GAG — W. von Soden, Grundriss des akkadischen Grammatik, AnOr 33, Rom, 1952
 Geogr. — J. Garstang, O. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, London, 1959
 GKT — K. Hecker, Grammatik der Kültepe-Texte (Roma, 1968)
 GLL — S. N. Kramer, Gilgamesh and the Land of the Living, JCS, 1, 1, 1947
 HAG — H. Hübschmann, Aramäische Grammatik, I—II, Leipzig, 1895—1897
 Handbuch, HChI — F. W. König, Handbuch der Chaldäischen Inschriften, I—II, Graz, 1955—1957
 HCS — Fr. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, Paris, 1912
 HU — I. M. Diakonoff, Hurrisch und urartäisch, München, 1971
 HUCA — Hebrew Union College Annual (Cincinnati, 1924 ff.)
 HWb — J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952

- ICK — B. Hrozný, *Inscriptions Cunéiformes du Kültepe* (Prag, 1952 ff.)
- IEJ — *Israel Exploration Journal*
- IrAnt — *Iranica Antiqua*
- JAOS — *Journal of the American Oriental Society*
- JCS — *Journal of Cuneiform Studies*
- JNES — *Journal of Near Eastern Studies*
- KAJ — E. Ebeling, *Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts*, WVDOG 50, Leipzig, 1927
- KAV — O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts*, WVDOG 35, H. 1, Leipzig, 1920
- KBo — *Keilschrifttexte aus Bogasköi*, WVDOG, Leipzig und Berlin, 1916 ff
- Kl. — H. Klengel, *Altbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden*, Berlin, 1973
- Kleinasien — A. Goetze, *Kleinasien (Kulturgeschichte des Alten Orients)*, München, 1957
- KTBl — J. Lewy, *Die Kültepetexte der Sammlung Blanckertz*, Berlin, 1929
- KTH — J. Lewy, *Die Kültepetexte der Sammlung Frida Hahn*, Berlin (Leipzig, 1930)
- KTS — J. Lewy, *Die altassyrischen Texte von Kültepe (=Keilschrifttexte in den Antiken-Museen zu Stambul, Konstantinopel, 1926)*
- KUB — *Keilschrifturkunden aus Bogasköi* (Berlin, 1926 ff)
- KUG — K. Hecker, *Die Keilschrifttexte der Universitätsbibliothek Gießen* (Gießen, 1966)
- LE — A. Goetze, *The Laws of Eshnunna (=AASOR 31, New Haven, 1956)*
- MEA — René Labat, *Manuel d'épigraphie akkadienne*, Paris, 1959
- Mold. — A. B. Moldenke, *Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art*, I—II, New York, 1893
- MSL — B. Landsberger u. a., *Materialien zum sumerischen Lexikon* (Rom, 1937 ff)
- MVA(e)G — *Mitteilungen der Vorderasiatisch (ab 1921—Ägyptisch)en Gesellschaft* (Berlin/Leipzig, 1896—1944)
- Nbd. — J. N. Strassmayer, *Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*, Leipzig, 1889
- NHJ — M. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu*, Heidelberg, 1928
- NSG — A. Finkelstein, *Die neusumerischen Gerichtsurkunden* (München, 1956/57)
- FAPS — *Proceedings of the American Philosophical Society* (Philadelphia)
- RA — *Revue d'Assyriologie et d'archéologie Orientale*
- RCAE — L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, Ann Arbor, I—III (1930), III (1931), IV (1936)
- RHA — *Revue Hittite et Asiatique* (Paris)
- RLA — *Reallexikon der Assyriologie*, I—II, Berlin und Leipzig, 1928—1938
- SABT — E. Schrader, *Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten*, KB, I—II, 1889—1890
- SL — A. Deimel, *Sumerisches Lexikon* (Rom, 1925—1950)
- SMEA — *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*

- AMI — Maria Pohl (Rom)
Tablettes Cappadociennes (1=TCL 4; 2=TCL 14; 3=TCL 19—21)
CL — Textes Cunéiformes. Musée du Louvre
TIM — Texts in the Iraq Museum
TS — Ch. -F. Jean, Tell Sifr, Paris, 1931
TTC — G. Contenau, Trente tablettes Cappadociennes (Paris, 1919)
UET — Ur Excavations, Texts (London, 1928 ff.)
WdO — Die Welt des Orients (Göttingen)
WVDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient—Gesellschaft (meist nach Band titeln zitiert)
YOS — Yale Oriental Series, Babylonian Texts
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete bzw. Vorderasiatische Archäologie (Berlin)

СОДЕРЖАНИЕ

6	И. М. Дьяконов (Ленинград), Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тысяч. до н. э.)	5
14	Н. А. Мкртчян, Субстратные названия растений в армянском языке	24
16	А. А. Папазян, Борьба братьев и рождение героя в ветхозаветных легендах	38
8	И. Т. Канева (Ленинград), Глагольные конструкции обладания в шумерском языке	54
3	Л. С. Боброва (Ленинград), «Пир» в древнем Шумере	59
12	Кристина Лычковска (Варшава), Хозяйственная деятельность женщины дома Пушукена (Ашшур, начало II тысяч. до н. э.)	65
4	Ю. П. Вартанов, Происхождение семитских названий металлов	83
20	В. А. Якобсон (Ленинград), Новые данные об экономике старовавилонского периода (Письмо ТІМ 1, 8)	99
10	Н. В. Козырева (Ленинград), Отражение политических событий в частно-правовых и административно-хозяйственных документах старовавилонского периода	105
17	Э. В. Ханзадян, Г. Х. Саркисян, И. М. Дьяконов, Вавилонская гиря XVI в. до н. э. с клинописной надписью из раскопок Мецамора (1. Обстоятельства находки гири; 2. Клинописная надпись на гире)	113
9	Г. Х. Каплан (Ленинград), Употребление презенса, претерита и перфекта в среднеассирийских законах	123
18	В. Н. Хачатрян, Юго-западные провинции Хеттского царства (Вопросы топонимики)	148
19	М. Л. Хачикян, Заметки по хурритской и урартской грамматике	174
7	Петер Кальмейер (Тегеран), Символ Халди	179
5	И. М. Дьяконов, К вопросу о символе Халди	190
2	Н. В. Арутюнян, Новая урартская надпись из Сисиана	195
15	Мирйо Сальвини (Рим), Распространение влияния государства Урарту на Востоке	221
4	Н. В. Арутюнян, К некоторым урартским топонимам южнее Урмии	230
13	А. А. Мартirosян, Ростовщический кредит в деловом доме Эгиби	232
11	И. Г. Левин (Ленинград), Арамейский повествовательный репертуар периода поздней древности (Аггада)	254
	Summaries	283
	Список сокращений	311

S U M M A R I E S

<i>Igor Diakonoff</i> , Types of Ethnic Movements in Early Antiquity (End of the 4th to the beginning of the 1st millennium B. C.)	283
<i>Nerses Mekertčyan</i> , Substratum Plant Names in Armenian	286
<i>Aršaluys Papasyan</i> , On Some Constructions of Motifs in the OT Narrative	287
<i>Irina Kaneva</i> , Verbal Construction Denoting Possession in Sumerian	288
<i>Larisa Bobrova</i> , "Feast" in Ancient Sumer	289
<i>Krystyna Łyczkowska</i> , Economic Activities of the Women of PŪŠUKĒN's House (Aššur, beginning of the 2nd millennium B. C.)	289
<i>Juri Vartanov</i> , On the Origin of the Semitic Names of Metals	291
<i>Vladimir Jakobson</i> , New Data Concerning Babylonian Economy (Letter TIM I, 8)	293
<i>Nelly Kozyreva</i> , Reflection of Historical Events in Private Documents and Economic Records of the Old Babylonian Period	295
<i>Emma Khanzadyan, Gagik Sarkisyan, Igor Diakonoff</i> , A XVI cent. B. C. Babylonian Weight-Stone with a Cuneiform Inscription from the Metsamor Excavations (1. The Circumstances of Recovery of the Weight. 2. The Cuneiform Inscription on the Weight)	295
<i>Golda Kaplan</i> , The Present, Preterite and Perfect in the Middle Assyrian Laws	297
<i>Valeri Khačatryan</i> , South-Western Provinces of the Hittite Kingdom (Questions of Toponymics)	300
<i>Margaret Khačikyan</i> , Notes on Hurrian and Urartian Grammar	301
<i>Peter Calmeyer</i> , The Symbol of Ḫaldi	302
<i>Nicolai Harouthiounyan</i> , A New Urartian Inscription from Sisian	304
<i>Mirjo Salvini</i> , The Spread of the Urartian Influence in the East	308
<i>Anahit Martirosyan</i> , Credit Operations of the Business House Egibi	309

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

4

Редактор издательства *В. В. Амирханян*
 Художник *Л. А. Садоян*
 Худож. редактор *Г. Н. Горцакалян*
 Тех. редактор *А. М. Манучарян*
 Корректор *Л. С. Азатян*

ИБ № 647

Сдано в набор 9.03.1982. Подписано к печати 25.08.1983. ВФ 04494.
 Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт латинский, высокая печать.
 Печ. л. 19,75+2 вкл. Усл. печ. л. 18,83 краска отиск. Учетно-изд. л.
 17,57. Тираж 1000. Зак. № 306. Изд. № 5771. Цена 2 р. 70 к.

Издательство АН Арм. ССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г.
 Типография Изд. АН Арм. ССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24.